

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Сборник материалов V Международной
научно-практической конференции
(30 ноября – 2 декабря 2015 г.)*

Ответственный за выпуск
Н. П. Коцева

Красноярск
СФУ
2016

УДК 314.7(571.1/.5)(082)
ББК 60.73-5(253)я43
С718

С718 **Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках** : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (30 ноября – 2 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс] / отв. за выпуск Н. П. Копцева. – Электрон. дан. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – Систем. требования: PC не ниже класса PentiumI; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7638-3447-5

Представлены тезисы научных работ по вопросам управления миграционными процессами, современной миграционной политики, социокультурной адаптации мигрантов как фактору этнической мобильности, а также проблемам обучения русскому языку как иностранному.

Предназначен специалистам в области межнациональных и миграционных отношений, этнологии и религиоведения, а также преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 314.7(571.1/.5)(082)
ББК 60.73-5(253)я43

ISBN 978-5-7638-3447-5

© Сибирский федеральный университет, 2016

Электронное учебное издание

Корректор *Т. И. Тайгина*
Компьютерная верстка *Д. Р. Мазай*

Подписано в свет 31.05.2016. Заказ № 857
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391)206-21-49, 206-26-59.
E-mail rio@sfu-kras.ru, <http://rio.sfu-kras.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Резолюция международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (30 ноября – 2 декабря 2015 года).....	9
--	---

Секция 1. АКТУАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ

<i>Савинов Леонид Вячеславович</i> Миграция как фактор региональной этнополитики в Сибирском федеральном округе	12
---	----

<i>Дятлов Виктор Иннокентьевич</i> Этнические рынки постсоветской эпохи: ускользящий объект исследовательского внимания.....	26
--	----

<i>Григоричев Константин Вадимович</i> Мигрантские локальности: gated spaces или точки доступа?	30
--	----

<i>Погодаев Николай Петрович</i> Проблемы освоения русского языка студентами-мигрантами из Таджикистана в университетском пространстве Томска.....	36
--	----

<i>Немировский Валентин Геннадьевич, Немировская Анна Валентиновна</i> Динамика и факторы миграционных процессов в Красноярском крае в 2010–2014 годах	43
--	----

<i>Лукина Антонида Константиновна</i> Ценности и жизненные ориентации старшеклассников Красноярска: сравнительный анализ.....	53
---	----

Секция 2. УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

<i>Федюкина Ксения Александровна</i> Образ иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края	62
---	----

<i>Лысенко Ирина Сергеевна</i> Межэтнические отношения в студенческой среде (по результатам опроса студентов СИБГАУ имени академика М. Ф. Решетнёва)	65
--	----

<i>Никуленков Василий Валентинович</i> Участие иностранных студентов Красноярского края в молодежных международных проектах как направление публичной дипломатии, популяризирующее достоверную историю Великой Отечественной Войны	71
<i>Жирнова Екатерина Александровна</i> Влияние миграционных процессов на качество образовательной услуги	77
<i>Пастухова Кристина Игоревна, Лыткина Анастасия Юрьевна</i> Влияние трудовой миграции на инновационное развитие Красноярского края	81
<i>Кочерова Анастасия Викторовна, Резникова Ксения Вячеславовна</i> Динамика изменений социальных часов в русской культуре второй половины XX – начале XXI века	84
<i>Зобнин Василий Сергеевич, Спиглазова Татьяна Геннадьевна</i> Эколого-правовые проблемы, связанные с миграционными процессами.....	95
<i>Севруженко Наталья Сергеевна, Кистова Анастасия Викторовна</i> Корейцы в современной России: роль этнического меньшинства.....	99
<i>Дроган Алина Константиновна</i> Миграционная политика России: нужна ли нам замещающая миграция.....	105
<i>Попова Юлия Владимировна, Смолянинова Ольга Георгиевна</i> Формирование и оценивание поликультурной компетенции студентов сибирского федерального университета как социальная инновация в управлении миграционными процессами	108
Секция 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Смолянинова Ольга Георгиевна, Назаренко Елена Михайловна</i> Современные миграционные процессы на территории Красноярского края	114
<i>Смолина Майя Гавриловна</i> О культурной рефлексии взаимодействия своей и чужой культур.....	117
<i>Коренева Вера Викторовна</i> Значение стереотипов для межкультурной коммуникации	130
<i>Коваль Екатерина Михайловна, Касенова Надежда Николаевна</i> Работа с детьми-мигрантами в начальной школе и их социокультурная адаптация.....	134

<i>Тунгушева Мадина Оразбековна, Касенова Надежда Николаевна</i> Формирование этнической мобильности у современных студентов, обучающихся в педагогическом вузе	138
<i>Бережнова Майя Ивановна, Пименова Наталья Николаевна</i> Рост культурного разнообразия как результат межэтнических контактов: якуты с озера Ессей	141
<i>Московских Анастасия Валерьевна, Кистова Анастасия Викторовна</i> Влияние польских эмигрантов на культуру Сибири	148
<i>Дубенкина Юлия Андреевна, Касенова Надежда Николаевна</i> Социокультурная адаптация детей-мигрантов в начальной школе	155
<i>Авдоница Евгения Юрьевна, Сертакова Екатерина Анатольевна</i> Тема миграции в современном кинематографе: рефлексия над проблемой	158

Секция 4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

<i>Виссарионова Татьяна Дмитриевна, Константинова Алёна Владимировна, Дубкова Николь Николаевна</i> История Ислама на территории Красноярского края в постсоветский период	164
<i>Дайнеко Яна Михайловна, Смолянинова Ольга Геннадьевна</i> Межкультурное образование и развитие толерантности: адаптация опыта Европы в СФУ	168
<i>Порхачёв Илья Игоревич, Букова Мария Игоревна</i> Стигма и норма: три дискурса «лица кавказской национальности» в России	176
<i>Макласова Екатерина Владимировна, Лутошкина Виктория Николаевна</i> Формирование гражданской идентичности в младшем школьном возрасте в условиях миграционных процессов внутри страны	182
<i>Малофеев Николай Мифодьевич</i> Формирование толерантности в среде сибирских школьников и культурные коды	185
<i>Яненко Ольга Николаевна, Каланеп Юлия Августовна</i> Контент-анализ научных публикаций по проблеме миграционных процессов в Российской Федерации	191
<i>Вебер Катарина Александровна</i> Комплексный проект по социокультурной адаптации мигрантов в Красноярском крае. Организация целевых групп заинтересованной молодежи для работы по социокультурной адаптации мигрантов в Красноярском крае	199

Динь Тхи Тху Зунг, Дятлов Виктор Иннокентьевич
Социокультурная адаптация другого уровня: вьетнамские учебные мигранты
и дети мигрантов (на примере города Иркутска)..... 203

Федоренко Елена Юрьевна
Задачи образования в условиях поликультурного общества..... 207

**Секция 5. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯЗЫК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Титова Татьяна Алексеевна, Вятчина Мария Васильевна
Социальные контакты женщин-мигрантов в контексте их лингвокультурных
ориентаций (на примере Республики Татарстан)..... 216

Карелина Валерия Александровна
Русский Язык как государственный язык РФ и язык межэтнической
коммуникации..... 221

Косолапова Татьяна Сергеевна
Программа комплексного языкового сопровождения младших школьников-
инофонов в процессе освоения дисциплины «Окружающий мир» 223

Мартыненко Анна Сергеевна, Юденко Юлия Романовна
Метод проектов как способ повышения уровня владения русским языком
у младших школьников-инофонов 226

Пономарева Анна Игоревна
Программа обучения русскому языку как иностранному..... 228

Апаева Нургуль Сериковна, Касенова Надежда Николаевна
Педагогический опыт по работе с детьми-инофонами в начальной школе 230

Дорохова Полина Викторовна
Психологические основы обучения русскому языку как иностранному 233

Сизов Павел Николаевич, Скочилова Вероника Геннадьевна
Конфликтогенный потенциал политизации этничности..... 236

**Секция 6. РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ МИГРАЦИОННОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Коришунова Вера Владимировна
Опыт организации поликультурного центра непрерывного образования
в Сибирском федеральном университете..... 240

<i>Родак Олеся Игоревна</i> Россия без мигрантов в эпоху глобализации	245
<i>Шинкевич Дарья Сергеевна</i> Европейский союз принимает беженцев: нормативные предпосылки движения миграционных потоков 2015 года.....	247
<i>Подъяпольский Сергей Александрович</i> Советская национальная политика 1960-х – начала 1980-х годов	251
<i>Евтюгина Анастасия Вадимовна, Зайнитдинов Николай Александрович</i> Правовое положение мигрантов с Украины в Российской Федерации	274
<i>Шестопалова Дарья Сергеевна, Сошина Ирина Сергеевна, Копцева Наталья Петровна</i> Инкультурация как инструмент интеграции мигрантов в современное российское общество	278
<i>Юсупов Абдулазиз Мадаминжанович, Антипина Алёна Владимировна, Павлова Кристина Вячеславовна, Замараева Юлия Сергеевна</i> Отношение к современным процессам в Исламском мире.....	285
<i>Игнатъева Татьяна Олеговна</i> Проблемы миграции после распада СССР	295
Секция 7. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ РАБОТЫ В РЕГИОНАХ	
<i>Середкина Наталья Николаевна</i> Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования.....	298
<i>Никитина Мария Александровна, Дрибница Екатерина Андреевна, Середкина Наталья Николаевна</i> Характер присутствия национально-культурных объединений в современном медиа-пространстве Красноярского края и сети «Интернет».....	303
<i>Суевалова Снежана Васильевна, Павельева Эвелина Анатольевна</i> Роль диаспор в системе международных отношений на примере Красноярского края.....	306
<i>Касенова Надежда Николаевна</i> Национально-культурные объединения г. Новосибирска (на примере студенческих землячеств)	309

Филько Антонина Игоревна, Коцева Наталья Петровна
Этнокультурные образы аборигенов в Краеведческом музее г. Красноярска 314

Кочеткова Людмила Юрьевна, Шарыгин Михаил Дмитриевич
Социально-экономические характеристики этнических меньшинств
в Великобритании..... 318

Секция 8. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Пименова Наталья Николаевна
Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов
Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки..... 324

Либаква Наталья Мизхайловна
Аккультурационный стресс и технологии его преодоления..... 329

Кудрина Марина Олеговна, Середкина Наталья Николаевна
Символическое различие этнических границ в концепции Ф. Барта 334

Кистова Анастасия Викторовна
Концепция этногенеза С. М. Широкого 338

Резникова Ксения Вячеславовна
Образ мигрантов в представлениях современных студентов 343

Букова Мария Игоревна
Особенности этнокультурного самосознания этнической группы чулымцев,
компактно проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района 349

Колесник Мария Александровна
Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде г. Красноярска
по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» 353

Конюкова Инна Николаевна
Появление «новых» этнокультурных групп
в Красноярском крае: опыт этнической группы чулымцев 357

Пчёлкина Дарья Сергеевна
Современные социальные институты формирования позитивной чувашской
идентичности в Красноярском крае 362

Рассказчикова Альбина Андреевна
Институционализация этничности в закрытом городе на примере местной
общественной организации «Полония Железногорска» (Красноярский край) 366

**РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»
(30 НОЯБРЯ – 2 ДЕКАБРЯ 2015 ГОДА)**

С 30 ноября по 2 декабря 2015 года в г. Красноярске прошла Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (далее – Конференция), организаторами которой выступили Управление общественных связей Губернатора Красноярского края, Управление федеральной миграционной службы Российской Федерации по Красноярскому краю, Сибирский федеральный университет, Оксфордский Российский фонд, Красноярский филиал Российского научно-образовательного культурологического общества. В очной и заочной формах работы конференции приняли участие этнологи, этнополитологи, этносоциологи, культурологи, экономисты, социологи, искусствоведы, специалисты в области этнопедагогики, лингвистики, управления миграционными процессами, представители национальных сообществ, аспиранты, магистранты и студенты старших курсов российских университетов, научные сотрудники академических институтов, в том числе Института социологии РАН, Сибирского Института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Иркутского государственного университета, Новосибирского государственного педагогического университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Томского государственного университета, Сибирского федерального университета, Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, Красноярского государственного аграрного университета, Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М. Ф. Решетнева и т. д.

В ходе пленарного заседания Конференции, работы круглого стола и секций состоялось обсуждение федеральных и региональных законодательных актов в области миграционной политики и этнической мобильности, результатов теоретических и прикладных научных исследований (в области истории, политологии, юриспруденции, экономики, социальной (культурной) антропологии, социологии, культурологии и др.), связанных с проблематикой глобальных и региональных этнических миграционных процессов.

Участники конференции считают необходимой дальнейшую разработку концептуальных и программных документов в области национальной государственной политики Российской Федерации в Красноярском крае и других сибирских регионах, поскольку эти регионы имеют собственную специфику, связанную с политэтничностью и поликонфессиональностью проживающего и работающего здесь населения, с притоком большого количества мигрантов из-за рубежа.

В ходе обсуждения представленных докладов и в процессе работы круглого стола участники конференции сделали следующие рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации, образовательных и культурных учреждений, работающих в сфере национальной политики, в том числе в аспекте этнических миграционных процессов в Центральной Сибири:

1. В субъектах Российской Федерации должна быть организована постоянная работа специализированных координационных и экспертных советов, включающих представителей органов власти, общественных организаций, экспертов-аналитиков (из числа ученых-исследователей), в обязанности которых будут входить информационные, экспертно-аналитические, координирующие, социально-коммуникативные функции, связанные с разработкой и реализацией программных документов в области государственной национальной политики с учетом специфики конкретных регионов – субъектов Российской Федерации.

2. Высшим учебным заведениям и научно-исследовательским сообществам необходимо включить в содержание профессионального образования, тематику научных исследований теоретические и прикладные проекты по совершенствованию государственной национальной и миграционной политики, эффективному управлению миграционными процессами, разработке механизмов интеграции и адаптации иммигрантов в местную социокультурную среду, межкультурной коммуникации, обновлению педагогических и социально-культурных практик в связи с повышением социальной значимости межнациональных отношений в Российской Федерации и в сопредельных с нею государствах.

3. Российские университеты должны выступить организаторами специального социально-коммуникативного пространства, где вопросы государственной (в том числе региональной) национальной политики найдут самое широкое общественное обсуждение и будут формироваться запросы на создание и внедрение конкретных научно-исследовательских, педагогических, социально-культурных, политических и других проектов, связанных с постоянным совершенствованием государственной национальной и миграционной политики, созданием крепких и позитивных межнациональных (межкультурных, межэтнических, межконфессиональных и иных) социальных связей и отношений.

4. Участники Конференции рекомендуют организаторам Конференции расширить очное участие в конференции высококвалифицированных экспертов российского и мирового уровня в качестве докладчиков, а также предусмотреть дискуссионные площадки, связанные с обсуждением конкретных проектов в области современной российской национальной политики.

Секция 1

АКТУАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Тема миграции и атропопотоков в современном мире приобретает особую значимость в силу того, что они ведут к встрече, а чаще столкновению культур, языков, традиций и образа жизни. Для России проблема актуальна и в силу слабой разработанности теоретических и практико-прикладных аспектов управления общественными отношениями, формируемыми этими процессами.

Хороших ответов на вызовы глобальных миграционных процессов, к сожалению, не найдено и в рамках зарубежной научной мысли. Сформулированная в начале 1970-х годов прошлого века концепция мультикультурализма сегодня все чаще критикуется. Вслед за лидерами крупнейших европейских демократий Д. Кемероном, Н. Саркози, А. Меркель и др. большинство экспертов и ученых все чаще подвергают сомнению базовые основы мультикультурализма как государственной политики в сфере межэтнических отношений, а также гражданской (политической по своей природе) и культурной интеграции в условиях новых реалий. Критика мультикультурализма прозвучала и в одной из программных статей В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹.

Именно поэтому ведущими этнополитологами предлагаются альтернативные модели решения так называемого «национального вопроса». Из последних новел обращает внимание модель интеркультурализма, поддерживаемая и разрабатываемая для российских условий Э. А. Паиным. Согласно данной позиции, «интеркультурализм предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей гражданской ответственностью за свою страну»². Примерно так, по словам российского этнополитолога, трактуется интеркультурализм в коллективной монографии брюссельского Центра политических исследований (CEPS)³.

В связи с этим представляется актуальной научная дискуссия о содержании интеркультурализма и разведения его с идеологий и социальной практикой интернационализма советского периода. Интеркультурализм – это но-

---

¹ Путин В. Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

² Паин Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России. 2011. № 20. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

³ Interculturalism. Europe and its Muslims in Search of Sound Societal Models / Ed. by Michael Emerson. Brussels: Center for European Policy Studies, 2011.

вое вино в старые меха или старое вино в новые меха? Или же это действительно новое слово в теории и практике этнополитики и решении проблем, связанных с миграционными процессами?

Любая модель этнополитики, будь то монокультурализм, мультикультурализм или же интеркультурализм – это всегда совокупное решение о двух вещах: совпадении политических (гражданских) и культурных (этнических) границ в рамках многосоставного общества и содержании политического проекта гражданской нации. В рамках такого понимания советский интернационализм – это интеркультурализм, освященный и поддерживаемый определенным политическим содержанием – коммунистической идеологией. Цель этого проекта определялась поддержкой и развитием культурного многообразия в рамках единой новой гражданской (политической) общности – советского народа.

Отметим, что цель любой этнополитики – это достижение и удержание определенных культурных и политических идентичностей. И потому этнополитика всегда инструментальна и конструируется политическими акторами, прежде всего государством и другими этническими антрепренерами.

Глобальные миграционные процессы значительно усиливают проблемы не только идентичностей самой разной природы и уровней, но и культурной (этнической и религиозной) и политической (гражданской) лояльности. Указанные проблемы значительно обостряются на фоне и в контексте встречи и/или столкновения принимающего сообщества и мигрантов, представляющих разные социокультурные миры. Происходит контакт мировоззренческих позиций и поведенческих практик, определяемых результатами социализации в обществах исхода и ресоциализации в обществах временного или постоянного прихода.

Потенциальная опасность фактора миграции подтверждается и результатами исследовательского проекта «Национальность и безопасность России в оценках экспертов», проведенного в 2010 г. Институтом социологии РАН совместно с исследовательской группой ЦИРКОН¹. Указанное исследование показало, что среди социальных угроз национальной безопасности России напряженность в межэтнических отношениях и рост числа мигрантов являются тесно связанными угрозами.

Содержательный анализ современных дискуссий о миграции и ее влиянии на политические, социально-экономические, культурные и иные процессы позволяет выделить как минимум три смысловых поля рассматриваемой проблемы: миграция как социальное явление, миграция как социальный процесс и миграция как социальная проблема. Понимание миграции как сложно структурированного феномена требует междисциплинарного и системного подхода к его изучению.

---

¹ Национальность и безопасность России в оценках экспертов. Аналитический отчет по результатам экспертного опроса // Режим доступа: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Gorshkov_analit_otchet.pdf. 25.01.2012.

Итак, исследование миграции невозможно без системного выявления его сущностных и содержательных характеристик. В связи с этим в нашей работе при анализе миграции и этнополитики как взаимосвязанных явлений использованы главным образом идеи постнационального гражданства, кросс-культурного обмена и мультикультурализма, разработанные в трудах Ю. Хабермаса, У. Кимлики, Д. Розенау и др.¹ Контекстный анализ особенностей взаимовлияния миграции и этнополитики в России основан на результатах научных достижений А. Вишневого, С. Градиоровского, М. Денисенко, В. Дятлова, Ю. Ефимова, Ж. Зайончковской, В. Мукомеля, В. Переведенцева и т. д.²

В Российской Федерации в условиях сложной регионализации и специфики территорий, связанных с особенностями их исторического и культурного развития, роль государства как основного политического актора по управлению миграционными процессами и субъекта этнополитики значительно возрастает. Органы государственной власти в этих условиях должны предложить адекватные политико-административные и нормативно-правовые ответы на миграционные вызовы. Вместе с тем значительно возрастает и роль местного самоуправления как уровня власти, максимально приближенного к конкретному человеку и локальным сообществам. Проблема миграции также должна быть в сфере пристального внимания институтов гражданского общества: политических партий и общественных движений, СМИ, церкви и т. п.

Решение указанных проблем является важнейшей задачей органов государственной власти и местного самоуправления в рамках формулирования и реализации государственной и муниципальной этнополитики. При этом данные проблемы продуцируют значимые риски и угрозы во взаимоотношениях между различными коренными сибиряками и новыми диаспоральными группами. Эти же проблемы усиливают напряжение во властной вертикали по линии «центр – регионы», то есть проблемы реального федерализма.

В связи с этим управление миграционными процессами видится в решении двух взаимосвязанных задач:

а) интеграция мигрантов в современное российское общество – включение в социокультурное, экономическое, политическое пространство;

б) принятие мигрантов российским обществом, различными социальными группами и россиянами в отдельности как культурно иных и других, но не чужих.

---

¹ См.: Kymlicka W., Norman W. (eds.) *Citizenship in diverse societies*. Oxford, 2000.

² См.: Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006; Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М., 2005; Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад; под ред. С. Н. Градиоровского. М., 2005; Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000; Ефимов Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем. М., 2005; Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Миграция и демографический кризис в России. М., 2011; Мукомель В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005; Переведенцев В. И. Миграция населения и демографическое будущее России (научно-аналитический доклад). М., 2003.

Сибирь как региональное сообщество в этом случае выступает примером суперрегиона, который исторически формировался под сильным влиянием миграционных процессов¹. Однако, как отмечают авторы исследовательского проекта «Миграция и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири XIX – начала XXI века», при всей схожести миграционной ситуации в Российской империи и Советском Союзе с современной Россией есть и качественные принципиальные отличия. Присоединение Сибири к России шло как освоение «пустого» пространства. Сейчас же трансграничные миграции являются механизмом постепенного «исключения» Сибири из российского пространства. При этом авторы проекта справедливо видят Сибирь не столько территорией, сколько специфическим типом организации общества с особым укладом культуры и традиций, исторически формирующимся и развивающимся за Уралом².

В этих условиях Сибирь в рамках системного анализа можно рассматривать как черный ящик в высокой доле неопределенности, на входе в который сибирское общество имеет масштабный входящий миграционный поток, а на выходе – многочисленные проблемы социокультурного, экономического и политического характера.

Анализ исследовательских достижений российских ученых позволяет выделить четыре основных направления интеграции мигрантов в современное российское общество: экономическое, политическое, социокультурное и в рамках социальной подсистемы родства (по Т. Парсонсу).

Возможности и уровень интеграции в этих сферах мы попытались выявить в ходе углубленных интервью с мигрантами и экспертами, проведенных в 2008 и 2011 годах. Ранжированные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень интеграции в российское общество

Социальная сфера (подсистема)	1990-е годы	2000-е годы	2010-е годы*
Экономика	1	1–2	2–3
Политика	3–4	2–3	1–2
Культура	2	3–4	3–4
Родство	4	3	3

* в основном, прогнозные значения.

¹ Проблематика миграции и этнополитики в Сибирском федеральном округе (СФО) является одним из направлений нашего исследовательского проекта, который был начат в 2001 г. и продолжается по сегодняшний день. В ходе исследования были проведены социологические замеры с использованием количественных и качественных методов в семи субъектах СФО: Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской и Иркутской областях, в республиках Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, а также Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. Опросы по репрезентативной квотной выборке (статистическая погрешность +/-3,7 %), экспертные интервью и фокус-группы проводились в 2001, 2004, 2008 и 2011 гг.

² См.: Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. 640 с.

Как мы видим, за прошедшие годы ситуация сильно изменилась и требует дополнительного анализа и осмысления. В 90-е годы прошлого века мотивации и устремления к интеграции были в основном в сфере экономики и культуры. Мигранты 1990-х годов наряду с желанием найти работу и доходы еще помнили единое языковое и культурное пространство и пытались его сохранить. При этом мигранты того периода практически не ставили цели создания семьи (в том числе и смешанного брака) либо вывоза семьи в Россию.

В 2000-е годы приоритеты уже меняются, и мы видим смещение интеграционных настроений. Экономическая мотивация все еще преобладает, однако и стремление к укоренению с вывозом семьи и получением гражданства становятся в этот период значимыми для мигрантов. В те же годы заметно падение интереса к культурной включенности в принимающее сообщество. В 2000–2010 годах в Россию едут в основном те, кто основательно забыл общее культурное прошлое либо его никогда не знал. И именно в 2000-е годы наблюдается значительный рост активности диаспор в формировании национально-культурных автономий и организаций.

Начало 2010-х годов отмечено резким интересом мигрантов к политической включенности: получение гражданства и участие в электоральных процессах. Еще во второй половине 2000-х годов мы наблюдали усиление требований руководителей эмигрантских сообществ сибирских городов к их включению в различного рода совещательные и консультативные структуры при органах государственной власти и местного самоуправления. Выборы в Государственную думу 2011 года показали, что этнический фактор стал одним из приоритетных в предвыборной борьбе. Этим и пытались воспользоваться элиты этнических диаспор, иногда выдвигая уже политические требования участия в местном самоуправлении.

Результаты наших социологических опросов и экспертных оценок также свидетельствуют о том, что в СФО (скорее всего и в рамках Российской Федерации) значительно изменились мотивации и претензии иммигрантов. Трудовая (экономическая) мотивация постепенно замещается социальной мотивацией в широком смысле и, как следствие, требованиями политического и культурного содержания. И если в 90-е годы прошлого века миграция в значительной степени была трудовой и временной, то в нулевые годы XX века она все больше имела тенденцию к приобретению гражданства РФ. И сегодня эта тенденция все более укрепляется.

С позиций экономической науки и классической политэкономии данный феномен, по нашему мнению, наиболее корректно объясним в рамках теории дуальной экономики, а также дуальных и сегментированных рынков труда¹.

---

¹ См.: Винер Б. Е., Тавровский А. В. Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 4. С.97–121.

В концепции дуальной экономики ядро характеризуется «высокой интенсивностью капитала, вертикальной интеграцией производства, технологическими инновациями, национальным или международным масштабом, диверсификацией, высокими прибылями, монополистической властью на товарных рынках, организацией внутреннего трудового рынка и т. д. Эти характеристики гораздо меньше выражены на периферии»¹. Причем ядро включает в основном «хорошие» рабочие места, а периферия – все остальные. При этом понятие «дуализм» относится к трем взаимосвязанным, но не тождественным позициям:

1) дуальной экономике, то есть разделению экономики на ядро и периферийные отрасли на основе рыночной власти;

2) дуальному рынку труда, то есть классификации рынков труда (для найма и продвижения) как обеспечивающих или необеспечивающих рабочих защищенностью труда и лестницами внутреннего продвижения;

3) дуальной рабочей силе, то есть разделению рабочей силы на более или менее привилегированные, не конкурирующие между собой категории работников (к примеру, этнические). Люди, принадлежащие к «первичным» (привилегированным) категориям рабочей силы, обычно получают работу в ядре экономики. Рынки труда в экономическом ядре имеют тенденцию быть внутренними (первичными). Так, например, взрослых белых мужчин мы находим на внутренних рынках труда в экономическом ядре, где высокая зарплата, комфортные условия и хорошая защищенность труда².

В случае с современной Россией мы имеем экономическое ядро и периферию в двух представлениях: внутреннем и внешнем. Внутри России имеется центр – столица и периферия – ее окраины, главным образом Сибирь и Дальний Восток. Во внешнем представлении сама Российская Федерация выступает ядром по отношению к большинству бывших советских республик, ныне суверенных государств.

Помимо ядра и периферии в литературе можно также встретить выделение в особые сегменты экономики анклавных рынков, в том числе этнических. Такие рынки труда сегодня широко обсуждаются в социологии межэтнических отношений. Эти рынки описываются как дополнение к монополистическим фирмам (первичный рынок труда) и мелким фирмам (вторичный рынок труда). Но в отличие от вторичного рынка, где инвестиции в человеческий капитал не окупаются, в анклавной экономике инвестиции работников-мигрантов в человеческий капитал окупаются подобно тому, как это происходит на первичном рынке. В ядре экономики монополистические фирмы вертикально и горизонтально интегрированы. На периферии действует много

---

¹ Sakamoto A. Labor market structure, human capital, and earnings inequality in metropolitan areas // *Social Forces*. 1988. Vol. 67. № 1. P. 89.

² См.: Simpson I. H. The sociology of work: where have the workers gone? // *Social Forces*. 1989. Vol. 67. № 3. P. 567.

малых, «атомизированных» бизнесов. Анклавная экономика состоит из кластера малых бизнесов, которые горизонтально и вертикально интегрированы между собой¹.

В связи со значительными трудовыми миграциями в крупных городах Сибири мы можем выделить целые отрасли экономики, в которых доля мигрантов становится доминирующей: строительство, торговля, ЖКХ, транспорт, сфера обслуживания.

Другой важной стороной инкорпорации мигрантов является проблема их интеграции в новые политические реалии (государство, гражданство, политическое участие и др.) и политическую культуру принимающего общества. И здесь необходимо отметить работы уральского политолога А. Чеснокова².

Как справедливо указывает автор, одним из главных инструментов интеграции иммигрантов в принимающее общество является практика предоставления политических прав в форме участия в выборах, как правило, на местном уровне. Вместе с тем электоральными правами политические права иммигрантов не ограничиваются. Другим важнейшим инструментом интеграции является привлечение иммигрантов к общественной жизни. И обычно такое привлечение происходит в двух формах.

Первая форма – это создание специальных консультативных структур при исполнительных и законодательных органах власти (на местном или региональном уровнях), в которые должны войти представители институционализированных сообществ иммигрантов – выходцы из одного государства или представители определенных этнических групп, постоянно проживающих на территории соответствующих территориальных образований. Как правило, такие сообщества объединяют как иммигрантов-неграждан, так и иммигрантов, уже ставших гражданами принявшего их государства. Консультативные структуры при официальных органах власти обладают совещательными функциями и имеют право принимать участие в обсуждении решений органов власти в той их части, которая непосредственно касается иммигрантских общин.

Второй формой привлечения иммигрантов к общественной жизни является поощрение их участия (в допустимых действующими законами рамках) в деятельности уже существующих в стране приема различных общественных и политических организаций (политические партии, профессиональные союзы, средства массовой информации и коммуникации, благотворительные, правозащитные, религиозные и иные). Будучи институтами гражданского общества, такие организации, с одной стороны, способствуют комплексной

---

¹ Более подробно о мигрантах в сфере малого и среднего бизнеса России см.: Дайджест исследования «Миграция как фактор развития малого и среднего бизнеса и экономики России». Режим доступа: <http://opora.ru/analysis/research/5325>. 21.01.2012.

² См.: Чесноков А. С. Политика регулирования миграционных процессов во второй половине XX – начале XXI века. Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 2009. 166 с.; Чесноков А. С. Теоретико-методологические подходы к анализу влияния миграции на политические процессы // Социум и власть. 2009. № 1. С. 50–54.

интеграции иммигрантов в социально-политическую структуру принимающей страны, а с другой стороны – позволяют иммигрантам более эффективно защищать и лоббировать свои интересы за счет институционализации групп иммигрантов и использования разрешенных в данной стране каналов и инструментов диалога с органами власти.

Именно через общественные организации, как небезосновательно полагает А. Чесновков, государства, принимающие иммигрантов, могут успешно осуществлять различные интеграционные проекты: от распространения общей информации о различных аспектах социальной, культурной и экономической жизни в принимающей стране, организации содействия в трудоустройстве и получении образования до осведомления иностранцев об имеющихся у них правах и обязанностях и пропаганды избирательной и гражданской активности среди неграждан и натурализованных граждан¹.

В Послании Президента РФ Д. Медведева Федеральному собранию в ноябре 2008 года понятия «российская нация» и «единство многонационального народа» получили серьезную политическую поддержку². Однако ни российская нация, ни ее единство невозможно без адекватной историческому времени и социальному пространству государственной этнополитики.

В противовес этому в одной из программных статей кандидата в Президенты В. Путина «Россия: национальный вопрос» нет ни одного упоминания российской нации или россиян как сограждан³. На наш взгляд, это свидетельствует как минимум об отсутствии у политической элиты современной России консолидированной и единой позиции по важнейшему вопросу политики: сущности и содержанию государственной этнополитики. Фактически речь идет о путях и механизмах решения так называемого национального вопроса, в том числе и по отношению к миграции как основному фактору усложнения этносоциальных процессов.

Как отмечается в исследовании, автором которого является Хеленьяк (2002), в сфере миграции в России стоят четыре основные проблемы:

- 1) утечка мозгов;
- 2) приток мигрантов из стран СНГ;
- 3) депопуляция Сибири;
- 4) превращение России в «миграционный магнит» для иммигрантов из стран с низким уровнем дохода, особенно из Китая и стран Южной Азии⁴.

---

¹ См.: Чесновков А. С. Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах // Социум и власть. 2009. № 4. С. 49–54.

² См.: Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml

³ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Режим доступа: <http://putin2012.ru/#article-2.26.01.2012>.

⁴ См.: Heleniak, T. «Migration Dilemmas Haunt Post-Soviet Russia», Migration Policy Institute. Hill, F., Gaddy, C. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*, Brookings Institution Press, Washington, D.C.

Масштабы последней проблемы пока невелики по сравнению с другими, но она будет приобретать для России всё большее значение по мере того, как в стране будет продолжаться экономический рост, а сотни миллионов жителей континентального Китая станут располагать достаточными для миграции доходами.

Последние опросы свидетельствуют об усилении антимигрантских настроений¹. В количественном выражении степень нетерпимости у россиян не выше, чем у американцев, европейцев и австралийцев. Результаты опросов общественного мнения, которые проводились в семи «иммиграционных» и «неиммиграционных» странах (США, Австралии, Канаде, Великобритании, Франции, Германии и Японии), показывают, что большинство жителей этих стран относятся к иммигрантам со страхом, неприязнью или в лучшем случае – с безразличием (Саймон, 2004). Анализ данных Европейского социального обследования 2003 года об отношении к меньшинствам и мигрантам в разных странах ЕС показал, что в обществах не существует единства по этому вопросу: более молодые граждане, имеющие лучшее образование и более высокий уровень дохода, в меньшей степени выступают против культурного и религиозного разнообразия (EUMC, 2005). Кроме того, важное влияние оказывает уровень подушевого ВВП: в странах с более высоким уровнем дохода в меньшей степени выражен этнический изоляционизм.

Программы упорядочения миграции (известные как амнистии для иммигрантов) применяются в большинстве принимающих стран: с 1967 года в Америке (Канада) и с 1973 года в Европе (Франция). В рамках этих программ предоставляется постоянный или временный легальный статус значительной части имеющих на текущий момент нелегальных мигрантов. Такие программы являются важным инструментом иммиграционной политики в странах Южной Европы, где они проводятся почти непрерывно: в Италии посредством семи программ были легализованы 850 000 работников, в Испании к 2001 году прошло 6 программ, в рамках которых выдано 615 000 разрешений, в программе 2005 года имелось 700 000 заявителей. В Португалии по четырем программам легализовано 180 000 иммигрантов, в Греции в двух программах имелось 570 000 заявителей (Папандополу, 2005). В США на основании закона об иммиграционной реформе и контроле над иммиграцией от 1986 году (крупнейшей иммиграционной амнистии) было выдано 2,7 млн видов на жительство. Нынешняя администрация США также рассматривает возможность проведения новой иммиграционной амнистии, масштабы которой могут оказаться ещё более значительными, охватив 10 млн нелегальных иммигрантов (Борхас, 2004).

Миграционная политика в России следовала опыту развитых стран, где есть те же проблемы старения населения и необходимость привлекать иммигрантов для пополнения рабочей силы. В этих странах политика нередко но-

---

¹ См.: Андриенко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. Аналитические разработки и отчеты. 2006. № 23 (Апрель). С. 27.

сит чрезмерно репрессивный характер, так как в её основе лежат отношения медианного работника, который не обладает высокой квалификацией, поэтому опасается конкуренции на рынке труда. Отрицательное отношение к мигрантам формируется также и из-за страха того, что культурная самоидентификация будет «размыта». В России оба этих момента имеют относительно меньшее значение. Во-первых, здесь подходы и стратегии выстраиваются в интересах высококвалифицированных элит. Во-вторых, подавляющее большинство иммигрантов – этнические русские или русскоязычные жители бывших советских республик. Есть и другие отличия России от стран ОЭСР, в частности потенциал правоприменительных структур гораздо ниже. Поэтому административные барьеры на пути миграции превращаются в источник ренты и взяток для должностных лиц, что приводит к появлению многочисленной нелегальной иммиграции. Согласно нынешним оценкам, в процентном выражении доля нелегальных мигрантов в рабочей силе не меньше той, что наблюдается в США или ЕС. Кроме того, правоохранительные органы в общем менее эффективны, и потому социальные издержки от наличия большого числа нелегальных иммигрантов в России гораздо выше, чем в странах ОЭСР. Такая ситуация предполагает, что российским руководителям вскоре придётся проводить иммиграционную амнистию, подобно тому, что вынуждены делать их западные коллеги¹.

На фоне отрицательного естественного прироста населения мигранты являются важной составляющей трудового потенциала Сибири и России в целом. Сибирь, занимающая пограничное положение с государствами Средней Азии, по степени активности иностранной трудовой миграции занимает одно из первых мест в стране. К настоящему времени сформировалась практика проникновения и расселения мигрантов, а также экономической интеграции субъектов миграции. В связи с чем в Сибири появились совершенно новые проблемы, в том числе этнокультурной безопасности. Возникает вопрос, как организовать сосуществование разных этнических групп на одной территории, чтобы культурный обмен обогащал разные этносы, а не порождал болезненные социальные явления, чтобы регион, принимающий мигрантов, максимально использовал иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического и демографического потенциала².

Судьба концепции миграционной политики складывается непросто. Как заявил Константин Ромодановский, начала она создаваться в 2005 году усилиями 47 структур, после чего долго обсуждалась на разных уровнях. Однако в 2009 году работу пришлось начать с чистого листа³. Концепция дважды рассматривалась на заседаниях правительственной комиссии по миграцион-

---

¹ См.: Андриенко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. Аналитические разработки и отчеты. 2006. № 23 (Апрель). С. 38.

² См.: Иностранцы мигранты в Сибири // Наука в Сибири. 2006. N 49 (2584) 21 декабря. С. 6.

³ См.: Миграция раздора // Режим доступа: <http://top.oprf.ru/main/3813.html>

ной политике. Эксперты признают, что нынешний проект наиболее удачный: он достаточно полно охватывает цели, задачи и механизмы иммиграции, снижает риски по интеграции мигрантов в российское общество. И лишь в июне 2012 года Концепция миграционной политики РФ была утверждена Президентом РФ В. Путиным.

Население России уменьшается, стареет, и с каждым годом все сложнее изыскать ресурсы для инновационного развития. Кроме этого, идёт внутренняя миграция: люди покидают насиженные места и едут в столицы за счастьем и большими заработками. В результате Сибирь и Дальний Восток пустеют (за первые 5 месяцев 2011 года Дальний Восток потерял 6000 человек), и усиление этих регионов становится одной из задач миграционной политики. При обсуждении концепции прозвучали предложения стимулировать миграцию в Сибирь из мест с избыточными трудовыми ресурсами, а к таковым относятся не только Москва и Питер, но и ряд кавказских регионов.

Привлечение мигрантов из-за рубежа – еще один способ увеличения трудовых ресурсов страны. Причём не столько привлечение – и так понятно, что в стране работает большое количество гастарбайтеров, – сколько цивилизованная и описанная в законе процедура, которая поможет активным гражданам из других государств с полным правом жить и работать в России, иметь определённые права и обязанности.

Большое внимание уделяется образовательной миграции, и это вполне обосновано: человек, который окончил в России университет, априори хорошо подготовлен к работе в РФ, ориентируется в законах и традициях, не будет замкнут в родовых и этнических группах.

Важно, чтобы «наши» мигранты хорошо знали русский язык, ориентировались в вопросах истории государства и культуры народа. В связи с этим на слушаниях поднимался вопрос о внедрении балльной системы оценки потенциальных мигрантов. Такие системы уже действуют в Канаде, Австралии и некоторых других странах и помогают путём входных тестов оценить возможность интеграции человека в общество. С одной стороны, такая система имеет определённые перспективы, она лишена коррупционной составляющей и вполне может оказаться работоспособной. С другой стороны, мы знаем, какие сложности окружают широко обсуждаемый ЕГЭ, и понятно, что экзамен для мигрантов вряд ли будет проходить намного проще.

Необходимо подчеркнуть, что страна нуждается в мигрантах, но особого облегчения процедур натурализации в России пока не предвидится и получить российское гражданство мигрантам будет не намного проще, чем сейчас. В отношении семей мигрантов также не ожидается особых послаблений. Поэтому нынешняя концепция – это, скорее, попытка упорядочить существующие отношения, поставить их на законную основу и привлечь в Россию лучших представителей соседних государств, носителей культурной и интеллектуальной собственности, а не устроить массовый приток мигрантов.

В том, что мировой экономический кризис в России еще не миновал, не сомневается уже никто. Одним из показателей тому является активизация потоков иностранных мигрантов на территорию России, в том числе и в регионы Сибирского федерального округа.

В 2011 году границу РФ в пределах территории СФО пересекли 1,7 млн иностранцев, причем въехали на территорию России более 0,95 млн человек, что на 18 % больше уровня 2010 года, а выехали – 0,77 млн человек. Треть иностранцев использует территорию округа как транзитную и направляется далее в регионы центральной России, остальные связывают с Сибирью свои дальнейшие планы на заработки, учебу, путешествия.

В текущем году на территории округа находились 566 тыс. иностранных граждан, что на 14 % больше, чем в 2010 году. Традиционно основную часть иностранцев составляют граждане стран СНГ – более 70 % прибывших. Дальнее зарубежье в основном представлено гражданами КНР. Для работы и проживания иностранцы предпочитают Иркутскую, Новосибирскую области, Красноярский край.

Сегодня на основании разрешения на временное проживание и вида на жительство в регионах Сибири проживает более 58 тыс. иностранных граждан, среди которых преобладают выходцы из стран ближнего зарубежья (Узбекистана, Таджикистана), 16,6 тыс. иностранцев в прошлом году стали гражданами России.

Большинство иностранцев едет в Сибирь в поисках работы. В течение 2011 года на территории Сибирского федерального округа трудились 82 тыс. иностранных граждан из 60 стран. Основу потоков иностранной трудовой миграции составляют представители рабочих специальностей: большая часть иностранных граждан получили разрешение на работу по профессиям подсобный рабочий и грузчик. Иностранные работники, как правило, претендуют на те вакансии, которые не пользуются популярностью у местного населения независимо от образования и готовы выполнять неквалифицированную работу, требующую в первую очередь физического труда. Более 40 % трудовых мигрантов задействованы в сфере строительства, 13 % – в сельском и лесном хозяйстве, 12 % - заняты в обрабатывающих производствах.

Наиболее типичный для Сибири образ трудящегося иностранца – представитель Узбекистана (Таджикистана или Киргизии), в возрасте от 18 до 49 лет, работающий в сфере строительства.

Несмотря на то, что в среде иностранных трудовых мигрантов преобладают неквалифицированные рабочие, прослеживается тенденция увеличения числа квалифицированных специалистов: в 2011 году на территории округа осуществляло трудовую деятельность 1 528 квалифицированных иностранных специалистов.

В течение семи месяцев 2011 года 72 тыс. трудовых мигрантов работали на основании патента у физических лиц (постройка дачных домиков, коттеджей, ремонт квартир, уборка и т. д.).

Для обеспечения приоритетного трудоустройства российских граждан миграционной службой России существенно ужесточены требования к организациям, привлекающим для работы иностранцев. Сведено к минимуму количество работодателей, привлекающих иностранцев для работы в лесной отрасли, сельском хозяйстве, на транспорте и в торговле. Из перечня предприятий, привлекающих иностранную рабочую силу, исключены организации, оказывающие посреднические услуги, а также фирмы-однодневки, не осуществляющие никакой деятельности. Следствием чего стало существенное снижение миграционной нагрузки на российский рынок труда: по состоянию на конец июля 2011 года по данным органов службы занятости на территории округа зарегистрировано 638 902 вакансии и 309 386 безработных. Специальности, на которые привлекаются иностранные работники, не востребованы местным населением.

Возросшая интенсивность миграционных потоков обусловила пристальное внимание органов ФМС России к соблюдению миграционного законодательства РФ как иностранцами, так и гражданами России. В течение 2011 года миграционной службой Сибири выявлено более 268 тыс. правонарушений в сфере миграции, к административной ответственности привлечено более 41 тыс. иностранцев, нарушивших установленный порядок пребывания и трудоустройства. Пресечено 118 каналов незаконной миграции. Бюджет пополнился на 297 тыс. руб., поступивших в виде штрафов за допущенные нарушения.

В отношении нарушителей миграционного законодательства принимаются жесткие меры: 7 тыс. иностранцев закрыт въезд на территорию России, выдворено за пределы РФ 3 тыс. иностранных граждан.

В целом, территория Сибири стала комфортным временным домом для законопослушных иностранцев. Характерное для многонационального населения регионов Сибири добрососедское отношение к представителям иных государств, а также эффективная работа подразделений миграционной службы по выявлению нарушителей российского законодательства обеспечивают отсутствие межнациональных конфликтов и прочих факторов, дестабилизирующих социальную обстановку в регионах Сибири¹.

В результате исследований мы сделали следующие **выводы**:

1. Миграция в Сибирском федеральном округе приобретает в представлениях самых широких слоев населения характер социальной проблемы и угрозы для безопасности личности, общества и государства. Это связано не с объективным увеличением числа мигрантов, а субъективными представлениями об их численности, основанной на визуализации в публичных сферах (торговля, питание, транспорт, ЖКХ и т. д.).

2. По своему внутреннему содержанию и движущим силам миграция из экономической сферы перемещается в сферу социальную и политическую.

---

¹ См.: Миграционная ситуация в Сибирском федеральном округе. Режим доступа: <http://www.fms-nso.ru/ufms/SFO/>

Трудовая миграция все чаще замещается и/или инициируется социальными факторами: более высоким уровнем и качеством жизни, возможностью получения качественного медицинского обслуживания и образования.

3. Высокий уровень обеспечения личной безопасности – значимый фактор для иммигрантов при определении Сибири как региона и территории миграционных предпочтений. Отмечается более низкий по сравнению с центральной и южной Россией уровень враждебности принимающей стороны.

4. Иммигранты из ближнего зарубежья формируют в крупных городах СФО значимые по своей консолидации и возможностям диаспоры, которые стремятся к этнокультурной автономии с использованием политических требований и угроз. Эти диаспоры во многом структурированы по сетевому принципу и управляются неформальными социальными лидерами, многие из которых являются религиозными и/или криминальными авторитетами.

5. Официальные национально-культурные автономии и этнонациональные организации иммигрантов из ближнего зарубежья отличает слабая вовлеченность в них «новых» мигрантов. В большей степени они имеют презентационный характер. Многие лидеры используют статусы руководителей этих структур в качестве инструмента для достижения своих личных либо узкогрупповых (клановых, семейных и др.) политических, экономических и иных целей.

6. Угроза значительного антропопотока из дальнего зарубежья, прежде всего из Китая, субъективная реальность для населения Сибири (по теореме Томаса) и миф как реальность объективная. Число мигрантов из Китая уменьшается с возрастанием экономики Поднебесной. Сибирь уже не приоритетный иммиграционный регион и территория для китайцев. У себя на родине в более комфортных социокультурных условиях потенциальные мигранты сегодня способны получать ожидаемые выгоды.

7. Иммигранты из дальнего зарубежья крайне пассивны в формировании национально-культурных автономий и этнонациональных организаций. При этом они слабо интегрированы в российское цивилизационное, гражданское и политическое пространство.

ЭТНИЧЕСКИЕ РЫНКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВНИМАНИЯ

Ярчайшая примета городской жизни постсоциалистической эпохи – большие и маленькие, иногда огромные рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом; бывшие стадионы, закрытые фабрики, пустыри, заполненные бесконечными рядами торговых прилавков, контейнеров, ангаров, наскоро приспособленных для торговли. Тысячи, иногда десятки тысяч торговцев и покупателей, огромные потоки товаров, денег, услуг. Первозданный на первый взгляд хаос, в котором, как в муравейнике, сформировались свой порядок, система влияния и власти, своя логика отношений и связей.

По определению В. В. Радаева, **розничные рынки** – групповое размещение торговых объектов внемагазинного формата. Независимо от того, располагаются они в крытом строении или под открытым небом, рынки – это объединение торговых объектов, не относящихся к числу капитальных строений.

Рынки стали неотъемлемой и чрезвычайно важной частью процесса краха социалистической модели организации общества и последовавших вслед за этим глобальных трансформаций. Они возникают на огромном пространстве от Китая до Польши и Германии. Вместе с гигантским по масштабам и значению челноничеством они сформировали новый феномен экономической, социальной, политической, культурной жизни.

Это были не пережившие советский строй рудименты восточных базаров и ярмарок, традиционных базаров вообще.

Более того, это не советские колхозные рынки и барахолки (вещевые рынки), пусть даже гипертрофированно разросшиеся; при некотором внешнем сходстве, иногда при генетическом родстве с ними это качественно новый феномен. Новизна предопределялась контекстом – особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Предпринимательством на рынках стали заниматься бывшие советские люди, выросшие в обществе, где профессиональная рыночная деятельность не просто запрещалась государством, но и осуждалась общественным мнением и моралью. На рынки пришла масса людей без рыночного прошлого, без соответствующих традиций, ценностных установок, навыков и опыта. Пришли советские люди, вынужденные жить, работать, взаимодействовать в уже не советской ситуации.

Рынки стали механизмом экономического выживания для огромного количества людей, потерявших прежний статус и источники доходов. Торговля для многих, а может быть и большинства из них, была на первых порах способом существования, а не механизмом получения прибылей.

Для наиболее предприимчивой, энергичной, мотивированной и удачливой части это была стартовая площадка для занятия бизнесом, предпринимательством в полном смысле этого слова.

Помимо этого рынки обрели и другие функции, важные для общества. Они стали на какое-то время ключевым элементом механизма снабжения в условиях полного краха социалистической распределительной системы, жизненно важным институтом снабжения для слоев с низкими доходами.

Роль базаров, рынков, барахолок резко возрастает в кризисные времена, становясь иногда ключевым механизмом выживания.

Довольно быстро рынки стали логистическими узлами новой *системы* торговли, почти сразу трансрегиональной и трансграничной. В качестве начальных и конечных терминалов системы челночной торговли, мест, где формировались торговые потоки и где они заканчивались, рынки интегрировались в глобальную систему отношений – и не только торговых, но и социокультурных.

В качестве механизма по продвижению на формирующиеся потребительские рынки китайских и турецких товаров они практически сразу стали притягивать экономическую активность мигрантов, в т.ч. и трансграничных, превратившись в место и механизм их экономической, социальной и культурной адаптации. Масштабы этого явления оказались таковы, что многие из них стали в глазах городских сообществ этническими – китайскими, киргизскими, кавказскими.

С точки зрения горожан, китайские рынки – это место, где китайцы торгуют китайскими товарами, где звучит китайский язык и представлена китайская бытовая и деловая культура. При этом в чистом виде такой набор встречается крайне редко.

Этнические рынки стали играть важную экономическую, социальную роль в городском пространстве. Они быстро переросли простой формат торговых площадок и превратились в сложные и саморазвивающиеся социальные организмы, сгустки социальных связей, конфликтов, механизмов власти и контроля. Попытки описать и понять этот феномен актуализировали дискуссии вокруг проблем этнической экономики, торговых меньшинств. Сформировавшийся в других контекстах этот теоретический инструментарий оказался здесь вполне работающим и эвристичным. Предмет острых дискуссий в том, насколько человек на таком рынке является «существом экономическим», руководствующимся логикой прибыли и насколько его поведение обусловлено его качествами как этнофора и мигранта.

Концентрация иноязычных и инокультурных мигрантов быстро сделала этнические рынки крупным, возможно и крупнейшим, этническим кластером

на карте многих городов, особенно востока России. В отличие от других, не очень видимых кластеров (гостиниц, общежитий), рынки – это публичная сфера. Здесь постоянно встречается и тесно общается масса людей. Это место контакта – повседневного и обыденного – представителей различных культур. Место и механизм их взаимной адаптации.

С первых дней своего существования этнические рынки стали очень важным видимым и обсуждаемым объектом внимания в городском сообществе, предметом управленческих решений властей всех уровней и «головной боли» по поводу сопровождающего их сгустка проблем и конфликтов.

Рынки приобретали огромное символическое значение, олицетворяли в глазах населения массу новых форм жизни, экономических и культурных практик, способов социальных контактов и отношений.

Постсоветская эпоха в целом закончилась. Вместе с нею уходит в прошлое, в историю и порожденный ею феномен. Эти рынки не исчезают совсем, но меняются сами, главное же меняются их функции и место в обществе. Они маргинализируются, оттесняются на периферию, иногда в прямом смысле выдавливаются на окраины городов. Часто просто исчезают. Закрываются или радикально меняют формат. На месте прежних оптово-розничных рынков под открытым небом появляются предприятия современных форматов – гипермаркеты, молы и т. д. В качестве отдельной отрасли сформировался крупный, высокомеханизированный транспортно-оптовый бизнес. Рынки под открытым небом становятся маргинальной, окраинной частью городского пространства и системы экономических и социальных отношений и связей.

Уходит натура... Уходит почти не замеченная исследовательским сообществом, почти сразу забытая обществом. Это кажется странно, учитывая огромную роль феномена в переходную эпоху и его воздействие на жизненные траектории миллионов людей.

Это ставит сложнейшую исследовательскую задачу – описать и проанализировать текущую ситуацию, попытаться реконструировать ушедшее прошлое. Состояние изученности – несколько кейсов по отдельным рынкам в России, Киргизии, Восточной Европе, Китае. Нет такого массива исследований как по «челнокам». Нет обобщающих, системных работ. Нет взгляда на них как на особый, сложный, комплексный феномен.

Постсоветские рынки в их прежнем виде и прежней роли стали достоянием истории. Радикально сократились возможности их изучения в режиме реального времени, сужается площадка полевых обследований. Самое главное, мы можем изучать сейчас вовсе не те рынки, что были в завершившейся в целом советской эпохе. От социальных антропологов и специалистов по экономической социологии мяч все больше переходит на площадку историков.

Может повториться история с советскими базарами и барахолками, которые в качестве объекта исследовательского внимания ушли безвозвратно.

Это сложная, возможно, уже невыполнимая задача. Революционная эпоха не очень-то заботится об архивах, о сохранении исторической памяти. Ее больше устраивают мифы. Да и сам изучаемый объект, большая часть жизни и деятельности которого находилась в «серой», а иногда и «черной» зоне, не стремился к публичности, скорее наоборот. Огромная масса информации осталась незафиксированной, не отложилась в письменных и визуальных источниках. Важнейший экономический феномен почти не оставил за собой статистического следа.

Задачу исследования осложняет и делает ее одновременно чрезвычайно важной и увлекательной то, что это очень сложный, динамично развивающийся и непрозрачный институт. Российские рынки постсоветской эпохи – это феномен, который находится на перекрестке нескольких важнейших социальных феноменов, соответственно исследовательских проблем. Каждая из них требует отдельного исследовательского внимания, причем внимания представителей различных наук. В идеале – это предмет комплексного анализа историков, экономистов, географов, политологов, социологов, лингвистов, специалистов по экономической социологии, социальной антропологии, урбанистике. Опыт показал, насколько сложно им взаимодействовать, как трудно состыковать концептуальные и терминологические аппараты, переводить с одного научного языка на другой. Возможно, изучение постсоветских рынков заставит в процессе совместной работы находить общий язык.

МИГРАНТСКИЕ ЛОКАЛЬНОСТИ: GATED SPACES ИЛИ ТОЧКИ ДОСТУПА?

Трансграничные мигранты стали неотъемлемой частью повседневности российских городов, по крайней мере, всех региональных центров востока России. Устойчивое включение мигрантов в городскую жизнь наглядно демонстрирует появление в городском пространстве локальностей, маркированных как этномиграционные. Так, в Сибири и на Дальнем Востоке крайне сложно найти город, в котором бы отсутствовал «китайский» рынок (а то и не один), кыргызские торговые ряды, выросшие из рынков под открытым небом в полноценные торговые центры и моллы. Такие мигрантские локальности выходят за пределы собственно городов, появляясь в пригородном пространстве в виде широко представленных в медиа, но мало исследованных «китайских» теплиц, лесопилок и подобных объектов. Этническое маркирование этих локальностей происходит часто за счет появления специальных названий конкретных объектов (например, рынков Шанхай, Маньчжурия, Китай-город в Иркутске) либо категоризации таких объектов. Не редки и другие примеры, когда традиционные названия и категории приобретают этнические коннотации. Уже классическим примером, наверное, могут служить оптовые овощные базы, известные, как правило, среди горожан именно как овощные базы, оптовки, т. е. под названиями, не несущими изначально этнической нагрузки. Однако в современном контексте это понятие (овощебаза) сразу погружает в этномиграционный контекст, поскольку в практиках и стереотипах горожан эта сфера жизни прямо связана с трансграничными мигрантами.

Такие объекты обрастают разветвленной инфраструктурой, занимают нередко довольно обширную территорию и могут быть определены именно как специфические локальности. Они весьма очевидно определены в физическом пространстве (ограды, заборы, ворота и иные маркеры границы). В то же время такие локальности достаточно определенно выделены и в социальном пространстве через комплексы стереотипизированных представлений, формируемых и транслируемых в основном через медиа и электронные средства коммуникации – форумы и комментарии к публикациям в электронных ресурсах.

Вопрос о взаимном влиянии и взаимопроникновении физических и дискурсивных границ таких локальностей довольно сложен. Не претендуя на полноту анализа этой проблемы, покажу противоречивость положений и функций мигрантских локальностей через концепт *gated spaces* (закрытое, исключенное

пространство, определяемое по аналогии с gated community и связанное с ним идей gated living и gated mind), с одной стороны, и актант материального объекта, являющегося точкой пересечения сетей отношений, с другой.

Несмотря на то, что оба этих концепта связаны с мигрантскими локальностями как материальными объектами, имеющими пространственную привязку, их содержание формируется, на мой взгляд, по-разному. Представление о мигрантских локальностях как об исключенных, закрытых пространствах складывается в основном на базе медийных образов, не связанных напрямую с личным опытом. И хотя в основе формирования закрытого пространства и закрытого проживания лежат вполне реальные практики самих мигрантов (возведение границ как средства фиксации дистанции от принимающего общества), само принимающее общество в рефлексиях по поводу таких локальностей опирается именно на медийные образы. Эта реальность медиа, которая, по Никласу Луману, оказывается более реальной, нежели личный опыт, рефлексивируется именно в качестве главной, настоящей реальности, даже если она противоречит личному опыту. В основе второго лежит система нерелексируемых практик, выработанных и реализуемых в повседневности. Таким образом, использование этих двух концептов позволяет рассмотреть мигрантские локальности в перспективе дух реальностей: конструируемой в медиа, но рефлексируемой как настоящая и формируемой нерелексируемыми практиками.

Свои рассуждения построю на примере двух мигрантских локальностей, типичных для крупных городов востока России: китайские рынки и китайские теплицы. Обе эти локальности тесно связаны с пространством городов и пригородов, весьма устойчивы с точки зрения их взаимодействия с принимающими сообществами. В отношении и той и другой локальности сложились устойчивые стереотипы, воспроизводимые в медиа, а также комплексы практик взаимодействия в пределах этих локальностей или по их поводу. Обе локальности могут быть подвижны в физическом пространстве (рынки, как и теплицы, могут «переезжать»), но устойчивы в пространстве социальном. Китайские рынки и китайские теплицы образуют устойчивые и, как правило, визуализированные границы, позволяющие очертить их как локальности. В своих рассуждениях я буду в большей степени опираться на материалы Иркутска, но, как мне кажется, типичность подобных локальностей для востока России дает основания для некоторой генерализации выводов.

Мигрантские локальности gated space

Обе рассматриваемые мною локальности в медийных текстах описываются довольно сходно. Важнейшие черты и рынков, и теплиц как мигрантских локальностей в региональных и местных медиа следующие:

1. *Реализация экономической модели, основанной на этнической/мигрантской солидарности.* Независимо от реальной структуры занятых в

деятельности рынка или теплицы эти локальности описываются как сегмент этнической и мигрантской экономики. Участие в этой модели представителей местных сообществ либо полностью игнорируется, либо позиционируется как вынужденное и заведомо невыгодное. Применительно к рынкам это фигура/роль покупателя, вынужденного приобретать низкокачественные товары без какой-либо гарантии и в неприемлемых условиях. Применительно к теплицам – это покупатели некачественной и даже опасной продукции; эксплуатация маргинализированных групп местного населения, иногда связанная с ущербом здоровью.

2. *Экстралегальность большинства практик (как экономических, так и связанных с другими сферами социальных взаимодействий), бытующих в таких локальностях.* Значительная часть китайских рынков не существует в качестве юридических лиц либо (в лучшем случае) зарегистрирована на российских граждан, а китайские торговцы нанимают в качестве реальных или номинальных продавцов местных жителей. Основная часть экономических транзакций официально не фиксируется, равно как и взаимоотношения торговцев-мигрантов с нанимаемыми продавцами, обслуживающей инфраструктурой да и самими владельцами рынка или территории, где фактически действует рынок. Китайские теплицы возникают незаконно как следствие стремления собственников земли к получению быстрого дохода с наименьшими издержками. Работающие в теплицах мигранты используют запрещенные или неизвестные препараты и семена, нарушают технологии, пользуются практиками, наносящими ущерб окружающим (например, отопление теплиц буржуйками, дым от которых не только вредит местным жителям, но иногда приводит и к более глобальным проблемам (например, в Абаканском аэропорту).

Отмечу, что тезис о незаконности теплиц имеет под собой лишь некоторые основания, хотя и связан, скорее, не с юридической стороной дела (формально, создание теплиц не является нарушением закона), а со спецификой описания пространства и социальной реальности на языке власти. Поскольку в статистические описания такие объекты не попадают, а власть основывается в описании реальности прежде всего на данные статотчетов, то и в «картину мира» теплицы как целостный объект не попадают, фиксируются лишь те или иные проблемы, связанные с ними. Это не является спецификой российской власти. Искажение реальности через ее упрощение в рамках статистических описаний даны Джеймсом Скоттом на примере Германии, Франции и др.

3. *Жесткая граница между мигрантами и принимающими сообществами, выстраиваемая мигрантами.* Практически во всех текстах электронных и печатных СМИ, в телесюжетах фиксируется закрытость мигрантских групп, работающих на рынках и в теплицах. Такая закрытость описывается через непрозрачность внутренней жизни таких локальностей; фактическую неработоспособность юридических норм и правил в пределах этих локальностей. Важными маркерами закрытости становится незнание (или нежелание использовать) русского языка, использование родного языка (в наших случаях – ки-

тайского) в письменных текстах, неизвестных местным жителям технологий, инструментов, материалов и т.п. Эта граница поддерживается именно мигрантами, не желающими идти на контакт, через агрессию, создание собственной системы коммуникации с принимающим сообществом через своих представителей. Чаще всего эта черта описывается как общение с одним из мигрантов, говорящем на русском языке.

4. *Совмещение в локальностях функций экономического пространства и места жительства, обеспечения жизнедеятельности и безопасности.* Как рынки, так и теплицы описываются не только как место работы (как следует из основных функций этих объектов), но часто и как место жительства. Если для китайских рынков эта функция описывалась в публикациях 1990–2000 годов, то теплицы остаются основным местом проживания работающих в них по публикациям текущего года. В обеих локальностях мигранты находят защиту от законных или по крайней мере справедливых требований представителей местных сообществ и власти, предоставляя своего рода экстерриториальность – неполную, часто недостаточную.

Уже выделенные черты, на мой взгляд, позволяют говорить о том, что в медийном дискурсе сформирован вполне законченный образ этих мигрантских локальностей как пространств, исключенных из привычной, нормальной жизни принимающих сообществ. Эти локальности имеют устойчивые физические и символические границы, визуализированные через различные материальные объекты и нематериальные маркеры. Такие границы создаются и поддерживаются в первую очередь мигрантами, для которых границы становятся инструментом фиксации социальной дистанции с принимающим обществом, обеспечивают возможность поддерживать собственную систему внутригрупповых взаимодействий и избегать включения в систему социальных взаимодействий принимающего общества. Подобный способ жизни закрытых сообществ Стэнли Брюнн обозначает как «закрытое/исключенное проживание» (*gated living*). Следствием такой модели жизни он называет «закрытое мышление», на основе которого определяется специфический спектр практик взаимодействия с принимающими сообществами, общей чертой которых является минимизация контактов и неприятие норм живущих вне границ локальности.

Мне представляется, что независимо от обоснованности подобного образа медиа дают вполне законченное представление о мигрантских локальностях как о закрытых пространствах, сообщества которых не готовы, да и не могут идти на контакт с местным населением. В рамках этого образа мигранты оказываются не просто другими, но чужими и даже чуждыми, а занятые ими территории – отторгнутыми их нашего пространства. Это, в свою очередь, порождает ситуацию оспаривания пространства. Ситуацию изначально конфликтную, в которой непростой процесс взаимной адаптации серьезно усложняется борьбой за символическую власть над пространством. Господство этого образа (мы помним, что эта реальность медиа рефлексирована как основная, главная) определяет и практики взаимодействия местного сообщества с

мигрантами, и властные практики регулирования жизни и деятельности мигрантских локальностей. Конфронтационный дискурс, задаваемый образом «исключённого» пространства, определяет характер властных практик, преимущественно ориентированных на вытеснение мигрантских локальностей если не совсем, то на периферию пространства и физического, и социального. Однако результаты такого вытеснения оказываются далеки от желаемых: даже смещаясь в пространстве физическом, такие локальности не изменяют своего положения в социальном пространстве. Возможные причины такой ситуации, на мой взгляд, можно определить взглянув на анализируемые мигрантские локальности сквозь призму второго концепта – сложного актанта, воплощающего материальное пересечение различных социальных сетей.

Мигрантские локальности как точки доступа

Напомню, что в анализе китайских рынков и теплиц как мигрантских локальностей с этих позиций я опираюсь не на рефлекслируемые медийные образы, а, напротив, на нереллекслируемые практики, через которые местные сообщества вовлекаются во взаимодействие с социальными сетями. Рассматривая социальные сети через призму ATN, необходимо учитывать, что важнейшими участниками таких интеракций являются не только люди, но и неживые актаны – простые и сложные материальные объекты.

На мой взгляд, можно выделить три уровня, или типа, социальных сетей, которые пересекаются в анализируемых мною мигрантских локальностях:

1. *Местные сети*, действующие в пределах локального сообщества, выступающего в качестве принимающего для конкретной мигрантской локальности. Для рынков это жители города или даже городского района, если речь идет о небольшом локальном рынке, участвующие в жизни рынка как покупатели, наемные работники, обслуживающий персонал, местная администрация, возможно, криминальные сообщества и т. д. Все они в том или ином качестве, прямо или косвенно взаимодействуют с рынком как с локальностью. Крупные рынки нередко выступают еще и важным оптовым оператором для мелких предпринимателей. Теплицы включены в локальные социальные взаимодействия чуть менее наглядно, чем рынки, но не менее прочно: это и взаимоотношения с арендодателями земельных участков и посредниками, местными муниципальными администрациями, местными жителями, нанимаемым на поденную работу и т.д. Включение мигрантских локальностей именно в эти сети наиболее явно прослеживается через практики принимающего сообщества, складывающиеся вокруг мигрантских локальностей.

2. *Региональные, или субрегиональные, сети*. Крупные китайские рынки, как правило, являются важнейшим мелкооптовым поставщиком для мелкого бизнеса, расположенного вне города. Однако жители пригородных районов нередко оказываются в числе покупателей таких рынков. Для китайских

теплиц включение в этот уровень сетей является основой их деятельности, поскольку рынок сбыта их продукции находится не в пригороде, а в городах (что не исключает и продажи части продукции на месте). Формирующаяся здесь система социальных интеракций приводит к опосредованному взаимодействию с китайскими теплицами значительной части горожан, а не только владельцев и служащих торговых сетей. Вынужденное взаимодействие представителями проверяющих и контролирующих структур также включает китайские теплицы в отношения за пределами поселений, в которых они непосредственно расположены.

3. *Трансграничные сети.* Это, пожалуй, тот уровень сетей, который наименее заметен в жизни анализируемых мигрантских локальностей, но при этом в значительной степени лежит в основе их деятельности. Как место дистрибуции импортных товаров китайские рынки оказываются местом пересечения отношений поставщиков и посредников из самых разных стран, с разным набором товаров, юридическим статусом в России и, как следствие, с разными наборами практик взаимодействия с принимающим сообществом (например, мигранты из Кыргызстана и Китая). В теплицах включенность в трансграничные сети менее заметна, но она проявляется в необходимости поставок тех самых незаконных (или неизвестных) семян, удобрений, химикатов, организации миграции и занятости мигрантов и так далее.

Иными словами, обе анализируемые мигрантские локальности лежат на пересечении как минимум трех уровней социальных сетей. Рынки и теплицы становятся местом и механизмом связи этих сетей и одновременно – местом и механизмом доступа к этим сетям для принимающих сообществ, своего рода терминалом, точкой доступа. Через эти точки доступа происходит включение местных сообществ в длинные и разветвленные цепи социальных интеракций (причем не только экономических!), выводящих далеко за пределы собственно акта приобретения товара на рынке или найма на работу в китайскую теплицу.

Мне представляется, что описанные различия в понимании мигрантских локальностей могут объяснить причины неэффективности мероприятий власти в отношении миграции и мигрантов. Исходя из рефлексированного образа мигрантских локальностей как *gated space* власть и сообщество включаются в логику оспаривания пространства, а целью их действий становится возврат символической власти над этим пространством и вытеснение мигрантов за его пределы. Такая активность, однако, не влечет за собой вытеснение мигрантских локальностей из социального пространства, где они выполняют важнейшую функцию связи разномасштабных сетей и точки доступа к ним для местного сообщества. Эта функция не рефлексивируется представителями местных сообществ и власти, но прочно включена в практики повседневности. В результате борьба за пространство приводит к изменению лишь физического местоположения таких локальностей в городе или пригороде с сохранением их места и функции в организации пространства социального, что, в свою очередь, обеспечивает сохранение мигрантских локальностей и как физических объектов.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ-МИГРАНТАМИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТОМСКА¹

В последние десять лет в университетах России вообще и Томска в частности постепенно увеличивается количество студентов из Таджикистана. В 2006 году в Томске их было 9, в 2010 – 34, в 2015 – 275. В университетах Сибирского федерального округа в 2014 году училось 1322 человека, а в 2015 – 1964. В российских университетах в целом в 2014 году – 8777 студентов, в 2015 – 11 731 студент.

С учетом изменений, которые произошли за минувшую четверть века, очевидна проблема адаптации и социализации этой молодёжи в условиях принимающего сообщества. Исследование этого процесса ведется в рамках проекта «Студенты-мигранты из Таджикистана в университетах Томска: образцы, практики и стратегии адаптации». Основной метод получения информации – индивидуальные глубинные интервью со студентами, представителями таджикской диаспоры, и другими субъектами данного процесса.

Один из основных аспектов адаптации и дальнейшей социализации – овладение студентами русским языком. Использование в публикациях транскриптов интервью с ними с сохранением лексических и грамматических особенностей речи и произношения респондентов позволяет дать представление об уровне владения языком и существующих проблемах.

В качестве методологической основы исследования используется широкий круг теоретических подходов к анализу динамики культурной дистанции между народами с разной степенью схожести культур, предложенных британскими исследователями А. Фарнхемом и С. Бочнером; теория социального пространства французского социолога Пьера Бурдьё; гипотеза Сепира–Уорфа (американских антропологов Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа) о том, что структура языка определяет мышление и способ восприятия реальности; тезис английского социолога Энтони Гидденса о восприятии устной речи через коррекцию слушания, его же дискурс о колонизации будущего; тезис американского специалиста по межкультурному взаимодействию Милтона Беннета о диффамации в условиях существования значительной культурной дистанции, когда мигранты оцениваются через существующие отрица-

---

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009).

тельные стереотипы; концепция общества риска немецких социологов Ульриха Бека и Никласа Лумана, а также трактовка явления риска Энтони Гидденсом через понятие «роковые решения», в которых соединяется «значимое» и «проблематичное»; теория американских исследователей Тимоти Хаттона и Джеффри Уильямсона о четырёх фазах миграционных потоков; синтетическая теория международной миграции американского социолога Дугласа Массея; тезис немецкого социолога Гуннара Хайнзона о Youth Bulge – злокачественном демографическом приоритете молодёжи.

Для понимания проблем адаптации студентов в России важен анализ языковой ситуации в Таджикистане. В Конституции страны и законе о языке 1989 года русский имеет статус языка межнационального общения. Но в законе о языке, принятом в 2009 году, он подобного статуса уже не имеет, хотя в Конституции этот статус сохраняется. На уровне повседневных практик это связано с тем, что только на таджикском ведется всё делопроизводство, на него перешли учреждения образования и вооруженные силы. Русский исчез с большинства вывесок учреждений, предприятий торговли и сферы обслуживания. Хотя в отличие от Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана в Таджикистане в качестве графической основы алфавита сохранена кириллица. Русский широко используется в научной сфере, в бизнесе и в СМИ, изучается в школах и вузах. Но здесь важно отметить, что если в советский период русскоязычное население составляло около 10 % населения страны, то сейчас не более 1 %. За редким исключением русский язык преподают таджики.

На учебу в Россию едут студенты из всех регионов Таджикистана, но владение русским в разных районах не одинаково. Есть основания полагать, что лучше всего его знают даже не в Согдийской (бывшей Ленинабадской) области на севере страны (г. Худжанд), где была развита промышленность и в советские времена было много русских, а на самом юге Таджикистана – в Горно-Бадахшанской автономной области, где живут памирцы (г. Хорог). Жители этого региона отличаются особенностями традиционной культуры, языка и религии. Интервью показали, что студенты из этого региона гораздо лучше владеют русским.

По оценкам экспертов русский неплохо преподается в школах Душанбе и ряда других городов, но во многих кишлаках он ведется достаточно формально. В настоящее время идет немалый поток переселения из сельской местности в города и жители кишлаков значительно меняют языковой континуум городов. Сказалась и специфика постсоветского преобразования страны с ориентацией и на современные международные стандарты, и на исторические корни страны. В школах стали преподавать и русский, и английский, и персидский. В результате многие школьники не знают ни одного. Даже в Душанбе часть молодёжи уже не может объясниться на русском языке.

По мнению специалистов-языковедов, трудности студентов связаны с тем, что в детстве они не учились русскому языку со слуха и учат русский то-

гда, когда их артикуляционный аппарат уже сформировался. Изменить артикуляцию очень сложно. Проблемы создает и наличие в русском языке грамматического рода, которого нет в таджикском. Именно поэтому многие таджики путают русские слова «он» и «она».

Чаще всего те, кто поступают в российские университеты, владеют разговорной лексикой. В этой ситуации в дальнейшем многие из них не обращают внимания на качество владения русской грамматикой, на русский язык в его письменном выражении, на глубину понимания русского литературного языка со всей его образностью, многозначностью слов и переносом смыслов. Ещё меньше они задумываются, видимо, о специальном тезаурусе своей специальности, который исторически сформировался в определенной предметной и понятийной среде. Поверхностное знание языка становится препятствием в освоении не только русского письменного, но и профессиональной тематики.

Проблемы студентов в языковой сфере отчасти я бы объяснил фантомом былого билингвизма, то есть всё ещё бытует мнение, что народы всех стран, которые входили в Советский Союз, по-прежнему владеют русским языком. Эта иллюзия порождает ряд проблем на институциональном уровне и на уровне повседневных практик. Во многих университетах занятия по русскому языку со сдачей соответствующих экзаменов не включены в обязательную программу для студентов-таджиков. Формальное тестирование по РКИ проблемы не решает. В 2015 году для новаций в обучении студентов из ближнего зарубежья русскому языку появилось правовое основание. Министерство образования и науки РФ выпустило Письмо «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному» от 23 января 2015 года N ВК-74/05. В нём, со ссылкой на Закон № 273-ФЗ, даётся разъяснение, что федеральный государственный образовательный стандарт предоставляет ряд возможностей для освоения иностранными студентами русского языка как иностранного. Речь идет о том, что, во-первых, в качестве иностранного языка (например, английского) может изучаться и русский язык. Во-вторых, университеты могут по своему усмотрению использовать в этих целях вариативную часть ФГОС. В-третьих, русский язык может изучаться на факультативах за пределами основной образовательной программы. В-четвертых, университетами могут создаваться онлайн курсы для изучения русского языка иностранцами ещё до поступления в высшее учебное заведение.

Анализируя факторы языковой адаптации студентов-мигрантов, я выделяю группы личностных, социальных и институциональных факторов, которые, с одной стороны, способствуют освоению русского языка, с другой – затрудняют этот процесс. Сначала о благоприятных факторах. На личностном уровне высокая мотивация к обучению в России, хорошие способности к изучению языков у части студентов. Благоприятные социальные факторы связаны: с уровнем подготовки по русскому в Таджикистане; локусом, в котором студент жил на родине; студенческой средой в России; контактами с предста-

вителями принимающего сообщества за пределами университетской среды; планами остаться в России после окончания вуза; возможным русскоязычным брачным партнером. Благоприятные институциональные факторы связаны с межгосударственным сотрудничеством, которое облегчает поступление молодёжи из Таджикистана в российские вузы, и преподаванием в университетах русского как иностранного.

К числу неблагоприятных факторов на личностном уровне можно отнести низкий уровень способностей некоторых студентов в языковой сфере, а также такие качества, как лень и отсутствие самоорганизации. Сюда же можно отнести и надежду на авось или, как скажут таджики, таваккалан.

Неблагоприятные социальные факторы связаны с низким качеством подготовки по русскому языку в Таджикистане, стремлением селиться в общежитии в одной комнате с земляками, минимизация контактов за пределами университетской среды, намерение вернуться после учёбы в Таджикистан, планы создания моноэтнической семьи. Институциональные факторы, затрудняющие освоение русского языка, связаны с коррупцией в Таджикистане при отборе кандидатов для обучения в России, понижением принимающей стороной стандартов тестов РКИ, отсутствием в учебной программе обязательных занятий по русскому языку.

Целями дискурса, который ведется вокруг обучения студентов-таджиков русскому языку, выступают и реальное желание решить проблему, и некая имитация. Для решения проблемы нужны реальные ресурсы: мотивационный, организационный, кадровый, финансовый. Имитация не предполагает наличия всех этих ресурсов. Создавая видимость процесса, она позволяет представителям диаспоры демонстрировать лояльность к требованиям принимающего сообщества, а представителям университетских и властных структур – подтверждать своё функционирование. Имитация в данном случае выступает как комплиментарная реакция на общественную потребность без реальных ресурсов и механизмов её удовлетворения. Ситуация может рассматриваться как симулякр (обозначающее без обозначаемого).

Конечно же, сегодня нельзя говорить о сохранении в Таджикистане билингвизма советской эпохи. Но какой может быть новая модель? Думаю, что она зависит от целого ряда факторов: общественно-политической ситуации в Таджикистане, общеполитического взаимодействия двух государств, законодательства Таджикистана в языковой сфере, механизмов взаимодействия образовательных систем двух стран, кадрового состава преподавателей русского языка, присутствия российских электронных СМИ в Таджикистане, реализации билингвизма в повседневных практиках населения.

Возможно, что билингвизм будет восприниматься разными частями таджикского общества через призму престижа и жизненных ценностей. Вторым родным русский станет для тех, кто связывает свою жизнь с Россией – учеба, работа, семья. Вторая часть от вершины в этой пирамиде билингвизма будет представлена работниками высшего образования, бизнеса и госуправ-

ления. Третья часть – образованные жители крупных городов, занятые за пределами трех вышеупомянутых сфер. Четвертая – та часть городского населения, которая недавно переселилась в города, и нынешние жители кишлаков. Чем ниже уровень пирамиды, тем ниже значимость русского языка и тем, возможно, многочисленнее количество населения, принадлежащего к данному слою. В этой новой модели билингвизма русский язык будет выступать атрибутом и символом открытости народа Таджикистана к взаимодействию с Россией, а знание или незнание русского языка будет связано с преодолением или, наоборот, с созданием барьеров в этом взаимодействии. Ситуация с билингвизмом в Таджикистане – частный случай билингвизма на постсоветском пространстве в целом.

Качество обучения русскому языку в наших университетах может быть повышено за счет создания подготовительных отделений с обязательными занятиями по русскому языку и литературе. Этот процесс должен иметь серьезную организационную и финансовую поддержку. В противном случае части студентов грозит маргинализация. Прожив четыре-пять лет в России, они отрываются и от своей национальной культуры и не адаптируются должным образом к русской. Выйдя за рамки студенческой среды и оказавшись на российском рынке труда, они будут обладать низким конкурентным потенциалом. Это может повлечь ряд негативных последствий для российского общества в целом: от анклавизации диаспор до распространения в их среде идей салафизма.

Что касается имитации и симулякров в обсуждаемой сфере, то их преодоление во многом зависит от уровня ответственности элит – политической и научно-образовательной. Обратившись к языку как фактору культурной дистанции, можно вспомнить пассаж из романа американской писательницы Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз»: «А вы можете угадать по моему почерку, белый я или нет?»

Поступление в томские университеты становится для таджикской молодёжи переломным моментом, связанным с переходом от сложившихся на родине практик к неопределённости. Кто-то из нынешних студентов-мигрантов вернется в Таджикистан, кто-то останется в России, пополняя ряды новых русских азиатов – выходцев из Центральной Азии, добившихся в России заметных результатов. Одним из ключевых условий их инкультурации является хорошее владение русским языком. Университеты призваны уменьшать риски, создаваемые появлением в составе российской гражданской нации людей с низким потенциалом инкультурации и способных вызвать к жизни то, что Э. Гидденс называет непреднамеренными и непредвиденными последствиями человеческих действий – фрустрацию, неприязнь к принимающему сообществу, поиск выхода из создавшегося положения в составе криминальных или террористических группировок.

Если для государств Центральной Азии стремление молодёжи получить образование в российских университетах является признаком развития, то для

российских университетов обучение иностранных студентов, кроме всего прочего, является и механизмом уяснения своего места на международном рынке образовательных услуг и значимым фактором формирования совершенно новых качеств открытого принимающего общества, привлекательного для молодёжи разных стран и континентов. Но качество образования студентов-мигрантов, их инкультурация в данном контексте имеют принципиальное значение. Если Н. Луман в работе «Понятие риска» отдаёт предпочтение дихотомии «риск/опасность», то в нашем случае предпочтительнее упоминаемая им дихотомия «риск/надёжность», то есть снижение рисков связано с повышением надёжности работы системы образования. «Мягкая сила» образования – один из самых надёжных инструментов колонизации будущего в постколониальную эпоху.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 334 с.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с. Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/69733.html> (дата обращения 17.10.2015).
4. Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 23 января 2015 г. N ВК-74/05 «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420258447> (дата обращения 15.10.2015).
5. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения 10.11.2015).
6. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015> (дата обращения 10.11.2015).
7. Основные результаты деятельности системы высшего и профессионального образования Томской области. Режим доступа: <http://depvpo.tomsk.gov.ru/Otcheti-i-dokladi-o-deyatelnosti> (дата обращения: 20.11.2015).
8. Погодаев Н. П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2015. №1(29).
9. Погодаев Н. П. Забони руси: проблемы билингвизма студентов из Таджикистана в томских университетах // Миграция и мигранты в России и ми-

ре: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015. 272 с.

10. Погодаев Н. П. Стратегия «кейс-стади» при изучении проблем социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска //Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015.

11. Beehner, L. The Effects of 'Youth Bulge' on Civil Conflicts. 2007.

12. Gunnar Heinsohn. Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen, 2003.

13. Youth Bulges and their Socio-political Implications in Tajikistan. Sophie Roche. Foreword by Günther Schlee. 2014.

Немировский Валентин Геннадьевич
г. Красноярск, Сибирский федеральный университет

Немировская Анна Валентиновна
г. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2010–2014 ГОДАХ

Миграция выступает важной социальной, социально-экономической и социокультурной проблемой для регионов Центральной Сибири, существенное место среди которых занимает Красноярский край. Особую значимость данным процессам придают ярко выраженные этнические аспекты, а также детерминированность различными социально-экономическими и социокультурными факторами. Значительное влияние на изменение миграционных процессов оказывает ситуация финансово-экономического кризиса, достаточно остро проявляющегося как во многих зарубежных странах, так и в России.

Настоящая статья основана на результатах исследований, проведённых сотрудниками кафедры социологии Сибирского федерального университета в 2010–2014 годах в Красноярском крае по репрезентативной региональной выборке в соответствии с типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН [1]. Опросы населения осуществлены методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населённых пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населённые пункты), а также половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края.

1. В 2010 году $n = 1000$ респондентов, исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края».

2. В 2012 году $n = 1300$ респондентов, исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00250а «Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае».

3. В 2014 году $n = 1000$ респондентов, исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной

модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Использованы материалы государственной и ведомственной статистики, характеризующие изучаемые процессы. Следует отметить, что в связи с запаздыванием официальной публикации государственных статистических данных последние представлены в работе, как правило, 2014 года. В отдельных случаях, связанных с их доступностью, использовались данные за предыдущие годы [2; с. 14–15, 22–24, 54–56].

Отвечая на вопрос об общем эмоциональном отношении к своему региону (табл. 1), большинство респондентов выбирали вариант ответа «В целом я доволен, но многое не устраивает» (46 % – 2010 г., 44 % – 2012 г., 35 % – 2014 г.).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства вы испытываете по отношению к Красноярскому краю?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Я рад, что живу здесь	23,9	21,9	30,6
В целом я доволен, но многое не устраивает	46,1	43,9	35,3
Не испытываю особых чувств по этому поводу	12,2	14,0	14,7
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5,3	6,5	5,5
Хотел бы уехать в другой регион России	6,4	6,6	5,6
Хотел бы вообще уехать из России	4,1	6,3	7,0
Затрудняюсь ответить	2,0	0,8	1,3

За 4 года несколько выросла доля ответивших: «я рад, что живу здесь», что составило соответственно, 23,9, 21,9, 30,6 %. Безразличное отношение к красноярскому краю в 2010 году выразили 12 %, в 2012 – 14 %, в 2014 – 15 % респондентов. Варианты ответа «Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать», «Хотел бы уехать в другой регион России» ежегодно выбирали около 6 % опрошенных жителей региона. Наметилась слабая тенденция роста доли жителей, высказавших намерение уехать из России: 2010 год – 4,1 %, 2012 – 6,3 %, 2014 – 7,0 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что как позитивное, так и критичное отношение жителей региона к своему краю заметно усилилось. Налицо своеобразное размежевание культурных ориентаций.

Мнение респондентов из Красноярского края о качестве жизни в своём регионе в сравнении с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири, за последние годы резко изменилось (табл. 2): в 2010 году вариант ответа «В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах» выбрали 9,9 % опрошенных, в 2012 – 11,1 %, то в 2014 – уже 19,9 %.

**Мнение жителей Красноярского края о жизни в крае и соседних регионах
(% от числа опрошенных)**

Варианты ответа	2010 г.	2012 г.	2014 г.
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	9,9	11,1	19,9
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	62,3	58,7	57,7
В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	9,1	12,2	9,8
Затрудняюсь ответить	18,7	18,0	12,6

Несколько снизилась доля лиц, выбравших неоднозначный вариант ответа: «По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже» (2010 год – 62,3 %, 2012 – 58,7 %, 2014 – 57,7 %). При этом не изменилась доля опрошенных, которые придерживаются противоположной позиции – «В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах». Как видим, более половины жителей края продолжают придерживаться нейтральной позиции.

Для пояснения позиции респондентов относительно преимуществ или недостатков жизни в Красноярском крае использовались их ответы на вопрос: «В чём, по вашему опыту, состоят особенности нашего региона, его привлекательные и непривлекательные черты?» (табл. 3 и 4).

Привлекательной чертой, которая доминирует в массовом сознании жителей Красноярского края, является «красивая природа». Этот вариант ответа поддержали в 2010 году 84 % опрошенных, в 2012 – 82 %, в 2014 – 79 %. Мнения, что Красноярский край – это регион, перспективный для жизни, в 2010 году придерживались 23,0 % опрошенных, в 2012 – 18,3 %, в 2014 – 21,2 %. Резко возросла доля ответивших, что в крае проживают душевные, добрые люди: с 18,4 % в 2010 году до 23,1 % в 2012 и до 29,5 % в 2014. Несколько возросло число респондентов, по мнению которых здесь много возможностей для инициативных людей (табл. 3).

**Мнение жителей Красноярского края об особенностях региона,
его привлекательных и непривлекательных чертах
(% от числа опрошенных, возможно выбрать более одного варианта ответа)**

Привлекательные черты	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Красивая природа	83,8	81,9	78,8
Добрые, душевные люди	18,4	23,1	29,5
Это регион, перспективный для жизни	23,0	18,3	21,2
Здесь много возможностей для инициативных людей	15,2	13,4	19,7
Другое	3,1	2,6	0,7
Затрудняюсь ответить	4,7	7,7	4,5
Отказ от ответа	0,7	0,1	0,4

Непривлекательные черты Красноярского края, доминирующие в массовом сознании его жителей, несмотря на определённые и неоднозначные изменения, произошедшие в представлениях в 2010–2014 годах, сохранили прежнюю иерархию: слишком суровый климат – 48,1 %, здесь жизнь заглохла – 23,9 %, неприветливые люди – 19,3 %. Эти три варианта ответа являются наиболее распространёнными (табл. 4).

Таблица 4

Мнение жителей Красноярского края об особенностях региона, его привлекательных и непривлекательных чертах
(% от числа опрошенных, возможно выбрать более одного варианта ответа)

Непривлекательные черты	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Слишком суровый климат	54,8	42,9	48,1
Неприветливые люди	16,3	14,6	19,3
Здесь жизнь заглохла	23,8	31,7	23,9
Здесь не любят инициативу	9,0	14,3	12,3
Другое	6,7	8,5	4,1
Затрудняюсь ответить	16,1	16,5	19,9
Отказ от ответа	6,2	0,1	0,3

Согласно полученным данным, респонденты дают противоречивые оценки своим землякам, с одной стороны, большее число опрошенных ответили, что в регионе живут добрые, душевные люди (18,4 % – в 2010 году и 29,5 % – в 2014), с другой – выросла доля тех, кто считает, что непривлекательная черта Красноярского края – это неприветливые люди (16,3 % – в 2010 году и 19,3 % в 2014). Аналогично, на 4 % выросло число тех, кто отметил возможности для инициативных людей, но и также на 3 % больше опрошенных ответили, что в регионе не любят инициативу.

В оценке миграционной ситуации в регионе важно рассмотреть демографические вызовы, стоящие перед регионом. Депопуляция, высокая смертность, низкая рождаемость, старение населения являются факторами потребности региона в мигрантах, поскольку развитие экономики требует больше рабочей силы, активного населения трудоспособного возраста. В постсоветский период в Красноярском крае наблюдалась убыль населения, которая достигла своего пика в 2000 году, и повторила общероссийский тренд до 2009 года. Если с 2000 по 2008 год естественный прирост населения в Красноярском крае был отрицательным, то в 2009 и 2010 годах приобрёл слабо положительные значения с увеличением значения коэффициента до 1,7 в 2013 и 2014 годах (рис. 1).

Рис. 1

Источник: Естественное движение населения // Красноярский край в цифрах: сб. стат. 2010–2015. Красноярск: Красноярскстат. Режим доступа: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/

Представления респондентов о препятствиях росту численности населения в Красноярском крае (табл. 5) в 2014 году, по сравнению с 2010 существенно изменились. Среди основных препятствий росту численности населения в 2010 году в Красноярском крае были названы низкие доходы – 65,3 % опрошенных, в 2012 – 65,7 %, в 2010 – 56,3 %; плохие жилищные условия – соответственно 41,2, 42,5 и 32,0 %, государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми – 29,3, 28,8 и 34,4 %; многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка – 25,2, 28,2 и 32,5 %, плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах – 4,6, 5,0 и 5,8 %. (табл. 5). И только 5,0 % (2014) респондентов считают, что ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения (в 2010 году таких ответов было 2,6 %, в 2012 – 5,8 %).

Как видим, стало несколько меньше респондентов, которые считают, что рождению детей мешают низкие доходы родителей и плохие жилищные условия. Вместе с тем больше стало тех, кто придерживается мнения о достаточности только одного ребёнка и фактическом отсутствии материальной помощи со стороны государства семьям с детьми.

**Жители о препятствиях росту численности населения в Красноярском крае
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа*	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	25,2	28,2	32,5
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	29,3	28,8	34,4
Плохие жилищные условия	41,2	42,5	32,0
Низкие доходы	65,7	65,3	56,3
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	4,6	5,0	5,8
Другое	1,6	2,4	1,3
Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения	2,6	1,4	5,0
Затрудняюсь ответить	3,9	2,9	4,0
Отказ от ответа	0,9	0,8	0

* Допускается отметить не более двух видов препятствий

При этом если посмотреть на естественный прирост населения региона в абсолютных показателях, то заметно, что в последние два года он нивелируется исходящей миграцией из Красноярского края в другие регионы страны (рис. 2). В целом, миграционный прирост, достигнув за рассматриваемый период своего пика в 2011 году, резко снизился именно за счет значительного роста межрегиональной миграции, поскольку показатели миграции со странами СНГ, слегка колеблясь год от года, оставались с 2008 по 2014 годы примерно на одном и том же уровне, ежегодно перекрывая исходящую миграцию населения из Красноярского края в другие части страны. Миграция со странами дальнего зарубежья все эти годы оставалась незначительной, однако вплоть до 2014 года она носила положительное значение, т.е. в регион был приток мигрантов из стран вне СНГ, но в 2014 году это миграционное движение поменяло свое направление.

В 2014 году наибольший миграционный прирост переживал краевой центр (12121 человек), затем с большим отрывом следует Сосновоборск (1404 человек) и Березовский район (733 человека). Наибольший отток населения произошел из территорий Крайнего Севера: из Норильска (2038 человек), Таймырского Долгано-Ненецкого района (705 человек) и восточной части региона – Нижнеингашинского и Абанского районов (593 и 534 человека) [3]. По результатам межрегиональных миграционных процессов в 2014 году в Красноярском крае зарегистрирован миграционный отток населения (4268 человек) (рис. 2). В Красноярский край из других регионов России прибыло 36425 мигрантов. Наибольший приток мигрантов зарегистрирован из регионов РФ: Сибирского, Центрального и Приволжского федеральных округов – 19572, 3429 и 3212 человек соответственно. Из Красноярского края в другие регионы России выехало 40693 человека. Наибольшее число мигрантов выехало в регионы Сибирского, Центрального и Южного федеральных округов – 15750, 6850 и 4759 человек соответственно [3].

Рис. 2

Источник: общие итоги миграции населения // Красноярский край в цифрах. 2010–2015. Сб. стат. Красноярск: Красноярскстат. Режим доступа: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/

Таким образом, снижение численности населения региона за счет межрегионального миграционного обмена составило 4268 человек. По результатам международных миграционных процессов в Красноярском крае зарегистрирован прирост населения (5203 человека), рис. 2. Из стран СНГ иммигрировало в край 8365 человек, из них наибольшее число мигрантов прибыло из Таджикистана (1912 человек), Украины (1260 человек) и Казахстана (1218 человек). Число выбывших из Красноярского края в страны СНГ составило 3092 человека, из них наибольшее число мигрантов выбыло в Казахстан (597 человек), Узбекистан (576 человек), Таджикистан (556 человек). Из стран дальнего зарубежья в край иммигрировал 721 человек, из них наибольшее число мигрантов прибыло из Китая (254 человека), Грузии (133 человек) и Германии (91 человек). В страны дальнего зарубежья эмигрировал 791 человек, из них наибольшее число мигрантов выбыло в Китай (214 человек), Германию (101 человек) и Турцию (55 человек) [3].

Как и ряд других регионов Сибирского федерального округа, Красноярский край испытывает дефицит рабочей силы, в том числе малоквалифициро-

ванной. Он восполняется трудовыми мигрантами из республик Средней Азии и Закавказья (в порядке убывания численности прибывших – из Таджикистана, Киргизии, Азербайджана, Казахстана, Армении, Узбекистана), Украины, стран дальнего зарубежья (в основном КНР и Северной Кореи). Кроме того, мигранты, наряду с работой в автотранспортных предприятиях и в сфере строительства, активно занимаются различными видами мелкого бизнеса, например торговлей, общественным питанием, выращиванием овощей и фруктов. В 1990-е годы в край прибывало немало переселенцев из республик бывшего Советского Союза. В регион, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации, подписанному Д. А. Медведевым 22 июля 2014 года, были направлены 1935 украинских беженцев. Соответствующее постановление опубликовано на сайте Правительства РФ. В УФМС России по Красноярскому краю с заявлением о предоставлении временного убежища уже обратился 3041 гражданин Украины, вынужденно покинувший свою родину, о чём сообщила 14 октября 2014 года пресс-служба данного управления. Теми из них, кто решил связать свою жизнь с Россией, были поданы заявления (326) об участии в государственной программе оказания содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Всего 2995 гражданам Украины, в том числе 792 детям, официально предоставлено временное убежище на территории Российской Федерации сроком на один год. Из общего числа украинцев, получивших в регионе временное убежище, всего 30 впоследствии снялись с миграционного учета. Часть из них выехали с территории Красноярского края в другие субъекты РФ, а пятеро вернулись на родину [4]. Как видим, остаться в регионе на длительный срок намерены около 10 % прибывших с Украины. Остальные, как правило, ждут окончания конфликта у себя на родине. Подобная ситуация с учётом ухудшающейся экономической обстановки в стране в целом и регионе в частности может впоследствии породить определённые проблемы в межнациональных отношениях на территории региона.

По данным опросов, с 2010 по 2014 год мнение населения края о взаимоотношениях мигрантов и коренного населения стало более сформированным: так, на 9,4 % меньше респондентов затрудняются дать оценку отношениям приезжих и жителей Красноярского края, чем в 2010 г. (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Если вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	2010 г.	2012 г.	2014 г.
У них сложились устойчивые хорошие отношения	16,8	16,0	15,6
В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения	36,5	38,6	38,6
Отношения неровные, нередко возникают напряжения	12,7	13,7	16,7
Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию	3,0	4,0	6,5
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	3,8	5,2	4,9
Затрудняюсь ответить	27,2	22,5	17,8

Вместе с тем в 2 раза увеличилась сама по себе относительно невысокая доля ответов на вариант «Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию». Также несколько возросло количество респондентов, отметивших вариант «Отношения неровные, нередко возникают напряжения» (12,7 и 16,7 %). Теперь оно превысило долю тех жителей края, кто придерживается мнения, что у них сложились устойчивые, хорошие отношения (16,8 и 15,6 %). Большинство же опрошенных продолжают считать, что в целом нормальные отношения, но случаются недоразумения (36,5 и 38,0 %). Тем не менее важно отметить, что в целом более половины жителей региона говорят о достаточно позитивных отношениях с мигрантами – 54,2 % (вариант ответа «У них сложились устойчивые хорошие отношения» выбрали 15,6 % респондентов + 38,6 % опрошенных, по мнению которых в целом нормальные отношения, но случаются недоразумения).

Можно сделать вывод, что было бы неверно говорить о полном взаимопонимании между местным населением и мигрантами в Красноярском крае. Но и какое-либо серьёзное напряжение в межнациональных отношениях между постоянным и прибывшим населением, по данным опроса, в настоящее время отсутствует. Во многом это определяется менталитетом и традициями жителей Сибири, население которой издавна формировалось за счёт приезжих, вынужденных и добровольных переселенцев – беженцев, ссыльных, трудовых мигрантов и т. п., а также исторически характеризовалось многонациональным составом. Однако в условиях экономической нестабильности, угрозы терроризма нельзя не предположить, что традиция мультикультурализма и национальной толерантности, присущая жителям Сибири, в ряде случаев может уступать место национально-культурной нетерпимости.

При этом к числу важных факторов, влияющих на динамику миграционной ситуации в регионе, целесообразно отнести ухудшение финансово-экономической ситуации в стране, усиление угрозы терроризма, постепенное размывание традиции национально-культурной толерантности, активизацию негативных социокультурных проявлений со стороны мигрантов.

Список литературы

1. Методические требования по организации и проведению эмпирического исследования в регионе // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 2009.
2. Немировский В. Г., Немировская А. В. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010–2014 гг.): монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 244 с.

3. Миграция населения Красноярского края в 2014 году // Новости. 23.03.2015. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. Режим доступа: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/news/rss/fdcd220047be1c2a9428b4ed3bc4492f.

4. В Красноярском крае зарегистрировано свыше 3 тысяч украинских беженцев // Интернет-газета Newslab.ru. 14.10.2014. Режим доступа: <http://newslab.ru/news/615460>

ЦЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КРАСНОЯРСКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Россия всегда была многонациональным государством, поэтому проблема интеграции в традиционное российское общество детей мигрантов никогда не перестанет быть актуальной. Интеграция включает в себя разделение норм и ценностей, принятых в доминирующем обществе, усвоение стиля жизни, формирование жизненных планов, связанных с новой культурой. При этом не менее актуальной остаётся и проблема сохранения национальной самобытности народов, населяющих Россию.

Особенно актуальными становятся эти проблемы для молодого человека, входящего в жизнь, строящего свою собственную идентичность. Э. Эриксон считал, что в возрасте 10–20 лет у человека происходит объединение представлений о себе, усвоенных норм социального поведения и системы ценностей личности. Ключевым для становления идентичности является осмысление непрерывности времени, связи прошлого, настоящего и будущего и проектирование собственного будущего на основе осмысления прошлого и настоящего.

Для понимания особенностей становления идентичности старших подростков в восьми красноярских школах нами был проведен социологический опрос старшеклассников – представителей различных национальностей. Подобные исследования проводились Институтом социологии образования РАО под руководством В. С. Собкина, другими исследователями. Мы проводили подобные исследования 5 лет назад. Нам важно понять, как изменились межнациональные отношения в настоящее время, чтобы учитывать эти изменения в организации образовательного процесса в современной школе. Целью опроса было выявление особенностей становления этнической идентичности, толерантности и интеграции в российское общество детей-мигрантов, представителей разных национальностей. Все многообразие национальностей, представленных в опросе, мы разделили на группы: русские школьники, которые составляют подавляющее большинство – около 70 % от всех опрошенных; представители народов Кавказа (азербайджанцы, армяне, дагестанцы) – 7,6 %, представители народов Средней Азии – киргизы, таджики – 15 % опрошенных; представители других народов России – татары, мордва, украинцы, немцы и т. д.

---

¹ Подготовлено при поддержке Краевого фонда науки, грант «Исследование условий формирования общероссийской идентичности у учащейся молодежи средствами образования». Соглашение № 36/15 от 19.06.2015 г. с КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Надо отметить, что большинство опрошенных нами школьников, как русских, так и нерусских, уже длительное время проживают в Красноярске, поэтому можно считать, что их аккультурация к местным условиям жизни уже произошла (табл. 1).

Таблица 1

Продолжительность проживания в Красноярске

Продолжительность проживания в Красноярске	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Менее 3-х лет	4,99	–	4,88	25,0
3–10 лет	15,0	31,58	51,22	25,0
Родился в Красноярске	80,01	68,42	43,90	50,0

Несмотря на это, наши исследования показали достаточно серьезные различия в образе жизни и системе ценностных ориентаций подростков разных национальностей.

Важный показатель степени адаптированности человека к обществу – его этническая идентичность, отношение к собственной национальности. Наши исследования выявили весьма серьезные различия между русскими школьниками и школьниками других национальностей по этому признаку (табл. 2.)

Таблица 2

Отношение школьников к своей национальности

Отношение школьников к своей национальной принадлежности	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Гордость	59,78	73,68	62,79	57,14
Не имеет значения	34,24	26,32	27,91	42,86
Дискомфорт	0,54	0	4,65	0
Испытываю стыд	1,08	0	0	0
Другое	4,32	0	4,64	0

Мы видим, что для большинства старшеклассников характерна позитивная этническая идентичность (с креном в гиперидентичность); нейтральное отношение характерно для трети русских школьников и чуть больше четверти – кавказцев и выходцев из Средней Азии; негативную этническую идентичность имеют 6 % русских школьников и 9 % – выходцев из Средней Азии. Русские школьники имеют самые низкие показатели позитивной этнической идентичности, что может провоцировать среди них риски интолерантности как средство самозащиты.

Показателем особенностей межэтнических отношений и отношения к мигрантам являются данные относительно стереотипов в сознании мигрантов. В нашей анкете это выяснялось при помощи вопроса: «Как вы считаете, в чем причины негативного отношения к людям, приезжающим жить и работать в другую страну?» Ответы на это вопрос представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Причины негативного отношения к мигрантам
(%, можно давать более одного ответа)**

Причина	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Существующие предрассудки	25,0	22,2	20,0	25,0
Ухудшают криминогенную обстановку в стране	12,64	0	5,0	0
Не платят налоги и живут за счет граждан этой страны	14,29	11,11	5,0	0
Занимают рабочие места	34,62	5,56	15,0	0
Решают свои проблемы за чужой счет	7,69	5,56	5,0	0
Плохо относятся к гражданам принимающей страны	28,02	0	12,5	0
Имеют отталкивающую внешность	9,34	5,56	7,5	25,0
Имеют агрессивный характер	26,92	5,56	7,5	12,5
Имеют другую национальность	9,34	16,67	17,5	25,0
Принадлежат к другой вере	26,92	22,23	15,0	0
Все народы должны жить на своей территории	9,34	0	0	0

Мы видим весьма существенные различия в ответах на этот вопрос между респондентами разных национальностей. Некоторая близость наблюдается только в оценке отношения, основанного на предрассудках: этого ответа придерживается четверть русских и примерно пятая часть выходцев из Средней Азии и Кавказа. Это, очевидно, наиболее «здоровая», толерантная, свободная от предрассудков часть опрошенных. В остальных же ответах наблюдаются очень серьезные различия, а наибольшим количеством стереотипов обладают именно русские школьники. Так, больше трети русских школьников считают, что мигранты занимают рабочие места, которые могли бы занять сами жители города; среди выходцев с Кавказа так думает только каждый двадцатый, среди выходцев из Азии – каждый седьмой. Значительная часть русских школьников считают, что мигранты плохо относятся к гражданам принимающей страны, имеют агрессивный характер. Все это – признаки возможной интолерантности в межэтнических отношениях.

Не менее интересен вопрос о влиянии национальности человека на отношение респондента к нему. Ответы на этот вопрос в зависимости о национальности респондента представлены в табл. 4.

Таблица 4

Влияние национальности человека на отношение респондента к нему

Варианты ответов	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Влияет сильно	9,34	5,26	0	0
Влияет слабо	23,08	0	10,0	0
Не влияет	53,85	89,47	67,5	83,33
Затрудняюсь ответить	9,89	5,26	15,0	16,67

Опять оказывается, что именно для русских школьников в большей степени, чем для других, важна национальность человека при выстраивании отношений с ним: суммарно треть опрошенных русских школьников учитывает национальный фактор, тогда как среди выходцев с Кавказа национальность важна только для каждого двадцатого, для выходцев из Азии – для каждого десятого. Это еще одно косвенное подтверждение неустойчивой этнической идентичности у русских старшеклассников.

Важной характеристикой межнациональных отношений является уровень конфликтности участников образовательного процесса, количество конфликтов на национальной почве. Ответы на это вопрос представлены в табл. 5.

Таблица 5

Количество конфликтов на национальной почве между участниками образовательного процесса

Варианты ответов	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Да, несколько раз в году	4,95	0	12,5	14,29	5,68
Очень редко	18,68	6,25	17,5	0	15,91
Не бывает	70,3	93,75	62,5	85,71	65,91
Другое	1,65	0	2,5	0	1,52

Мы видим, что в целом две трети участников считают, что конфликтов на национальной почве у них в школе не бывает. Это говорит о достаточно удовлетворительном уровне межэтнических отношений в школах города. Менее других склонны замечать наличие конфликтов старшеклассники – выходцы с Кавказа. Более 90 % из них считают, что конфликтов не бывает совсем. Однако совсем не так видят ситуацию выходцы из Средней Азии и русские школьники.

Это можно объяснить тем, что, по мнению экспертов (педагоги многонациональных школ), именно выходцы с Кавказа чаще других бывают зачинщиками конфликтов, они склонны к авторитарным методам разрешения конфликтов, с их стороны часто бывают оскорбления представителей других национальностей, особенно выходцев из Средней Азии. Поэтому именно представители Азии более других отмечают наличие конфликтов: каждый третий из них отмечает наличие конфликтов на национальной почве.

Возможно, за этим «прячется» еще и разница менталитетов: то, что вежливые и уступчивые во взаимодействии азиаты считают конфликтом, нарушением их прав агрессивные и самодостаточные кавказцы таковым не считают.

Отсюда возникает проблема более тщательного изучения национально-культурных особенностей представителей различных народов, обучающихся в школах, и развития навыков бесконфликтного общения между школьниками, учитывающего их национально-культурные и коммуникативные особенности.

Одними из показателей образа жизни современных подростков являются количество и формы проведения свободного времени. Наше исследование показало, что старшеклассники – представители различных национальностей имеют весьма существенные различия по этому признаку (табл. 6).

Таблица 6

Количество свободного времени в зависимости от этнокультурной принадлежности респондентов (% к числу опрошенных)

Количество свободного времени в день	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Менее 2-х часов	13,6	10,5	10,5	12,5
2–3 часа	32,6	57,9	42,1	25,0
4–6 часов	32,1	10,5	34,2	25,0
Более 6 час	21,7	15,8	13,2	25,0

Большая часть всех опрошенных имеет 2–3 часа свободного времени; однако среди русских подростков таковых менее трети, среди выходцев с Кавказа – более половины, среди представителей Средней Азии – более 40 %. Русские подростки лидируют как в группе самых занятых, так и среди самых «свободных».

Такая разница связана с качеством проведения свободного времени. Русские подростки в большей степени включены в различные формы дополнительного образования, тогда как многие мигранты помогают своим родителям на работе, в быту. На русских подростков, которые не заняты и не включены в систему дополнительного образования, родители не обращают особо-

го внимания, не загружают домашней работой. Как правило, родители этих подростков имеют низкий уровень образования и дохода.

Важным показателем жизненных ориентаций и системы ценностей подростков является их представление о жизненном успехе. Данные нашего исследования также показывают заметные различия по этому показателю между подростками разных национальностей (табл. 7).

Таблица 7

**Зависимость представлений о жизненном успехе от национальности респондентов
(% к числу опрошенных)**

Представление о жизненном успехе	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Материальное благополучие	42,9	21,0	30,9	0,0
Хорошая семья	63,0	68,4	69,0	75,0
Общественное положение	26,6	36,8	16,7	12,5
Друзья	39,7	52,6	35,7	75,0
Здоровье	26,1	26,3	42,9	37,5
Работа	10,3	36,8	30,9	37,5
Польза обществу	16,3	5,3	23,8	37,5
Удовольствия	27,7	15,8	19,0	12,5
Слава, известность	7,6	5,3	2,4	0,0
Не думал	3,3	5,3	0,0	0,00

Из данных таблицы видно, что у русских подростков доминирующие места занимают такие представления об успехе, как семья, материальное благополучие и хорошие друзья. Вообще, семья является главной ценностью для всех подростков, независимо от национальности. Однако у подростков с Кавказа высокие позиции наряду с друзьями занимает общественное положение и хорошая работа, а у выходцев из Средней Азии вторую позицию занимает здоровье. Надо отметить, что у русских подростков хорошая работа как ценность занимает только восьмую позицию, значительно уступая удовольствиям и даже желанию принести пользу обществу. Это говорит о низком уровне трудовой морали у русских подростков, в русских семьях вообще. Зато русские подростки заметно больше других ориентированы на удовольствия и материальное благополучие.

Если представление о жизненном успехе позволяет нам судить о целях респондентов, то их представления о качествах и обстоятельствах, важных для достижения успеха, позволяют нам судить об их стратегиях, т. е. средствах достижения цели. Ответы на вопрос о качествах, важных для жизненного успеха, представлены в табл. 8.

**Представления респондентов о качествах, важных для успеха
(% к числу опрошенных; разрешалось давать более одного ответа)**

Варианты ответов	Русские	Представители		Другие
		Кавказа	Средней Азии	
Способности, талант	37,5	26,3	38,1	25,0
Хорошие знания, профессионализм	39,1	47,4	45,2	25,0
Трудолюбие, ответственность	62,5	73,7	61,9	75,0
Хорошее образование	31,5	47,4	52,4	75,0
Личная активность	25,5	21,0	26,2	50,0
Хорошее здоровье	15,2	10,5	21,4	25,0
Лидерские качества	19,6	26,3	11,9	0
Положение, помощь родителей, связи, знакомства	21,7	21,0	7,1	0
Удача, везение, случай	14,7	0	7,1	0
Умение общаться с людьми, коммуникабельность	59,8	57,9	35,7	12,5
Другое	2,2	0	0	0

Из данных таблицы видно, что жизненные стратегии подростков значительно зависят от их национально-культурной принадлежности. Первое место у всех опрошенных независимо от национальности занимают трудолюбие и ответственность как ведущие качества личности, обеспечивающие ей успех. Выше других это качество оценивают представители Кавказа. На втором месте у русских школьников умение общаться с людьми, а у выходцев с Кавказа и из Средней Азии – хорошее образование. У русских школьников образование занимает только пятую позицию. Таким образом, подтверждается гипотеза, высказанная Д.А.Александровым и коллегами¹, о том, что дети мигрантов имеют более высокую учебную мотивацию и поэтому часто более прилежны в учебе, считаются хорошими учениками.

Третью позицию у русских школьников и выходцев из Средней Азии занимают хорошие знания, профессионализм как качество, обеспечивающее достижение цели. У выходцев с Кавказа на третьем месте – коммуникабельность, в этом они близки к русским ребятам.

Выходцы из Средней Азии, как и в представлении о жизненных целях, достаточно высоко оценивают здоровье. Как показали наши предыдущие исследования, ценность здоровья обычно характерна для представителей низших социальных слоев, занимающихся физическим трудом, что и подтверждается данными об образовании родителей (прямых вопросов о месте работы родителей мы не задавали).

¹ Александров, Д. А., Баранова, В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1.

Представители Кавказа более других оценивают значимость лидерских качеств, и ниже других – роль здоровья в достижении цели.

Таким образом, наши исследования показали, что между старшеклассниками – представителями разных национальностей существуют весьма заметные различия в ценностных ориентациях, особенностях стиля жизни и т. д. В этих различиях находят отражения национально-культурные особенности народа, представителем которого ощущают себя школьники. Поэтому при выстраивании образовательного процесса необходимо учитывать эти особенности, давать возможность проявиться лучшим национальным чертам каждого народа, населяющего нашу страну.

Секция 2

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

ОБРАЗ ИНОСТРАННОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сегодня иностранная трудовая миграция как для России, так и Красноярского края – один из источников восполнения численности населения и нивелирования дефицита трудовых ресурсов. Красноярский край, будучи многонациональным регионом, под влиянием иностранной трудовой миграции становится этнически, культурно и конфессионально еще более разнородным. Такое разнообразие неизбежно оказывает влияние на коммуникацию между населением принимающей территории и этническими мигрантами. И мигранты, и принимающее общество формируют социальные образы друг друга [1]. Социальное осмысление часто приводит к усилению стереотипов и предубеждений по отношению к мигрантам. Социальные представления при доминировании стереотипизированных образов влияют на степень взаимного доверия, что, в свою очередь, ведет к увеличению социальной дистанции и формированию мигрантофобии [2]. Вместе с тем распространение феномена мигрантофобии в массовом сознании населения усиливает социальную напряженность и повышает конфликтогенный потенциал общества. В связи с этим существует необходимость своевременно фиксировать мигрантофобские общественные настроения с целью предотвращения распространения негативных стереотипов и предубеждений в отношении к иностранным трудовым мигрантам.

С 2009 года специалистами кафедры социологии Сибирского федерального университета и сотрудниками Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права совместно с Управлением общественных связей губернатора Красноярского края ведется ежегодный мониторинг общественного мнения жителей Красноярского края по отношению к иностранным трудовым мигрантам. За шестилетний период удалось выявить обобщенный образ иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края.

Иностранные трудовые мигранты в представлении жителей Красноярского края – это нерусские люди, представители других государств, приехавшие в Россию на заработки. Их часто называют гастарбайтерами. Они выполняют тяжелую работу, не требующую высокой квалификации, их труд дешёв. При этом отношение большинства жителей Красноярского края (79 %) к иностранным трудовым мигрантам не зависит от региона или страны, из которых они приехали в Россию. Так, 17 % опрошенных указали, что их отношение

к иностранным трудовым мигрантам зависит от страны выбытия последних. В большей мере негативно жители края относятся к мигрантам, прибывшим из стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении) и Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджана). Скорее, позитивные чувства жители края испытывают к выходцам из восточноевропейских стран – Белоруссии, Украины, Молдавии.

Образ мигранта основан прежде всего на оценках, ощущениях, ассоциациях. Так, словосочетание «иностранцы трудовые мигранты» вызывает у жителей Красноярского края преимущественно негативные ассоциации. Чаще других жители края приводят такие определения, как «грязный» и «наглый». На втором месте по количеству – позитивные определения «работающий» и «трудолюбивый». На третьем месте – нейтральные, не раскрывающие особого эмоционального отношения к образу иностранного трудового мигранта. Негативное восприятие иностранного трудового мигранта отражено и в желании жителей Красноярского края дистанцироваться. На это указывает тот факт, что в круг друзей, знакомых, коллег большинства жителей Красноярского края (60 %) не входят иностранные трудовые мигранты. Стоит отметить, что существуют различия социальных дистанций, установленных жителями малого и крупного города. Так, например, саяногорцы готовы принимать трудовых мигрантов как коллег, учиться или работать с ними вместе, в то время как красноярцы готовы принимать их только как сограждан одного государства. Это говорит о том, что жители малого города более открыты для контактов с иностранными трудовыми мигрантами, чем жители мегаполиса.

Результаты исследований позволили выделить два типа образа иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края. Первый характеризуется агрессией, угрозой экономическому и культурному развитию края. Это подтверждается суждениями о том, что необходимо жестко контролировать приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов, нужно разрешить въезд в Россию только тем, кто знает русский язык и уважает русскую культуру, надо ограничивать количество иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае, а народы, которые имеют свою историческую родину за пределами России, должны уехать туда.

Второй тип образа менее распространен в массовом сознании жителей нашего региона и включает позитивные характеристики, выраженные суждениями о том, что проживание на территории края представителей разных национальностей обогащает культуру нашего региона, что нужно создавать условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию, что приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов способствует экономическому развитию страны, что влияние иностранной трудовой миграции на рост преступности в Красноярском крае – это миф. Именно первый тип образа иностранного трудового мигранта доминирует в массовом сознании жителей Красноярского края, он оказывает влияние на формирование этнических стереотипов и предрасположений по отношению к мигрантам.

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что образ иностранного трудового мигранта включает в себя как негативные, так и позитивные характеристики. С одной стороны иностранный трудовой мигрант – это представитель другого государства, приехавший ради заработка, как правило, имеющий низкую профессиональную квалификацию, склонный к девиантному поведению. Такой образ иностранного трудового мигранта вызывает раздражение и неприязнь, желание дистанцироваться. С другой стороны, иностранный трудовой мигрант – это работающий и трудолюбивый человек, носитель другой национальности, культуры и языка. Его проживание на принимающей территории способствует экономическому развитию и культурному обогащению региона.

Список литературы

1. Титов В. Н. О формировании образа этнического мигранта (анализ публикаций прессы) // Демоскоп Weekly. 22 ноября – 5 декабря 2004. № 179–180.
2. Мукмоль Вл. Российские дискурсы о миграции // Вестн. обществ. мнения. 2005. № 1 (75).

Лысенко Ирина Сергеевна

г. Красноярск, Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнёва

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (по результатам опроса студентов СИБГАУ имени академика М. Ф. Решетнёва)

Актуальность проблемы межэтнических отношений для вузов возрастает с каждым годом, поскольку во многом социальное настроение подрастающего поколения определяет будущее общества и межэтнических отношений. Актуализирует эту тему и возрастающая межкультурная коммуникация, и растущий межнациональный состав студентов.

И насколько сегодня молодежь студенческого возраста проявит уважение друг к другу независимо от национальной принадлежности, настолько социальный климат приобретет созидательный характер в будущем.

Социологические исследования, проводимые в последние годы в Красноярском крае, показывают, что в молодёжной среде не все благополучно в области межэтнических отношений. Социологическое исследование, проведенное в 2012 году в молодёжной среде города Красноярска, выявило следующее: 45 % мужчин и 39 % женщин скорее недовольны фактом их проживания в многонациональной среде. Лишь 7 % мужчин и 10 % женщин ответили, что скорее довольны¹.

Высшее учебное заведение занимает существенное место в процессе сохранения и развития среды межэтнической доброжелательности. Так, в уставах российских вузов подчеркивается их активная роль в решении важных социально-экономических задач общества. Необходимость участия Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнёва в решении важных социальных задач зафиксирована в Уставе и миссии вуза. В числе задач, которые сегодня стоят перед университетом, – это сохранение и преумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества; воспитание у обучающихся чувства патриотизма, любви и уважения к народу, национальным традициям и духовному наследию России; распространение знаний среди населения, повышение его образовательного и культурного уровня². В определении миссии университета отмечается, что вуз по-

---

¹ Труфанов Д. О. Национальный вопрос глазами молодежи: по результатам социологического исследования мнений учащихся учреждений начального профессионального образования и среднеспециальных учебных учреждений г. Красноярска. Красноярск, ООО «Поликор», 2012. С. 13.

² Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнёва» (новая редакция). 27 мая 2011 год. № 1866. С. 4.

мимо удовлетворения научно-образовательных потребностей общества формирует в будущих высокопрофессиональных специалистах способность ставить и решать актуальные задачи, имеющие существенное социальное значение для государства. Один из пунктов политики руководства СибГАУ в области качества связан с совершенствованием воспитательной работы.

Цель нашего исследования – выявление отношения студентов СибГАУ к представителям иных национальностей. В ходе исследования нами были выявлены и различия между студентами гуманитарных и технических специальностей.

Источники, из которых студенты получают информацию о межнациональных отношениях. Наиболее популярными источниками, из которого студенты СибГАУ получают информацию о межэтнических отношениях, являются Интернет и телевидение (соответственно 71,8 % и 56,3 %). Остальные источники информации обладают более низкой популярностью, чем Интернет. Мало студенты СибГАУ получают информации о межэтнических отношениях в вузе (53,8 %), а также от друзей и соседей (52,7 %), от родителей (46,6 %) и из школы (45,8 %).

Следует отметить, что, по мнению студентов, Интернет и телевидение распространяют в основном отрицательную информацию по данному вопросу (53,4 % и 33,5 % соответственно). Как наиболее положительную студенты оценили информацию, полученную в вузе (75,0 %). Но при этом не стоит забывать, что объём информации о межэтнических отношениях, получаемой в вузе незначителен.

Исследование не выявило существенной разницы между студентами технических и гуманитарных специальностей в вопросе о наиболее популярных источниках получения информации. И те и другие отмечают значимую роль Интернета и телевидения. Однако студенты-гуманитарии в большей степени, чем студенты технических специальностей получают информацию о межэтнических отношениях от родителей, а также от друзей и соседей (соответственно 29,2 % и 19,5 %, а так же 34,7 % и 26,8 %). Интернет для студентов гуманитарных и технических специальностей СибГАУ практически в равной степени представляет собой источник негативной информации (соответственно 52,8 % и 53,5 %).

Обращает на себя внимание различие мнений гуманитариев и технарей в оценке ряда источников. Так, от друзей и соседей гуманитарии получают негативную информацию в большей степени, чем студенты технических специальностей (соответственно 29,9 % и 19,4 %). Та же тенденция отмечается в случае с родителями. Соответственно, 13,5 % гуманитариев и 9,9 % студентов технических специальностей получают от родителей негативную информацию. Отметим, что при этом гуманитарии чаще информируются о межэтнических отношениях из этих источников, чем технари.

Представляет интерес студенческая оценка вуза как источника информации о межэтнических отношениях. Студенты-гуманитарии в меньшей сте-

пени, чем студенты-технари получают из вуза информацию о межэтнических отношениях, но при этом в большей степени оценивают её как негативную (соответственно 5,6 % и 3,4 %).

Исследование выявило определённую закономерность. Чем больше объём информации о межэтнических отношениях, получаемой из определённого источника, тем чаще студенты отмечают её преимущественно отрицательный характер. Кроме того, студенты-гуманитарии в большей степени, чем студенты технических специальностей склонны оценивать как отрицательную информацию по вопросу межэтнических отношений, получаемую из разных источников.

Отношение студентов к многонациональности как характеристике территории проживания. Результаты исследования показали, что большинство студентов Сибирского государственного аэрокосмического университета выразили нейтральное либо положительное отношение к факту полиэтничности Красноярска. Однако важно учитывать, что свыше 30 % студентов не довольны тем, что проживают в полиэтничной среде.

Сравнительный анализ ответов студентов гуманитарных и технических специальностей на вопрос «Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональной среде?» позволяет сделать вывод о том, что студенты-гуманитарии в целом занимают в этом плане более определенную позицию. Среди равнодушных к факту полиэтничности студентов-гуманитариев меньше на 7,3 %, чем студентов технических специальностей. Кроме того, доля студентов-гуманитариев, недовольных и скорее недовольных полиэтничностью своего региона выше, чем доля таких среди технических специальностей: среди гуманитариев недовольных – 36,8 %, среди студентов-технарей недовольных – 29,7 %.

Уровень социальной дистанции, устанавливаемый студентами по отношению к представителям других национальностей. Согласно данным опроса, подавляющее большинство студентов СибГАУ (74 %) имеют друзей или близких иной национальности. Иными словами, около $\frac{3}{4}$ опрошенных студентов участвуют в межэтнических отношениях. Сравнительный анализ долей студентов технических и гуманитарных специальностей СибГАУ, утвердительно отвечавших на вопрос о наличии друзей или близких иной национальности, показывает, что больше ответов «да» было среди учащихся гуманитарной специальности (76,4 %), чем среди учащихся технической специальности (73,7 %). Однако различие не является существенным.

Анализ мнений студентов о наличии в регионе факторов дискриминации по этническому признаку. Как показали результаты исследования, большинство студентов СибГАУ (65,2 %) никогда не сталкивались с проявлением недоброжелательного отношения по национальному признаку в отношении себя лично. При этом подавляющее большинство (91,2 %) опрошенных в той или иной степени сталкивались с фактами недоброжелательного отношения по национальному признаку в отношении других людей (часто – 25,1 %

и иногда – 66,1 %). Студенты гуманитарных специальностей и технических в большинстве своём никогда не сталкивались с проявлением недоброжелательности в отношении себя лично (соответственно 64,6 % и 65,4 %). Стоит отметить, что студенты гуманитарных специальностей чаще испытывают по отношению к себе недоброжелательность, чем студенты технических специальностей (соответственно 6,3 % и 4,1 %).

Студенты гуманитарных специальностей гораздо чаще (31,9 %), чем технических (23,5 %) сталкиваются и с недоброжелательным отношением по отношению к другим. При этом более половины респондентов (63,1 %) затруднились ответить на вопрос о том, подвергаются ли в Красноярске дискриминации какие-либо этнические группы. Положительно ответили (15,3 %) и отрицательно (21,6 %).

Студенты, обучающиеся на гуманитарных специальностях, признают наличие дискриминации определённых этнических групп чаще (17,4 %), чем студенты технических специальностей (14,8 %).

Таким образом, с одной стороны, 91,2 % опрошенных указали на присутствие в своём жизненном опыте практик столкновения в Красноярске с проявлением недоброжелательного отношения по национальному признаку в отношении других людей; с другой стороны, 63,1 % студентов затрудняются ответить на вопрос, подвергаются ли дискриминации определённые этнические группы в Красноярске. Следовательно, студенты склонны с большим вниманием и эмоциональностью фиксировать то, что происходит в непосредственной близости к ним, нежели в городе вообще.

Оценка студентами состояния межнациональных отношений на территории Красноярска. Только 18,2 % опрошенных студентов СибГАУ считают, что межнациональная ситуация стабильная и угрозы возникновения конфликтов на этнической почве нет. Подавляющее большинство студентов (67,9 %) допускают возможность возникновения межэтнических конфликтов, хотя характеризуют в целом межнациональные отношения как стабильные. Однако 14,1 % опрошенных считают, что в регионе межнациональная ситуация нестабильна и в любой момент могут произойти конфликты.

Сравнение оценок состояния межнациональных отношений, данных студентами гуманитарных и технических специальностей, позволяет сделать следующий вывод. Подавляющее большинство студентов, как среди гуманитарных, так и технических специальностей, с небольшой разницей в процентном отношении характеризуют межнациональные отношения как стабильные с возможным возникновением конфликтов (соответственно 64,6 % и 68,6 %). Среди тех, кто оценивает межнациональные отношения как нестабильные, больше студентов-гуманитариев (соответственно 18,1 % и 13,1 %).

Оценка студентами своей готовности выступить в защиту лиц своей национальности, если их права и интересы будут ущемляться. Как показали результаты исследования, студенты СибГАУ довольно высоко оценивают степень своей готовности выступить в защиту лиц своей национальности, ес-

ли их права и интересы будут ущемляться. Так, 84,3 % опрошенных в той или иной мере готовы выступать в защиту лиц своей национальности (49,1 % – готовы однозначно; 35,2 % – скорее готовы, чем не готовы). Однозначно не готовы 1,6 % и 3,7 % опрошенных скорее не готовы, чем готовы выступать в защиту представителей своей национальности. Затруднились ответить на данный вопрос 10,4 % студентов СибГАУ.

Студенты, обучающиеся на технических специальностях, высказываются по данному вопросу более выраженную положительную позицию (однозначно готовы), чем студенты гуманитарных специальностей. Так, если среди студентов технических специальностей доля тех, кто однозначно готов вступить в защиту представителей своей национальности, если их права и интересы будут ущемляться, составила 50,2 %, то среди студентов-гуманитариев таких 44,4 %, что на 5,8 % меньше. В свою очередь, студенты-гуманитарии чаще, чем студенты технических специальностей выражали затруднение при ответе на данный вопрос (соответственно 11,2 % и 6,9 %).

Социальная дистанция выявлялась нами в исследовании и при помощи факторного анализа семи утверждений, касающихся сферы межэтнических отношений. Первый фактор объединил все положения, в которых респондент враждебно настроен по отношению к представителям иных национальностей. Второй фактор подразумевает высказывания, указывающие на дружелюбное отношение. В третий фактор вошли высказывания, соответствующие осторожному отношению к представителям иной национальности. В отличие от высказываний, составляющих первый фактор, эти положения не являются враждебными, но в немалой степени представляют социальные страхи. Таким образом, три фактора кратко можно охарактеризовать следующим образом: враждебная позиция, доброжелательная позиция и социальные страхи.

Вопрос включает следующие суждения: разжигание межнациональной розни – это преступление, за которое надо сурово наказывать; радикальный национализм заслуживает всяческого осуждения; народы, которые имеют свою историческую родину за пределами России, должны уехать туда; многонациональная среда – питательная почва преступности; нельзя делить народы на хорошие и плохие, так как в любом народе есть и хорошие, и плохие люди; нужно разрешить въезд в Россию на продолжительное время только тем, кто знает русский язык и уважает русскую культуру; все народы – и большие, и малые – должны иметь в России равные возможности для сохранения своего языка, религии, традиций, обычаев. Респонденту предлагались следующие варианты ответов: «согласен», «скорее согласен», «затрудняюсь ответить», «скорее не согласен», «не согласен».

Факторный анализ выявил доминирование первого фактора (33,098 %), второй фактор составил 20,332 %, третий фактор – 14,505 %. Другими словами, среди студентов доминирует враждебное отношение к представителям иной национальности. Данные результаты свидетельствуют о присутствии

определённых социальных рисков, связанных с угрозой формирования конфликтных ситуаций по этническому признаку.

Социальная дистанция выявлялась нами также по такому важнейшему показателю, как шкала Богардуса. Индекс социальной дистанции по шкале Богардуса в студенческой среде СибГАУ, который определялся нами по определённой формуле, составил 3,7. Индекс также определялся отдельно в среде студентов гуманитарных специальностей и технических специальностей. В обоих случаях он составил 3,7. Результаты, полученные с помощью данного метода, показывают, что студенты воспринимают представителей иных национальностей только как соседей. Респонденты не готовы вступать с ними в семейные и дружеские отношения.

Таким образом, исследование показало, что в целом студенты оценивают межэтнические отношения как стабильные и большинство из них участвуют в межэтнических отношениях. Однако в социальной дистанции настораживает доминирование фактора враждебности, а также готовность к общению с представителями иных национальностей только на уровне соседства. Другими словами, большинство опрошенных студентов не готовы вступать в семейные и дружеские отношения с представителями иной национальности.

Анализ мнений студентов-гуманитариев и студентов технических специальностей выявил различие. Студенты гуманитарных специальностей испытывают в большей степени дискомфорт в межэтнических отношениях, чем студенты технических специальностей. Итак, исследование выявило наличие определённых социальных рисков в студенческой среде. В связи с чем вузам, наряду с другими важнейшими социальными институтами, необходимо уделять существенное значение вопросам межэтнического воспитания, и распространения позитивной информации о межэтнических отношениях в студенческой среде.

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В МОЛОДЕЖНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТАХ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩЕЕ ДОСТОВЕРНУЮ ИСТОРИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период экономического и социально-политического кризиса в развивающихся государствах Восточной Европы остро встает национальный вопрос, появляются попытки переосмыслить историю отдельных народов в Великой Отечественной войне. Победа в войне в ряде источников за рубежом попала в следующий спектр трактовок: от участия СССР на равных со странами-союзницами до участия СССР в качестве оккупантов на территории Украины и даже Германии. Как мы видим, изучение истории войны 1941–1945 годов в некоторых странах стало политикой, развернутой в прошлое. По проведенным исследованиям в интернациональной молодежной среде в 2015 году на вопрос «Какую политическую выгоду получают те, кто переписывает историю победы в Великой Отечественной войне?» большинство респондентов выбрали следующие варианты: «Поставить под сомнение историческую роль СССР» и «Ударить по национальной идее населения постсоветских республик».

Таблица 1

Результаты опроса среди молодёжи Сибирского федерального округа

Вариант ответа	Количество голосовавших, % от 200 чел.
Удар по национальной идее населения постсоветских республик. Убрать объединяющий фактор	33,3 %
Смягчить приговор фашизму и оправдать действия Киева на юго-востоке Украины, будущее наступление	11,1 %
Поставить под сомнение историческую роль СССР, чтобы продолжать истребление и подмену	55,6 %
Историю никто не подменяет. Это домыслы	0 %

Источник. Школа публичной дипломатии Красноярска. Архив опросов

Таблица демонстрирует разные мнения, однако она не ставит под сомнение тот факт, что никто из опрошенных не сомневается, что информацию

о роли СССР во Второй мировой войне искажают различными средствами. Анализ иностранной прессы в период кризиса на Украине демонстрирует порицание в адрес советской стороны, пытавшейся насадить свою модель государственного и экономического устройства до Атлантического океана. Однако потери советской стороны, по последним данным 27 млн человек, не упоминают европейские источники. Не упоминаются и союзники гитлеровской Германии: Венгрия, Румыния, Финляндия, Хорватия, Испания, Италия, Болгария, Япония, часть населения оккупированной Прибалтики и Украины. Под свастикой в Россию пришел далеко не один «немец», а целый «букет наций», которые вел за собой рейх, ровно так же, как вели за собой Австро-Венгерская империя и Наполеон.

В 2014–2015 годах мы как никогда много услышали версий о войне. Версия В. Суворова-Резуна в «Ледоколе» о сговоре Гитлера со Сталиным уже давно перестала быть конспирологической революцией. В 2015 году мир узнал от политиков Евросоюза, что Первый Украинский фронт освобождал Европу и в нем воевали лишь украинцы, которые отвоевали у фашистов лагерь Освенцим¹. Узнали, что после того, как бойцы Красной Армии оккупировали Украину, входившую в состав СССР, они еще оккупировали и Берлин².

Европейски союз, часть стран которого в период с 1938–1945 год подверглась насильственной оккупации фашистов, сегодня отрицает право России на мирную жизнь в рамках большого континента, а мы из вежливости и политкорректности забыли нацистскую историю всех союзников Гитлера, чтобы дать новый шанс для искупления вины.

Однако, ссылаясь на труды Ф.М.Достоевского 1877 года, проследим его мысли и современное состояния международных отношений в Европе: «Не будет у России, и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! Начнут же они по освобождении свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному,

---

¹ Глава МИД Польши заявил, что Освенцим освобождали украинцы 15:5721.01.2015. РИА новости. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150121/1043600343.html>.

² Йиржи Батя (Jiří Baťa) Советский Союз напал на Германию и начал Вторую мировую войну! (Czech Free Press, Чехия). Режим доступа: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150114/225543055.html>.

хитрому и варварскому великорусскому племени. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее¹.

В Красноярском крае как в многонациональном субъекте Федерации вопрос международного обсуждения общепризнанных итогов войны остается чрезвычайно важным. Стоит вспомнить, что Красноярский край традиционно стабильный в национальном плане регион являлся платформой для апробации общественно-политических и экономических процессов. Красноярский край стал символом целостности и собирания России, наиболее привлекательным регионом с благоприятным инвестиционным климатом. В регионе проживает более 130 национальностей, крупные диаспоры татар, немцев, белорусов, украинцев, азербайджанцев, армян, поляков живут дружно и не поддаются влиянию международных интриг на территориях своего истинного происхождения – будь то Украина или Польша. Из лучших уголков мира люди съезжаются именно в наш регион, поскольку находят в нем комфортную рабочую и межнациональную атмосферу.

В связи с тем, что количество иностранных студентов в Красноярске только растет, возникает потребность в создании методов адаптации иностранных граждан к общероссийскому, историческому пониманию победы в истории Красноярского края, нашей страны и мира.

Международные управления в вузах Красноярска стали важными и популярными структурами в контексте периода глобализации и увеличения темпов студенческих международных обменов. Не столько официальные мероприятия становятся основной функцией международных отделов, сколько воспитательная работа и международная молодежная политика.

Так, в преддверии победы в Великой Отечественной войне 7 мая 2015 года свыше 50 иностранных студентов первого года обучения Центра международного образования и сертификационного тестирования СФУ присоединились к празднованию Дня Победы. В мероприятии приняли участие студенты из 11 зарубежных государств. Специально по случаю праздника молодые люди подготовили небольшие сообщения о том, как Вторая мировая война затронула их родину, а также разучили стихи и песни на русском языке. Преподаватели Гуманитарного института СФУ сделали для участников презентацию по теме с акцентом не на политической, а исторической составляющей.

Отмечая наиболее значительные праздники, студенты центра не просто изучают русский язык – они погружаются в культуру. «Великая Отечественная война затронула много стран, но столь масштабно праздник Победы от-

---

¹ Достоевский Ф. М. ПСС в 30-ти томах, ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА тома XVIII–XXX, ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ноябрь 1877. Т. 26, глава II, параграф III. Изд-во «НАУКА» Ленинград, 1984.

мечают не везде. Однако, мне кажется, ребята смогли прочувствовать, что День Победы значит для России. Участники подошли очень серьезно: учили сложные для них тексты. А зрители после мероприятия подходили и благодарили, говорили, что узнали новые для себя вещи¹.

Сами молодые люди разных стран и континентов так отметили смысл мероприятия. Калоян Павлов (из Болгарии изучает русский язык 7 месяцев, готовится к поступлению в университет. На его родине самый большой праздник – освобождение от османского ига отмечают 3 марта, тем не менее он охотно согласился принять участие в мероприятии центра и с удовольствием рассказывает, что обозначает георгиевская ленточка): «Это символ Победы. В моей стране свои символы, но мы помним, что за освобождение болгарского народа боролись и русские солдаты». Китайский студент Хэ Цзиньсюнь в России уже два года. Китай тоже участвовал во Второй мировой войне, там до сих пор помнят о жертвах Нанкинской резни. Он утверждает, что песню про Катюшу услышал в первый раз в Красноярске, когда готовился к выступлению): «Было очень сложно запомнить все слова. Ещё сложнее быстро повторять. Но русские песни мне нравятся, они очень мелодичны». Согоба Тьюфоло родом из африканской страны Мали (в России он всего 6 месяцев, присоединиться к празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне он решил вполне сознательно). Он говорит: «У нас в стране тоже отмечают День Победы, но 22 сентября, как и здесь проходят парады, люди танцуют».

Формы привлечения иностранных студентов к празднованию 9 мая отличаются в разных регионах и по периодичности проведения, и по отражению роли субъекта Федерации в ходе войны. Так, в Волгограде студенты РУДН в рамках патриотического проекта «Поезд Памяти» для ветеранов Великой Отечественной войны спели военные песни на русском языке. Руководитель отдела туризма и отдыха Российского университета дружбы народов Олег Барсуков организовал прибытие 30 иностранных студентов из Африки, Азии, Латинской Америки, Европы и стран СНГ в Волгоград в рамках патриотического проекта «Поезд Памяти». Чтобы стать участником «Поезда Памяти», студенты писали рефераты, участвовали в олимпиадах по русскому языку, конкурсах, культурной, спортивной и общественной жизни университета. В рамках патриотического проекта «Поезд Памяти» студенты также посетили Санкт-Петербург, Минск и Киев. Они не только исполняли для ветеранов песни, но и читали для фронтовиков стихи. Иностранных исполнителей ветераны слушали с большим удовольствием и активно аплодировали после каждого номера².

В Красноярске студенты Сибирского федерального университета разработали тест на знание истории Великой Отечественной войны. На интернет-ресурсе присутствовали ссылки на известные музеи, у которых есть хорошие

---

¹ Иностранцы студенты СФУ присоединились к празднованию юбилея Победы. Директор ЦМОиСТ СФУ Е. Н. Елина. Режим доступа: <http://news.sfu-kras.ru/node/15493>.

² Для ветеранов ВОВ иностранные студенты пели военные песни 22 мая 2013. 20:18 [АН-online].

тематические библиотеки. В разработке вопросов для теста участвовали 20 студентов-историков первого и второго курса Гуманитарного института СФУ. Тест был рассчитан на 20 минут, за это время нужно ответить на 20 вопросов. Студенты были разделены на 5 групп по 4 человека. Каждая из пяти групп готовила по 60 вопросов на темы: «Военные действия», «Крым», «Быт и культура», «Экономика, дипломатия». Куратором проекта стала замдиректора Гуманитарного института СФУ А.С. Кузьменко. Разработка красноярских студентов-историков размещена на портале «Историяпобеды.рф»¹.

В Школе публичной дипломатии Красноярска уделяется огромное внимание научным исследованиям в рамках региональной безопасности, развития науки и образования в постсоветских странах Центральной Азии, изучению культурных особенностей, формированию политических систем, процессов и демократических механизмов, пониманию исторических событий периода СССР и Великой Отечественной войны. Студенты, магистранты и аспиранты из числа обучающихся в красноярских вузах по линии Университета ШОС и в частном порядке, становятся заметно активными в научно-исследовательской деятельности и приходят в Центр геополитики и международных отношений Управления международных связей Сибирского федерального университета с идеями проработать то или иное научное направление.

Вопросы национального характера, которыми политики активно спекулировали в период разрушения СССР, во многом до сих пор остаются остры и могут привести не только к непониманию взаимных позиций, но и к новым конфликтам. Обучающиеся в Красноярске представители постсоветских республик имеют определенную научную и общественную вес в тех странах, откуда приехали. Они представляют из себя наиболее образованную часть общества, которая при правильном понимании событий общей истории сможет осветить данную информацию своим согражданам по приезду.

Так, с 13 по 16 мая 2015 года делегация Красноярского края приняла (в составе Армения, Кыргызстан, Россия) участие в IV Всероссийском съезде Ассоциации иностранных студентов, который проходил в Орле. Съезд прошел на базе государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса. Всего более 170 студентов из 65 стран Южной Америки, Африки, Азии прибыли в Орел, чтобы обсудить вопросы учебы, отдыха, социальной адаптации иностранных учащихся в России. Гости участвовали в спортивных состязаниях и олимпиаде по русскому языку, пели и танцевали на праздничном концерте, посвященном победе в Великой Отечественной войне. В работе съезда были задействованы 17 представителей посольств разных стран, в числе которых Йемен, Нигерия, Чад, Руанду, Конго, Бенин, Танзания, Гватемала и другие. Каждый из гостей подготовил свое обращение к России и городу первого салюта – Орлу о видении результатов по-

---

¹ Студенты СФУ разработали тест на знание Великой Отечественной войны. 08.05.2015. 11:21. Режим доступа: <http://bloknot-krasnoyarsk.ru/news/studenty-sfu-razrabotali-test-na-znanie-vov-596961>.

беды в Великой Отечественной войне. Съезд иностранных студентов стал крупнейшим событием в области культурной и научной дипломатии России. Именно такой формат работы с иностранной молодёжью поможет противостоять растиражированным СМИ точкам зрения, противоречащим не только исторической правде, но и в ряде стран законодательству.

Таким образом, Красноярский край как крупнейший промышленный резерв Красной Армии в годы Великой Отечественной войны ставит перед собой еще и гуманитарную задачу по разъяснению исторически достоверных фактов учащейся иностранной молодёжи через образовательные и культурные программы, экономия на которых станет преступной в современных международных условиях.

Список литературы

1. Исследования студентов, магистрантов и молодых учёных представителей республик Союза ССР и Китая (Азербайджан, Армения, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан): сб. науч. тр. / под общ. ред. коллектива журнала The Newman in Foreign Policy. Красноярск, 2015. 106 с. ISSN 2412-8198 РИНЦ № 443-06\ 2015

2. Никуленков В. В. Евразийский союз: от Гибралтара до Владивостока: монография. Красноярск, 2015.

Жирнова Екатерина Александровна

г. Красноярск, Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени академика М. Ф. Решетнева

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ

В условиях трансформирующегося общества процессы трудовой миграции обостряют экономические, социальные, культурные проблемы. Трудовая миграция является важнейшим фактором модернизации рынка труда, которая приводит к изменениям условий жизни населения и его воспроизводства и, в свою очередь, вызывает трансформацию институтов социальной сферы. Из всего многообразия социальных институтов особое внимание заслуживает образование как важнейшая сфера социальной жизни, формирующая интеллектуальное, культурное, духовное состояние общества.

В настоящее время наблюдается усиление миграционных процессов и Красноярский край не является исключением. Миграционный прирост из государств – участников СНГ с 2007 по 2014 год составил 45538 человек (табл. 1).

Таблица 1

Итоги миграции населения из стран СНГ [1]

Год	Количество прибывших	Количество выбывших	Миграционный прирост
2007	6286	818	5468
2008	6545	654	5819
2009	7101	432	6669
2010	5550	385	5165
2011	6711	441	6270
2012	5764	958	4806
2013	7672	1604	6068
2014	8365	3092	5273
Итого	53994	8456	45538

Наибольшее количество мигрантов прибывает из Таджикистана, Киргизии, Азербайджана, Армении и Казахстана, наименьшее – из Туркмении, Грузии и Молдовы.

Воздействие модернизации и миграции на социальную структуру общества остается одной из наиболее актуальных тем на протяжении более чем двух десятилетий. О влиянии миграции на социальную структуру населения наиболее известны работы, проводимые Институтом им. Макса Планка (см., например, журнал *Demographic Research*), *Luxembourg Income Study*, (см., например, Skinner, C., Bradshaw, J. and Davidson, J. *Child support policy: an international perspective*. Leeds: 2007), университетами Оксфорда и Кембриджа. В России подобные исследования проводились Институтом социологии РАН, Институтом независимой социальной политики, Центром миграционных исследований. Схожие проекты выполняются на общероссийском и международном уровнях в различных инвариациях (Институт им. Макса Планка, *Luxembourg Income Study*, университеты Оксфорда, Кембриджа, Санта Фе, Институт социологии РАН, Институт независимой социальной политики, Центр миграционных исследований).

Из всего многообразия социальных институтов рассмотрим образование, в частности остановимся на определении тенденций и социальных последствий влияния трудовой миграции на качество общеобразовательной услуги. Для образования проблема миграции очень актуальна, так как в некоторых красноярских школах количество детей мигрантов составляет до 10 % от общего числа обучающихся.

Образование – целенаправленная деятельность по обучению и воспитанию, личностному развитию ребёнка, осуществляемая в интересах обучающихся, общества и государства в соответствии с принципами образовательной политики, закреплёнными в законодательстве РФ.

Качество образования можно рассматривать как многомерное понятие. Это прежде всего интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов, условий образовательного процесса нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям. Это также востребованность полученных знаний в конкретных условиях и местах их применения для достижения конкретной цели и повышения качества жизни.

Измерение качества образования – это оценка уровня образовательных достижений с помощью контрольно-измерительных материалов (традиционных контрольных работ, тестов, анкет и др.), имеющих стандартизированную форму и соответствующих реализуемым образовательным программам.

Объективными показателями качества образования являются:

- результаты государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы основного общего образования и среднего (полного) общего образования;

- внеучебные достижения обучающихся (спортивные, творческие и т. д.);
- результаты медицинских обследований школьников;
- общий уровень духовного, нравственного, социального и культурного развития обучающихся школы.

Анализ влияния миграции на качество обучения является предметом междисциплинарного исследования. Методологические и методические вопросы исследования миграции населения подробно рассмотрены в работе [2]. Основу составляют социологические исследования с опорой на статистический материал и привлечением демографических, экономических и этнологических данных. Методологической базой проекта является теория стратификации. Применяются общенаучные методы исследований теоретического уровня: анализ научной литературы и синтез имеющихся знаний по изучаемой проблеме, категоризация обобщенных и осмысленных материалов, парадигматическое противопоставление имеющихся точек зрения, классификация и схематизация полученных результатов. Для практической реализации задач применяется статистический анализ, теоретический анализ документальных источников, вторичный анализ материалов социологических исследований, причинный анализ, сравнительный анализ, типологический анализ и ранжирование материалов, проведение экспертных опросов, фокус-групп, глубоких интервью. Сбор и формирование материала осуществляется с использованием программного обеспечения Access.

Исследование влияния миграции на качество образования предполагает рассмотреть влияние детей-мигрантов на следующие аспекты качества образовательной услуги:

- успеваемость обучающихся, результаты сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ), оценки в аттестате;
- уровень конфликтности в учебном заведении;
- дальнейшую образовательную направленность учащихся (среднее и высшее профессиональное образование);
- участие обучающихся в культурной, спортивной или научной деятельности;
- здоровье обучающихся, пристрастие к вредным привычкам и т. д.

Данное исследование целесообразно проводить с позиции школьников, их родителей, учителей, администрации и других заинтересованных лиц. Подобное исследование позволит разработать научно обоснованные управленческие решения, обеспечивающие качество школьного образования, адаптацию детей мигрантов к новой для них социальной, культурной среде, общественное развитие и оптимальное использование человеческого капитала. В случае игнорирования данных проблем возможно возникновение теневых институциональных практик, формирование консервативных иноэтничных диаспор, что будет осложнять нормальную социализацию детей мигрантов, усугублять социальное неравенство и в конечном счете может привести к усилению национальной розни, межэтническим конфликтам.

Список литературы

1. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. Режим доступа: <http://www.statist.krs.ru>.
2. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учеб. пособие; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007. 370 с.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Красноярский край является регионом с высоким экономическим потенциалом, раскрыться которому в полном объеме мешает сырьевая направленность экономики, исторически сформировавшаяся на территории Красноярского края. Подобная модель национальной экономики имеет целый ряд негативных последствий, одним из которых является высокая зависимость экономики от конъюнктуры рынка. Сырьевая модель экономики не может обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, потому что при истощении полезных ископаемых требуется разведка новых месторождений, которая, в свою очередь, нуждается в привлечении все более высоких капитальных вложений. Поэтому государству целесообразно уделить большее внимание инновационному развитию региона путем рационального использования сырьевых ресурсов для создания и финансирования новых источников дохода, акцентировать внимание на том, что обеспечение комфортных условий для научной деятельности молодых специалистов является базисом инновационного развития региона.

Ссылаясь на опыт развитых стран, можно утверждать, что эффективная государственная политика в области инноваций и образования способствует развитию экономики знаний на данных территориях. Для устойчивого развития экономики необходимо следовать опыту стран с высоким международным инновационным индексом: США, Япония, Великобритания и другие. В СССР такой опыт был, создавались большие запасы человеческого ресурса. Но на данный момент государство не уделяет должного внимания вопросу инновационного развития, а делает акцент на стимулирование экспорта природных ресурсов.

Модернизация экономики невозможна без правильного отношения к главной производительной силе общества – высококвалифицированному и высокоинтеллектуальному труду.

На территории Красноярского края присутствует недостаток квалифицированных специалистов, который препятствует трансформации сырьевой модели экономики в инновационную. Данную проблему усложняет демографический фактор: плотность населения составляет 1,21 человек на км² [2], что является, несомненно, низким показателем в сравнении с регионами Европейской части России. Обостряет данную проблему иммиграция населения, оказывающая существенное влияние на динамику численности, структуру и вос-

производство края. На фоне этого развивается проблема старения научных кадров: молодые специалисты переезжают в другие регионы с более развитой научно-технической инфраструктурой, где они могут эффективнее использовать свой труд.

Согласно данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, на территории Сибири прослеживается тенденция межрегиональной иммиграции населения, которая составила за январь–сентябрь 2015 года 30 465 человек [2].

Одна из причин данного явления – это малооплачиваемость научной деятельности в Красноярском крае. Несмотря на то, что Красноярский край занимает 21-е место по величине средней заработной платы ученых среди всех субъектов РФ [4], дифференциация доходов научных сотрудников между Красноярским краем и Московской областью значительная: данный показатель составляет 39 083 и 58 923 руб. соответственно. Однако среднесписочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в январе–сентябре 2015 года составила 6598 человек, что на 5,9 % больше, чем в январе–сентябре 2014 года.

За последний год ситуация на рынке труда усугубилась под влиянием девальвации национальной валюты: прошли массовые сокращения, снизились заработная плата, премии. В Красноярском крае 80 % соискателей работы отметили, что ощутили влияние кризиса на текущем рабочем месте. Данный показатель превышает среднее значение по России, способствуя «оттоку» молодых учёных за пределы региона [5].

Основной задачей государственной политики в сфере научно-технического и инновационного развития должна стать поддержка молодых учёных, способных раскрыть инновационный потенциал Красноярского края, а также создание благоприятных условий для реализации эффективной деятельности участников инновационного процесса.

Государственные органы должны реализовать данную задачу в двух направлениях [1]:

- 1) сокращение оттока специалистов из Красноярского края в центральные регионы России;
- 2) привлечение специалистов из других регионов России.

Эффективная государственная политика в этих направлениях не только способна сократить межрегиональные иммиграционные процессы, но и способствовать развитию инновационной активности края. Она может быть реализована при принятии следующих мер:

- 1) ускорение создания научно-производственных и научно-образовательных комплексов;
- 2) вовлечение вузов Красноярского края в работу создаваемых бизнес-инкубаторов и технопарков для повышения эффективности учебного процесса;
- 3) развитие интеграционных процессов в сфере образования;

4) создание инновационной базы для исследований, разработок и реализации новых технологий;

5) разработка системы стимулов, направленных на привлечение ведущих учёных научных центров страны, специалистов производственных компаний к участию в учебном процессе и научных исследованиях, проводимых в вузах региона;

6) формирование государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов;

7) инвестиции в человеческий капитал;

8) стимулирование создания крепких партнерских отношений между научными деятелями, бизнесменами и государством путем создания кластеров.

Реализация предложенных мер позволит на долгосрочной основе уменьшить дефицит квалифицированных и молодых кадров для модернизации и инновационно-технологического развития Красноярского края.

Список литературы

1. Цукерман В. А. Проблемы и перспективы инновационно-технологического развития экономики Севера // Экономика и управление. 2007. № 6. С. 76–78.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/21-05.htm.

3. Закон Красноярского края «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Красноярском крае: от 01.12.2011 № 13-6629 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Рейтинг: в каком регионе РФ зарплата научного сотрудника была больше в 2014–2015 гг. Режим доступа: <http://rosnauka.ru/rating/194>.

5. Красноярский край в лидерах по сокращениям персонала в компаниях. Режим доступа: <http://krasnoyarsk.hh.ru/>.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ЧАСОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Одним из культуурообразующих факторов является время. На основе времени регламентируются общественные отношения. Например, приобретение той или иной социальной роли связывается с достижением определенного возраста, конкретными временными рамками ограничиваются периоды обучения в школе, службы в армии. Установленные и всем известные эти временные рамки дают возможность конструирования реальности настоящего на основе представлений о будущем. Так, предвидя вступление в тот или иной социально значимый возраст, члены общества могут планировать свою жизнедеятельность. Таким образом, время выступает как социальная ценность. Это ресурс, которым в равной степени обладают все члены общества. При этом идентичное отношение ко времени является объединяющим фактором для группы людей. И тогда особенности восприятия времени становятся частью картины мира, актуальной для того или иного общества.

Фрагмент мира со своим внутренним временем называется темпомиром [30]. Он обладает относительной автономностью, а его члены общими ценностями. Механизмом регулирования социальных процессов в том или ином обществе (темпомире) служат социальные часы. Это нормативные биографические схемы, которые выстраивают настоящее в соответствии с представлениями о будущем. Они определяют основные возрастные периоды в жизни человека, в которые предписывается или дозволяется освоение тех или иных социальных статусов и ролей [30].

Одна из проблем российского общества, затрудняющая межкультурное взаимодействие, а также и внутреннее развитие, – это большое количество рассогласованных темпомиров. В таких условиях необходимой является синхронизация скорости и ритмов жизни страны. Закрепление на законодательном уровне тех или иных социально значимых возрастов и временных периодов является инструментом синхронизации. Поэтому для выявления общих тенденций изменения социальных часов был предпринят анализ законодательных актов СССР, РСФСР и РФ второй половины XX – начала XXI века. Для всех этапов рассматриваемого периода исследовались:

- возраст – совершеннолетия, получения паспорта, пенсионный, брачный, сексуального согласия, уголовной ответственности, воинской обязанности, покупки алкоголя;

- периоды: нормированная рабочая неделя, ежегодные отпуска, количество праздничных дней в году, срок обучения в средней школе и вузах, срок службы в армии, срок давности преступления, срок беременности, на котором позволителен аборт, срок трудового стажа, необходимого для получения пенсии;

- периодизации возрастов.

Результаты библиографического анализа нормативных актов были подтверждены с помощью метода интервью, проведенного среди граждан, живших в разные этапы развития СССР и РФ. Оформлены результаты в графики и таблицы. Такая форма является наглядной для наблюдения социальных процессов и выявления закономерных тенденций. Ниже приведены графики только для тех категорий данного исследования, которые являются наиболее актуальными на момент 2015 года.

В 2014 году по сравнению с 2013 смертность и рождаемость возросли на 2 % [33], а по предварительно опубликованным данным на 2015 год по сравнению с 2014 смертность снова возросла, а вот рождаемость понизилась. При этом количество браков на 1000 человек населения в 2014 году уменьшилось только на 0,1 (стало 8,4 бракосочетаний на 1000 чел. в год), а количество разводов осталось неизменным – 4,7 разводов на 1000 чел. в год. Это значит, что не уменьшение семей, а аборт влияют на демографическую обстановку. Они часто становятся причиной бесплодия. Главный педиатр России, доктор медицинских наук Александр Баранов назвал цифру в 4 млн бесплодных семей в России на момент 2015 года [31].

Актуальность этой темы на сегодняшний день была поднята на пресс-конференции «Аборты – это акт саморазрушения и личности, и общества», прошедшей в Москве 4 июня 2015 года в информационном центре ТАСС. Посвящена она была вопросу выведения абортов из системы обязательного медицинского страхования.

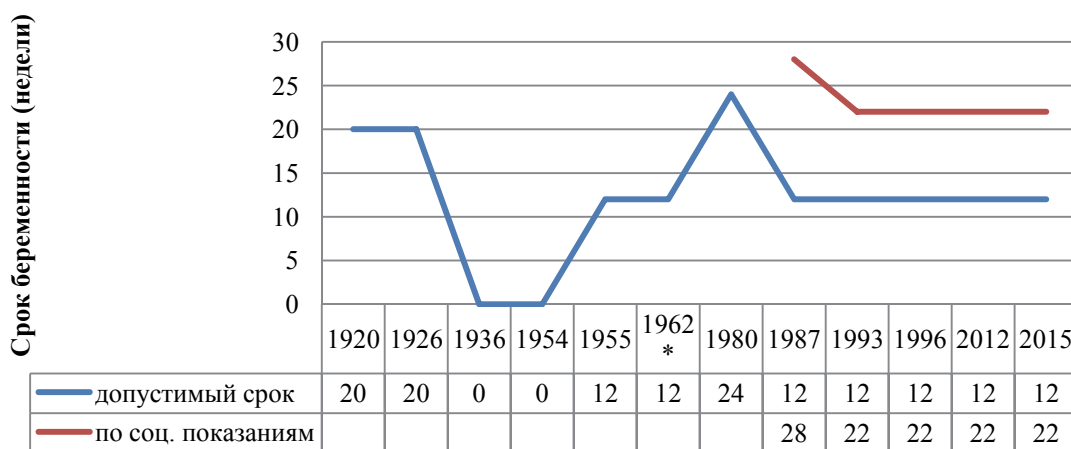

Рис. 1. Сроки беременности, допустимые для аборта

Из рис. 1 видно, что в РФ практика абортов давно нормализована в двух категориях: до 12 недель срока беременности аборт может сделать любая желающая женщина, до 22 недель – только по социальным причинам. Сразу стоит отметить, что именно наша страна первой в мире легализовала искусственное прерывание беременности с 1920 года. Во времена плохого демографического положения этот закон отменяли. Но в 1980-е годы ситуация ухудшилась таким образом, что от плода стало возможным избавляться до 24 недель по любым причинам. В 1987 году снова вернули принятое на основе физиологических показаний ограничение до 12 недель. Но при этом по социальным причинам аборт можно было делать уже до 28 недель, в это время ребенок является уже сформировавшимся. Поэтому политику РФ по отношению к абортам можно считать более гуманной, чем в СССР. Но все же аборт по социальным показаниям переступает срок беременности, принятый современными медицинскими стандартами. В словаре терминов вспомогательных репродуктивных технологий извлечение плода после 20 недель уже носит характер родов [28].

В число упомянутых социальных причин входит смерть мужа или развод, а также многодетность. Так, чтобы было меньше аборт по этим причинам, необходимо укреплять институт семьи и усиливать поддержку многодетных семей. Современное российское законодательство таково, что порождает схему заключения браков, в которой беременность становится их причиной, а не наоборот. Это связано с частью 6 статьи 134 УК РФ [5], согласно ей, лицо, вступившее в половую связь с лицом, не достигшим 16 лет, может быть освобождено от ответственности, если вступит в брак с потерпевшим. Это порождает увеличение числа ранних браков. По данным Росстата [33], явление ранних браков впервые приняло огромную силу в 1990-е годы, когда многие субъекты РФ воспользовались возможностью регионального снижения брачного возраста, предусмотренной частью 2 статьи 13 СК РФ [3].

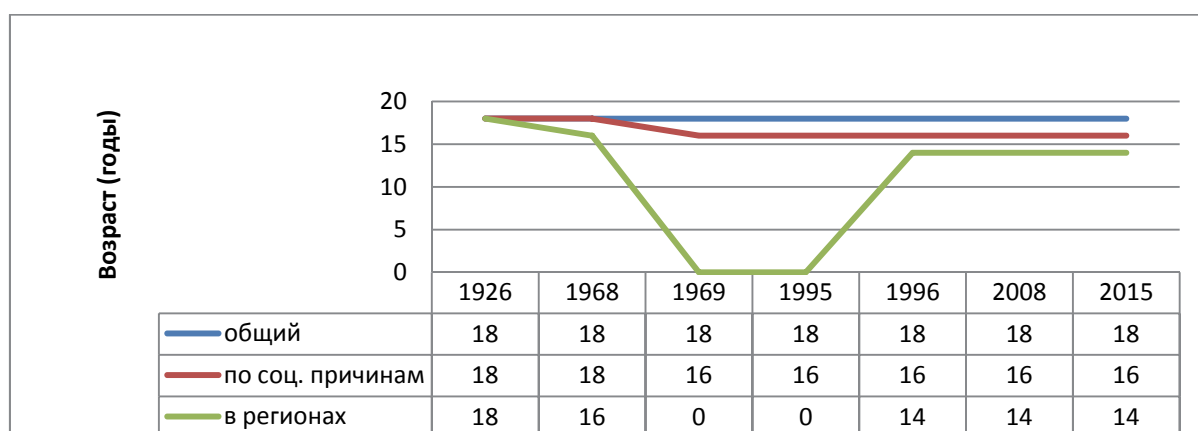

Рис. 2. Брачный возраст

Рис. 2 иллюстрирует следующую ситуацию: единый брачный возраст всегда составлял 18 лет. В 1968 году было разрешено в отдельных регионах, где это продиктовано этническими особенностями, заключение браков до 18, но не раньше, чем в 16 лет. Через год были внесены поправки, и теперь республики могли устанавливать совершенно любой брачный возраст. Фактически, в СК исчезла единая для всего СССР нижняя граница брачного возраста. Это видно на графике, где зеленая линия опускается до нуля. На данный момент в СК РФ тоже не прописана нижняя граница и субъекты сами решают, когда могут жениться их граждане. Но по факту минимальный возраст вступления в брак составляет 14 лет, он закреплен в законе Московской области 1996 года [11] и подтвержден в 2008 году. Сейчас в России 27 регионов, в которых можно жениться с 14–15 лет, последней в их число в текущем году вошла Архангельская область.

Показательно, что первыми подобные законы приняли области центральной России, в которых это вовсе не продиктовано национальными традициями. Для примера, в Кабардино-Балкарской республике только в 1998 году был принят закон, в котором нижний порог брачного возраста составил 15 лет. А в Московской и еще 5 областях уже в 1996 году установили возраст в 14 лет. Так, проблема ранних браков, причиной которых часто является беременность, оформилась в Европейской части России. Это указывает на упомянутое выше различие темпов внутри одного государства. При этом связанное с этой ситуацией уменьшение возраста получения паспорта до 14 лет было распространено по всей России. С помощью этих двух примеров видна постепенная синхронизация темпов в единое пространство.

Исходя из этого можно говорить о том, что наблюдаются тенденции раннего взросления. Согласно результатам, полученным из проведенного исследования, увеличивается и ответственность несовершеннолетних (увеличение количества статей, за которые привлекаются к уголовной ответственности четырнадцатилетние, права несовершеннолетних работников на отпуск и нормированную трудовую неделю все более приравниваются к правам остальных). Времени, как ресурсу, придается большее значение (сокращается срок службы в армии, увеличивается количество праздничных дней в году и продолжительность отпусков). Социальные роли осваиваются все быстрее, но теоретическому образованию уделяется все больше времени (введение одиннадцатилетнего образования в школе, шестилетнего обучения в вузах). В детской периодизации возрастов нижние границы юности постепенно сдвигаются к 13 годам. Насыщенность юношеского периода различными социальными ролями увеличивает и его верхние границы. Например, в современном учебнике по обществознанию Л. Н. Боголюбова юность продолжается до 29 лет [52].

Благодаря перечисленным тенденциям общество становится ориентированным на ценности молодежной культуры. Во главу угла ставится активная жизненная позиция, демократизация ценностей (не навязывается единая

идеология), открытость к изменениям и преобразованиям. Но с учетом культурных особенностей нации, а также разрозненности темпов преобразования часто затягиваются, а с течением времени приобретают иные формы, иногда очень неудачные. Например, после закона 1984 года [23] о введении одиннадцатилетней школы, в 1989 году были убраны 3-е классы, а добавлены 11-е. Так, формально ученики заканчивали 11 классов, но учились 10 лет. Только набор 2000 года отучился полные 11 лет, а значит, система 11-летнего образования заработала только в 2003 году (когда набор пошел в 4 класс).

В российской культуре сложился негативный образ старости в связи с тем, что в этот период жизни утрачивается большая часть социальных ролей [61]. При этом давно утрачено уважение к старшим, присущее традиционной культуре, а высокий уровень жизни старшего поколения, обычно присущий модернизированному обществу, не достигнут. Анализ других категорий данного исследования показал, что на первом плане стоят ценности молодежной культуры. Такая ориентация культуры сопряжена с социальной политикой активизации старшего поколения [29].

На рис. 3 синей и зеленой линиями обозначено, как будет работать политика 2015 года относительно повышения пенсионного возраста, если будет одобрена в 2016 году. Со следующего года начнется постепенное увеличение возраста выхода на пенсию по 6 месяцев в год и остановится по достижению 63-х лет. Две нижние линии графика демонстрируют подобную политику 2009 года, направленную на увеличение необходимого трудового стажа для получения пенсии по старости.

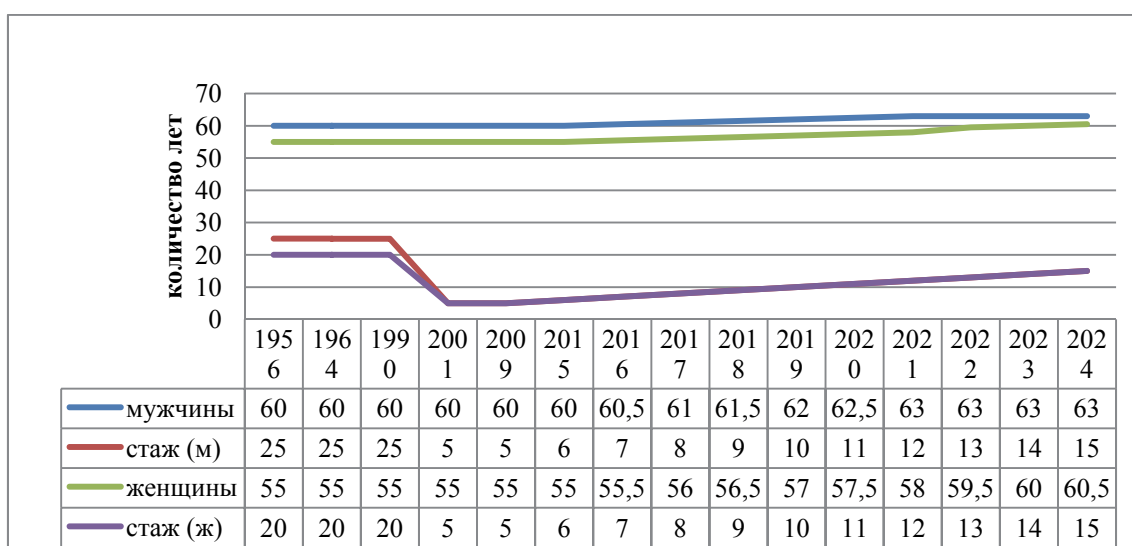

Рис. 3. Пенсионный возраст

Упомянутая выше политика активизации старшего поколения дает возможность людям старшего возраста реализовывать большое количество социальных ролей, носящих активный характер: путешествовать, вступать в брак, приобретать новые профессии. Увеличение пенсионного возраста может быть одним из признаков ориентации на данную политику. Но этот шаг не может быть успешным без увеличения продолжительности и уровня жизни. Так, увеличение пенсионного возраста, призванное уменьшить долю пассивного населения по отношению к активному, представляется недейственным. Уменьшится число пенсионеров, так как ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляет 58,8 лет [58]. Но увеличится число неактивных людей зрелого возраста с низким уровнем жизни.

Таким образом, ориентация на ценности молодежной культуры, благодаря разрозненности темпомиров и замедленности воплощения в реальность законопроектов, иногда приводит к негативным последствиям для общества или изменению нравственных критериев. Но в целом динамика изменения социальных часов выявила процессы демократизации ценностей, увеличения ответственности несовершеннолетних, раннего взросления, быстрого освоения социальных ролей, усиления роли теоретического образования, увеличения ценности свободного времени.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. N 15. Режим доступа: http://referatwork.ru/spisok_literaturi/oformlenie_spiska_literaturi_gost_7-1-2003_7-0-5-2008_2014.html

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. N 2.

3. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182681;div=LAW;rnd=180312.9051867183297873;;ts=142522100218031208718527806922793>.

4. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (ред. от 02.05.2015 N 122-ФЗ). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187053;div=LAW;rnd=180312.3425995639991015;;ts=142522100018031205288422084413469>.

5. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 16.07.2015. N 22-П. Официальный сайт компании «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>;

base=LAW;n=174173;div=LAW;rnd=180312.18427056935615838;;ts=142522100518031209246119181625545.

6. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 12.11.2012). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/edu/>.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву». 6 июля 2006 года № 104-ФЗ (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.04.2006). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ;frame=15;n=40273;req=doc>.

8. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=43021;fld=134;dst=100008;rnd=177853.6270043044351041;;ts=01778539707763828337193>.

9. Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=181971;req=doc>

10. Федеральный закон о страховых пенсиях 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ Список изменяющих документов (в ред. Федерального закона от 29.06.2015 № 173-ФЗ) <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?base=LAW;n=181962;req=doc>.

11. Закон Московской области от 30.04.2008 № 61/2008-ОЗ (ред. от 15.07.2015) «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» (принят постановлением Мособлдумы от 24.04.2008 N 9/41-П). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=MOB;n=212629;req=doc>.

12. Проект Основных направлений бюджетной политики на 2016 г. и на плановый период 2017–2018 гг. Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=64713&area_id=4&page_id=2104&porup=Y#ixzz3rY8lR4Kq.

13. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (ред. от 10.01.2003 № 15-ФЗ). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=122942;req=doc>.

14. Закон «О государственных пенсиях в Российской Федерации» от 20 ноября 1990 г. № 340-1 (в ред. Федерального закона от 14.01.1997 № 19-ФЗ). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=34222;req=doc>.

15. Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14.07.1956 с изм. и доп., внесенными Законом СССР от 06.07.1978. Ведомости ВС СССР, 1978. № 28. ст. 445.

16. Закон СССР «Об утверждении законодательства союза ССР и союзных республик о труде» (вместе с основами законодательства) от 15 июля

1970 г. [Электронный ресурс] Законы и право. Режим доступа: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1716>.

17. Закон РСФСР «Об утверждении Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») от 27.09.1960 г. Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1915>.

18. Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 12.10.1967 № 1950-VII (ред. от 10.04.1989). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=1529;req=doc>.

19. Закон СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» от 15.05.1990. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=393;req=doc>.

20. Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов» от 15.07.1964 № 2688-VI (ред. от 03.12.1987). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=364;req=doc>.

21. Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/pensia/>.

22. Постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» от 07.05.1985 № 410 (ред. от 24.07.1990). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=1602;req=doc>.

23. Постановление ВС СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» от 12.04.1984 № 13-XI. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;frame=31;n=636;req=doc>.

24. Постановление Госкомтруда СССР, секретариата ВЦСПС «Об утверждении положения о порядке подтверждения трудового стажа для назначения пенсий» от 12.09.1990 n 369/16-52. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=6703;req=doc>

25. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС «О сроках завершения перевода на семи- и шестичасовой рабочий день и упорядочения заработной платы рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства СССР» от 19.09.1959 № 1120. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?base=ESU;frame=1;n=281;req=doc>.

26. Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) 17 февраля 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 2. (1929–1940). М., 1967. С. 524.

27. Законопроект федерального закона № 251141-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=104571>.

28. Glossary on ART Terminology / F. Zegers-Hochschild, G. D. Adamson, J. de Mouzon, O. Ishihara, R. Mansour, K. Nygren, E. Sullivan, S. van der Poel // *Fertility and Sterility*. № 5(92). 2009. 11 с.

29. Амбарова П.А. Культурная вариативность социальных часов. Начало жизненного пути // *Изв. Урал. гос. ун-та Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2011. № 2. С. 220–229.

30. Амбарова П. А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2011. № 4 (95). С. 232–238.

31. В Москве прошла пресс-конференция «Аборты – это акт саморазрушения и личности, и общества». Режим доступа: <http://www.word4you.ru/news/29447/>.

32. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993. № 38.

33. Демография. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

34. Димони Т. М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века // *Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории*. № 3. Вологда: «Легия». 2002.

35. Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Изд. 3-е. М., 1970. С. 175–182.

36. Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. 3-е. изд. М. 1970. С. 185–188.

37. Дружинина Ю. В. Субъективное социальное время как элемент управления организационной культурой: автореф. дис. канд. социол. наук. Новосибирск, 2010.

38. Зарубин А. Г. Социальное время и особенности его свойств в периоды общественно-политических кризисов. Институт исследования природы времени. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubin_social_vremya.ht.

39. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.

40. Кодексы. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page=inf0;rnd=180312.29615286039188504>.

41. Кравченко А. И., Певцова Е. А. Обществознание: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. 14-е изд. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012.

42. Лукша П. О. Конструирование времени и возможные механизмы пророчествования и гадания // *Синергетика времени*. М., 2007. С. 141–150.

43. Лукша П. О. Роль памяти в субъективном времени сложных систем // *Синергетика времени*. М.: Репроникс, 2007. С. 151–170.

44. Методика преподавания обществознания в школе: учебник. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2002. 304 с.
45. Морозова С. А. Основные тенденции правового обучения и воспитания школьников в советское время // История и обществознание в школе. 2000. № 3.
46. Народное образование. Большая Советская энциклопедия. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article105600.html>.
47. Народное образование в СССР. 1917–1967 гг., под ред. М. А. Прокофьева [и др.]. М., 1967.
48. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 69–133.
49. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12–19.
50. О состоянии и мерах по дальнейшему совершенствованию народного образования в СССР: материалы шестой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва: 17–19 июля 1973 г. М.: Политиздат, 1973. 86 с.
51. Общеобразовательная школа. Большая Советская энциклопедия. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article083341.html>.
52. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень. М.: Просвещение, 2014. 335 с.
53. Кравченко А. И. Обществознание: учебник для 7 класса. 5-е изд. М.: ООО «ТИД Русское слово – РС», 2006. 176 с.
54. Октябрюта, пионеры. Внутришкольная детская организация «Русичи». Режим доступа: <http://rusichi.74320s13.edusite.ru/p34aa1.html>.
55. Бабанский Ю. К. Педагогика: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М., Просвещение, 1988. 479 с. Режим доступа: <http://www.detskiysad.ru/ped/ped222.html>.
56. Петров Г. И. Основы советского законодательства о народном образовании // Правоведение. 1973. № 5. С. 7–17 <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1134869>.
57. Прокофьев М. А. Советская общеобразовательная школа на современном этапе. М., 1975.
58. Росстат: продолжительность жизни мужчин в РФ самый низкий по Европе. [Электронный ресурс] РИА Новости. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20050815/41155455.html>.
59. Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2014 году. [Электронный ресурс] Деловая жизнь. Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>.
60. Поздеев А. В., Биянов Е. Б. Универсальные поурочные разработки по обществознанию. 6 класс. М.: ВАКО, 2013. 320 с.
61. Феофанов К. А. Старость в современном обществе: руководство по геронтологии // Психология старости и старения. С. 29–35.

62. Фурин С. А. Старшие пионеры // Пионер. 1982. № 12. С. 20.

63. Человек и общество. Обществознание: учеб. для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2. 11 кл.; под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. 5 изд. М.: Просвещение, 2006. 281 с.

64. Чернега К. А. Некоторые правовые аспекты искусственного прерывания беременности // Гражданин и право. 2002. № 9/10.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

На первый взгляд может показаться, что экология и миграция никак между собой не связаны. Однако при более подробном рассмотрении обнаруживается прямая взаимосвязь. В рамках миграционных процессов происходит «перемещение людей на достаточно большое расстояние и достаточно продолжительный срок [9; с. 543]. Возникновение же экологических проблем напрямую связано с антропогенной нагрузкой, особенно это видно на примере крупных городов [12; с. 4, 11]. Таким образом, миграционные процессы приводят к изменению плотности населения и влияют на экологию.

В свою очередь, экология может служить фактором, усиливающим миграцию. Многие меняют свое место жительства или пребывания в силу неэкономических факторов миграции [9; с. 544]. К примеру, больным при некоторых заболеваниях рекомендованы определенные условия окружающей среды [16].

Вышесказанное имеет отношение в первую очередь к внеправовому аспекту. Эколого-правовой характер данная проблема приобретает в рамках финансово-правовых отношений. Рост антропогенной нагрузки является одним из факторов возникновения экологических проблем, а, следовательно, его игнорирование при оценке может привести к реальной нехватке средств для компенсационных мер. Хотя Конституционный суд и указал на особую «компенсационную» природу [7], платежи в рамках экологического права носят нецелевой характер [11; с. 39]. Величина сумм, идущих на восстановительные экологические мероприятия, не ставится в прямую зависимость от степени ущерба: их размер определяется при составлении бюджета на основании оценки вреда. Степень антропологической нагрузки непосредственно не определяет размер выплат. Нелегальная миграция же сильно осложняет положение: реальный учет нагрузки становится, в принципе, невозможен. Отсюда усиление существующей диспропорции вреда [11; с. 39] окружающей среде и величины бюджетных средств, выделяемых на его компенсацию. Таким образом, органы миграционного учета и экологического контроля должны совместно участвовать при определении размеров финансирования компенсационных мероприятий.

Осуществление экологических прав при миграции также усложняется. Скажем, право на благоприятную окружающую среду, закреплённое в ст. 42 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), распростра-

няется не только на граждан РФ, но и иностранных граждан и лиц без гражданства. Гарантией этого права выступает возможность получить достоверную информацию о состоянии окружающей среды, обратившись в орган государственной власти (ст. 2 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в ст. 3 указывает, что в деятельности государственных органов используется русский язык (как государственный). Безусловно, иностранные граждане и лица без гражданства имеют право пользоваться своим родным языком (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ), но не в рамках обращений в государственные органы, иначе работа государственных органов и их координация между собой станут невозможными. Взятие государством подобного обязательства приведет к невозможности его исполнения: каждый государственный и муниципальный орган в функциональном смысле будет должен иметь лиц, способных перевести надлежащим образом и дать ответ на обращение.

По сути, аналогичного рода проблема возникает по поводу правовой помощи. Во-первых, не обладающее языковыми знаниями лицо часто не может знать о наличии или отсутствии тех или иных экологических прав. Во-вторых, даже зная о них, не может самостоятельно защитить их. Для решения этой проблемы можно предложить иностранным представительствам предоставлять информацию об экологическом состоянии, дабы они доводили ее до сведения въезжающих в РФ иностранных граждан, поскольку именно на них возложена обязанность по защите прав граждан представляемого государства (ст. 3 Венской конвенции «О дипломатических сношениях», ст. 5 Венской конвенции «О консульских сношениях»). Однако это также не является абсолютным решением: 1) эта мера действительна только для иностранных граждан, а не для лиц без гражданства; 2) иностранные представительства есть далеко от каждой страны и не в каждом городе. В Красноярске, к примеру, есть только Отделение Посольства Белоруссии [15] и Почетное Консульство Словакии [14].

Проблематично также обеспечение исполнения эколого-правовых обязанностей иностранными гражданами и лицами без гражданства, в том числе и обязанности по охране природы и окружающей среды (ст. 58 Конституции РФ). Естественно, их неисполнение нарушает экологические права и интересы других лиц, что противоречит ч. 2 ст. 36 Конституции РФ. Наряду с выше-рассмотренным языковым барьером можно выделить еще несколько причин подобного рода нарушений:

Во-первых, диспропорция эколого-правовой и экологической культур у мигрантов и коренных жителей. Проблемы возникают, если у приезжих этот уровень ниже общепринятого в данной местности. Это можно проиллюстрировать на примере усилившегося потока беженцев в Европу [13].

Во-вторых, отсутствие мотивации. Как верно отмечено в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, природные ресурсы, а значит и окружающая среда, являются

основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Однако значительная часть мигрантов не отождествляет место своего пребывания со своим домом, а значит, не воспринимает окружающую среду как основу жизнедеятельности своего народа. Отсюда и неуважительное отношение к ней.

В-третьих, экологические проблемы с учетом мигрантов [10; с. 126–127] и усиление миграции усложняют контроль за этим процессом, что порождает почву для роста нелегальной миграции. В связи с нелегальной миграцией усиливается теневой сектор экономики, нелегальный рынок труда и услуг [10; с. 127–128]. Соответственно увеличивается размер неуплаченных экологических платежей, которые направлены, как отметил Минусинский районный суд, на обеспечение экологических прав граждан (ст. 42 Конституции РФ, ч. 1 ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды») [8].

Таким образом, экологические и эколого-правовые проблемы и миграционные процессы крайне взаимосвязаны. Во многом именно миграция порождает и усугубляет уже существующие экологические и эколого-правовые проблемы. По нашему мнению, для их разрешения необходим целый комплекс мер в рамках сотрудничества органов экологического контроля и миграционного учета.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституции Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 12.11.2015).
2. Федеральный Закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 12.11.2015).
3. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749 (дата обращения: 12.11.2015).
4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999 (дата обращения: 12.11.2015).

Международные договоры

5. Венская конвенция о дипломатических сношениях // Организация объединенных нации. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 12.11.2015).

6. Венская Конвенция о консульских сношениях // University of Minnesota. Режим доступа: <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/Rconsularrelations.html> (дата обращения: 12.11.2015).

Судебные акты

7. Определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 284-О // СПС Консультант плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40086/6023fcd028ad292e43d4d1542b78f7e276cd81 (дата обращения: 14.10.2015).

8. Решение Минусинского районного суда от 21.05.2015 по делу № 2-2085/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/КККНм3ууXUJ4> (дата обращения: 12.10.2015).

Научная литература

9. Колосницына М. Г., Суворова И. К. Международная трудовая миграция: основы и политика регулирования // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 5. С. 543–564.

10. Мануилова В. В., Чепурко Г. В. Меры по сокращению негативных последствий нелегальной миграции // КАНТ. 2013. № 3. С. 126–128.

11. Рыженков А. Я. Принцип платности природопользования в праве // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 2. С. 37–42.

Учебная литература

12. Хомич В. А. Экология городской среды: учеб. пособие. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. 267 с.

Сайты

13. Главной мировой темой вновь был поток беженцев в Европу // Первый канал. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/world/292120> (дата обращения: 09.11.2015).

14. Информация по представительствам Словацкой Республики в странах СНГ // Группа компаний SlovakiaInvest. Режим доступа: <http://slovakiainvest.ru/NewsMore.aspx?id=2&newsid=95> (дата обращения: 09.11.2015).

15. Отделение Посольства Беларуси в России в городе Красноярск // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.embassybel.ru/departments/krasnoyarsk> (дата обращения: 09.11.2015).

16. Экологические аспекты детской заболеваемости // ООО «МЕТРОЛОГ». Режим доступа: http://metrolog-spb.ru/wp-content/uploads/otsenka_prirodnih_i_antropogennyh_faktorov.pdf (дата обращения: 09.11.2015).

КОРЕЙЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА

В 2014 году отмечалось 150 лет добровольного переселения корейцев в Россию. Поначалу они проживали только на Дальнем Востоке, однако в силу обстоятельств были вынуждены переселяться и в другие регионы (в Россию и на территории стран СНГ). С 1 января 2014 года вступил в силу безвизовый режим (до 60 дней) между Россией и Южной Кореей. Уже ведутся переговоры о введении безвизового режима между Россией и Северной Кореей.

Все эти события заставляют задуматься о том, как живет корейцам в нашей стране уже такое долгое время и почему по истечении времени после распада СССР мало кто хочет вернуться на историческую родину.

В Южной Корее изучение проблем этнических корейцев в России ведётся с 1990 года. Главным образом оно фокусируется на истории переселения, быте и культуре, языковой ситуации, этнической самоидентификации и т.д. Это стало возможным благодаря установлению дипломатических отношений между Россией и Южной Кореей и активизации академических обменов. Корейцы в России продолжали считаться частью корейской нации и для Южной Кореи. Большая часть этих исследований проводилась с позиции: этнические корейцы как часть корейской нации. Объективные исследования невозможны без рассмотрения вопросов ассимиляции корейцев и взаимодействия с местным населением, особенностей поведения и положения в новом обществе. Подобного рода исследования уже проводились и были достигнуты определенные результаты. Однако данный вопрос требует дальнейшей работы.

Так, в своем исследовании Чой Ву Ик профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Южная Корея) в отличие от некоторых своих соотечественников рассматривает изменения, произошедшие в жизни российских корейцев в современных условиях рыночной экономики. Профессор отмечает роль корейцев в современной России, основываясь на том, что в настоящее время уровень образования корейцев повысился, многие из них больше заняты в интеллектуальных сферах¹.

Профессора Дальневосточного государственного университета Н. Г. Мизь и А. А. Бреславец в своей книге осветили процессы иммиграции корейцев на Дальний Восток России с 1860 по 1917 годы. Они опираются на анализ статистических данных и редких исторических документов. Исследователи определяют периоды иммиграционных потоков, дают характеристику

---

¹Чой Ву Ик. Социально-экономические изменения в жизни российских корейцев в условиях рыночной экономики // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 29–34.

каждому из них, обозначают особенности образа жизни в российском Приморье, хозяйственного уклада, сельскохозяйственной и предпринимательской деятельности, участия в военных действиях, взаимоотношений с русским населением¹. Н. Ф. Бугай исследовал этапы переселения корейцев советского периода. Им были рассмотрены теоретические аспекты проблемы иммиграции и эмиграции корейцев, дискуссионные вопросы, дана периодизация этапов проживания советских корейцев в условиях СССР и России².

И. Н. Толстых, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, рассмотрела проблему сохранения и развития самобытности российских корейцев на примере корейцев, поселившихся в Приморском крае³. Профессор из московского Национального исследовательского института Высшей школы экономики Ж. Г. Сон в своем исследовании изучила эволюцию менталитета русскоязычных корейцев, проживших на территории России 150 лет, выделила их национальные особенности, а также приобретенные русские культурные черты⁴.

Данные исследования освещают разные этапы жизни корейцев в России, но практически нет обобщающих выводов о роли и месте корейского этнического меньшинства за всю историю их переселения на территорию российского государства. Исходя из этого была сформулирована проблема: Какое место занимают российские корейцы как этническое меньшинство в современной России? Какова их роль в условиях нашей страны?

Далее речь пойдет об этнических корейцах, живущих в Приморье, так как Приморский край более заселен корейским этносом, чем любая другая территория РФ.

Обратимся к истории и особенностям иммиграции корейцев на территорию России, в частности Приморья.

Первый этап (1864–1884 гг.). Началом истории корейской иммиграции на территорию российского государства считается первая половина 60-х годов XIX века. После включения в состав российских владений Приамурья (Айгунский договор 1858 г.) и Приморья (Пекинский трактат 1860 г.) появилась общая граница России и Кореи. Около 1864 года на эти новые российские земли начали заселяться первые корейские семьи, образовавшие корейский поселок. На этом этапе переселение осуществлялось многодетными крестьянскими семьями, которые представляли доведенное до отчаяния бедней-

---

¹ Мизь Н. Г., Бреславец А. А. Корея – российское Приморье: путь к взаимопониманию: монография. Владивосток, 2009. 204 с.

² Бугай Н. Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах: сб. ст. / отв. ред. Р. К. Тангалычева, В. В. Козловский СПб, 2015. 420 с.

³ Толстых И. Н. Корейская диаспора в Приморском крае как социальное явление // Интеллектуальный потенциал Вузов – на развитие дальневосточного региона России: сб. материалов международной научно-практической конференции. Владивосток, 2008. Ч. 2. С. 334–338.

⁴ Сон Ж. Г. Формирование нового менталитета русскоязычных корейцев (1990–2014) // Русскоязычные корейцы стран СНГ: общественно-политический синтез за 150 лет: сб. материалов международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 19 апреля 2014 года.). Новосибирск, 2014. С. 43–53.

шее население. Корейское и китайское правительства препятствовали массовому переселению корейцев, но русское правительство в целом было благосклонно к иммигрантам. При недостатке трудовых ресурсов на необжитых территориях создавались условия для широкого привлечения иностранной рабочей силы, поэтому численность корейцев на Дальнем Востоке росла.

Второй этап (1884-1904 гг.). Данный этап характеризовался переходом русской власти к конкретным программным действиям по наведению порядка в ситуации активного присутствия азиатского населения, в частности корейского. Издавались законы, запрещающие иностранцам селиться в приграничных местностях (1886 г.) и приобретать землю в пределах Амурской и Приморской областей (1892 г.). В конце XIX века появляются первые корейские общественные организации. Они помогали своим членам в правовом, экономическом и культурном плане, а также способствовали светскому и религиозному образованию. Среди иммигрантов из Кореи в этот период преобладают сезонные рабочие, большинство из которых оставалось на постоянное жительство в России. Все больше корейцев работало в различных отраслях промышленного производства: на строительстве железных дорог, на приисках, рыбозаводах, фабриках¹.

К началу XX века всем корейцам, иммигрировавшим в Россию, было разрешено принять русское подданство. Корейцев отнесли к государственным крестьянам, привлекли к налогам и предоставили им земли по 50 десятин на семью, при этом дальнейшее переселение корейцев в Россию все же было нежелательным.

Корейцы тем самым стали важной частью населения России и в политическом плане. Но для максимальной включенности корейцев в дела государства, необходимы были реформы просвещения. Особенно важную роль сыграла пропаганда через православную церковь.

Третий этап (1905–1955 гг.). После установления японского колониального режима в Корею в 1905 году эмиграция корейцев приобрела более массовый характер. Люди бежали по причине резкого ухудшения материальных условий, а также из-за политических соображений. В их числе были противники японских колонизаторов, участники национально-освободительной борьбы. Главным центром проживания корейцев был Дальний Восток. В 1905–1917 годы численность корейского населения в этой области продолжала расти, превысив к концу этого этапа, по некоторым сведениям, 100 тыс. человек². Корейцы с начала гражданской войны поддерживали Красную Армию, которая выражала активную антияпонскую позицию, многие вступали в ее ряды. Советская власть всячески способствовала советизации корейских иммигрантов. Благодаря этому повысился уровень образования у корейского населения, развивалась национальная культура.

---

¹ Переславцев Н. И. К 150-й годовщине начала переселения корейцев в Приморский край // Служу Отечеству. 2014. № 11.

² Ларин Л. А. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 249.

С августа 1937 года военнотружущих-корейцев стали увольнять из Красной армии. В этом же году вышел указ «О депортации всех неблагонадежных народов». Корейцы были первыми, кого принудительно переселили с территории России в Среднюю Азию. Причиной такой политики были подозрения советской власти в том, что корейцы могут пособничать японским шпионам.

Четвертый этап (1955–1990-е гг.). Со второй половины 1950-х к корейцам вернулась свобода передвижения за пределы республик проживания. Корейцы начали переселяться обратно в Россию. Уже после распада СССР, вследствие ухудшения экономических условий в странах Центральной Азии, а также из-за преимущественного использования только национальных языков, большая часть этнических корейцев, для которых русский язык стал родным, переехали в Россию.

Переселявшиеся в начале 1990-х годов в Россию корейцы выбирали местом своего жительства регионы, где они проживали изначально, главным образом Приморский край. В этот регион мигрировали около 16 тыс. человек. Важным событием в этой связи стало в 1993 г. решение Верховного Совета России «О реабилитации российских корейцев», согласно которому они получили право вернуться в те места, где проживали до переселения в 1937 году, также им оказывалась финансовая поддержка на восстановление экономики регионов и возрождение национальной культуры. Новое правительство выработало новую концепцию, получившую название национально-культурной автономии. Стало возможным разрешение многих проблем, связанных с поддержанием культуры, языка, традиций и этнических особенностей. В настоящее время, благодаря этой концепции, российские корейцы могут официально создавать различные организации и институты, поддерживающие их культурную и экономическую деятельность.

Таким образом, отчасти благодаря политике Российского государства, несмотря на ее двойственность и противоречивость в отношении корейского этноса, корейцам удалось почти полностью ассимилироваться в России.

Рассмотрим динамику численности и миграции российских корейцев.

По данным Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, численность корейских мигрантов в Приморской области по сравнению с 1906 годом, когда насчитывалось 34 399 человек, в 1910 году повысилась до 50965 человек¹.

Таблица 1

Рост численности корейцев в Приморской области в 1906–1910 годах

Год	Русские подданные, тыс. чел	Иностранные подданные, тыс. чел	Всего
1906	16 965	17 434	34 399
1907	16 007	29 907	45 914
1908	16 190	29 307	45 497
1909	14 799	36 755	51 554
1910	17 080	33 885	50 965

¹ Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 годы. Спб., 1912. Прил. 1, с. 3.

Согласно переписи 1959 года численность корейцев в СССР составляла 313735 человек, в том числе в РСФСР – 91445 человек, в Казахской ССР снизилась до 74019 человек, в Узбекской ССР – 138453 человек¹. Данные сведения указывают на то, что в послевоенный период депортированные в другие республики СССР корейцы начали возвращаться туда, откуда были депортированы.

По данным переписи 2002 года, численность корейцев в Российской Федерации составляла 148556 человек, в частности в Дальневосточном округе – 61946, из этого числа в Приморском крае проживало около 17,9 тыс. человек².

Согласно Всероссийской переписи населения в 2010 году общая численность корейцев в Российской Федерации составляла уже 153156 человек, в Приморском крае проживало около 16,3 тыс. человек.

По данным переписи 2010 года оказалось, что из 153156 человек, указавших владение языками, корейским языком владели 42384, при этом родным языком считали русский язык³. На основании этого можно сделать вывод, что более 70 % корейцев, проживающих на российской территории в наше время, утратили свой родной язык.

Национальный состав корейцев в стране с каждым годом увеличивается. В Приморском крае, наоборот, происходит отток корейцев в связи с ростом мобильности современного общества.

Если обратиться к особенностям национального характера корейцев, становится ясно, что ассимиляция произошла не только благодаря государственной политике России. Переселяясь на новую территорию, корейцы стараются адаптироваться к новым условиям. Стремясь к ассимиляции с местным населением, корейцы принимают их культуру и язык, поэтому уровень владения корейским среди современных российских корейцев крайне низок. Но, несмотря на это, в семьях до определенной степени продолжают следовать корейским традициям.

С самого начала переселения на территорию России корейцы показали свою верность новой родине. Например, во времена царской России, когда российские корейцы в Приморье выступили с инициативой отпраздновать 50-летие проживания в России, но после получения официального разрешения со стороны генерал-губернатора Приамурья Н. Гондатти, из-за начала Первой мировой войны празднование решили отменить⁴.

Учитель в корейском обществе считался очень уважаемым человеком, так как часто только он владел русским языком, что помогало решать серьезные вопросы. Во время депортации многих корейских учителей, студентов, ученых, инженеров, врачей, деятелей искусства, несогласных с политикой государства, арестовывали за антисоветскую агитацию. В результате уничтоже-

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>.

² Всероссийская перепись населения 2002 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.

³ Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

⁴ Юн Санвон. Однажды сто лет назад // Российские корейцы. 2014 № 151. С. 22–23.

ния интеллектуальной основы стала исчезать национальная культура корейцев вместе с их родным языком.

История русских корейцев доказывает, что вся их деятельность направлена на реализацию таких стратегий как «путь наверх», т. е. повышение своего социального статуса через получение образования и освоение определенной экономической ниши. Во многом это связано с учением Конфуция, которое распространено в корейском обществе. Благодаря трудолюбию и стремлению получить экономическую стабильность, корейцы смогли добиться успехов в работе в колхозах, промышленном производстве.

За 150 лет проживания корейцев в России современное поколение фактически впитало черты русского менталитета и утратило корейский язык. Родным для них стал русский, что является редкостью для народов, проживающих в России. В 1990-е годы, когда открылись двери для бывших граждан СССР, многие из народов, таких как немцы, евреи, имеющих историческую родину за пределами России, покинули Российскую Федерацию. Третья по численности этническая группа – корейцы, из которых уехали единицы. Причиной отказа вернуться на историческую родину оказалась несовместимость менталитетов: в Корее современный менталитет совсем другой, непривычный для русскоязычных корейцев, впитавших в себя черты русской культуры.

Основой корейского характера является трудолюбие, деловая активность, доброжелательность, стремление к компромиссу, что помогает корейцам налаживать взаимоотношения с другими народами и государством.

Проанализировав представленную информацию можно прийти к выводу о том, что корейцы играют важную роль в установлении межэтнических отношений между народами нашего многонационального государства. Важно заметить, что ассимилировавшись с российским населением, корейцы стали «русскими», так как позабыли свой родной язык, при этом считают русский родным. Но в то же время корейцы сохранили некоторые свои национальные традиции, поэтому остаются особенным, не похожим на другие этническим меньшинством. Корейцы ощущают свое единство с русскими, так как вместе они пережили многое: русско-японскую войну, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, Первую и Вторую мировые войны, не говоря уже о распаде СССР и установлении новой российской власти. В настоящее время заметно возросла роль корейцев как посредников между правительствами российского и южнокорейского, а также северокорейского государств и этническими общностями, в них проживающими.

Корейская диаспора в Приморье, будучи репрезентантом всего корейского народа, живущего в России, является одной из самых активных групп многонационального населения края, осуществляет активные этнокультурные контакты. За всю историю своего проживания на этой территории корейцы участвовали во всех ее преобразованиях, тем самым повлияли на социально-экономическое и культурное развитие России.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: НУЖНА ЛИ НАМ ЗАМЕЩАЮЩАЯ МИГРАЦИЯ

Одной из задач государства является обеспечение комфортного проживания своих граждан, содействие развитию территории, повышению качества жизни, раскрытию и развитию человеческого потенциала. Применительно к миграционным процессам это означает, что власть будет проводить разумную политику в этой сфере, создавая систему, в которой будут барьеры, препятствующие нежелательной для страны миграции и наряду с ними послабляющие меры для привлечения отдельных категорий людей.

Сегодня существует государственная программа в сфере внешней миграционной политики по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [1], но она охватывает очень узкий круг лиц.

В 2012 году президентом была утверждена Концепция государственной миграционной политики до 2025 года, где были определены цели и направления [2]. Согласно этому документу власть страны собирается компенсировать естественную убыль населения мигрантами, а также содействовать привлечению трудовых мигрантов. У сторонников замещающей миграции два основных аргумента: нам иммиграция нужна потому, что население России стареет и наши граждане не хотят работать там, где соглашаются мигранты. Предлагаю рассмотреть контраргументы к этим положениям.

Президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов комментирует это следующим образом: «Модель замещающей миграции применительно к России основана на ложных предпосылках. Во-первых, в России нет дефицита трудоспособного населения» [3]. Темп создания новых рабочих мест низок, а в условиях кризиса повсеместно происходит сокращение штаба сотрудников. Стоит вспомнить и о проведении оптимизации, в ходе которой по итогам 2014 года отмечено сокращение числа педагогических, медицинских, социальных, научных работников и работников учреждений культуры на 230 тыс. человек [4]. Спрос на рабочие специальности может и превышает предложение, но решение проблемы лежит не в сфере миграционной политики, а в сфере образования. К 2018 году планируется ликвидировать часть организаций среднего профессионального образования, в ходе чего их количество по сравнению с 2013 годом уменьшится на 16,1 % [5].

Трудовые мигранты сегодня создают демпинговые цены на труд. Выигрывает работодатель. Однако присвоение прибыли происходит за счет обоб-

щества издержек. При отсутствии притока дешевой рабочей силы стоимость труда в отраслях, не требующих специальных знаний, возрастет либо возникнет необходимость модернизации производства.

Учитывая экономическое развитие, в Россию на заработки едут граждане республик Юго-Восточной Азии, что создает определенные проблемы. Во-первых, это культурная дистанция. Надо понимать, что естественная среда для большинства – аграрные регионы с мусульманским вероисповеданием. В результате мы получаем ислам, причем в большинстве случаев радикальный, на территориях, где исторически его не было. Во-вторых, для этой преобладающей группы мигрантов характерен определенный уровень социальных и профессиональных компетенций, в связи с чем можно говорить о появлении новой страты в российском обществе. Вырабатывается неприязнь и пренебрежение. Согласно опросу Левада-центра треть опрошенных испытывают негатив к выходцам из южных республик [6]. В-третьих, неоднородна гендерная структура приезжих. Около 87 % составляют мужчины, это повышает конфликтность, создает демографический перекос. В 2012 году руководитель ФМС Константин Ромодановский сообщил, что от 11 до 14 млн мигрантов к нам въезжает ежегодно, около 77 % составляют граждане стран СНГ.

Негативные настроения в отношении миграции, так явно проявившиеся в 2013 году, были заглушены событиями последних двух лет [7]. Проблема миграции отошла за задний план, однако она неизбежно возникнет снова.

Учитывая вышесказанное, мною сформированы следующие предложения. Стоит ликвидировать пробелы работы федеральной миграционной службы в методах учета, например вести статистику не только по въехавшим трудовым мигрантам, но и по членам их семей. Провести ряд исследований, касающихся рынка труда и на их основе пересмотреть концепцию миграционной политики. Я считаю, что в стране есть свои трудовые ресурсы, которые сегодня либо слабо задействованы, либо вовсе не используются. Ситуация, сложившаяся на селе в Российской Федерации, характеризуется высокой безработицей (официальный уровень в 2 раза выше уровня городской среды), крайне низкими доходами населения, увеличивающимся разрывом между благосостоянием сельских и городских жителей. Решение проблемы сельской занятости имеет три основных подхода, один из них – миграция в города сельского населения [8]. Не стоит забывать, что более чем двукратное сокращение сельскохозяйственного производства привело к высвобождению рабочей силы, дополнительным фактором выступает технологический прогресс в отрасли, обусловленный внедрением инновационных технологий сельскохозяйственного производства и совершенствованием логистической цепи [9]. На мой взгляд, реализация программ, содействующих привлечению сельских жителей в города, испытывающие необходимость в низкоквалифицированном труде, или людей рабочих специальностей, поможет решить проблему как жителей периферии, так и городского рынка труда.

Список литературы

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/>.
2. Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/documentation/koncept_mig_pol/.
3. Институт национальной стратегии. Режим доступа: <http://www.instrategy.ru/smi/article236.htm>.
4. Счетная палата Российской Федерации. Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297.
5. Аналитический центр Юрия Левады. Результат опроса. Режим доступа: <http://www.levada.ru/old/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kakie-chuvstva-vy-lichno-ispytyvaete-po-otnosheniyu-k-vykhodtsam>
6. Аналитический центр Юрия Левады. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/23/ksenofobiya-v-rossii-snizilas/>.
7. Корнилов В. Д. Безработица в сельской местности и пути ее снижения // Проблемы современной экономики. 2015. № 2. С. 273–276.
8. Нечипоренко О. В. Социальные аспекты реформирования аграрной сферы: общие тенденции и факторы поляризации социально-экономического пространства // Никоновские чтения / Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова Российской академии сельскохозяйственных наук. 2013. № 18. С. 40–43.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОЦЕНИВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

В настоящее время во всем мире под влиянием политических, экономических, социальных факторов активно протекают миграционные процессы. Для Красноярского края характерна как внешняя миграция населения на запад, так и внутренняя из восточных регионов (Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Кавказ), что позволяет говорить о поликультурности общества, сложившегося в регионе. Отсюда вытекает необходимость подготовки образованных, высококомпетентных специалистов, которые знают и уважают не только свою религию и культуру, но и культуру других этнических групп, могут жить и работать в многонациональной среде, используя поликультурный подход для воспитания и обучения. Важная роль в формировании толерантности, межэтнической социализации, культуры взаимодействия принадлежит образовательным учреждениям всех уровней. В этой связи перед Институтом педагогики, психологии и социологии встала проблема формирования личности педагогов, способных успешно функционировать в условиях неоднородной этнической среды, обладающих высоким уровнем поликультурной компетенции.

В образовательном стандарте ФГОС 3+ для магистратуры по специальности 44.04.01 «Педагогическое образование» поликультурная компетенция может быть выделена как элемент одной из базовых компетенций. Эта общепрофессиональная компетенция (ОПК-3) сформулирована следующим образом: выраженная готовность взаимодействовать с участниками образовательного процесса и социальными партнерами, руководить коллективом, толерантно воспринимая социальные, этноконфессиональные и культурные различия.

Поликультурная компетенция сегодня остается одной из наименее исследованных из всего спектра компетенций студентов, основой ее является межэтническая и межкультурная толерантность. Термин «толерантность» имеет медицинское происхождение и означает невосприимчивость организма к антигену. В гуманитарных науках этот термин связывается с терпимостью, снисходительностью к кому-либо или чему-либо, обозначает готовность пре-

доставить другому человеку возможность осуществить свободу мысли и действия [1]. Воспитательный процесс в условиях поликультурной среды СФУ предполагает формирование у студентов таких качеств личности, как эмпатия, открытость, доброжелательность, терпимость. Критериями сформированности поликультурных компетенций студентов могут считаться следующие: готовность к межкультурному диалогу, способность эффективно взаимодействовать с людьми других национальностей в практической деятельности, сформированность эмоционально-ценностного отношения к особенностям разных культур и их представителям.

Учеными (Г. Д. Дмитриевым, А. М. Хупсароковой, Ф. П. Хакуновой, Л. П. Шустовой, М. И. Лукьяновой) выделены следующие структурные аспекты поликультурной компетенции педагога:

- когнитивный (сформированность системы поликультурных знаний, выступающих ориентировочной основой деятельности личности в поликультурном обществе);
- мотивационно-ценностный (сложившаяся система мотивационно-ценностных образований: мотивов, ценностей, интересов, потребностей, поликультурных качеств, регулирующих повседневную жизнь и деятельность личности в поликультурном обществе);
- деятельностный (сформированность поликультурных умений и навыков, соблюдение социальных норм и правил поведения в поликультурном обществе, опыта позитивного взаимодействия с представителями разных культур).

Одной из основных задач Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета является формирование установки поликультурного сознания и поведения. В настоящее время этой теме уделяется все больше внимания, толерантность в поликультурной среде все чаще становится темой научных исследований, изысканий и проектов.

Проект Европейской комиссии TEMPUS «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (сокр. ALLMEET) нацелен на развитие непрерывного образования, направленного на формирование поликультурного обучения и толерантности в России. Проект осуществляется с 2013 по 2016 год консорциумом четырех европейских и шести российских вузов, в числе которых и Сибирский федеральный университет. Темпус – это программа Европейского союза, которая поддерживает модернизацию и способствует сотрудничеству в сфере высшего образования между Европейским союзом и странами-партнерами, объединенными программой Темпус. Сосредоточивая внимание на теме культурной интеграции, проект ALLMEET предпринимает попытки содействия в повышении качества международного сотрудничества учреждений высшего образования. В частности, это касается постоянного процесса модернизации, с помощью которого проект помогает странам-партнерам открыть себя для общества в целом, мирового рынка труда и мирового сообщества. Проект также нацелен на усиление

взаимопонимания между народами и культурами Европейского союза и Российской Федерации [5].

Руководитель проекта TEMPUS ALLMEET профессор факультета образования Болонского университета Морена Куконато формулирует основную цель проекта как разработку региональных платформ для развития поликультурного образования в России. Интернационализация вузов – участников проекта TEMPUS ALLMEET предполагает знакомство с инструментами поликультурного образовательного пространства, осуществление программ академической мобильности с зарубежными вузами-партнерами, разработку совместных образовательных программ, участие в международных проектах и обмен студентами по программам взаимодействия и сотрудничества. На рабочих встречах проекта TEMPUS ALLMEET профессор М. Куконато отмечает, что проект обеспечивает существенный ресурс для решения проблемы построения диалога культур на институциональном и региональном уровнях [5].

В Институте педагогики, психологии и социологии создана поликультурная образовательная платформа для целевых групп проекта TEMPUS ALLMEET. Платформа имеет виртуальную природу, исполнена в виде веб-сайта (режим доступа: <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/>), представляющего собой интерактивную площадку с образовательными и развивающими ресурсами, документарным и мультимедийным наполнением, с инструментами коммуникации, самооценивания и обратной связи. В качестве формирующих поликультурную компетенцию, для одной из целевых групп – студентов ИППС СФУ – были отобраны следующие обучающие курсы из учебного плана института (табл. 1).

Таблица 1

**Курсы, образующие поликультурную образовательную платформу
Сибирского федерального университета**

Обучающий курс	Уровень образования	Преподаватель
1. Основы светской этики и религиозных культур	Бакалавриат	Пригодич Е. А., ст. преп.
2. Поликультурное образование	Бакалавриат	Лукина А. К., проф., канд. филос. наук
3. Социально-педагогическая работа с мигрантами	Бакалавриат	Пригодич Е. А., ст. преп.
4. Е-портфолио в образовании и трудоустройстве	Магистратура	Смолянинова О. Г., проф., д-р. пед. наук Иманова О. А., доц., канд. пед. наук

Поликультурная компетенция как часть системы ключевых компетенций, которыми должен обладать современный человек, в процессе обучения формируются у студентов – будущих педагогов для эффективной работы в поликультурном обществе. Оценка уровня данной компетенции студентов Института педагогики, психологии и социологии, его динамики при прохождении обучающих курсов, направленных на развитие толерантности, поликультурного образования и способности к обучению в течении всей жизни, будет производиться в начале и после окончания обучающего курса. В связи с ограниченностью выбора диагностического инструментария измерение уровня толерантности как отражения поликультурной компетенции творческим коллективом исполнителей проекта TEMPUS ALLMEET со стороны СФУ был разработан тест, показывающий уровень межэтнической и социальной толерантности. Высокий показатель суммы баллов теста указывает на уровень сформированности поликультурной компетенции студентов, а флуктуация среднего группового уровня после обучения на курсе докажет эффективность процесса формирования поликультурной компетенции студентов. Для подтверждения результатов тестирования авторской разработки сотрудников ИППС СФУ параллельно группам студентов будет предлагаться запатентованный экспресс-опросник «Индекс толерантности» (авторы Солдатова Г. У., Кравцова О. А., Хухлаев О. Е., Шайгерова Л. А). Результаты анкетирования будут сравниваться и при подтверждении соответствия результатов двух тестов авторская методика будет описана в магистерской диссертации и запатентована как средство оценивания уровня межэтнической толерантности и сформированности поликультурной компетенции студентов.

Список литературы

1. Джуринский А. Н. Поликультурное воспитание в современном мире. М., 2002. 72 с.
2. Лукина А. К. Роль школы в становлении межэтнической толерантности в поликультурном городе: монография. Красноярск: ИПК СФУ. 138 с.
3. Лукьянова М. И., Шустова Л. П. Моделирование процесса формирования поликультурной компетентности обучающихся в образовательной организации // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2009. № 10(67). С. 59–68.
4. Поликультурная образовательная платформа ИППС СФУ//ФГАОУ Сибирский федеральный университет. Режим доступа: <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/>.
5. Web-сайт проекта TEMPUS ALLMEET // Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО. Режим доступа: <http://allmeet.org/ru/>.

Секция 3

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

На территории Красноярского края, согласно переписи населения 2010 года, проживает 2852,8 тыс. человек, в том числе представители 8 коренных малочисленных народов: эвенки, энцы, селькупы, долганы, нганасаны, ненцы, якуты, кеты.

Одной из характерных особенностей Красноярского края традиционно является его многонациональный состав. На территории края мирно проживает 159 национальностей. В табл. 1 отражен количественный состав наиболее многочисленных этнических групп, проживающих на территории Красноярского края.

Таблица 1

Этнический состав населения региона (%)

Национальность	Доля от общего количества населения, %
Русские	88,95
Украинцы	2,31
Татары	1,5
Немцы	1,24
Белорусы	0,61
Чуваши	0,57
Армяне	0,37
Азербайджанцы	0,66
Мордва	0,25
Долганы	0,2

Кроме перечисленных в табл. 1 представлены киргизы, эвенки, мордва, хакасы, ненцы, марийцы, башкиры, тувинцы, лезгины, молдаване, китайцы, эстонцы, латыши, буряты, корейцы, кеты, ногайцы, нганасаны и др. [1].

Главной особенностью социально-культурного пространства края является его национальное, этнокультурное многообразие, в котором наряду с коренными жителями Сибири, соседствуют выходцы практически из всех республик бывшего Советского Союза [3], а также дальнего зарубежья.

Определенную роль в этническом разнообразии края играют миграционные процессы (табл. 2) [2].

Таблица 2

**Общие итоги миграции населения Красноярского края
за 2014 год (чел.)**

Показатели, чел.	Всего	В пределах России	в том числе		Международная	в том числе		Внешняя для региона
			внутри-краевая	межрегиональная		со странами СНГ	с другими зарубежными странами	
Число прибывших	113508	104422	67997	36425	9086	8365	721	45511
Число выбывших	112573	108690	67997	40693	3883	3092	791	44576
Миграционный прирост, снижение (-)	935	-4268	-	-4268	5203	5273	-70	935

В табл. 3 отражен естественный прирост населения Красноярского края в 2014 году [2].

Таблица 3

**Рождаемость, смертность и естественный прирост, убыль (-)
по Красноярскому краю**

Год	Всего, чел.	На 1000 человек населения
	Естественный прирост, убыль (-)	Естественный прирост, убыль (-)
2014	5028	1,7

В последние годы в Красноярском крае отмечается положительный прирост населения, при этом миграционные процессы не играют решающей роли – в крае зафиксирован естественный прирост населения (табл. 3).

Красноярский край исторически является многонациональной территорией, на которой мирно сосуществуют коренные народы, а также прибывшие в Сибирь из других регионов России и зарубежья.

Данное исследование проведено в рамках реализации проекта Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (ALLMEET).

Список литературы

1. Этноатлас Красноярского края. Издание второе, переработанное и дополненное. Красноярск: Изд-во «Платина», 2008.

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. Официальная статистика\население\комплексная информация. Режим доступа: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_ts/krasstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.11.2015).

3. Отчет по проекту «Непрерывное обучение в течение всей жизни, направленное на развитие мультикультурного образования и толерантного отношения на территории РФ», выполняемому в рамках проекта «TEMPUS ALLMEET». Режим доступа: <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/images/pdf3/State.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).

О КУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СВОЕЙ И ЧУЖОЙ КУЛЬТУР

Введение в проблему исследования

В контексте актуальной проблемы восприятия миграционных процессов в обществе вопрос о зеркале отношения культур становится весьма значимым. Процессы аккультурации и ассимиляции отражаются как взаимодействие своей и чужой культуры при помощи культурной рефлексии (искусства и критических текстов). Значение этого вопроса в том, что художественное произведение есть носитель культурного идеала, имеющего влияние на общество и его членов, заразительность художественного произведения способствует распространению определенного взгляда на вещи, а искусственность произведения искусства делает его свободной площадкой для экспериментов, в том числе идеологических. Искусство способно представить интернациональность, диалог культур в качестве идеала. Однако искусство может сделать и обратное: представить модель негативного вторжения культуры инородцев, в результате которого происходит разрушение бытующей идиллии. По этой причине востребована критическая оценка произведений искусства, которая способствует экспликации целей и результатов художественной рефлексии.

Концептологические основания исследования

Общие концептуальные установки для рассмотрения этой проблемы задаются философией Г. В. Ф. Гегеля (понятие «свое иное»). Наиболее глубокую интерпретацию понятия «рефлексия» в его связи с искусством дают исследователи (Жуковский, Копцева, 2004). Художественное творчество – это рефлексия-отношение двух сторон – художника и материала. Рецепция художественных произведений также есть суть взаиморефлексия и художественного произведения (именно как субъекта) и зрителя.

Представление Д. В. Пивоварова о культуре как идеалообразующей стороне жизнедеятельности людей привносит в исследование свои содержательные акценты. Например, глобалистские и этнокультурные ценности являются во многом полярными, и совершенно очевидно, что произведение искусства являет эталон общечеловеческий или национально-культурный. А также идеалом может стать такой сплав отношений к миру, который не вписывается в эти две категории.

Понятие «культурная рефлексия» по В. С. Тумаларьяну раскрывается как состояние сознания, обращенное к переосмыслению состоявшихся куль-

турных актов и своего культурного опыта в поисках новых парадигм развития культуры и собственного культурного роста (Тумаларьян, 1996). В статье В. Ю. Даренского можно почерпнуть базовое определение художественной рефлексии: «структурирование данных чувственного восприятия и экзистенциальных процессов в соответствии с их эстетической оценкой. Художественная рефлексия отличается от спонтанного эстетического восприятия реальности искусственной организованностью своих средств («языком» искусства). Человек создает особые артефакты, которые специально организуют восприятие мира через призму его эстетических качеств, – художественные произведения» (Даренский, 2014). В связи с экзистенциальными вопросами и их эстетическим освоением немаловажно опереться на французский экзистенциализм Альбера Камю, установки которого определены контекстом бытования человека в чуждом ему мире. Естественно, что чуждый мир Альбера Камю не является сугубо националистическим, однако в его «Постороннем» присутствует противостояние между алжирской местностью и героем-французом. Алжир и волнует главного героя своей природой, и вызывает отторжение своей чуждостью, равнодушием. Символическое убийство алжирца в повести является камнем преткновения для морального чувства читателя, который свободно может утверждать, что герою повести Мерсо было всё равно, кто был убитый им, и тем более - какой он был национальности. Никакого национального конфликта в повести нет, но смысл, который здесь имеется – чуждость культуры, в которой существовал сам Мерсо, оторванный от почвы, ставший посторонним миру. Впрочем, можно привести массу примеров в литературе и кинематографе, где раскрывается драма чужака в, казалось бы, обычной для него среде.

Постановка проблемы

Существует огромное количество публикаций имагологической направленности, но в большинстве из них рефлексии своего рассматриваются в литературоведческом и кинематографическом дискурсах, и всё еще нет достаточного эмпирического материала на тему взаимодействия своего и чужого в произведениях изобразительного искусства. Однако можно упомянуть точечные исследования картин венецианской живописи на тему дипломатии (Чечик, 2011), историко-культурные исследования в исламоведении, рассматривающие взаимодействие местных и пришлых мусульманских традиций в Иране и Индии (Жуковский, Копцева, 2005; Мир Ахорли, 2009). Причина этого, возможно, в том, что взаимоотношения эти, как правило, развиваются весьма динамично и поэтому востребуют повествовательную ленту, сюжеттику, а не остановленный миг в картине. В то же время, можно сказать о наиболее распространенном арсенале средств изобразительного искусства: во-первых, исторические композиции станковых и монументальных работ, в ко-

торых возможно выразить противостояние и борьбу (например, в произведении В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком») или отразить международные отношения («дипломатическая» живопись); во-вторых, карикатуры, способные выводить образ «чужого» и «своего» в полярной противоположности (пример тому – карикатура Кукрыниксов «Ближний восток и нефть», «Держи вора!!!»); в-третьих, современное искусство, тяготеющее к социальному жесту, активно использующее технические средства, такие как цифровая фотография, видеоинсталляция и т. д.

При этом **первая категория** из данного арсенала тяготеет к раскрытию исторического прошлого или дипломатического настоящего в реалистическом стиле. При этом для реализма характерна идея уловить во всех деталях или даже подробностях аутентичную атмосферу такого взаимодействия. **Вторая категория** (карикатуры), естественно, отражает злободневное начало, «сегодня и сейчас». Однако границы этого настоящего времени могут быть раскрыты на некоторое время и в будущем. При удачном стечении обстоятельств это произведение станет «ловушкой» вечности. Карикатуры Кукрыниксов, в частности, используют метод социалистического реализма с активным внедрением гротесковых элементов. **Третья категория** во многом устремлена в будущее, при этом антиутопического содержания. Характерна интонация прогностики будущего. В этой связи интересно предположение исследователя Г. Мажейкиной о проекте внедрения европейской современной культуры в пространство Ближнего Востока и своего рода угадывании перспектив. Вместе с тем участники форума отмечали, что строительство музеев современного искусства, открытие филиалов Sotheby's и Christie's в странах Ближнего Востока – это не что иное, как маркетинговый ход, связанный с внедрением в эти страны contemporary art с его критическим взглядом на историю и традицию. Однако участники форума высказали предположение, что такие процессы вмешательства в традиционную культуру народов Северной Африки и Ближнего Востока несут потенциальную опасность возникновения конфликтов актуальных художников с аппаратом государственного контроля в сфере цензуры этих стран. Прошло четыре года после открытия первого World Art Forum, и случилась «арабская весна» 2011 года, ознаменовавшая начало революционных событий на Ближнем Востоке, не утихающих уже несколько лет (Мажейкина, 2014).

Поэтому интересует проблематика, связанная с применением художественной имагологии, ее позитивном и негативном влиянии на международные отношения, развитие или снятие конфликтов, уровень силы суггестии художественных произведений. Необходимо найти средства для развенчивания мифов и разрушения сложившихся стереотипов. Этим средством является культурная рефлексия. Можно предположить, что художественная рефлексия имагологического характера, вероятно, больше воздвигает здание мифа или укрепляет имеющиеся, тогда как науки об искусстве и культуре, обладающие зарядом критицизма, стремятся их нейтрализовать.

Методология

Сравнительно-генетический и сравнительно-типологический методы исследования позволяют найти общие корни примеров из разных историко-национальных пространств. Метод философско-искусствоведческого анализа и исследований художественного образа (Жуковский, Копцева, 2004) применен к произведениям искусства в данной статье.

Обсуждение

Задачи культурной рефлексии в целом имеют творческое решение, что затрудняет экспликацию способов и механизмов ее работы, и, следовательно, шагом вперед в этом процессе станет описание разных рефлексивных творений, которым удавалось зафиксировать взаимодействие своей и чужой культуры на разных этапах. Ведь именно такие произведения претендуют на роль импульса в формировании каких-либо идентичностей, так как познание чужого провоцирует самопознание. Вопрос о том, позитивно или негативно влияние такого импульса открыт. Гипотетически некорректное сравнение культур (например, культура европейских стран и культура стран так называемого «третьего мира») может приводить к нежелательным последствиям развития и блокировке в самооценке культуры. О негативных аспектах рецепции чужой культуры упоминают исследователи А. П. Романова и С. Н. Якушенков (Романова, Якушенков, 2013). Они утверждают, что в рефлексии чужого присутствует страх и стремление избежать его, но, с другой стороны, всегда есть попытка понять его на уровне художественной рефлексии и мультикультуральной политики. Однако и политическая и художественная рефлексия признаются авторами на данный момент малоэффективными. В свете данных утверждений становится интересным найти причины такой неэффективности. Предположительно, причина состоит в том, что такие произведения часто являются заказными, финансируются из определенных источников и имеют тенденцию педалировать определенную идеологию. О фильме Сергея Бодрова «Монгол» есть отзывы восхищенных эстетикой критиков, но раздаются упреки в исторической недостоверности, заказной идеологии и излишней эмоциональности образа. В статье Н. В. Макшеевой освещается метаморфоза «чужое-свое» в фильме. Трактовка истории Чингизхана освещается в ее связи со взглядами Л. Н. Гумилёва. Автор видит изменение образа чужака на «своего» в анализируемом фильме. Основание тому в мифах о спрятанном внутри каждого русского татарина, а также мысли Ф. М. Достоевского о том, что истинное свойство русской души – это отзывчивость, умение «чужое» принимать за «свое». Рецензент полагает, что это связано со сверхзадачей фильма – изменением культурных ориентиров с европоцентрических на азиатоцентрические, т.е. это наглядный пример попытки формировать идентичность. Сле-

дует заметить, что в результате данного отзыва даже не только азиатское-чужое здесь рассматривается как эталон и нечто освоенное, но и русская культура узнаёт себя в своих лучших качествах. Хотя Чингизхан – это главный персонаж, но, благодаря этой кинокартине, поднимается не только образ степных кочевников, но и имидж русской культуры. Она действительно построена на уникальном базисе – представлении о всеединстве. И у русских есть душевная широта, отзывчивость и стремление понять других. По утверждению Н. В. Макшеевой (Макшеева, 2014), это действительно придание Чингизхану русских черт характера, например, вождь степи принял как своих чужих детей, родившихся у его жены. Поступок этот не соответствует обычаям великой степи, как пишет автор статьи (Макшеева, 2014). Это несколько напоминает мифы о волчице, вскормившей человеческих детей Ромула и Рема. Образ Чингизхана сделан так, как хотелось бы зрителям, т. е. в нем есть человечность, как она представляется русским. Благодаря этому гроза степей становится ближе к зрителю, из чужого он превращается в своего. Рефлексия, проведенная Н. В. Макшеевой, таким образом, не только снимает упрек в заказанности такого кинопродукта, но и поворачивает рефлексю в сторону создания благого имиджа России, наделившей Чингизхана исконно своими чертами. Аналогично и более ранний фильм «Мусульманин» Владимира Хотиненко. Несмотря на название он не столько о мире ислама, сколько о русской черте – восприимчивости к разным идеям и погружению в чужой мир.

Как и художественная рефлексия в целом, фильм обходит стороной историзм своей тематики. Исторические произведения имеют форму истории, предполагают исторические прототипы, а также реальные события. Но исторические факты не так важны, как эстетические, образовательно-патриотические миссии художественного произведения. То же самое мы можем сказать о средневековом французском эпосе «Песнь о Роланде», в котором французы сражаются с маврами, которые гибнут весьма карикатурно, преувеличенно. Французский взгляд на историю себя зарекомендовал, ведь перед нами патриотический эпос. Судя по карикатурам в «Шарли Эбдо», это характерный для французов способ выяснения отношений с помощью художественного сражения. С предмета осмеяния важно переключиться на портрет смеющегося субъекта: стереотипы, связанные с бурлящей кровью в жилах, авантюризмом, свободомыслием французов, в данном случае разрушены, найдено выражение в пошлой подаче высоких культурных ценностей.

И в отношении вот этого предмета рефлексии-экспансии мусульманской культуры приведем два противоположных примера, которые относятся к разным временным и пространственным координатам. Когда в Индию вторглись мусульманские войска, а затем произошло становление Делийского султаната, утвердилась Империя Великих Моголов, искусство Индии всё это зафиксировало. Так, первые крепостные мавзолеи мусульманских военачальников, которые позиционировались как пришлые и как захватчики, отличались крепостным (неприступным и суровым) видом. Но впоследствии можно заме-

тить возникшую тенденцию к открытым мавзолеям верандного типа, более соответствующим жаркому климату Индии, что говорит о появлении доверительных отношений с местным населением. Венец этого процесса – синтез индийских и мусульманских традиций в архитектуре империи Великих Моголов (Жуковский, Копцева, 2005). Именно этот процесс обозначается термином «интернационализация». Ю. В. Попков выводит специфику интернационализма как рефлексивное взаимодействие, т.е. развитие благодаря восприятию чужой культуры, но с сохранением своей цельности (самобытности). Общей интенцией в понимании того, что должно являться основным результатом данного процесса, выступает представление о формировании некоторого единства взаимодействующих сторон, их конкретной целостности (Попков, 2007: 9). При этом данная целостность не есть снятие всех национальных различий, а скорее, являет внутренне различенное единство.

В нескольких работах современных видеохудожников российской группы AES+F, а именно в «Пире Трималхиона» и «Исламском проекте», можно зафиксировать отражение общественного страха перед вторжением чужеродной культуры, грозящей разрушением привычного вида городов мира и современной повседневности. Фотоколлажи «Исламский проект» AES+F представляют совмещение элементов мусульманской архитектуры и архитектуры Европы и России. Например, на данном коллаже (рис. 1) представлено постмодернистское здание в Париже. Это Национальный центр искусства и культуры Жоржа Помпиду, в нижней части которого вклеены стены египетской мечети Аль-Азхар (г. Каир). Весь двор мечети переполнен людьми в белых чалмах. Введен элемент руин, который должен создавать атмосферу постоянных разрушительных войн, виднеется пристройка с зарешеченными окнами, как это принято в жарких странах, и на стенах вывешены ковры-килимы – знаки традиционного арабского ремесла.

Рис. 1. Фотоколлаж «Исламский проект» AES+F

В современной культуре фиксируется механический аспект отношений: цитаты, вырванные из контекста, живут своей жизнью в соседстве с вырезками из других фотографий. Работа с антиутопической будущностью делается не без налёта иронии в стиле центона. «Исламский проект» показывает одну из фаз взаимодействия с иным, которое наступает в истории при столкновении цивилизаций, т. е. здесь картина апокалипсиса Европы, в котором восторжествовала исламская цивилизация. Надо заметить, что ирония – проявление нервного напряжения, собственно, юмор – это оружие страха и своего рода терапия, без которой было бы трудно пережить напряжение. Это фиксация именно взаимодействия. Это не про исламский проект, а рассказ про современные европейские фобии.

В этих двух примерах, очевидно, представлены полярности, однако сами процессы, несмотря на хронологическую дистанцированность средневековой Индии и современной культуры, идентичны. Интересно, что группа AES+F в видеоинсталляции «Пир Трималхиона» организует диалог с древним миром, обращаясь к «Сатирикону» Петрония.

В истории Индии путь к выработке синтетического языка индомусульманского искусства занимает не менее четырех столетий, и только благодаря истории искусства завершенность данного процесса стала фактом. В «Исламском проекте» перед нами нет исторической рефлексии, представлена чисто художественная рефлексия, точка в пути, будущие шаги которого пока не известны. Благодаря исторической панораме при чтении учебников по истории культуры и искусства видно и отторжение пришлой культуры, и ее приятие, а также вступление в гармонию, синтез. В «Исламском проекте» происходит работа с отторгаемым элементом иной культуры, разрушающим привычный вид пейзажей городов мира. Проект является антиутопией по своему жанру. Он апеллирует к информационной эре будущего, описанной еще у классика антиутопии Джорджа Оруэлла в романе «1984», где историю уничтожили фальсификацией истории, придумав те войны, которых не было, создав обобщенный образ врага, которого нужно было ненавидеть. Примерка мусульманских памятников в пейзажах европейских городов увлекает авторов задачей метахудожественной: они становятся на позицию не конкретных людей, а воплощают саму стихию фобии, коллективное бессознательное, архаико-первобытный страх перед захватчиком и неизвестностью будущего. Категория возвышенного вообще свойственна современному искусству, и строится она на аффектах ужаса, страха и даже паники. Для тем биеннале выбираются понятия, связанные с безграничностью, бесконечностью и негативными аффектами, такими, как страх. Современная тревожность выражена в популярности фильмов ужасов, фильмов-катастроф, готической субкультуры, антиутопий нулевых годов.

Если в исторической рефлексии представлена дистанцированная (с точки зрения истории) ситуация первичного отстранения местной культуры от новой, то художественная рефлексия современной культуры показывает нам это первичное отстранение, панику и броуновское движение изнутри.

Пример визуализации своего-иного в творчестве современных художников – это творчество Айдан Салаховой, автора видеoinсталляций «Любовь и смерть» (2004), «Кааба» (2002), объектов «Персидские миниатюры». Один из основных ярких образов творчества художника – паранджа. Статья по творчеству Айдан Салаховой, написанная М. Кравцовой (<http://aidansalakhova.ru/stati>), раскрывает посредством сложной идентичности художника взгляд на амбивалентное положение России в мире. Однако автором статьи творения А. Салаховой рассматриваются как аполитичные произведения, просто погружающие зрителя в ориенталистский миф. Сама А. Салахова утверждает, что смотрит на Восток глазами европейца XIX века. Действительно, можно увидеть ностальгические ноты в восприятии исламского мира как экзотического и манящего пространства Востока, а вернее, открытую рефлексию по поводу эротики, которая перешагивает границы дозволенной визуализации для традиционной культуры ислама и рассматривается как приоткрытие паранджи и вторжение чужого взгляда. Так или иначе, но ее творчество актуализирует вопрос о своём-ином, следовательно, затрагивает «нервные окончания» общественного сознания.

К рефлексии образцов мусульманской культуры обращались европейские деятели искусства эпохи Возрождения. Эпоха европейского Возрождения совпадала с зенитом культуры мусульманского востока. Север Африки и Юг Испании стали проводниками мавританской культуры. Культура мусульманских стран являла себя роскошной архитектурой, высоким качеством книг, ремесла, орнаментов, тканей. Она уверенно составляла конкуренцию Европе в науке, образовании, ремесле и торговле. Образ мавра зафиксирован в пьесе «Отелло» Вильяма Шекспира, а также в картине «Аллегория» Джованни Беллини. Данные примеры служат показателями отчуждения, так как, вероятно, мавританское происхождение главного персонажа трагедии Шекспира глубоко связано с такими его родовыми, а не только личными качествами, как воинственность, ревнивость и мстительность. По поводу политкорректности такого вывода множество дискуссий. Как известно, Лев Николаевич Толстой, не любил пьесы Шекспира за то, что они распространяют не совсем верные эталоны мироотношения. Защитники Шекспира же, напротив, считают его явителем мира в его многообразии и сложности. Шекспир, сделав своим главным героем Отелло, поступил так вопреки классическим идеалам, в которых главный герой должен быть позитивным и доблестным. Показав несоответствие внутренней природы внешней доблести данного персонажа, он сделал, по существу, его слабым (доверчивым). Известный факт: пьеса «Отелло» заимствовала свой сюжет из новеллы итальянского автора Джиральди Чинтио «Венецианский мавр». Известно, что Отелло был наёмником-кондотьером, т. е. он сражался за Венецию против турков-османов. Но был при этом нанятым. За успехи его почитали, но в то же время отец Дездемоны вовсе не был рад породниться с Отелло. Помните, как отрицательный персонаж Яго разжигает протест в душе Бранбанцио, язвительно предрекая ему, что

теперь в его роду появятся арабские жеребцы. Переделывая сюжет из новеллы, драматург акцентирует именно относительную невинность мавра, где он предстал в большей степени как жертва, попавшая в руки хитроумного индивидуалиста Яго. Воплощение процесса вовлечения Отелло в преступление свидетельствует о глубоком уровне рефлексии. Как представитель европейской культуры Шекспир не боится оценки кризиса гуманизма в свою эпоху и показывает разлагающее действие чрезмерного индивидуализма на другую культуру.

В венецианской живописи эпохи Возрождения образы Востока представлены столь часто и многообразно, что можно говорить не просто об образах, но – о топосах. А если вспомнить, что связующее звено между Западом и Востоком тем не менее было христианским и европейским государством, то рельефно обнаруживается архетипическое противопоставление свой-чужой, – пишет Л. А. Чечик (Чечик, 2011).

Что касается картины Джованни Беллини (рис. 2), то это также очень загадочное произведение, анализ которого представил искусствовед П. П. Муратов в своем труде «Образы Италии». Интересно, что группа AES+F также обращалась к этому произведению венецианского ренессанса как к отправной точке инсталляции. Так вот, в произведении венецианца Джованни Беллини изображен уходящий (как бы проходящий мимо) человек в чалме на втором плане (крайняя левая фигура). На первом плане при этом сцена, расшифрованная как аллегория чистилища, с девой Марией на троне, предстоящими христианскими святыми и ангелами, а также женщины в венецианских черных платках. Есть в картине и третий план – река Лета, пейзаж на другом берегу, включающий в себя мифологические существа, например, кентавра. Как предполагают некоторые ученые, кентавр – это переосмысленный мифологически образ кочевника, слившегося со своим конём в единое целое. Это случай, когда народная фантазия создает фантастический образ, объясняющий причины инаковости других. Если сконцентрироваться на том, что всё христианское расположено на одной террасе, а за ее ограждением оказывается языческое мироздание, а также проходящий мимо мавр, то становится очевидным симптом рефлексии межкультурного напряжения, отраженного в произведении. Кстати, интересно сопоставить этот мотив с экзистенциальным произведением французского писателя Альбера Камю «Посторонний», где именно алжирец становится жертвой убийства главного персонажа, страдающего отчужденностью от какого-либо культа и находящегося где-то на обочине. Почему именно алжирец? Вопрос, который мог бы стать основой для национального конфликта, гаснет под влиянием аморфности главного персонажа, в его странности и отсутствии каких-то фанатических религиозных или социальных идей. Вероятно, в обоих произведениях – и французского писателя, и венецианского живописца – явлена эфемерность такой характеристики, как национальность, забвение которой происходит в момент открывания границы между жизнью и смертью, между памятью и забвением.

Рис. 2. Джованни Беллини. «Аллегория чистилища» («Озёрная Мадонна»), 1490–1500 гг.

Не менее интересно рассмотреть ситуацию критической рефлексии иной культуры, которая активно осуществляет свою экспансию, диктуя основные тенденции.

Культурным шоком от встречи с иным можно также назвать восприятие европейского искусства глазами русских исследователей, которое заставляет делать некорректные ходы по отношению к отечественному наследию. Один из сторонников славянофильского движения, языковед и историк искусства Фёдор Иванович Буслаев (XIX век) испытал потрясение от встречи с европейским искусством. О католичестве он писал, что это подлинно художественная религия. Изучая труды немецкого классика искусствознания XVIII века Иоганна Винкельмана, ранний Фёдор Иванович верит в истинность греческого эталона для всех культур и, пользуясь им как мерилom, считает, что у русской средневековой культуры масса недостатков. Впрочем, Ф. И. Буслаев тем не менее компенсирует это утверждение заявлением о глубинной содержательности русского православного искусства, тезисом о тесной связи изобразительного искусства с литературой, а также достоинством покорного следования традиции византийской художественной школы.

Примером критической рефлексии культурного события в Европе могут стать рецензии на европейские биеннале, например, публикация о Берлинской биеннале (2010) Дмитрия Голышко-Вольфсона («Художественный журнал»), обзор Венецианской биеннале (2015) Александра Кана на сайте

русской службы ВВС. Адресованы они узкой аудитории специалистов. Рецензии на такие события всегда связаны с актуализацией вопросов о международных культурных отношениях. Завораживающее зрелище ставит множество вопросов о национальной идентичности, о зыбкости и прочности национальной культуры, о глобальных связях, вовсе не обязательно обозначающих унылую однородность интернационального искусства (Кан, 2015). Гегемония мультикультурализма, которой так гордится современный Запад и которая позволяет ему собирать под своей «крышей» разнообразные этнокультурные различия со всего света, возможно, не его сила, а его слабость. Ведь современные экономические гиганты вроде Китая или Индии предоставляют Западу право играть с кодами мультикультурализма, понимая, что сами они в целях интенсивной экономической модернизации должны этот мультикультурализм изживать или с ним методично бороться (Голышко-Вольфсон, 2010).

В XIX веке в искусствознании была более интенсивная попытка отделить свое от иного, это было отчуждение от европейских влияний, стремление обличить подражание европейскому. Из современных рецензий видно, что в культурной рефлексии на данный момент нет культурных шоков той же интенсивности, которые бы заставили сделать серьезную переоценку ценностей. Программы биеннале уже не оцениваются как авторитетные и новаторские, о чем говорит заголовок рецензии А. Кана, а именно в нём понятие «перепроизводство искусства», которое раскрывается в ореоле симптомов «перенасыщенность» и «усталость». В рецензии Д. Голышко-Вольфсона звучит мысль о противоречивости биеннале самой себе, так как, с одной стороны, она стремится освободиться от идеологии вообще, от каких-либо однобоких взглядов на искусство, но это недоверие к идеологии и открытость любым частным «голосам» и составляет ее идеологию, следовательно, слабое звено. Берлинская биеннале посвящает зрителя в то, что в современном мире нет одного большого нарратива, универсального сюжета, прочного смыслового костяка, а есть только бесконечное раздробленное множество человеческих биографий, частных историй, единичных судеб, ветвящихся, расходящихся, не связанных воедино и сталкивающихся в мультинациональных «хабах», аэропортах, туристических зонах или развлекательных центрах. Безусловно, такая модель реальности генетически принадлежит постмодернизму, но это постмодернизм, ставший реализованным проектом и осознавший собственную историчность и ограниченность, свое проникновение в бытовые контексты, свое рассредоточение в повседневности. Поэтому то, о чем повествует биеннале на визуальном уровне, изначально лишено какого-либо кульминационного пункта, будь то в форме катарсиса или катастрофы. В результате каждый из агентов современной глобализации, каждый из участников напряженных мультикультурных процессов остается при своем, при своем частном, мотивированном этнокультурной принадлежностью, идиосинкразическом взгляде на положение вещей (Голышко-Вольфсон, 2010).

Заключение

Культурная рефлексия – это безусловно, способ самопознания одной культуры в свете отношений с иным, в зеркале иного отражается портрет своей культуры. При этом несмотря на стабильность эффекта узнавания своего в чужом, арсенал средств художественной рефлексии изобразительного вида искусства зависит от жанра и эпохи. Результатом акцентирования на взаимодействии своего и чужого становится искажение историзма, которое не умаляет художественных достоинств рефлексии.

Малоэффективность художественной рефлексии взаимодействия своей и чужой культур относится к спорным заявлениям. В целом, искусству удается стать апологией многих общественных процессов и привлечь внимание к своей прогностической или провидческой миссии. Даже если речь идет о прошлом, идея узреть, провидеть минувшее прошлое в аутентичной атмосфере верховодит в исторических картинах реализма. В современном искусстве доминируют идеи не истории как таковой, а либо будущего общества, либо ностальгические ноты, связанные с романтизацией девственного состояния культуры до вступления ее в брачный союз с «чужаком».

Мифология своего и чужого получает в художественной рефлексии персональную трактовку, акт рефлексии имеет личностную мотивацию, связанную с происхождением субъекта рефлексии. Действие коллективных групп способно снять подобный персонализм и слишком сложные идентичности отдельной персоны и обобщить его.

Предположение о том, что художественная рефлексия имагологического характера больше воздвигает здание мифа или укрепляет имеющиеся, тогда как науки об искусстве и культуре, обладающие зарядом критицизма, стремятся их нейтрализовать, в целом оправдалось. Критика чутко реагирует на данную тему, поскольку интерес общественности буквально прикован к ней.

Список литературы

1. Романова А. П., Якушенков С. Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях. «Вопросы философии». 2013. 2. С. 49-55.

2. Чечик Л. А. «Свой-чужой» в «дипломатической» живописи Венеции эпохи Возрождения. Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2011. 1. С. 322–328.

3. Мир Ахорли А. Особенности исламского периода в искусстве Ирана (VII–XX вв.). Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2009. 2. С. 104–116.

4. Макшеева Н. В. Метаморфоза «своего-чужого» в фильме С. Бодрова «Монгол». Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика. 2014. С. 138–146.

5. Мажейкина Г. Другое как критерий формирования художественного образа в актуальном искусстве XXI века. Искусствознание. 2014. 1–2. С. 92–123.
6. Тумаларьян В. М. Рефлексия культурная. Культурология XX век. Энциклопедия. Режим доступа: <http://dic.academic.ru>.
7. Кан А. Венецианская биеннале: перепроизводство искусства? Русская служба Би-би-си. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/society/2015/05/150509_venice_biennale_review_kan
8. Голышко-Вольфсон, Д. От множества реальностей – к единому миру, Художественный журнал. С. 79–80. Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/golynko/>.
9. Кравцова М. Айдан Салахова. Статьи. Режим доступа: <http://aidansalakhova.ru/stati>.
10. Даренский В. Ю. Диалогическая структура художественной рефлексии. Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Т. 14. Вып. 1. 14–18.
11. Pivovarov D. V. Problem of synthesis of the main definitions of culture Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences. 1. С. 17–22.
12. Жуковский, В. И., Копцева, Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, Красноярский университет, 2004. 256 с.
13. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Искусство Востока. Индия. Красноярск, Красноярский университет, 2005. 402 с.
14. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Республика, 1994. 592 с.
15. Копцева Н. П., Кистова А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема. Философия и культура. 1. С. 12–19. doi:10.7256/1999-2793.2015.1.10695.
16. Попков Ю. В. Интернационализация как рефлексия национально-культурных общностей. Вопросы культурологии. 2007. 4. С. 8–10.

ЗНАЧЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Говоря о современной картине мира, следует признать тенденцию к постоянному увеличению потоков мигрантов.

Миграция фактически становится комплексным социальным и общественно-политическим процессом, многофакторным социально-правым явлением, основанным на динамичном движении трудовых ресурсов в регионы и отрасли.

Наша страна также столкнулась с подобным явлением. Оно само по себе влечет ряд проблем в сфере становления социокультурной адаптации мигрантов, основой которой является «выращивание» социокультурной коммуникации. Процесс адаптации к общероссийской действительности построен на принятии представителями разных наций культурных ценностей России. Мы считаем, что успешной адаптации детей из семей мигрантов способствует включение их в реальную деятельность по освоению окружающего пространства; формирование позитивного образа всех этносов, представленных в школе и ближайшем социальном окружении; становление и развитие образа будущего, выстраивание жизненных траекторий и самоопределение всех детей и особенно мигрантов, активное включение семей детей-мигрантов в жизнедеятельность образовательного учреждения и социума.

Сачала давайте определим, что же мы будем понимать под межкультурной коммуникацией.

Межкультурная коммуникация – это межличностное коммуникативное взаимодействие различных по своей культурной принадлежности индивидов [2]. Актуализация национальных стереотипов во время такого взаимодействия происходит по индивидуальному сценарию у каждого человека. Таким образом, характер взаимовлияния стереотипов и опыта межкультурного общения во многом определяется особенностями личности коммуниканта. Исходя из сказанного выше, можно подчеркнуть, что межкультурная коммуникация – это часть культуры межнационального общения в целом, которое представляет собой систему знаний об истории и культуре своего народа и других этнических групп (когнитивный компонент), отношений к своему и другим этносам (эмоционально-оценочный компонент), мотиваций и потребностей в освоении родной культуры и культуры народов-соседей (мотивационно-потребностный компонент), действий и поступков по отношению к людям другой национальности (поведенческий компонент). Поэтому работу по воспитанию культуры межнационального общения следует организовывать таким образом, чтобы в единстве шло развитие каждого компонента.

При этом основным препятствием становления межкультурной коммуникации могут быть стереотипы восприятия мигрантами российской действительности, в том числе культуры и духовных ценностей. Значение стереотипов для межкультурной коммуникации детерминировано некоторым базисом – проблематикой национальной идентичности, которая в сути своей обусловлена корреляцией таких категорий, как народ, нация, этнос. Тем более, что этнические стереотипы характеризуются повышенной эмоциональностью и устойчивостью. Что же такое стереотип восприятия?

Стереотип восприятия – это некоторый комплекс, образец восприятия информации, накопленный ранее социальным, эмпирическим, интеллектуальным, чувственным опытом. Стереотипы восприятия в жизни – многогранны, они имеют место и в науке, и культуре, и в политике, и в религии.

Осмысление очерченного круга дефиниций не имеет сегодня какого-либо единственного научного вектора: «народ», «нация», «этнос» – прочтение этих понятий дифференцировано не только областью научного знания, где они преломляются, но и дифференциацией социально-политических концептов.

Люди воспринимают мир через призму отношений, ценностей, сформировавшихся в данной культуре, и ведут себя в соответствии с конкретными культурными нормами. В мире нет единых общечеловеческих норм и правил, они существуют лишь в культурно обусловленном варианте. Представления человека о мире относительно и разнообразны в зависимости от того, в какой культуре он живет. Поэтому стереотипы усваиваются не только в процессе социализации, но и в процессе инкультурации – обучения человека традициям и нормам в конкретной культуре. Стереотипы представляют собой часть культуры, и привычку думать о других группах определенным образом человек формирует с детства.

Функция стереотипа заключается в том, что с его помощью удастся четко разграничить свою и чужую этническую группу. Стереотипизация позволяет дать оценочное сравнение чужой и своей группы и тем самым защитить традиции, взгляды, ценности своей. В связи с этим стереотипы являются своего рода защитным механизмом, служащим для сохранения позитивной идентичности собственной культурной группы. Такое разграничение связано с понятием ингруппового фаворитизма, подразумевающего формирование более позитивного образа собственной культуры по сравнению с другими. В данном случае стереотипы консолидируют собственную культурную группу и обозначают ее границы. Примером могут служить стереотипы-поговорки или анекдоты, существующие в каждой культуре. В поговорке «*Что русскому хорошо, то немцу – смерть*» можно увидеть вполне конкретный образ другой группы [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002].

Как же возникают стереотипы? Стереотипы могут возникать через ограниченные личностные контакты. Например, если вас оскорбил татарин, то вы можете сделать вывод, что все татары грубы и невоспитанны. В данном случае возникает стереотип, который исходит из ограниченной информации.

Кроме того, стереотипы формируются в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться. Это родители, друзья, сверстники, учителя, коллеги и т. д.

В ситуации межкультурных контактов стереотипы играют очень важную роль. Многие исследователи считают, что в зависимости от способов и форм их использования стереотипы могут быть полезны или вредны для коммуникации. Эффективная стереотипизация помогает людям понимать ситуацию и действовать в соответствии с новыми обстоятельствами. Стереотип приносит определенную пользу в тех случаях, когда:

- 1) отражает групповые нормы и ценности, а не специфические качества, свойственные отдельно взятому индивиду;
- 2) является описательным, а не оценочным;
- 3) является лишь догадкой о группе, но не прямой информацией о ней;
- 4) не является для индивида окончательным выводом, а верифицируется на основе дальнейших наблюдений и опыта общения с реальными людьми.

Исследователи выделяют ряд причин, согласно которым стереотипы могут препятствовать межкультурной коммуникации:

1. За стереотипами не удастся выявить индивидуальные особенности людей.

Стереотипизация предполагает, что все члены группы обладают одинаковыми чертами. Такой подход применяется ко всей группе и к отдельному индивиду на протяжении определенного промежутка времени, несмотря на индивидуальные вариации.

2. Очень часто стереотипы основываются на полуправде и искажениях.

Итак, в ситуации межкультурной коммуникации важно уметь эффективно обходиться со стереотипами, осознавать их и уметь от них отказываться, если они не соответствуют реальной действительности. На рассматриваемый процесс могут влиять повышенная коммуникативность – русский человек всегда стремится вступить в диалог, на других посмотреть, и себя показать.

Теперь поговорим о видах стереотипов. Применительно к межкультурной коммуникации принято различать гетеростереотипы, т. е. внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, т. е. мифы о самих себе, существующие внутри данной культуры.

Автостереотипы формируются под влиянием литературы, средств массовой информации, традиционного и современного фольклора. Мифы о самих себе не могут не оказывать влияние на формирование индивидуальной культурно-языковой личности из желания соответствовать представлению о типичном русском, типичном французе, типичном немце, типичном американце и т. д. Следует отметить, что гетеростереотипы могут не совпадать с автостереотипами, а могут и полностью совпадать. Нередко представители определенной культуры бывают крайне удивлены, когда узнают, как их воспринимают со стороны.

В нашем исследовании обнаружилась интересная деталь. Относительно символа России, который вызывает чувство гордости за принадлежность к нации, большинство опрошенных русских школьников указали медведя (33,7 %), водку (19,02 %) и балалайку (15,7 %), а праздник 9 Мая указали всего 5,03 %, что свидетельствует о сформировавшихся стереотипах (возможно передавшихся от родителей). В данном случае это автостереотип, который совпадает с гетеростереотипом, так как другие опрошенные считают также: среди представителей Кавказа медведя указали 15,79 %, водку – 15,79 %, а из Средней Азии медведя – 21,43 %, водку – 20,74 %. Гордостью России абсолютное большинство респондентов из числа русских назвали – Путина (41,85 %), такая же картина и у представителей Кавказа (31,58 %) и Средней Азии (33,33 %), что также свидетельствует о совпадении авто и гетеростереотипов.

Список литературы

1. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. С. 153–154.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 217–230.
3. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. С. 236–245.
4. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 2013.

РАБОТА С ДЕТЬМИ-МИГРАНТАМИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

Тема социокультурной адаптации мигрантов очень важна в наше время, так как в современных условиях межэтнические контакты становятся все более интенсивными и разнообразными. Интерес к этой проблеме существует уже давно. Она исследуется не только этнологами, культурологами и социологами, но и политологами, психологами, педагогами и журналистами. В рамках педагогических наук данными исследованиями занимались А. Н. Джурицкий [1], Е. А. Железнякова [2], Г. Е. Зборовский [3], Е. А. Шуклина [3], Е. В. Конькина [4] и многие другие. Нередко межэтнические контакты осложняются, становятся менее эффективными в силу ряда различий этнокультурного характера.

Каждый год количество мигрантов в нашей стране возрастает, что видно из табл. 1. Больше всего приехало мигрантов из зарубежных стран, таких как: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Республика Молдова, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. Количество мигрантов в период с 2011 по 2014 год возросло (в 2011 – 310549 чел., в 2014 – 517480 чел.). Число людей, прибывших из Киргизии, заметно сократилось (в 2011 – 41562 чел., 2014 – 28539 чел.). Но это никак не отразилось на увеличении числа мигрантов.

Таблица 1

Международная миграция [6]

Прибыло в Российскую Федерацию	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего	310549	363955	422738	517480
Азербайджан	22316	22287	23453	26323
Армения	32747	36978	42361	46515
Беларусь	10182	16564	15748	17878
Казахстан	36474	45506	51958	59096
Киргизия	41562	34597	30388	28539
Республика Молдова	19578	23594	28666	32030
Таджикистан	35087	41674	51011	54636
Туркмения	4524	5442	5986	6033
Узбекистан	64493	87902	118130	130906
Украина	43586	49411	55037	115524

Данные люди приезжают с различными целями – обучение, заработок, а также по причине вооруженных конфликтов. Для того чтобы привыкнуть к условиям нового государства, им необходимо пройти процесс адаптации (узнать культуру, людей, традиции и т. д.).

Социокультурная адаптация является процессом и результатом приспособления социальных групп и отдельных индивидов к изменяющимся природным и социальным условиям посредством изменения форм социокультурной организации и регуляции, социальных и культурных институтов общества, механизмов трансляции социального опыта, парадигм мышления в рамках системы ценностей данной культуры, интернализированных личностью или группой [5].

Соответственно, социокультурная адаптация – одна из главных проблем, с которыми сталкивается каждый мигрант. Для него это сложный длительный и многоаспектный процесс. Данный процесс затронул и российские школы, в стенах которых увеличилось количество детей-мигрантов.

Дети-мигранты больше уязвимы, они требуют более пристального внимания педагога. Учитель должен помочь им адаптироваться к новой социальной и культурной среде, в которой они оказались. Учитывая возрастные особенности детей и правильную направленность, адаптационный период может проходить быстрее и легче, чем у взрослых. К сожалению, для взрослых в наше время мало учреждений, которые бы помогли мигрантам освоить язык данной страны, ее культуру и другие особенности. В случае детей такую помощь им должна оказывать школа.

Одна из важных проблем, с которыми сталкивается каждый мигрант, – это незнание языка и трудность его усвоения, в связи с этим формируются и другие проблемы. Приходя в начальную школу, ребенок не может найти себе друзей, у него возникают сложности в общении, усвоении учебного материала. По данным статьи М. Л. Хижняк «Социокультурная адаптация детей мигрантов в поликультурной среде», в 2011–2012 учебном году детей мигрантов, испытывающих трудности в изучении русского языка, было 36 человек, а в 2013–2014 учебном году их стало уже 69 человек (рост 47,8 %) [7]. Это свидетельствует о том, что ежегодно возрастает количество детей-мигрантов, испытывающих сложности при изучении русского языка. Вследствие чего у данных детей формируется неуверенность в себе, замкнутость или, наоборот, тревожность, раздражимость, возникают приступы неконтролируемой агрессии, направленной на сверстников, педагогов и других людей.

Следующей важнейшей проблемой детей-мигрантов является непринятие новых традиций и обычаев. Одним из таких примеров может служить история, связанная с девочкой-азербайджанкой, которая ходила в школу в платке и не снимала его ни при каких обстоятельствах. Русские дети смеялись над ней, говорили разные гадости, обзывали. В результате этого в классе появились конфликты и были случаи драк, так как ребенка-мигранта обижало их отношение к ней и ее вере, а другие дети не могли принять и понять данную

культуру. Что бы таких ситуаций не возникало, необходимо организовать специальную работу с детьми, которые учатся в данном классе, и самой девочкой.

Для детей зарубежных стран очень важно сохранить свою родную культуру. Они боятся перемен, которые с ними происходят, и со стороны других людей насмешек, связанных с внешними различиями и проблемами общения на русском языке (акцент).

Задачей педагога в обучении и воспитании детей мигрантов является помощь в адаптации в коллективе, в образовательном процессе, в становлении ребенка как гражданина Российской Федерации.

Эта проблема очень важна для меня, так как в будущем собираюсь стать учителем начальных классов, могу столкнуться с ней в своей практике. Изучив источники, мы составили небольшие рекомендации, которые могут помочь мне в дальнейшей работе с детьми-мигрантами:

1. Нужно начать с подготовки русскоязычных детей к тому, что в их классе появятся дети других национальностей, у которых свои традиции и культура, которую следует уважать и принимать. Постараться вызвать у них интерес к обычаям и традициям детей-мигрантов, попросить о помощи в изучении русского языка. Ведь вновь прибывшим детям нужна практика в усвоении незнакомого для них языка.

2. Следует не выделять ребенка другой национальности, а относиться ко всем детям одинаково. Педагог должен знать особенности другой культуры и адекватно относиться к поступкам ребенка, не заставлять делать то, что не принято в их культуре.

3. Проводить различные мероприятия, в которых дети могут узнать о различных культурах, поучаствовать в создании костюмов других народов, пропеть народные песни, вместе с представителями других национальностей научиться танцам и т. д. Нужно помочь детям осознать, что совместная работа очень интересна и познавательна, она не только поможет влиться в коллектив, но и расширить свои знания.

Хочется выделить следующий нюанс, который может возникнуть при работе с детьми-мигрантами, которые только прибыли в Россию и совершенно не говорят и не понимают по-русски. Как же быть в этой ситуации? Учитель не может общаться с детьми и объяснять им учебный материал, в обычной школе это большая проблема.

Мы можем предложить несколько вариантов решения данной проблемы. Можно организовать специальные факультативные занятия. Сразу возникает вопрос: «Кто же будет их вести?» На этот случай нужно найти педагога, который знает, несколько языков, например узбекский и русский. Организовать микрогруппу детей узбекской национальности и начать занятие по изучению русского языка. Если это сделать не удалось, то можно привлечь одного из родителей детей-мигрантов, который хорошо знает свой родной и русский язык.

У нас век информационных технологий, но если ни один из перечисленных вариантов не удалось воплотить в жизнь, то можно учить русскому языку детей-мигрантов с помощью компьютера. Суть этого занятия будет заключаться в том, что каждый из детей будет находиться за компьютером, на экранах будет выведен переводчик с русского языка на родной язык детей-мигрантов. Учитель будет записывать задания на русском языке, а они будут переводиться на их язык на первоначальном этапе. В отработке произношения должен непосредственно работать учитель с детьми. Далее определенные части задания переводиться не будут.

В заключение хочется сказать, что эта проблема очень важна в наше время, ее необходимо вовремя решать и не откладывать в долгий ящик, помощь в социальной адаптации детей-мигрантов должна оказываться повсеместно. Это позволит снять одну из причин этнической нетерпимости в нашем обществе.

Список литературы

1. Джуринский А. Н. Воспитание в многонациональной школе: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2007.
2. Железнякова Е. А. Дети мигрантов в современной российской школе: пути языковой адаптации // Известие ПГПУ им. В. Г. Белинского 2012. № 28. С. 774–778.
3. Зборовский Г. Е., Шуклина. Е. А. (Опубликовано в журнале «Социологические исследования», 2013. № 2, с. 80–91). Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit06.php>.
4. Конькина Е. В. Воспитание культуры здоровья в традициях народной педагогики. М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2013. 153 с.
5. Социокультурная адаптация. Термин. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/858/word/sociokulturnaja-adaptacija>.
6. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.
7. Хижняк М. Л. Социокультурная адаптация детей-мигрантов в поликультурной среде. Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2013/12/10/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-detey-migrantov-v-polikulturnoy>

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

На сегодняшний день очень актуальна проблема, связанная с межнациональными конфликтами. В СМИ мы постоянно натываемся на сообщения об очередной акции протеста или теракте. Всё чаще и чаще появляются новые «горячие точки», потоки миграции, беженцы. В связи с этим всё мировое общество заинтересованно в снижении данного негатива.

Современность ставит всё человеческое сообщество в рамки этнической мобильности, которая понимается нами как деятельность, направленная на способность этнически самоутверждаться и самоопределяться.

Современные студенты в своем большинстве – это целеустремленные и амбициозные, успевающие жить в невероятно быстром темпе, разносторонние и развитые, находчивые и трудолюбивые, ответственные и организованные, а также проявляющие большой интерес к науке и желающие узнать особенности других культур и народов.

Примеры этнической мобильности в студенческой среде можно увидеть в любом вузе. Одним из таких является ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». Он является одним из крупных педагогических вузов Сибири и Дальнего Востока. Основное направление вуза – подготовка учителей, воспитателей и т. д.

НГПУ – многонациональное учреждение, которое собралось в своих стенах студенты разных национальностей: русских, китайцев, бурятов, тувинцев, якутов, казахов, монголов и многих других.

В связи с полиэтничным составом студентов в стенах НГПУ ежегодно проводятся различные мероприятия, которые позволяют укрепить и сформировать культуру межнационального общения, а также этническую мобильность, которая позволит этнически самоутвердиться и самореализоваться каждому из таких студентов. Этому будет способствовать участие студентов педагогического вуза в различных общеуниверситетских и кафедральных мероприятиях, посвященных различным культурам, традициям разных народов, проживающих в РФ и не только.

Таковыми мероприятиями являются: *лунный новый год* (все желающие могли написать свои имена иероглифами, сыграть в любимую карточную игру жителей Китая «Мадянг», узнать свою судьбу у «Книги перемен», а также проверить кругозор, приняв участие в викторине «Что вы знаете о Китае?»);

День родного языка (где было представлено большое количество книг и учебников, посвященных различным аспектам русского языка); *масленица* (неотъемлемыми частями праздника стали масленичный поезд, хороводы, пляски, молодецкие игры, взятие снежного города, стеночные бои, песни и, конечно, угощение блинами, а также ярмарка товаров ручной работы); *День святого Валентина* (студенты провели на большой перемене романтический и веселый флэшмоб); *День Востока* (участники выступали с различными номерами, показывающими особенности той или иной культуры, посещали различные мастер-классы или же участвовали в японской чайной церемонии и вкушали горячий чай с пирогом, приготовленным организаторами праздника) [2].

Ежегодным интереснейшим и полиэтничным мероприятием в Институте детства НГПУ является «Неделя этнотолерантности». Данное мероприятие проводится преподавателем кафедры ПиМНО Касеновой Н.Н. совместно со студентами в течение 4 лет.

В программу «Недели этнотолерантности» входят: экскурсии, онлайн-игра «Брейн-ринг», посвященная историко-культурному наследию народов, а также вебинары с международным участием.

Более подробно остановимся на мероприятии «Неделя этнотолерантности-2015», в его программу вошли: экскурсия в Музей имени Н.К. Рериха, онлайн-игра «Брейн-ринг», посвященная историко-культурному наследию народов Евразии, а также вебинар с международным участием, посвященный той же теме.

В «Брейн-ринге» в этот раз участвовали две команды, представлявшие ИД НГПУ, а также команда психолого-педагогического факультета Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ), которая общалась посредством Skype. Ответы команд оценивались компетентным жюри, также следящим за ходом игры через Skype. В состав жюри входили: Мурат Джатдаевич Каракетов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Михлухо-Маклая Российской академии наук, Земира Хыйсаевна Текеева и Лариса Кичиевна Текеева, кандидаты исторических наук, доценты кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева.

Соперничество между командами было напряженным. Вопросы проверяли уровень знаний участников по заданной теме и касались абсолютно всех аспектов жизни карачаево-балкарского народа. В результате дружеского соперничества каждый из участников турнира открыл для себя много нового, познакомился с интересными людьми и стал частью дружной многонациональной семьи.

Результатом онлайн-игры «Брейн-ринг» стала победа команды «Дружба народов» (ГАГУ), лишь на два очка опередившей команду «Содружество» (НГПУ). Итогом «Недели этнотолерантности-2015» стал вебинар «Культурное наследие народов Евразии». Доклады преподавателей и студентов нашли живой отклик аудитории. Участники задавали друг другу вопросы и высказы-

вали собственное мнение о проблемах межнационального общения. В вебинаре приняли участие студенты 501 группы НГПУ и студентки из Республики Кыргызстан, обучающиеся в ГАГУ. Отдельно выступили члены научного сообщества не только Новосибирска и Горно-Алтайска, но и Республики Узбекистан.

В ходе обсуждения проблем вебинара был сделан вывод: именно студенчество, обучающееся в педагогических вузах, является будущим нашей страны, именно ему предстоит формировать культуру межнационального общения в подрастающем поколении [1].

Подобные мероприятия крайне важны для формирования благоприятной студенческой среды в НГПУ, позволяют укрепить сложившиеся положительные межнациональные отношения. Показать и укрепить этническую мобильность как деятельность, направленную на способность этнически самоутверждаться и самоопределяться в межэтническом пространстве целого государства.

Список литературы

1. Касенова Н. Н. Неделя этнотолерантности. Режим доступа: http://nspu.net/content/news/index.php?ELEMENT_ID=12954&phrase_id=1974775 (дата обращения: 15.11.2015).
2. Малый Е. Дружба народов в НГПУ // Весь университет. 2015. № 3. С. 18–19. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. Режим доступа: http://press.nspu.ru/file.php/1/_gazet_/71/018.pdf (дата обращения: 10.11.2015).

РОСТ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ: ЯКУТЫ С ОЗЕРА ЕССЕЙ

Все народы – жители одного мира, и каждый этнос связан со своей территорией, которую чтит, уважает, бережет. Наша страна – Российская Федерация, богата народами, каждый из которых уникален: имеет собственную историю, вероисповедание, язык, культурные традиции. И каждый народ стремится сохранить и передать будущему поколению свою культуру.

Развитие общества – единственный прогрессивный исторический процесс, включающий в себя своеобразие национальных культур и исторических эпох, как качественно самостоятельных ступеней мировой истории (Иоганн Гердер).

В число коренных народов России входят якуты, территория расселения которых охватывает одну пятую часть страны. В далеком XVII веке при освоении русскими казаками Дальнего Востока, до их прибытия к границам якутской земли, в 1628 году ими был образован торговый путь. Он был расположен около большого озера, отмеченного на карте 1745 года под именем Езель. Далее название трансформировалось – Jezieĵia, Евсеевское, Жессей, Жоссей, и в настоящее время озеро носит имя Ессей. Земля за Полярным кругом была богата природными ресурсами – множеством видов рыб, птиц, животных. В то время ее населяло тунгусское племя ваяндов, на которое был наложен ясак. К концу XVII века в результате столкновений и распространения болезней, в частности оспы, племя ваяндов становилось все более малочисленным. Выжившие оставили Ессей и направились в другие места. С конца XVII века отмечается миграция якутов на Ессей, названный ими «Дьэһиэй». Причиной миграции стало ясачное обложение. В начале XVIII века, по данным переписи, число якутов увеличилось, и они составляли 80 % населения Ессея. Первые мигранты прибыли туда из центральной Якутии и, освоив новую землю, стали укреплять отношения с соседними народами. Основной торговый путь и плата ясака велась через Виллюй. Как указывает краевед, жительница Ессея П.Х. Чорду, заселение северо-запада Якутии, например района Оленька и озера Ессей, выходцами из центральной Якутии проходило в одно и то же время. Население Оленька, как и ессейские якуты, ведет кочевой образ жизни, их главным богатством является олень. Связь с населением Оленька не прерывалась до XX века. Переселение якутов в Ессей было намеренным, а некоторые из мигрантов к тому времени уже были крещеными.

То, что ессейские якуты ведут свое происхождение из Якутии, доказывает тот факт, что фамилии жителей исходят из якутских наслегов. Напри-

мер, Эспек – из Усть-Алдана, Чорду и Осогостох – из северных районов, Маймага – из Намского улуса, Ботулу – из Жиганска, Усть-Яны и Верхневилюйского района, Одай – из (Ботутурского) Амгинского улуса. Названия родов произошли от поклонения птицам и соответствуют западным жителям Якутии. Прасковья Чорду отмечает: «Родоначальником рода Ботулу является орлан белохвостый (тойн-көтөр), рода Маймага – белый лебедь (куба), Чорду – турпан (анды), Эспек – гагара (куохас), Осогосток – ворон (һор)».

В 1856 году камчатские миссионеры через Виллюй направились в Ессей с целью христианизации жителей. Была построена первая часовня около реки Сордонноох (Щучья) и из-за отдаленности населения в 1873 году направлена в Енисейскую епархию. Ессейцам было привычно и легко вызывать священника из Виллюя. Для постройки новой церкви в 1892 году в поселок был направлен виллюйский мастер. Все посетившие Ессей священники отмечали религиозность местных жителей, их трудолюбие, отзывчивость, общительность и гостеприимство.

Тем не менее с течением времени культура ессейских якутов, поселившихся на новом месте, приобрела свои особенности и отличия от культуры народа, населяющего Якутию. Основным различием между жителями Якутии и Ессея выступает их образ жизни: у якутян – скотоводческий, у ессейцев – кочевой. Ессейские якуты схожи с населением Оленька кочевым видом деятельности, а также большая часть населения Ессея являются кровными родственниками с жителями Оленька, поскольку контакты поддерживаются в течение нескольких веков. Олень в этих культурах составляет основу и смысл существования: дает пропитание и одежду, является средством передвижения. По якутской традиции родовые связи позволяли всем быть в какой-то степени обеспеченными. Среди населения села были люди, зависимые от оленеводов, которым в год наделялось десять оленей на пропитание и жизнь. Их нарекали «абыртыыллар» (спасенные), детей-сирот всегда брали на попечение близкие родственники.

С началом XX века спокойная жизнь ессейцев резко переменилась. После революции 1917 года жители пустились в бега, как и ранее, за свободной жизнью. Некоторые, осознав безысходность, возвращались в родные края, но были и избранные, основавшие новое поселение Хатырык (чешуя), их фамилии трансформировались (Ботулу – Батулу). В 1926 году стал вопрос о присоединении ессейцев к Красноярскому краю или Якутии. Территория Ессея принадлежала Красноярскому краю, и ессейцы не хотели покидать ставший им истинно родным местом край. Так 10 декабря 1930 года Ессей стал частью Красноярского края, входившей в Эвенкийский округ Ильменского района. В 1931 году официально оформилась граница между Эвенкией и Якутией, и с годами связь прервалась.

Жительница Ессея Прасковья Христофоровна Чорду в 2009 году издала книгу, посвященную истории и обычаям ессейского народа, под названием «Эбэ, сохранившая древние тайны». Познакомившись с книгой, можно срав-

нить культуры якутов с озера Ессей и жителей Якутии и обнаружить появившиеся различия. Ессейцы мигрировали в начале XVIII века, а якутская письменность начала зарождаться с XVII века в ходе освоения Якутии учеными-путешественниками. Первым в 1851 году составил якутский алфавит Отто Николаевич Бетлинг на основе кириллицы, далее до 1929 года пользовались алфавитом Новгородова на основе латиницы. Окончательно якутская письменность сформировалась в 1939 году на основе кириллицы. У ессейских якутов язык передается в устной форме до сегодняшнего времени. В связи с этим при сравнении языков обнаруживается, что якутяне имеют больше заимствованных слов. У ессейцев отсутствует звук «с» в начале и в середине слова: слово лиса – һаһыл (саһыл) и т.д. Были попытки обучить ессейцев якутскому языку: в 1950-е годы ЯАССР направляла учителей якутского языка и население как-то читало. В 1960–70-е годы ессейцы подписывались на периодическую печать «Хотугу сулус» («Полярная звезда») и слушали радио на родном языке, но эта практика прекратилась и не возобновлялась вплоть до 2010 года.

Интересно также сравнение традиционной обрядовости якутов и ессейцев. В обряды жизненного цикла входят родильные, свадебные и погребальные. К родильному обряду относятся с высоким почтением и с тщательным старанием соблюдают все ритуалы, так как от него зависит жизнь матери, ребенка и всего потомства. Как и в якутских родильных обрядах, ессейцы считают женщину «не чистой» весь период беременности, а для облегчения родов окружают заботой и стараются быть всегда рядом с ней. Но женщина, как и в обычные дни, до последних дней обременена тяжелой трудовой работой. Сразу же женщине находят помощницу – родильницу, женщину в преклонном возрасте, и призывают богиню плодородия Айыыһыт как покровительницу детей. У ессейцев она воплощается в образе зайца с бисером на глазах. До рождения ребенка запрещается приготавливать вещи, одежду, колыбель, их делают спустя 2–3 дня после рождения. После родов важно захоронение всех деталей обряда, сохранение пуповины. У ессейцев обряд очищения продолжается в течение трех дней. В это время женщина восстанавливается, и после ее жизнь возвращается в обычное русло. А у якутян присутствуют ритуалы завершения трех дней и сорока дней. Ребенка со дня рождения особым образом оберегают. Например, кладут под подушку мальчишкам нож, девочкам – ножницы. До двух–трех лет детям не дают имена, а зовут хотуой и нохоо. Имена даются по обстоятельствам рождения и как имена-обереги. Кормление детей грудью продолжалось вплоть до достижения ими возраста десяти лет. Если в семье дети погибали, то оставшихся детей передавали другой семье для сохранения их жизни, чтобы запутать злых духов.

Свадебный обряд и ессейцев, и якутян состоял из нескольких этапов: начинается он со сватовства – кэргэн кэпсэтии, при котором семьи договаривались еще в детстве будущих супругов. После наступления совершеннолетия совершается помолвка – илии охсуһуу. Первая часть торжества происходила у дома невесты, когда жених приезжает с половиной платы за невесту. Вторая

часть праздновалась у жениха и при переезде невесты в новый дом. Последний обряд – временное возвращение невесты в отчий дом. В нем наблюдается разница традиций этих народов: у якутов это происходит сразу после последнего обряда, а у есеевских якутов невеста не должна видаться с родителями в течение трех лет. У есеев свадебный обряд связан с частыми молитвами. Это указывает на влияние православной веры и их религиозность, а также на отсутствие шаманизма и то, что мигрировали на озеро уже крещеные люди. В отличие от есеев у якутов отсутствует практика молитвы.

Погребальный обряд состоит из нескольких этапов: подготовка к погребению, обряд во время самого погребения и поминки. У обоих представителей есть обычай – специальное повреждение одежд и вещей усопшего. Это делалось с целью запутать путь злого духа и в соответствии с представлением о том, что в потустороннем мире все искажено. Поминки сопровождаются принесением в жертву животного, у есеев это олень, у якутов – лошадь. Головы животных вешают на востоке, а тело хоронят рядом с умершим. Есеевские якуты после сорокового дня погребения снова жертвуют двух оленей.

Из традиций сохранились у есеевских якутов развивающие игры с палочками – хабылык, национальные игры – состязания по трем прыжкам куобах, буур, ыстанга, перетягивание веревки, вольная борьба тустуу. В связи с отсутствием письменности у есеев плохо сохранился фольклор – состязание красноречивых сказителей Олонхо, но оно присутствует в устной форме.

В настоящее время, несмотря на длительную разделенность якутов, живущих на озере Есее и на исконной территории, эти народы поддерживают активные связи. В 2010 году случилось страшное событие для села: сгорели образовательные учреждения – детский сад и школа, и жители обратились за помощью в Якутию, родину некогда единого народа. Трагедия стала ключевым событием для восстановления связи есеев с Якутией.

13 ноября 2009 года была создана программа по возобновлению связей, изучению социально-экономического положения, особенностей культуры и языка и формированию единого информационного пространства с якутами, живущими за пределами Якутии. В результате в 2010 году был сформирован Общественный координационный совет «Тас сахалар» («Якутяне вне Якутии»), были разработаны цель, задачи и направления деятельности. В состав Координационного совета вошли журналисты газет «Кыым», «Саха Сирэ» и журнала «Илин», ученые (этнографы, историки, культурологи, писатели, учителя и инженеры). Председателем совета является Павлов Николай Николаевич – кандидат медицинских наук, генеральный директор ЗАО «Центр иммунопрофилактики». Данный совет работает с Амурской областью, Хабаровским краем, Магаданом, Иркутском и Красноярским краем. По данным переписи 2010 года, по России проживало саха – 478085 человек, вне республики Саха (Якутия) их насчитывалось 11093, в Есее – 631 человек.

Об опыте пятилетней работы ОКС «Тас сахалар» я взяла интервью у председателя Совета Н. Н. Павлова, в нем он представил итоги их деятель-

ности. По его словам, ОКС не подменяет государственной или иной структуры. В его функции входит только координирование общественной работы с якутами, живущими вне республики Якутии. ОКС призван информировать сородичей, живущих за пределами республики и интересующихся культурными связями с якутянами, о жизни в Якутии, и общественников республики, интересующихся сородичами, проживающими вне пределов Республики Саха, о жизни и быте, о культурных процессах, протекающих там. Миссия – связывать активных людей в республике с такими же людьми в соседних субъектах Федерации, тем самым способствовать сохранению сородичами своей самобытной культуры.

Проблема Координационного совета состоит в отдаленности и труднодоступности поселений, в установлении контакта с молодежью, в слабой мотивированности людей, обусловленной размыванием этнической идентичности. Успехами в работе является возобновление регулярных контактов и содействие в организации научных экспедиций в Красноярский и Хабаровский края, в Магаданскую и Амурскую области. Обеспечение печатной, видео-, аудиопродукцией республиканских издательств и студий. Большим плюсом стало активное участие общественности республики, влияющей на властные структуры соседних субъектов, заинтересованность в решении проблем и внимание к обращениям жителей соответствующих поселков. Также Ессей является единственным крупным поселком, где сохранилась самобытность культуры саха. Как отмечает председатель Совета, культурные связи Ессея с Якутией в меру возможностей поддерживаются главой поселка, энтузиастами в Туре и Красноярске, родственными связями и единичными студентами, обучающимися в республике. Координационный совет «Тас сахалар» продолжает свою деятельность в поиске активистов, поддерживает связь с населенными пунктами, оповещает о проделанной работе, сотрудничает с научными экспедициями.

«Сохранение культуры и языка тех или иных сообществ (будь то отдельные народы или сообщества, изолированные от основного ядра народа) важно для всего человечества, для государства и для отдельного человека. Человек, понимающий и помнящий культуру своих предков, ощущающий себя в качестве звена поколений, устойчив к любому негативному влиянию. И в этом смысле такой человек больше отдает обществу, и как гражданин страны более полезен. Поэтому усилия по сохранению культуры должны предприниматься на всех уровнях. Если смотреть на это с государственных позиций, становится очевидно, что властные структуры субъектов, начиная от глав субъектов и заканчивая директорами школ, обязаны поддерживать население в стремлении сохранить свою культурную идентичность. И, наоборот, при отсутствии внимания или в условиях ее подавления люди если и не озлобляются, то перестают быть лояльными гражданами, такие люди более подвержены влиянию деструктивных сил» (Н. Н. Павлов).

На сегодняшний день Координационный совет «Тас сахалар», по словам председателя Павлова Н.Н., предлагает следующую программу развития контактов:

1. Ведение планомерной реальной работы в селе Ессей в законодательных и исполнительных органах власти обоих субъектов для сохранения языка саха и якутской культуры.

2. Принятие мер органами власти района по сохранению самобытности народов и поддержанию народных общественных инициатив. Например, приглашение специалистов и обеспечение условиями проживания.

3. Внесение поправок в закона, который приравнивает права молодых специалистов, отправляющихся работать за пределы республики, со специалистами, выезжающими в северные улусы.

Сегодня культура ессейских якутов активно восстанавливается. Так, в 2010 году в Ессей по контракту были направлены двое учителей якутского языка. Они проработали в течение года. Нюргуяна Скрябина поехала с дочкой и получила должность завуча, по своей лично разработанной программе, которая была утверждена Красноярским краевым управлением образования, вела обучение. Руководила кружком фольклора и духовной культуры, кружком по игре на варганном инструменте «хомус» и работала над выпуском местной газеты. Вела научно-исследовательскую работу по этнографии и культуре ессейских якутов, обучаясь параллельно в аспирантуре СВФУ. В 2015 учебном году приехала новая учительница якутского языка с двумя детьми. В итоге работа молодых учителей вызвала интерес у выпускников вузов, в СМИ периодически публикуются статьи про ессейских якутов Красноярского края, благодаря чему якутяне информированы о жизни земляков и заинтересованы в восстановлении контактов. Возобновилась былая связь между сородичами в культурном и родственном плане.

В связи с трудностью обучения ессейских выпускников в вузах и ссузах г. Красноярск из-за языковых, социальных, экономических проблем удалось установить договоры с вузами и ссузами республики СВФУ, ЯГСХА, ЧИФ-КиС. По данным 2015 года закончили обучение в вузах 3 выпускника, один из них работает в Есее учителем физической культуры, другие остались в Якутии. Продолжают обучение двое студентов в СВФУ, один юноша учится в училище Олимпийского резерва и одна женщина учится на заочном отделении, работает специалистом администрации Ессея.

В селе в 2014 году открылась новый детский сад, а в 2015 году – новая двухэтажная каменная школа, которая приняла 189 учеников и нового учителя якутского языка. Культурный клуб переместился во временное здание школы. В Туре был организован женский фольклорный ансамбль, исполняющий песни на якутском языке. Ансамбль планирует посетить Ессей.

С 1940-го года в практике ессейских якутов отсутствовал главный якутский праздник встречи солнца – «Ысыах». В 2013 году начали возрождать исконную традицию, а в 2015 году в Туре ессейские якуты организовали празд-

ник, специально сшив народные платья и заказав украшения из Якутии. В итоге была выпущена брошюра, посвященная празднику Ысыах.

Культура ессейских якутов изучается академическим сообществом: в последнее время проведены три экспедиции из Якутии в Ессей, одна из СФУ. Журналисты якутских газет посетили Туру и Ессей, встретились с губернатором Красноярского края и с руководителями Эвенкийского района.

Анатолий Иванович Саввинов – якутский ученый-этнограф, историк входит в состав ОКС «Тас сахалар». В 1989, 1991 и 2010 годах изучал быт, язык и культуру ессейских якутов. На основе исследований опубликовал статьи в газете «Кыым». Итогом его работ стал выпуск книги в 2002 году «Дьэһиэй сахаларын фольклора» (фольклор ессейских якутов) на основе исследований экспедиции 1959 года Н. В. Емельнова и М. Воронкина. В 2011 году вышли «Краткий тематический словарь ессейского говора» А. И. Саввинова и П. Х. Чорду, в котором 1300 слов и выражений.

Ессейские якуты обособились от народа саха, проживающего в Якутии, в течение новой и новейшей истории. В связи с отдаленностью и сформированным мировоззрением они сохраняли исконную культуру саха в устной форме более трехсот лет. В нынешней ситуации в условиях усугубляющего кризиса для выживания человека необходимо прилагать особые усилия, восстанавливать культуру и социальные связи с Якутией. Благодаря совместным усилиям населения, активистов и работе ОКС «Тас сахалар», ессейские якуты получили в 2013 году статус коренных малочисленных народов на уровне Красноярского края. Наряду с этим надо акцентировать вопросы совершенствования и сохранения культуры и жизни народа. В дальнейшем своем исследовании я хочу лично познакомиться с ессейскими якутами и продолжить системную работу изучения их национальных особенностей – культуры, быта, традиций, обрядов и устного народного творчества.

Список литературы

1. Чорду П. Х. Эбэ сохранившая древние тайны. Якутск, 2009.
2. Материалы официального информационного ресурса Общественного координационного совета. Режим доступа: <https://tassakhalar.wordpress.com/>.
3. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Якутск: Национальное издательство Республики Саха (Якутия), 1992.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. Воронкин М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1984.
6. Сафронов Ф. Г., Иванов В. Ф. Письменность якутов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1992.
7. Материалы из интервью председателя ОКС «Тас сахалар» Н. Н. Павлова. Якутск от 13.11. 2015 г., взятого М. И. Бережновой.

ВЛИЯНИЕ ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ НА КУЛЬТУРУ СИБИРИ

На протяжении более трехсот лет Сибирь принимала польских эмигрантов. Ими были как отбывающие наказание политические и уголовные заключенные, так и добровольные переселенцы, прибывшие для освоения территорий и развития региона. За несколько веков своего присутствия на сибирской земле поляки образовали одно из самых влиятельных национальных меньшинств.

Интерес к польским эмигрантам в Сибири в последнее время набирает популярность. Разные аспекты этой темы освещают не только российские ученые из Иркутска, Томска, Новосибирска и Омска, но и польские исследователи.

В своих работах профессор Иркутского государственного университета А. А. Иванов и представитель Ягеллонского университета Павел Столяров-Король рассматривают сам феномен польского политического ссыльного, его образ и быт, налаживаемый отбывающими наказание и их семьями на сибирской земле¹. Исследования Т. А. Гончаровой направлены на изучение таких аспектов культурной идентичности ссыльных поляков, как религия, язык, использование национальных символов, которые помогают воссоздать образ страны исхода в иных культурных и природных условиях².

Тема непосредственного влияния польских эмигрантов и их потомков на формирование и развитие культуры Сибири освещена слабо. Чаще всего информация, предоставляющая данные сведения, носит характер упоминаний. В своих работах русские и польские ученые К. Карольчак, В. Ольшевский, В. Сливовская и др. касаются влияния поляков на формирование культуры Сибири, рассматривают биографии известных личностей – военного путешественника М. Лепецкого, революционера и исследователя Б. Пилсутского, ксендза П. Сцегенного, также историю и деятельность национальных объединений³.

Данные исследователи не освещают влияние личностей-репрезентантов и деятельность организаций на современное состояние культуры Сибири, поэтому можно сделать вывод, что тема данного доклада является актуальной.

---

¹ Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 62–70; Столяров-Король П. Родина, заново обретенная: монография. Абакан, 2007. 222 с.

² Гончарова Т. А. Конфессиональный фактор в этнической идентичности поляков Томской области // Вестник ТГПУ. 2010. № 9. С. 120–125.

³ Карольчак К. Сибирь в воспоминаниях ссыльных поляков // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 3–7; Ольшевский В. Сообщения Мечислава Лепецкого из Сибири (1930-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 7–10; Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность. Режим доступа: <http://www.novpol.ru>.

Объектом исследования являются польские эмигранты, проживающие в Сибири с XVI века.

Предмет исследования – влияние, оказанное польскими эмигрантами на культуру Сибири.

Цель исследования – раскрыть специфику влияния польских эмигрантов на формирование и становление культуры сибирского региона.

Обратимся к этапам и особенностям переселения поляков на территорию Сибири. Поляки прибывали в Сибирь путем насильственной и добровольной миграции. Наряду с политической ссылкой существовали другие пути появления польских поселенцев, такие как добровольное поступление на службу – военную, административную, религиозную и др., и переселение на неосвоенные земли с целью развития территорий.

Первые поляки, ступившие на сибирскую землю, пришли с отрядами Ермака. Вторая волна привела в Сибирь польских граждан в XVI веке после окончания Смутного времени в качестве пленных солдат польско-литовского войска интервентов.

В результате раздела Речи Посполитой, произошедшего в конце XVIII века (1772–1795 гг.), Российская империя завладела почти половиной всей территории Польши, что способствовало новому наплыву ссыльных поляков разного звания и сословия, участвовавших в бунтах, восстаниях, деятельности оппозиционных политических организаций. Этот процесс продолжался и в XIX веке.

Ситуация меняется в начале XX столетия с принятием в 1908 году реформы П.А. Столыпина, которая способствовала добровольному переселению семей польских крестьян в неосвоенные районы Сибири. Начиная с 1920-х годов польские поселенцы снова появляются на сибирских территориях в результате политической ссылки и депортации из западных районов Украины, Беларуси и Прибалтики. Самым масштабным наплывом эмигрантов является период сталинских репрессий (1939–1950 гг.). В это время в Сибирь прибыло около 500 тыс. поляков, многие из которых погибли в первый год ссылки от голода и болезней или же были расстреляны.

Центрами расположения польских ссыльных были города Иркутск, Томск, Красноярск и Омск.

Основную массу сибирских поляков составляли ссыльные, депортированные и каторжники. Известно, что начиная с XVII века в сибирские города начали поступать представители польской шляхты, осужденные за измену и участие в восстаниях. Вторая крупная волна появления лиц польского дворянского сословия наблюдалась в первой половине XIX века. Члены политических кружков, зачинщики и участники восстаний, бунтов, направленных против власти российского императора, были отправлены в Сибирь вслед за декабристами. Так как отбывавшие наказание поляки преимущественно были представителями знати и среднего класса, уровень их образования превышал уровень образованности местных представителей власти, а тем более местно-

го населения. Это способствовало активному участию польских эмигрантов в развитии и формировании культуры края.

Основными заслугами поляков в Сибири являются:

1. Участие в формировании сибирской знати, подъем уровня образования – обучение детей местных и ссыльных русских дворян, чиновников. Яркими примерами могут служить Юлиан Сабинский – польский политический ссыльный, отбывавший свое наказание в Иркутске. Он обучал детей Волконских, Трубецких, местных чиновников и генерал-губернаторов. Ксёндз Ян Генрих Сероцинский в период своей ссылки служил преподавателем Омского войскового казачьего училища.

2. Исследование края – составление карт местностей, разведка полезных ископаемых, изучение флоры, фауны, этнографические исследования. Примером является геолог А. Л. Чекановский, который во время своей ссылки проводил исследования Иркутской губернии по заданию Русского географического общества, обнаружил месторождения графита и каменного угля, исследовал сибирские реки.

3. Привнесение городской европейской культуры – оформление торговых лавок (многие из польских ссыльных занимались торговлей), мода (поляки открывали ателье).

4. Привнесение католицизма на территорию Сибири. Так как католическая вера является основой национального самосознания поляков, католические храмы были обязательным атрибутом польских селений. Примерами самых старейших в Сибири костелов являются Томский и Иркутский (ныне органнй зал).

5. Освоение новых сельскохозяйственных культур на сибирской земле, таких как подсолнухи, яблоки, шампиньоны.

Поляки облагораживали свое новое место жительства, пытались создать образ своей родины. Уникальность присутствия польских эмигрантов в Сибири состоит в том, что они не утратили своей культурной идентичности. Сохранению национальных черт способствовали и способствуют по сей день национальные объединения. На территории Сибири функционируют национально-культурные автономии, самыми крупными являются «Огниво» в Иркутске и «Белый орел» в Томске. В Красноярске функционирует НКА «Дом Польский».

В наши дни, согласно всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Российской Федерации проживает 47125 поляков, что примерно сопоставимо с численностью населения средневекового польского города Колобжег¹.

Основная масса представителей польской национальности сконцентрирована за Уралом. Сибирские субъекты Федерации уступают по численности

---

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

польского населения только Калининградской области. В сибирском регионе лидером является Омская область. На втором месте находится Иркутская область, на третьем – Красноярский край. Четвертое место занимает Новосибирская область, пятое делят Кемеровская и Томская области. Это подтверждают сведения о местах концентрации польских поселенцев, сложившихся в ходе истории.

В сравнении с переписью населения 2002 года численность поляков, проживающих на территории РФ, сократилась почти в два раза. В 2002 году поляки было 73001 человек¹. Такая же ситуация наблюдается на территории субъектов РФ.

Сокращение численности поляков на территории РФ в первую очередь связано с их возвращением на историческую родину.

С уменьшением численности поляков на территории Сибири деятельность НКО постепенно теряет свои основные функции – поддержание национального духа и сохранение культурной идентичности, объединение народа.

Так как религия для польской общности является одним из основных культурообразующих факторов, данные функции выполняют римско-католические приходы. На базе костелов происходит единение не только католической общины, но и национальное единение².

Польская церковная миссия сыграла важную роль не только в адаптации польских эмигрантов на сибирской земле, но и повлияла на формирование облика многих сибирских городов посредством возведения культовых зданий – костелов.

Ярким примером данного явления является римско-католический костел Преображения Господня в Красноярске, находящийся на ул. Декабристов, д. 20. Он служит ядром исторического центра города с застройкой рубежа XIX–XX веков, также является памятником полякам, осужденным на ссылку в Сибирь за участие в восстаниях 1830 и 1861 годов³.

Здание было возведено в 1908–1911 годах по проекту архитектора польского происхождения В. А. Соколовского. Костел функционировал до 1921 года, затем с окончательным установлением советской власти в нем был размещен радиокомитет, позднее – студия телевидения. С 1982 года храм становится органом филармонии, и только спустя девять лет католикам удается получить разрешение на проведение богослужений.

Сегодня костел имеет свой первозданный вид, восстановлены элементы внешнего облика и внутреннего убранства, утраченные в период государственной эксплуатации сооружения. Здание выполнено в традициях неоготики, что является большой редкостью в архитектурном пространстве Сибири. Оно

---

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.

² Недзелюк Т. Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.): монография. Новосибирск, 2015. 304 с.

³ Архитектура Красноярска и Красноярского края. Римско-католический костел по ул. Декабристов д. 20, в Красноярске. Режим доступа: <http://naov.ru>.

представляет собой кирпичный базиликальный храм с тремя нефами, имеющий в плане латинский крест. Западный фасад отмечен двумя высокими башнями-колокольнями с узкими стрельчатыми проемами. Фасад увенчан ступенчатым фронтоном-шипцом и отмечен традиционной «розой». По периметру фасада расположены стрельчатые окна, оформленные витражами. Все это указывает на то, что при создании данного костела использовались традиции средневекового европейского культового зодчества. Образ храма не только отражает связь сибирской земли с Европой, но и формирует поликультурный облик города. Соседствуя со светскими постройками и культовыми сооружениями, принадлежащими к другим конфессиям, здание отражает феномен России – сосуществование разных культур, их мирное взаимодействие на одной территории.

Рис. 1. Костел Преображения Господня в Красноярске.
В. А. Соколовский. 1908–1911 гг.

Рис. 2. Дом ксёндза. Архитектор В. А. Соколовский. 1911 г.

Рис. 3. Архитектор В. А. Соколовский

Рядом с костелом располагается деревянный дом ксёндза (рис. 2), построенный по проекту того же архитектора. Данное здание сочетало в себе непосредственно жилое пространство ксёндза, гостиницу для прихожан, прибывших из других городов, приют для детей. Ныне в этом здании расположена музыкальная школа. Оно выполнено в стиле модерн с элементами неоготики, что также является необычным для Сибири.

Если обратить внимание на все творчество В. А. Соколовского (рис. 3), то главное, что следует отметить, – его новаторство, масштабность и смелое применение инокультурных европейских приемов в азиатской местности. Владимир Александрович Соколовский родился 1 мая 1874 в Витебской губернии. Окончил Петербургский институт гражданских инженеров, после чего был направлен в Красноярск и занимал должность младшего архитектора, в 1909 году он получил пост губернского архитектора. После революции Соколовский работал инженером, прорабом, с 1920-х годов начал педагогическую деятельность – преподавал строительные дисциплины в средних и высших учебных заведениях Красноярска. В 1944–1946 годах был начальником красноярского краевого отдела по делам архитектуры. Его творчество оказало огромное влияние на развитие культуры региона, за свою жизнь Владимир Александрович создал более двухсот сооружений на территории Красноярского края, применив в работе различные архитектурные стили, такие как модерн, эклектика, романтизм, неоготика, псевдорусский и другие с опорой на европейские архитектурные традиции.

Следует отметить, что В.А. Соколовский является добровольным мигрантом польского происхождения. Своим посильным вкладом он создал неповторимый облик Красноярска и ряда городов Красноярского края. Его произведения, такие как особняк мещанки Цукерман (ныне литературный музей имени Астафьева), дом В. Н. Гадаловой (Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова), главпочтамт, римско-католический костел и многие другие, образуют собой пространство исторического центра Красноярска, являющееся лицом города, отражающее пространство стыка различных культур.

Уже более трехсот лет польские эмигранты играют важную роль в становлении и формировании культуры Сибири. За несколько столетий их влияние распространилось на все сферы культуры региона – от сельского хозяйства до изобразительного искусства. Важными этнообразующими основами для польских национальных объединений являются религия и историческая память народа. В настоящее время культурное достояние, оставленное польскими эмигрантами на территории Сибири, играет дипломатическую роль, зарождает интерес к взаимному изучению культур России и Польши, создает пространство для мирного диалога двух стран, двух народов.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В последнее время число мигровавших в Российскую Федерацию значительно возросло. Одна из основных проблем, с которой они сталкиваются, – социокультурная адаптация, представляющая собой длительный процесс, связанный с переживанием перемен, привыканием к новой культуре, изучением языка.

Социокультурная адаптация – это процесс приспособления человека к условиям жизни, нормам поведения и общения в новой социальной среде [1].

Значительную часть мигрантов составляют семьи с детьми разного возраста, которым в будущем придется жить и трудиться в Российской Федерации. В связи с этим становится актуальной проблема социокультурной адаптации детей из семей мигрантов в российской системе образования. Рассмотрев адаптационный процесс ребенка-мигранта, следует уточнить, что резкое повышение интереса к этой проблеме приходится на 2000–2010 годы, когда произошла значительная активизация миграции из менее развитых стран в более цивилизованные.

Усилившиеся миграционные потоки затрагивают многие элементы социума, включая обучение детей в школах. Школа – это один из основных институтов общества, через который осуществляется адаптация мигрантов. Дети оказываются в непривычной для них социокультурной, национальной и языковой среде, к которой им предстоит адаптироваться в самые сжатые сроки.

Дети мигрантов в процессе переезда и адаптации на новом месте испытывают множество социальных, педагогических и психологических трудностей. Актуальной для педагогики становятся проблема социального приспособления ребенка к новым условиям жизни. В соответствии с этим в задачи образовательного учреждения входит оказание психолого-педагогической помощи детям мигрантов [2].

Основные трудности адаптационного этапа у младших школьников-мигрантов связаны, прежде всего, с необходимостью общения на плохо понятном для них русском языке. Наличие языковых барьеров ведет к отставанию в учебе, снижению самооценки, которая негативно сказывается на отношениях с окружающими и статусе ребенка среди одноклассников. У таких детей отсутствуют также достаточные для социализации знания об основах российского законодательства, культуры и истории, традиций и норм поведения в быту, т.е. они плохо интегрируются в российское общество [3].

В связи с этим задачей образования является воспитание гражданина демократического государства независимо от его национальности и вероисповедания. В 2001–2005 годах была реализована федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», которая положила начало формированию в нашей стране толерантной личности [4].

В обучении детей-мигрантов существуют определенные проблемы: значительный разрыв в пройденном материале, слабое знание русского языка или его незнание вовсе, разный уровень требования в школах, вследствие чего – низкая успеваемость. В связи с этим существует необходимость в поиске новых форм, методов, средств обучения, которые бы существенно адаптировали учащихся-мигрантов к вхождению в образовательную среду. Успешная адаптация способствует быстрому включению школьников в учебный процесс.

Российская школа современного типа является полиэтнической, ее отличительными чертами можно считать многонациональный состав. Для общеобразовательных школ задача социальной адаптации детей-мигрантов стала решающей и требует внимания и помощи со стороны специалистов в данной области.

Для младших школьников из семей, не владеющих русским языком, мигрировавших в Россию, коррекционная работа должна быть направлена на повышение уровня коммуникативной осведомленности, социализированности и снижение степени тревожности. В связи с этим для преодоления трудностей в социокультурной адаптации детей-мигрантов проводятся личные беседы, работа в группе с другими учениками, ознакомление класса с обычаями и традициями ребенка-мигранта; работа с семьей, ее активное привлечение к участию в школьных мероприятиях. В начальной школе необходимо учителям работать также с русско-язычными детьми, для их успешного взаимодействия и сотрудничества с детьми, не владеющими русским языком. Это будет лучшим способом для избегания конфликтов или непонимания между сверстниками. В центре внимания должно стоять выработка доброжелательного отношения к другому, готовность к обсуждению проблем и умение находить конструктивные решения.

На сегодняшний день для лучшей языковой адаптации детей-мигрантов книжные издательства выпускают особые учебники. Так, например, издательство «Просвещение» выпустили 5 учебников по русскому языку и 4 по литературе для иностранных учеников начальной школы. Учебники сейчас проходят апробацию. К ним также разработаны дидактические материалы и методические рекомендации для учителей. Данные учебники внедрили на 34 площадках страны, по 2 в каждом регионе. В апробации принимают участие такие регионы, как Московская область, Ленинградская область, Ставрополье, Башкортостан, Ростовская и Свердловская области, Якутия, Крым, Челябинская область. Участие в испытании учебников принимают 178 педагогов и более тысячи школьников.

Данные пособия позволят учителю начальных классов расширить свой кругозор, увеличить и улучшить свою методическую копилку. Что позволит ему намного успешнее строить работу с такой категорией детей.

Таким образом, социокультурная адаптация в начальной школе необходима, без работы с данными детьми не будет происходить развития межкультурных и межнациональных взаимодействий.

Список литературы

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009.

2. Шматова С. А. Диагностика адаптации обучающихся из семей мигрантов в условиях поликультурной общеобразовательной среды // Психологические науки: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, март 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014.

3. Бучилова И. А., Алиева Т. И. Особенности социокультурной адаптации детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в условиях двуязычия в семьях мигрантов // Концепт. 2015. Современные научные исследования. Вып. 3.

4. Гуляева А.Н. Социокультурная адаптация детей мигрантов // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» № 5 2010.

ТЕМА МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: РЕФЛЕКСИЯ НАД ПРОБЛЕМОЙ

Кинематограф – это великое искусство, играющее с человеческим воображением, вынуждающее плакать, смеяться, переживать важные моменты. Можно даже сказать, что кино управляет нашим сознанием, оно заставляет зрителя размышлять о проблемах, над которыми мы редко задумываемся, и, открывает истину, которая ускользает от наших размышлений. Режиссеры с помощью фильмов поднимают на всеобщее обсуждение некоторые проблемы, предлагают их решение и показывают, к чему все приведет. Одна из самых острых проблем начала XXI века – это проблема миграции, а точнее, мигрирующей и принимающей стороны. Как и любое другое искусство, кино с большим интересом изучает эту тему и создает целый спектр фильмов, рассматривающих данную проблему с разных сторон. Кино реагирует на социальные перемены и возмущения, а режиссеры высказывают свою точку зрения с помощью творчества.

Как уже было сказано, миграция – это очень большая проблема для современного общества. В настоящий момент многие государства принимают бесчисленное множество мигрантов, дабы показать свою внешнюю политику лояльной к другим нациям. Жители бедных стран в поисках работы и лучшей жизни пытаются всеми способами перебраться в другие страны, что способствует образованию таких межнациональных столиц как Токио, Париж, Лондон, Берлин, Москва и т. д. Но позже принимающие страны охватывают волнения, вызванные проблемами вымирания собственной нации, ее вымещения из пределов своего государства и полного смешения народов. Открытые государства закрывают свои границы, а мигранты пытаются проникнуть в них незаконно. Все это легко, когда разговор идет о политике, но если задуматься, что речь идет о миллионах несчастных людей, то проблема вселяет ужас.

Вникая в корень проблемы, становится понятно, что миграционный процесс – это конфликт, который имеет две стороны: мигрантов и жителей принимающего государства. Именно этот конфликт становится темой для многих фильмов, которые повествуют от лица мигрантов, принимающей стороны и одновременно от обеих оппозиций. Более того, выразить свою позицию по этому поводу берутся режиссеры разных стран, что только подчеркивает глобальность проблемы и важность ее обсуждения кинематографом.

Миграционные процессы – тема многих документальных и художественных фильмов. Документальные помогают зрителю понять масштабность

проблемы, они работают с фактами, цифрами и массовыми сценами. Но по настоящему пережить конфликт, заострить на нем внимание и показать всю тонкую моральную сторону проблемы позволяет именно кино художественное. Это кино, рассказывая об одном человеке, позволяет задуматься о миллионах людей, у него есть возможность один глобальный конфликт разбить на тысячи мелких, показать страдания людей, их трудности, мысли.

Само наличие в проблеме миграции конфликта уже предполагает определенный жанр, внутри которого работают режиссеры. Это драма, а точнее социальная драма. Модель, которую предлагает данный жанр, универсальна и легко ложится на любой межнациональный, межличностный и социальный конфликт. Более того, драма предполагает некоторое преувеличение и углубление событий, которые еще сильнее действуют на зрителя и доводят его до катарсиса. Эта схема предполагает, что во время просмотра фильма зритель максимально ярко проживает события в фильме, сочувствует главному герою, выражает сострадание и проникается пониманием. Но бывают и исключения, когда режиссеры пытаются высмеять проблему и показать конфликт менее значительным и серьезным с помощью жанра комедия.

В виду того что миграция довольно обширная и действительно глобальная проблема, фильмов на эту тему бесчисленное количество. Но для данного исследования было выбрано только три кинопроизведения, которые работают в одном жанре, но рассматривают конфликт с разных сторон. Более того, данные примеры выполнены режиссерами разных стран и выпущены с промежутком в несколько лет. На их основе можно ответить на целый ряд вопросов: какие проблемы рассматривает кинематограф в контексте миграции, какое решение он предлагает, какие выводы может для себя извлечь зритель и какими художественными приемами режиссеры пользуются.

От лица мигрантов со зрителем разговаривает фильм «В этом мире/In this world» режиссера Майкла Уинтерботтома, вышедший в 2002 году в Великобритании. Данное произведение рассказывает о двух афганцах, Эняте и его брате Джамале, которые решают незаконно перебраться в Лондон, чтобы улучшить свою жизнь.

Основное понятие, с которым работает фильм, – свобода. С самых первых кадров зрителя поражают бескрайние просторы Афганистана, пейзажи свободных долин и бесконечный диалог с природой. Часто фигуры жителей деревни с яркими улыбками демонстрируются на фоне горизонта, где песочные долины уходят бесконечно далеко и соединяются с небом. Решение переехать в Лондон стало их тюрьмой, лишившей мальчиков любых прав, свободы и будущего. В течение фильма просторные пейзажи сменяются границами тесного кузова машины, маленьких городских улиц и непривычной одежды. Чем больше расстояние от дома, тем меньше у них человеческих прав, они никому не нужны маленькие существа, одинокие и беззащитные в огромном мире. Их счастливые улыбки и мечты о светлом будущем сменяются грустными лицами, плачем и мыслями о выживании, а солнце, освещавшее их сво-

боду, зашло за горизонт и оставило их в полной тьме. В конце фильма один из мальчишек все-таки добирается до Лондона, в котором он будет вести нищенское существование без прав, без друзей, без цели. Единственное спасение для него – это поход в мечеть, где он может молиться Богу и где он хоть немного может себя почувствовать как дома.

«The journey to freedom has no borders/Путешествие к свободе не имеет границ» – этот слоган фильма представляет зрителю модель мироотношения, которую задает режиссер, интересующийся людьми на другом конце света. В этом мире не существует национальных, духовных или расовых границ, это мир духовного единения и сплочения посредством чуткости и сочувствия. Данный фильм не только визуализирует сочувствие самого режиссера к этим людям и данной теме, но посредством жанра, визуальных и вербальных понятий заставляет проявить сопереживание самого зрителя и не оставляет его равнодушным. Таким образом, моделируя мир с помощью понятия «сочувствие/сопереживание», режиссер уже выходит за рамки фильма, за границы конкретных людей, героев и говорит о мировом обществе в целом.

Эти поистине христианские мотивы сострадания, сопереживания, помощи ближнему своему, а не самому себе нашли свое отражение также в фильме «Бьютифул» режиссера Алехандро Гонсалес Иньярриту (Мексика, Испания, 2009 год). Данный фильм показывает процесс миграции с позиции принимающей на территории своего государства стороны. Разведенный отец двоих детей Уксбаль – свой человек в теневом мире Барселоны. Для правоохранительных органов он – нарушитель закона; для нелегальных иммигрантов – добрый ангел. Узнав, что неизлечимо болен, вспомнив свое прошлое и решив дела в настоящем, Уксбаль начал готовиться к смерти.

Фильм представляет зрителю общество, основанное на жестокости и самовывживании, здесь каждый думает о собственной шкуре, а важность своих интересов намного превышает важность чужих жизней. Главного героя, урожденного испанца, можно поистине назвать несчастным. Зритель наблюдает на протяжении всего фильма, как жизнь наносит ему удар за ударом: он разведен, на его попечении двое детей, жена алкоголичка, проститутка с приступами ярости. Бизнесом занятие Уксбаля можно назвать только из вежливости: он имеет деньги от нелегалов (китайцев и афроамериканцев), которым обеспечивает «крышу». Позже герою сообщают, что у него рак и жить ему осталось месяца два. Именно это заставляет его предпринять все возможное, чтобы решить все проблемы на земле и отправиться в новый мир чистым. Он решает проблемы, их становится все больше. Более того, мигранты не только надеются, они требуют от Уксбаля помощи в решении своих же проблем. Все эти события загоняют героя в жесткие рамки, из которых он не в силах вырваться, он всем помогает, но ему – никто. Он один в этом мире, застрявший между небом и землей. Данные обстоятельства мешают исполнить его последнее желание, стать для своих детей настоящим отцом, поддержкой и опорой, навсегда остаться у них в памяти. В итоге, он так и уходит

из жизни, неуверенный в будущем своих детей. Но несмотря на все это, прекрасная душа главного героя остается нетронутой, он не разочаровывается в людях и мире.

Нельзя сказать, что данный фильм изображает мигрантов как корыстных людей без чувства самоотверженности. Здесь скорее говорится о жестоком мире, где человек просто не выживет, он будет беспомощным, если будет проявлять доброту, сочувствие и самоотдачу. Сам мир, само общество, сами люди сделали друг друга жестокими, равнодушными к чужому горю, заикленными на себе. Но в то же время все вокруг забыли, насколько мир прекрасен, сама человеческая жизнь и возможность жить прекрасны.

Подобная модель общества, погрязшего в жестокости и взаимного непонимания, выстраивается и в фильме «Столкновение» режиссера Пола Хаггиса (США, 2004 год). Кинокартина состоит примерно из восьми сюжетных линий, тесно переплетающихся между собой, и имеет кольцевую композицию.

Данный фильм концентрируется главным образом на понятии «столкновение», которое выражается визуально (столкновение машин, людей на улице) и морально (столкновение национальных традиций, разных языков). Режиссер усугубляет столкновения еще и темой расизма: цвет кожи людей (черный, белый, желтый), их одежда, означающая финансовое положение, слова «черный» и «белый», социальный статус (профессия). Режиссер вводит в фильм представителей многих национальностей, показывает их проблемы и взаимоотношения с жителями принимающей страны. Автор вставляет в повествование образ заядлых расистов и специально делает их неприятными для зрителя (сексуально озабоченный полицейский, истеричная женщина). Несмотря на это, в ходе повествования их расовые предрассудки сменяются человечностью и осознанием важности души над цветом кожи. Трансформация характера свойственна всем персонажам данного фильма, они изменяют свое мнение о других людях, расах, понимают важность своей семьи и близких им людей, значительность человеческой жизни. Обстановка нагнетается в фильме за счет множества персонажей и конфликтов, которые выливаются в одну мощную кульминацию. Именно в тот момент, когда зритель уже думает, что мир полностью погряз в ужасе, непонимании, нетерпимости и жестокости, наступает затишье, выпадает снег и каждый из персонажей погружается в глубокую рефлексию. Но кольцевая композиция заканчивает историю столкновением машин и конфликтом водителей разных национальностей. В итоге фильм «Столкновение» говорит со зрителем о проблеме одиночества человека в огромном мегаполисе, где люди совсем позабыли чувство сопереживания. И только сталкивая персонажей между собой, режиссер дает понять, что вокруг еще миллионы других таких же одиноких людей, нуждающихся в понимании и даже сочувствии с помощью тактильных ощущений. Начиная фильм расовыми предрассудками и стереотипами, автор переводит диалог на уровень человек <=> человек, но также не забывает показать вневременность проблемы и ее цикличность.

На основе анализа трех фильмов талантливых режиссеров разных стран можно сделать однозначные выводы по поводу роли темы мигрантов в киноискусстве. Во-первых, проблема миграции действительно достаточно серьезная и остросоциальная, поэтому она с легкостью находит свое отражение в кинематографе. Более того, эта тема волнует режиссеров разных стран, а спектр сюжетов, рассматриваемых ими, настолько разнообразен, что не может оставить равнодушным ни одного зрителя. Во-вторых, современное кино представляет фильмы, которые могут с разных сторон показать проблему миграции: мигранты («В этом мире») и жители страны, в которую мигрируют («Бьютифул»). Режиссеры создают фильмы, в которых сталкиваются позиции обеих сторон и пытаются представить зрителю вариант развития событий («Столкновение»). В-третьих, можно предположить определенные цели, которые преследуют режиссеры, создавая фильмы о мигрантах:

1. Привлечь внимание зрителя к актуальной проблеме миграции.
2. Убедить зрителя (который является представителем одной из конфликтной сторон) в безопасности миграционного процесса для них самих, а также в беспомощности и доброте мигрантов.
3. Примирить конфликтующие стороны и тем самым снять социальное напряжение;
4. Разрушить расовые стереотипы в голове зрителей и отринуть всякие национальные предрассудки.

Таким образом, кинематограф берет на себя важную функцию «успокоить» враждующие стороны, смоделировав возможную ситуацию и представив зрителю возможный исход. Можно назвать художественную идею разных фильмов разных режиссеров сходной: человек – это в первую очередь социальное существо, нуждающееся в сочувствии, понимании и совместных переживаниях. Данные фильмы (и многие другие фильмы по этой же теме) предлагают зрителю модель человека терпимого, сострадающего и бескорыстного. Люди должны думать о ближнем как о человеке, заботиться о нем и уважать вне зависимости от его национальной, религиозной и культурной принадлежности.

Секция 4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Мы базируемся на исследованиях, проведенных в период с 2010 по 2015 год. Основной упор сделан на рассмотрение конфессии ислама в её социокультурном взаимодействии с представителями других религий на территории Восточной Сибири. Рассмотрена тенденция изучения межнациональных отношений, а также особенности и факторы урегулирования, проявлений экстремизма и радикализма.

Период после 90-х годов XX века характеризуется большим притоком трудовых мигрантов (в основном азербайджанцы). Начиная с 2000-го года на территорию Сибири стало прибывать большее количество представителей других стран бывшего Советского Союза (Таджикистан, Узбекистан и др.). Это обуславливалось тем, что характер политики данного периода был лоялен к процессу миграции. Государство находилось в ситуации развала (кризис финансовой системы, война в Чечне и т.д.). Представители бывших стран Советского Союза переселялись в Сибирь в основном с целью заработка, рабочие места носили как легальный, так и нелегальный характер.

Большинство приезжих являются глубоко верующими людьми. Однако на сегодняшний день ислам – религия не только рабочих-мигрантов, ислам – это самая быстро растущая религиозная конфессия среди жителей Сибирских регионов [1].

Ислам занимает второе место по численности в Сибири после христианства.

Исследования в данной области посвящены истории ислама на территории Красноярского края, его развитию и трансформации, а также межэтническим, межконфессиональным отношениям.

На сегодняшний день изучение межнациональных конфликтов для такого обширного многонационального региона как Красноярский край, да и вообще для России в целом, является нужным и актуальным.

Большое количество работ по данной теме посвящено истории ислама на территории Красноярского края, его развитию и трансформации. Однако есть труды, которые раскрывают тему межэтнических, межконфессиональных отношений. Это подчеркивает многоаспектность выявленной проблемы.

Советское наследие оказало большое влияние на ислам: атеизм СССР трансформировал конфессию, теперь он служит маркером этнической принадлежности, а не способом регулирования повседневной жизни. Однако

и сегодня существуют ортодоксальные формы ислама. Так, в своей статье «Историческая энциклопедия Сибири. Ислам» (2009) А. И. Савин разделяет представителей ислама на традиционалистов-консерваторов, которые выступают за реисламизацию норм бытового поведения и на модернистов, выступающих за более гибкую трактовку ислама как религии, способной адаптироваться к современному светскому образу жизни. В своей статье он рассматривает особенности исторического развития ислама на территории Сибири с древности (времен Золотой Орды) до современной истории религии. Данная работа в своей основе имеет историко-описательный характер и не касается тем, связанных с межнациональными конфликтами.

В отличие от предыдущей работы Г. К. Кивкуцан в своей статье «Специфика современных межэтнических отношений на территории Красноярского края на материале ассоциативного эксперимента» (2011 г.) рассматривает этнокультурное пространство края как эпицентр напряженных межэтнических отношений. В своем исследовании Кивкуцан применяет метод ассоциативного эксперимента, что подчеркивает практическую значимость работы и помогает выработать гипотезы возможных способов решения межнациональных конфликтов, соотносимых с теми специфическими свойствами, которые характерны конкретному региону. По мнению автора, Красноярский край – это своеобразный межэтнический конгломерат [5].

Территория Восточной Сибири – это пространство, где действительно существует проблема межэтнических отношений, требующая изучения и поиска путей ее решения.

Научные труды в области изучения исламской конфессии на территории Восточной Сибири, опубликованные в 2014–2015 годах, акцентируют свое внимание на межнациональных, межконфессиональных конфликтах, их причинах и способах урегулирования.

Так, например, в 2015 году исследователи Н. П. Копцева и Т. Р. Байрамов в своей статье «К вопросу о специфике ислама» предлагают рассмотреть историческую динамику ислама в регионах Сибири, дабы понять специфику данной религии. Научные исследования по истории ислама на территории Сибири не обширны. По мнению авторов, для того чтобы в полной мере вести правильную политику в отношении такой конфессии, нужно углубиться в корни ее традиций, обрядов, ритуалов. Но это касается тех форм культурных практик, которые трансформировались в процессе исторических событий непосредственно в Сибири (например, влияние на них доисламских религий сибирских этнических групп).

Такого рода статьи-исследования говорят о том, что на данный момент все так же остается актуальным изучать основу и корни поведения какой-либо религии (в данном случае ислама). Именно полные теоретические знания помогут их дальнейшему практическому применению.

Исследования о способах урегулирования межнациональных конфликтов являются по-настоящему актуальными, поэтому тенденция изучения дан-

ного вопроса более подробно прослеживается начиная уже с 2014 года. Предыдущие работы базировались в основном на констатации существующей проблемы межнациональных и межрелигиозных распрей. Однако результаты последних лет в изучении вопросов данной области показывают, что научный интерес большинства смещается в сторону способов решения поставленной проблемы, поиска наиболее действенных методов, способных разрешить и улучшить межнациональные отношения ислама и христианства. Этот вопрос остается открытым.

В процессе развития находится и наше исследование, основанное на социологическом опросе. Оно посвящено проблеме социокультурной адаптации этнических мигрантов, на примере представителей мусульманства, проживающих на территории Красноярского края. Социокультурная адаптация, по нашему мнению, является важной составляющей на пути к урегулированию межнациональных отношений, а также снижению уровня экстремизма и радикализма.

Исследование проводилось в период с 07.07.2014 по 24.07.2014 год. В ходе исследования было опрошено 30 человек разных возрастных групп: 18–30; 31–45; 46–60 лет. Большая часть опрошенных (80 %) – представители русской национальности. Также в опросе принимали участие представители других национальностей (20 % – славянские народы и представители ближнего зарубежья).

Среди количества опрошенных респондентов практически во всех возрастных группах 90 % имеют в качестве друзей и близких представителей других национальностей. В целом, красноярское общество подчеркнуто толерантно относится к любой национальности. Так, например, в ходе анкетирования каждый из участников на прямой вопрос отвечал, что деление людей на национальности – это пережиток прошлого, а национализм заслуживает всякого осуждения.

Тем не менее проблема межнациональных отношений является достаточно серьезной, что подтверждают 30 % респондентов. Наибольшая неприязнь проявлена к представителям народов Кавказа и Средней Азии. Среди респондентов разных возрастных групп наибольшую нетерпимость в этом вопросе выразили представители групп 31–45 и 46–60 лет.

Говоря о разрешении межнациональных конфликтов в крае, большинство респондентов выбирает такой путь, как повышение уровня знаний о культуре края (40 % опрошенных) и развитие такого качества, как толерантность к другим народам (30 % опрошенных).

Такие кардинальные меры, как ужесточение контроля над нелегальными мигрантами, высказывают 50 % опрошенных.

Исходя из предложенной интерпретации можно сделать вывод, что межнациональные отношения оказывают огромное влияние на жизнь жителей края, в том числе на обстановку в городе. Как показало исследование, для более 50 % респондентов, проживающих на территории Красноярского края, национальная принадлежность имеет большое значение.

Для разрешения межнациональных конфликтов на территории Красноярского края действительно существуют многочисленные межкультурные практики, направленные на сближение и единение представителей различных народностей (межнациональный фестиваль «Молодёжное содружество», фестиваль межнационального общения «Здравствуй», фестиваль «Студенчество без границ» и т.д.). Мероприятия подобного рода необходимы в связи с последними событиями в стране и в мире. Поэтому так актуально рассматривать данную тему в контексте положительного культурного взаимодействия.

Список литературы

1. Байрамов Т. Р., Копцева Н. П. К вопросу о специфике сибирского ислама. 2015.
2. Барбашина Э. Р. Миграционные процессы и этнические проблемы в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 131.
3. Воробьева О. Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003. С. 8–9. Население России 2001: девятый ежегодный демографический доклад. М., 2003. С. 159.
4. Кивкуцан Г. К. Специфика современных межэтнических отношений на территории Красноярского края на материале ассоциативного эксперимента. М., 2011.
5. Савин А. И. Историческая энциклопедия Сибири. Ислам. М., 2009.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ: АДАПТАЦИЯ ОПЫТА ЕВРОПЫ В СФУ

В настоящее время иммиграция и эмиграция – это реальность современного общества: межкультурное образование расширяет границы от сопровождения и приема, решения проблем до создания возможностей оферты мигрантам. Межкультурное образование – это не вид образования для иммигрантов, это образование для всех граждан. Оно включает в себя цели и действия, направленные не только на самих обучающихся, но и на целевые группы участников образовательного процесса, а именно: учителя, тренеры, администраторы, социальные работники, медиаторы, семьи и члены национальных общин и т. д.

Международная организация по миграции (МОМ) предлагает под миграцией понимать процесс передвижения населения через международную границу либо в пределах страны. Миграция охватывает любой вид перемещений независимо от их продолжительности, состава и причин [6].

Красноярский край является полиэтничным и многоконфессиональным регионом. Здесь проживают представители 159 этносов, приверженцы более чем 40 религий и культов. Вопросы национальных, миграционных и религиозных отношений находятся в центре внимания органов государственной власти и институтов гражданского общества Красноярского края. Вместе с тем существуют проблемные зоны, связанные с миграционной ситуацией и межнациональными отношениями. В связи с этим существует потребность в разработке и практическом применении инструментов развития этнической толерантности населения Красноярского края [18].

Европейское понимание межкультурного образования

В сложившейся ситуации очень важен опыт других стран в вопросах поддержки модернизации образования, предоставления возможности вузам играть ключевую роль в реализации непрерывного образования по таким областям, как миграция, межкультурное образование, права человека, а также повышения уровня толерантности по отношению к мигрантам и представителям этнических меньшинств.

Учтя, что есть разные культуры в мире, ООН на международном уровне одобрила декларацию прав человека и гражданина, согласно которой все

должны быть приняты в сообщество и никто не должен иметь превосходство над другими [19].

Межкультурное образование может быть определено как образование, поддерживающее разнообразие культур, их значение и взаимодействие, ценность языка укрепление солидарности [6].

В центре внимания мультикультурализма находится межкультурный подход, включающий восприимчивое и творческое отношение между принимающими/мажоритарными и миноритарными сообществами, последовательные и структурированные действия каждого участника учебного сообщества, что позволяет расширить знания о культурах и необходимых ресурсах для межкультурных методов обучения [11]. Равенство и разнообразие, справедливость по отношению к неравенству и право на эти различия – основные принципы межкультурного образования. Педагогическая модель для культурного обогащения граждан вытекает из признания и уважения разнообразия путем обмена и диалога, активного и критического участия в демократическом обществе, основанном на равенстве, терпимости и солидарности [4, 13]. Существенная роль образовательных организаций состоит не только в одностороннем приспособлении иммигрантов к ограничениям принимающего общества, но и воспитании местного населения [12]. В целях развития межкультурного образования необходимо обеспечить педагогов межкультурными компетенциями [1].

Развитие межкультурного образования в Италии

Основанием построения политики межкультурного образования в Италии является «Белая книга по межкультурному диалогу» Совета Европы, декларирующая гармонизацию отношений между людьми различных национальностей и культур [14].

Цели межкультурного образования в Италии, как и в Европе, заключены в четырех столпах образования XXI века [3]:

- 1) научиться учиться;
- 2) научиться делать;
- 3) научиться жить вместе;
- 4) научиться жить.

Национальная политика в области межкультурного образования, государственные программы

В Италии, как и в Европе, межкультурный подход к образованию (основанный на диалоге) считается официально принятой моделью в образовательной политике, в оппозиции к ассимиляции и мультикультурализму [5].

В 2007 году Национальный научно-исследовательский центр по интеграции студентов-иностранцев и межкультурному образованию, опубликовал итальянскую модель межкультурного образования (*La via italiana per la scuola interculturale e l'integrazione degli alunni stranieri*) [8].

В рамках данной модели в школьное образование были включены лучшие межкультурные практики, основывающиеся на четырех базовых принципах: 1) универсальность – все дети должны иметь равные возможности в получении школьного образования; 2) общая школа – возможность обучения иностранных учеников в обычных классах общеобразовательной итальянской школы; 3) ценность личностной идентичности – повышение ценности личности и построение образовательных траекторий, основанных на биографической и социальной уникальности студента; 4) межкультурное образование – способность понимать и принимать различные культурные традиции, стремление к социальной сплоченности.

Эти принципы выражаются в следующих мероприятиях:

1. Действия по интеграции: практика принятия и включения в школу, изучение второго языка, повышение многоязычия, работа с иностранными семьями и их социальная ориентация.

2. Действия по межкультурному взаимодействию: установление отношений в школе, предотвращение дискриминации и работа с предрассудками.

3. Основные участники и ресурсы: автономия и сетевое взаимодействие с учебными заведениями, гражданским обществом и территориями, подготовка учителей и административного персонала [7, 9].

Национальное управление по борьбе против расовой дискриминации (UNAR, Ufficio Nazionale Antidiscriminazioni Razziali) [17] решает задачи: обеспечение принципа равноправия по отношению к людям разных национальностей; контроль за защитой от дискриминации; помощь в ликвидации дискриминации на основе расовой и этнической принадлежности.

Образовательные практики: межкультурное образование на областном, городском или муниципальном уровне

В девяностых годах XX века сначала в крупных городах, таких как Турин и Милан, начали создаваться межкультурные центры. В 1998 году они были объединены в национальную сеть межкультурных центров. Межкультурными центрами являются учреждения, осуществляющие свою деятельность в сфере межкультурных вопросов, способствующие включению в диалог людей с разными культурными традициями, осуществляющими посредничество в конфликтах, помогающие работать со страхами, стереотипами, предрассудками, способствующие реальному обмену опытом. Как правило, они обладают мощной ресурсной базой, разрабатывают учебно-методические материалы, выстраивают концепцию поликультурного развития [2].

Межкультурные центры Италии делятся на следующие виды:

- институциональные (школы или местные органы власти);
- смешанные (управляются государственными и частными социальными субъектами);
- частные (управляются частными социальными субъектами и/или волонтерами).

Межкультурные центры:

- обеспечивают обучение молодежи;
- разрабатывают стратегии интеграции, создают возможности для взаимодействия и взаимопонимания между коренными жителями и мигрантами через различные межкультурные события (курсы, выставки, конференции, семинары);
- проводят обсуждения, аналитические семинары, круглые столы по вопросам, связанным с гражданским обществом;
- продвигают курсы гражданственности, которые помогают коренным жителям и мигрантам узнать о среде, в которой они живут;
- предлагают стратегии для взаимодействия между институциональными и неинституциональными сервисами, школами и центрами на местном, национальном и международном уровне.

В разных провинциях и регионах существуют также миграционные исследовательские центры, собирающие и анализирующие статистические данные о миграции на территории [16, 17].

С начала девяностых годов XX века присутствие иностранных детей и взрослых в национальной образовательной системе вызвало интерес и озабоченность итальянского Министерства образования, которое в ответ на сложившуюся ситуацию приняло ряд законов, способствующих процессу интеграции [10].

Итальянская сеть межкультурных городов (*Network italiano delle città interculturali*), созданная 21 сентября 2010 года в Реджо Эмилия, является союзом городов для развития межкультурного диалога, повышения культурного разнообразия и включения мигрантов в общественную жизнь. Деятельность сети направлена на помощь местным администраторам для урегулирования вопросов совместного проживания коренного населения и иммигрантов. Сеть возникла для координации национальной политики по интеграции [2].

Неформальные межкультурные практики: межкультурное образование в неправительственных организациях

НПО часто сотрудничают с муниципалитетами и межкультурными центрами, их деятельность способствует объединению иностранцев в ассоциации, которые очень многочисленны особенно в городах. Среди этих объеди-

нений особое внимание уделено тем, которые состоят из молодых иммигрантов второго поколения. Например, G2 – *Seconde Generazioni* является национальной неправительственной организацией, состоящей из детей иммигрантов и беженцев, родившихся и/или выросших в Италии [20]. *Associna* является первым и ведущим объединением молодого итальянско-китайского поколения, родившегося или выросшего в Италии.

Среди организаций, способствующих межкультурному образованию, существуют международные летние детские деревни (*CISV Children's International Summer Villages*) и международный молодежный лагерь. Они организуют летние лагеря для детей и молодых людей со всего мира. Основой этих лагерей является совместная жизнь и организация межкультурных мероприятий, способствующих укреплению дружбы и взаимопонимания между молодежью разных национальностей.

Опыт Сибирского федерального университета

Опыт описанных практик управления мультикультурализмом Италии, представленный в статье, является основой развития качественных изменений в процессах управления иммиграцией в образовательной среде Сибирского федерального университета через Поликультурный центр непрерывного образования на основе персональных сервисов Института педагогики, психологии и социологии. Сокращённое наименование – Поликультурный центр непрерывного образования. Наименование центра на английском языке – *Multicultural lifelong learning center* [20].

В Сибирском федеральном университете обучаются студенты разных национальностей. В вузе разработан целый ряд методических рекомендаций по проведению социологического исследования, анкетирования и тестирования обучающихся и их родителей из числа зарубежных мигрантов, тренинговые программы по развитию толерантности, которые способствуют преодолению внутренней пассивности педагогов, развитию позиции терпимого отношения к системе взглядов, мотивов, установок в результате внутреннего осмысления и усвоения идей толерантности как ценности. Некоторый теоретический и практический материал научных исследований СФУ представлен в рамках поликультурной образовательной платформы (<http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/>), созданной в рамках исследования по проекту ТЕМ-ПУС – ALLMEET [21].

Поликультурная образовательная платформа является комплексным интерактивным образовательным ресурсом для сопровождения задач Поликультурного центра, позволяет организовать открытый диалог удаленных пользователей (рис. 1).

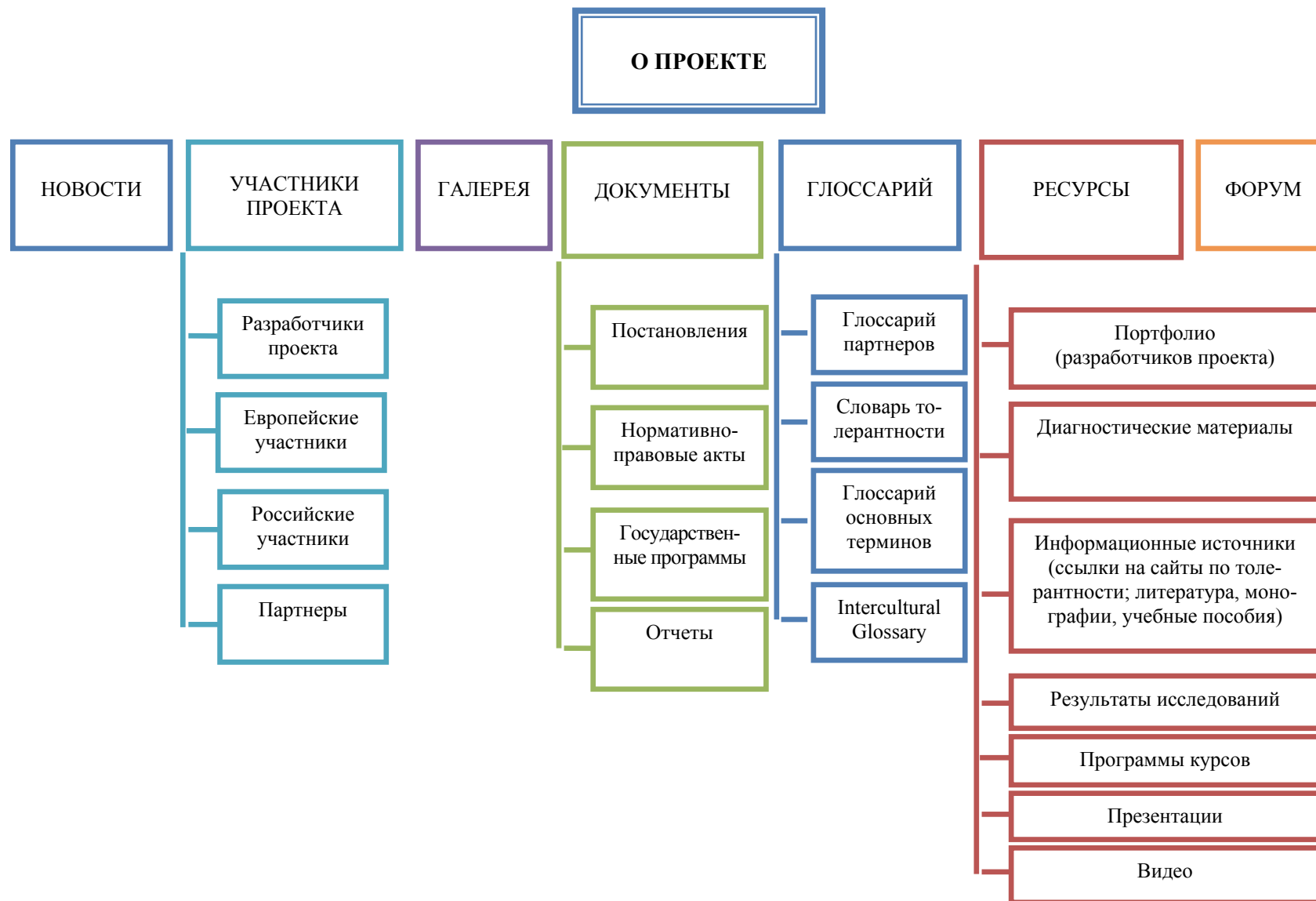

Рис. 1. Структура поликультурной образовательной платформы

Поликультурная образовательная платформа представляет собой системно-структурную организацию среды, проявляющуюся как совокупность взаимодействующих систем (подсистем): информационных образовательных ресурсов, компьютерных средств обучения, современных средств коммуникации и педагогических технологий. Учебная деятельность в информационной образовательной среде представляет собой открытую педагогическую систему, направленную на воспитание интеллектуальной, творческой и социально развитой личности.

В соответствии с процедурами создания и финансирования Поликультурный центр непрерывного образования работает в едином информационном поле, способствует развитию интеграционных процессов и гражданского общества.

Список литературы

1. Bennett J. M. (2011). Developing intercultural competence for international education faculty and staff. 2011 AIEA CONFERENCE, February 20-23, 2011 San Francisco, CA, USA Association of International Education Administrators, retrieved from www.aieaworld.org.

2. Carta del network nazionale delle citta' interculturali, 2010. URL: [http://www.municipio.re.it/sottositi/network.nsf/PESIdDoc/3706D7FBE2ABD3DDC1257846003EC740/\\$file/Citt%C3%A0%20Interculturali%20in%20Italia.%20Carta%20e%20presentazione%20della%20rete.pdf](http://www.municipio.re.it/sottositi/network.nsf/PESIdDoc/3706D7FBE2ABD3DDC1257846003EC740/$file/Citt%C3%A0%20Interculturali%20in%20Italia.%20Carta%20e%20presentazione%20della%20rete.pdf) (дата обращения: 13.06.2015).

3. Delors, J. (1996). Learning: The treasure within. Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century.

4. Galino, A. (1990). La educación intercultural. Orígenes y enfoques. In A. Galino & A. Escribano. La educación intercultural en el enfoque y desarrollo del curriculum. Madrid: Narcea, pp. 7-22.

5. Giddens, A. (2013). Sociologia (9th edition). Lisbon: Fundação Calouste Gulbenkian.

6. IOM, Glossary on Migration, International Migration Law S. №. 25, 2011.

7. L'educazione interculturale. Le prospettive interculturali nei saperi e nelle competenze. La revisione dei curricoli – Linee guida per l'accoglienza e l'inserimento di alunni stranieri nella scuola – Scuola Italiana di Teheran «Pietro Della Valle», Giugno 2008. URL: http://www.scuolaitalianatehran.com/sitoita.2/download/Files_2_1/L'educazione%20interculturale.pdf (дата обращения: 12.06.2015).

8. La via italiana per la scuola interculturale e l'integrazione degli alunni stranieri. Osservatorio nazionale per l'integrazione degli alunni stranieri e per l'educazione interculturale. Ottobre 2007г. URL: <http://www.stranieriinitalia.it/news/via23ott2007.pdf> (дата обращения: 12.06.2015).

9. Oltre l'immigrazione. Per una scuola diversa. Documento di indirizzo sull'educazione alla cittadinanza interculturale, 2013. URL: <http://www.tcic.eu/>

c/document_library/get_file?uuid=70a73598-d244-4c42-9079-c239dcc1039f&groupId=12226 (дата обращения: 20.05.2015).

10. Pampanini G., Cristaldi R. (2008) The «Italian Model» of Intercultural education: critical notes // Reflections from the Field, presented at the 3rd Conference of the Mediterranean Society of Comparative Education, 'Intercultural Dialogue through Education', 11th –13th May, 2008, p.51-52.

11. Rey, M. (1986). Training teachers in intercultural education? The work of the Council for Co-operation (1977-83). Strasbourg: Council of Europe.

12. Rey, M. (1992). La escuela y la migración en Europa: Complejidad y perspectivas. In M. Siguan (Coord.). La escuela y la migración en la Europa de los 90. Barcelona: ICE de la Universitat de Barcelona e Editorial Horsori, pp. 13-24.

13. Sales, A.& García, R. (1997). Programas de educación intercultural. Bilbao: Desclée De Brouwer.

14. Белая книга по межкультурному диалогу. Жить вместе в равном достоинстве. Утверждена министрами иностранных дел стран – членов Совета Европы на 118-й сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 г. Режим доступа: http://www.rus-eu-culture.ru/files/images/White_paper_2.pdf (дата обращения: 01.07.2015).

15. Межкультурный научно-аналитический центр, г. Болонья: сайт. Режим доступа: <http://www.provincia.bologna.it/sanitasociale/Engine/RAServePG.php/P/256311180706/T/Osservatorio-delle-immigrazioni> (дата обращения: 12.06.2015).

16. Межкультурный научно-аналитический центр, г. Рим: Режим доступа: <http://www.dossierimmigrazione.it> (дата обращения: 12.06.2015).

17. Национальное управление по борьбе против расовой дискриминации (UNAR, Ufficio Nazionale Antidiscriminazioni Razziali)// Рим, Италия. Национальное управление: сайт. Режим доступа: <http://www.unar.it/unar/portal/?lang=it> (дата обращения: 12.05.2015).

18. Труфанов Д. О., Феньвеш Т. А. Этнический фактор в городском населении Красноярского края: некоторые результаты социологических исследований за 2009–2012 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. Режим доступа: www.science-education.ru/116-12415.

19. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.11.2015).

20. Положение о Поликультурном центре непрерывного образования на основе персональных сервисов Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Принято Ученым советом СФУ от 26 октября 2015 г.

21. Поликультурная образовательная платформа проекта ТЕМПУС – ALLMEET (Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia): сайт. URL: <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/> (дата обращения: 12.11.2015).

СТИГМА И НОРМА: ТРИ ДИСКУРСА «ЛИЦА КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ» В РОССИИ

В эпоху перестройки в русском языке появилось такое странное выражение, как «лицо кавказской национальности» (ЛКН). Странное в первую очередь потому, что можно говорить о представителе какого-то определённого народа, живущего на Кавказе, – лице чеченской национальности, лице армянской национальности, лице азербайджанской национальности, но ни одному этнологу мира не известна кавказская национальность, хотя в науке существует понятие «кавказская раса», синонимичное «европеоидной расе». Российский специалист по этномиграционным процессам В. И. Дятлов писал: «Заграничное происхождение и статус иностранных граждан осмысливались по-разному. По отношению к «кавказцам» комплекс «иностранца» практически не работал. На протяжении нескольких лет после распада СССР ближнее зарубежье воспринималось массовым сознанием как продолжение России, а не заграница в советском ее понимании. Поэтому граждане республик Закавказья никак не подпадали под стереотип иностранца, тем более интуриста. Да и не так много россиян в 1990-е годы различало этнические и правовые характеристики выходцев с Кавказа, что отразилось и в обобщающей терминологии: кавказцы, лица кавказской национальности, граждане кавказской национальности» [4].

Если с понятием «норма» в целом не должно возникать сложностей в понимании, то что может рассматриваться как стигма? Американский социолог и основоположник исследования социальной стигматизации Э. Гоффман по этому поводу писал: «В нашей повседневной речи мы используем особые термины для обозначения стигмы (такие как калека, убогодок, кретин) в качестве образного выражения, причём, как правило, не задумываемся об их исходном значении» [3]. Является ли стигмой лицо кавказской национальности? Российский философ и социолог В. Н. Ярская писала: «Расизм институционален: он коренится не только в мировоззрении людей, но и в социальной политике, риторике представителей государственных институтов, проявляется в стигматизации и наклеивании ярлыков посредством языковых практик» [17]. Если обратиться к справочным изданиям по русскому языку, то в одном случае речь идёт о *кавказцах (особенно – азербайджанцах)* и имеет публицистическую помету [9], а вот в другом случае это *эвфемизм, которым пользуются для обозначения выходцев с Кавказа* [10]. Причём здесь же отмечается, что этот эвфемизм российскими СМИ *зачастую используется в уничижи-*

тельном смысле, для характеристики «злых кавказцев» – бандитов, мошенников, нелегалов, криминальных элементов и прочее [10]. Хотя есть и совсем нейтральные определения: «представитель одной из наций или народностей Северного Кавказа или Закавказья, живущий временно или постоянно в каком-либо регионе России» [16]. В то же время, например, российские исследователи И. М. Кузнецов [6], А. Г. Левинсон [7], М. Н. Мамедов [8], С. И. Муртузалиев [11], Г. В. Садыкова [12], изучавшие смысловое содержание термина «лицо кавказской национальности» пришли к выводу о его эмоциональной перегруженности и оскорбительной коннотации.

До сих пор точно не известно с чьей именно лёгкой руки социолект ЛКН был запущен в языковую среду. Известно только, что родился он в млицейской среде, где использовался в оперативных сводках уголовного розыска, а затем произошло его проникновение в профессиональную речь журналистов. Обычно самым первым периодическим изданием, где для широких масс было использовано это словосочетание, обозначают журнал «Огонёк» от 7 мая 1988 года, где в статье Дмитрия Лиханова «Но здравствует король...», посвящённой зарождению организованной преступности в Санкт-Петербурге, цитируется полотёр ресторана «Невский» Евгений Каргаполов, обозначивший «лицами кавказской национальности» этническую преступность [15]. 22 октября 1990 года журнал «Коммерсантъ-Власть» использовал выражения «лица кавказской национальности» и «уроженцы Средней Азии» по отношению к незаконным мигрантам [15]. В дальнейшем ЛКН получило широкое распространение в литературе самых разных стилей, поскольку наряду с публицистикой термин «лицо кавказской национальности» в последнее время широко употребляется в правовом поле, став неотъемлемой частью судебной практики, а также в академической среде, став чуть ли ни частью научной терминологии. Таким образом, можно наметить существование этого словосочетания в трёх дискурсах, которые мы и постараемся рассмотреть. С этой целью был проведён дискурс-анализ и качественный контент-анализ российской газетной («Российская газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты») и научной (электронная библиотека «КиберЛенинка» и библиографическая база данных РИНЦ) периодики, а также правовой литературы (правовая справочная система «Консультант Плюс»).

Сначала рассмотрим медиадискурс современной России на примере изданий «Российская газета» (141 публикация), «Комсомольская правда» (223 публикация) и «Московский комсомолец» (195 публикаций) за период с 1999 по 2015 год, а также «Аргументы и факты» (124 публикации) с 1991 по 2015 год. Выбор этих изданий был обусловлен тем, что это крупнейшие представители массовой периодической печати в России, охватывающие широкую аудиторию читателей самых разных слоёв. Было выделено несколько уровней употребления выражения «ЛКН» по отношению к выходцам с Кавказа: 1) *милицейский канцеляризм* (обозначение людей с видимой кавказской внешностью в ориентировках, где слово «лицо» имеет юридический смысл –

физическое лицо); 2) *журналистский социолект* (вероятно, из-за частого употребления авторами криминальной хроники по отношению к этнической преступности среди выходцев с Кавказа); 3) *бытовая неграмотность* (обыватель, как правило, в силу незнания истории Кавказа не представляет разницы между, например, грузинами и чеченцами, чему дополнительно способствуют особенности произношения – кавказский акцент); 4) *ксенофобский ярлык* (подчёркнутая связь антропологических черт (лицо) с географическим происхождением (Кавказ) и этничностью (национальность в условиях Чеченской войны и массового притока «нерусского» населения в большие города) с целью показать дихотомию «свой-чужой» и обозначить облик другого и врага); 5) *положительный стереотип* (собирательное обозначение всех выдающихся качеств, которые обычно приписываются жителям Кавказа – мужественность, решительность, гостеприимность, порядочность, уважение к старшим и т. д.); 6) *самоидентификация* (обозначение выходцами с Кавказа самих себя как ЛКН). Можно согласиться с В. А. Салиховой, отмечающей, что такое незнание географии и политической ситуации в собственной стране, прежде всего, отражается в материалах СМИ о национальных, этнических, межконфессиональных проблемах, а также указывающей на то, что возникновение таких формулировок, как «лицо кавказской национальности», есть свидетельство отсутствия политической и геополитической культуры. Следствие – журналистская несостоятельность и ошибки в СМИ, которые могут иметь катастрофические последствия при осуществлении профессиональной медиатеятельности [13], а также с Е. Ю. Булыгиной, М. А. Лаппо, Т. А. Трипольской, отмечающих, что выражение «лицо/лица кавказской национальности» совмещает в себе указание на национальную принадлежность и территорию проживания, однако эти нейтральные смыслы в публицистических текстах уходят на второй план, «погашаются», и актуализируется прагматическое содержание «опасность, угроза, терроризм» [1].

Правовой дискурс был построен на выделении судебного, законодательного и исполнительного уровней. Анализ показал, что выражение «лицо кавказской национальности» уже давно проникло в судебную практику. Так, обзор в общей сложности 182 решений, постановлений и определений (апелляционных и кассационных) различных судов общей юрисдикции за период с 2000 по 2015 год показал, что этот экспрессивный этноним используют при рассмотрении уголовных дел: Верховный суд РФ (60), краевые суды – Приморский (3), Красноярский (1), Пермский (5), Алтайский (1), городские суды – Московский (58) и Санкт-Петербургский (11), республиканские – Верховный суд Удмуртии (6), областные – Московский (6), Орловский (1), Липецкий (3), Свердловский (1), Ярославский (2), Тульский (1), Иркутский (1), Владимирский (1), Тверской (1), Челябинский (1), Томский (1), Орловский (1), Ростовский (2), Оренбургский (1), Ленинградский (2), Саратовский (1), Кировский (1), Нижегородский (1), Курский (1), Новосибирский (2), Самарский (2). Тюменский (1), Архангельский (1), автономных округов – ХМ АО (1), гарни-

зонные военные суды – Новосибирский (1). Кроме того, аббревиатура «ЛКН» нашла своё место в обзорах судебной практики Кемеровского (2) и Рязанского (1) областных судов, в решениях законодательных органов власти – Советов народных депутатов муниципальных образований Московской области – г. Железнодорожный и Ленинский район, а также в пояснительной записке депутата Государственной думы ФС РФ И. И. Саввиди к проекту № 478537-5 ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который был внесён на обсуждение депутатов в декабре 2010 года, а затем в апреле 2011 года окончательно снят с рассмотрения. Причём только в последнем примере ЛКН рассматривается как термин, имеющий отрицательный смысл. Выражение ЛКН было обнаружено в официальных документах органов исполнительной власти – Федеральный список экстремистских материалов (пункты № 414, 1534, 2431, 2471, 2906, 3056), официальное письмо № 98/130 от 16.05.2012 г. начальника ОДН ОП № 5 УМВД России А. Е. Попова по г. Челябинску Ю. В. Пензиной, директору МАОУ Лицей № 31 г. Челябинска. Во всех указанных примерах ЛКН употребляется в нейтральном смысле. Также стоит отметить решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 14 июля 1994 г. № 22 «Об этническом аспекте освещения в средствах массовой информации причин преступности», которое постановило употребление терминов типа «лица кавказской национальности», «кавказской наружности» и т. п. признать некорректными и неэтичными. Поэтому вполне справедливым выглядит следующее мнение российского специалиста по юридической лингвистике Г. В. Быковой: «В административно-правовой сфере появился широко распространившийся более лаконичный описательный оборот «лицо кавказской национальности», имеющий официально-деловую стилистическую окраску. До революции, когда царское правительство вело войну на Кавказе, использовалось слово «кавказец», которое выражало концепт «живущий на Кавказе» или «военный, служивший на Кавказе». Среди образованных людей нашего времени была попытка реанимировать однословное наименование «кавказец» для обозначения концепта «лицо кавказской национальности», однако почти одновременно с этим в молодежном жаргоне появилось и быстро стало общеизвестным среди русскоязычного населения РФ экспрессивно-негативное однословное наименование «хачик (хач)» – от распространенного армянского имени Хачик. Это наименование лиц кавказской национальности до сих пор сохраняет сленговую (жаргонную) окраску и негативную коннотацию, но активно используется в устной речи» [2].

При рассмотрении научного дискурса были выделены три уровня – медицинские, юридические и общественные науки. Для анализа были выбраны 202 статьи из научной периодики, где в контексте употреблялось выражение ЛКН. В подавляющем большинстве статей можно отметить понимание авторами отрицательного значения выражения «лицо кавказской национальности», на что указывают как заключение его в кавычки, так и пояснения о том,

что это ярлык, служащий для стигматизации представителей народов, проживающих на Кавказе. В то же время в общем массиве научных статей имеет место использование этого экспрессивного этнонима в нейтральном контексте. Это хорошо видно на примере юридических (6) и медицинских (7) статей, а также некоторых статей по общественным наукам (8), авторы которых воспринимают словосочетание «лицо кавказской национальности» или как вполне приемлемый этноним, или как даже как устоявшийся термин.

Нужно отметить печальную тенденцию, которая укоренилась в медиа- и правовом дискурсах, а также наметилась в научном дискурсе, поскольку это является живым свидетельством малограмотности. Путём переноса, без каких-либо оговорок и примечаний, газетного штампа, каковым, в сущности, является ЛКН, происходит недопустимое смешение публицистического с другими функциональными стилями речи – официально-деловым и научным. В заключение имеет смысл привести мнение О. А. Колобова и А. П. Шмелёва, очень точно показывающее всю сложность в употреблении в речи носителей русского языка аббревиатуры ЛКН: «Аморфность национальной политики российского государства привела к тому, что критерием определения внутренней угрозы безопасности послужили национальная принадлежность и религиозные убеждения российских граждан. Наиболее крайним отражением этой тенденции стала легитимизация понятия «лица кавказской национальности» [5]. В то же время отрадно, что, например, глава Ингушетии Ю. Б. Евкуров создал интернет-движение «Лицо кавказской национальности в позитиве» с целью победить противоположное противоположным.

Список литературы

1. Булыгина Е. Ю., Лаппо М. А., Трипольская Т. А. Признаки экстремистского текста: квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 113–125.
2. Быкова Г. В. Оскорбительны ли слова «хачик», «хач» // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 292–297.
3. Гоффман Э. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1, 2 (гл. 3–6); пер. М. С. Добряковой; Ч. 5. Отклонение и девиация, пер. А. Мактас // Социологический форум. 2000. № 1–4.
4. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз: журнал политической философии и социологии. 2010. № 3. С. 121–149.
5. Колобов О. А., Шмелёв А. П. Детерминирующие факторы экстремистской деятельности представителей молодёжи по отношению к мигрантам // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 1 (17). С. 22–31.

6. Кузнецов И. М. Интеграционный потенциал мигрантов // Нужны ли иммигранты российскому обществу? / под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. 168 с.

7. Левинсон А. Г. «Кавказ» подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. 334 с.

8. Мамедов М. Н. Лицо кавказской национальности. К вопросу о массовых предрассудках и меняющихся стереотипах // Центральная Азия и Кавказ. № 4. 1999. С. 107–116.

9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма медиа групп, 2007. 784 с.

10. Моченов А. В., Никулин С. С., Ниясов А. Г., Савваитова М. Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-пресс, 2003. 253 с.

11. Муртузалиев С. И. Проблемы идентичности кавказцев и россиян. 2-е изд., испр. Махачкала: «Формат». 2010. 166 с.; Муртузалиев С. И. Лицо кавказской национальности через призму российских СМИ // Региональные аспекты социальной политики. 2011. № 13. С. 120–127.

12. Садыкова Г. В. Чем опасен призыв убивать чёрных (социолингвистическое, культурологическое и психолингвистическое исследование) // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 377–386.

13. Салихова В. А. Формирование медиакомпетенций студентов в области региональных СМИ (на материале лекционного курса «Региональные СМИ России») // Наука и школа. 2011. № 4. С. 73–75.

14. Самотик Л. Г. Лицо кавказской национальности или мир глазами русского (экзотизмы в русском языке) // Воспитание исторического и национального самосознания. Красноярск: КрасГУ, 2001. С. 160–164.

15. Словарь русского публичного языка конца XX века // Коммерсантъ Власть. № 24. 2003. С. 64.

16. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.

17. Ярская В. Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46–53.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВНУТРИ СТРАНЫ

Начало XXI века ознаменовано постановкой перед Россией задач посткризисного восстановления и ускорения перехода на инновационный путь развития. Эти задачи приходится решать в условиях увеличения масштабов внешних и внутренних вызовов, с которыми сталкивается Россия. Одним из таких вызовов является усиление миграционных процессов внутри страны [1].

Именно в условиях непрерывных изменений, перед нами стоит задача становления принципиально нового типа личности, способной к инновациям, управлению собственной жизнью и деятельностью, а также заинтересованной и несущей ответственность за судьбу государства и его развитие. Становление подобного типа личности лежит в поле задач гражданско-патриотического воспитания, которое обеспечивает процесс подготовки подрастающего поколения к функционированию и взаимодействию в условиях демократического общества [1].

Хорошо известный факт, что детский возраст является наиболее оптимальным для системы гражданско-патриотического воспитания, так как это период самоутверждения, активного развития социальных интересов и жизненных идеалов.

Однако новое время требует от образовательных организаций содержания, форм и методов гражданско-патриотического воспитания, адекватных современным социально-педагогическим реалиям. Появляется необходимость в деятельностном компоненте гражданско-патриотического воспитания. Только через активное вовлечение в социальную деятельность и сознательное участие в ней, через изменение климата учреждения, развитие самоуправления можно достигнуть успехов в этом направлении.

Технологией, которая удовлетворяет вышеназванным требованиям, является проектная деятельность. Она позволяет нам работать в триединстве компонентов гражданской идентичности и тем самым ее формировать. Успешность проектной технологии подтверждает проведенное нами исследование в период с января по февраль 2015 года в рамках проекта на тему: «Зачем люди идут в армию?». Однако исследование показало, что существует ряд

проблем, с которыми повсеместно сталкиваются педагоги при использовании проектной технологии.

Во-первых, ограниченный доступ к материалам, посвященным работе с гражданской идентичностью; литература, находящаяся в открытом пользовании, в свою очередь, не отличается вариативностью.

Во-вторых, отсутствие рекомендаций по оптимальному отбору содержания учебного материала по данной тематике.

В-третьих, отсутствие единого подхода в использовании технологии проектной деятельности.

В-четвертых, проблема подбора критериев качественного оценивания уровня сформированности гражданской идентичности.

В-пятых, существующий формат работы по формированию гражданской идентичности влечет за собой неоправданный уровень затрат, который можно оптимизировать, используя современные технологии работы.

В качестве решения существующих проблем мы предлагаем преобразовать ранее разработанную нами модель е-портфолио в полноценную компьютерную программу, способную оптимизировать процесс формирования гражданской идентичности в младшем школьном возрасте средствами проектной деятельности.

Таким образом, данная программа представляет собой интеграцию е-портфолио и проектной деятельности. В основании этой программы располагается модель триединства компонентов гражданской идентичности.

Формирование когнитивно-смыслового компонента в рамках программы разворачивается на основе связи истории рода, местности и страны в целом. Данная связь обеспечивает движение ребенка от личного к общему, от индивидуального к совместному и позволяет ему осознать причастность своего рода к большему.

Для формирования ценностно-эмоционального компонента в программе учитываются социокультурный и личностный уровни переживаний тех или иных исторических событий, что, с одной стороны, позволяет младшему школьнику связать сформированные знания, представления и мнение с совокупностью чувств, оценок, отношений группы и, с другой стороны, ощутить уровень адекватности собственного «Я».

Формирование деятельностного компонента должно происходить в условиях реализации принятых антропообразов и образцов, соответствующих сценариев и способов поведения как на личностном, так и на социокультурном уровнях. Для обеспечения личностного уровня в программу встроены кейсы, в рамках которых ребенку предоставляется возможность проявить свою субъектную позицию. Для социокультурного уровня в программе создается автоматизированная информационная среда, которая поддерживает и сопровождает проектные группы младших школьников в рамках осуществляемой ими проектной деятельности.

Хотелось бы отметить, что программа позволяет оптимизировать процесс формирования гражданской идентичности и не является тотальной заменой проектной деятельности в полном ее проявлении. Так, социокультурный уровень деятельностного компонента гражданской идентичности поддерживается организацией в классе дискуссий и защит проектов как внутри проектных групп, так и между ними. Также поддерживающий эффект оказывает и информационное детско-взрослое сообщество, запуск которого произойдет одновременно с запуском программы. Данное сообщество обеспечивает коммуникацию как отдельно внутри детского и взрослого сообщества, так и между ними. Сообщество призвано сформировать и поддержать традицию ежегодной выставки «Я рожден в России», которая является площадкой для презентации результатов проектной деятельности школьников.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Стратегии инновационного развития России до 2020 года».

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СРЕДЕ СИБИРСКИХ ШКОЛЬНИКОВ И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ¹

Национальный вопрос в Сибири никогда не стоял так остро, как в европейской части России. Однако сейчас при усилении миграционных процессов при распаде СССР эта проблема становится актуальной. Как отмечают историки [1] этот процесс в конце XX века приобрел особую важность.

Был проведен социологический опрос 250 старшеклассников восьми красноярских школ – представителей различных национальностей. Для понимания особенностей становления идентичности старших подростков нами проанализированы оценки национальных взаимоотношений.

Целью было выявление особенностей становления этнической идентичности, толерантности и интеграции в российское общество детей-мигрантов, представителей разных национальностей, (табл. 1–7).

Все национальности, представленные в опросе, для упрощения анализа свели к трем основным группам, представленным в школах г. Красноярска – русские школьники, которые составляют подавляющее большинство (около 70 % от всех опрошенных); представители народов Кавказа (азербайджанцы, армяне, дагестанцы и другие – 7,6 %), представители народов Средней Азии (киргизы, таджики, узбеки – 15 % опрошенных); оставшиеся – представители других народов России (украинцы, татары, немцы и т. д.).

По степени укоренённости в данном регионе это выглядит так:

среднее время проживания:

- русские – 13,9 лет,
- выходцы с Кавказа – 13,1 лет,
- выходцы со Средней Азии – 10,6 лет,
- другие национальности – 10,0 лет.

Значительная часть русских школьников (80,2 %) родились в Сибири. А дети выходцев с Кавказа либо являются уроженцами Красноярска (68,4 %), либо (около 1/3) живут здесь от 3 до 10 лет. Другими словами, их можно тоже считать сибиряками.

---

¹ Подготовлено при поддержке Краевого фонда науки, грант «Исследование условий формирования общероссийской идентичности у учащейся молодежи средствами образования». Соглашение №36/15 от 19.06.2015г. с КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Каково ваше отношение к собственной национальности?», %**

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Я испытываю гордость от того, что принадлежу к этой национальности	60,8	73,7	64,3	57,1	62,2
Для меня моя национальность не имеет значения	34,8	26,3	28,6	42,9	33,3
Я испытываю внутренний дискомфорт от того, что принадлежу к этой национальности	0,5	0	4,8	0	1,2
Другое	1,6	0	2,3	0	1,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Национальные чувства наиболее сильно представлены у детей, рождённых в семьях с Кавказа, почти 2/3 гордятся принадлежностью к своей национальности. Но почти 1/3 среди всех других национальных общностей равнодушны к этому аспекту, особенно велика такая самооценка среди татар, немцев, украинцев и т. д. Вполне возможно, что это процесс ассимиляции и утраты внимания к национальной идентичности. Кстати, даже в последних переписях населения стали появляться ответы на национальность – «сибиряк». Тем более, что часто родители могут принадлежать к разным национальным группам.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие трудности, по вашему, испытывают школьники другой национальности в школе?», %

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Плохое владение русским языком	53,3	85,9	57,1	66,7	61,2
Их избегают, не хотят общаться	18,1	3,1	14,3	0	13,9
Предвзятое отношение педагогов	7,7	1,6	11,9	16,7	17,7
Другое	20,9	9,4	16,6	16,7	17,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Основные трудности в учёбе – недостаточное владение русским языком. Это отметило подавляющее число «кавказских» школьников. Видимо, в семье они обходились только родным для них языком и не было достаточ-

ной языковой практики. Фактор избегания отметили в основном русская и азиатская часть опрошенных школьников. Отсутствие общения как раз уроженцы семей из Кавказа отметили мало. Возможно, это говорит о их национальной замкнутости и обособленности внутри своей национальной группы.

Выходом за рамки своей национальной ограниченности служили ответы на вопрос о возможности наличия будущей невесты или жениха среди представителей других национальных групп (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Допускаете ли вы, что ваш жених или невеста будет другой национальности?», %

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Да, допускаю	32,6	45,0	43,2	50,0	35,7
Нет	36,6	35,0	24,3	0	33,6
Затрудняюсь ответить	30,8	20,0	32,4	50,0	30,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видим, ответы достаточно мало различаются. Наиболее приемлемым видеть будущего супруга оказалось среди жителей национальных групп, давно представленных в Сибири, и школьников с «кавказскими» корнями. Однако каждый третий опрошенный старшеклассник ответил отрицательно на этот вопрос и не готов создавать семью с представителем другой национальности. Ответы «затрудняюсь» в такой личной ситуации могут говорить о ещё недостаточной толерантности и наличии национальных барьеров.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства вы испытываете при знакомстве с человеком другой национальности?», %

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Раздражение	6,4	0	0	0	2,4
Недоверие	11,9	0	2,7	0	4,9
Интерес	44,0	64,7	54,0	37,5	28,7
Уважение	6,4	17,6	29,7	62,5	9,1
Это зависит от национальности	31,2	17,6	13,5	0	14,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Культурный шок при столкновении с человеком иной национальности приводит к определенной дисгармонии взаимоотношений. У русской части школьников это недоверие, немного раздражение, интерес у представителей кавказских народов и «азиатов» при отсутствии недоверия.

Русская часть опрошенных (каждый восьмой или 12,6 %) испытывает негативные чувства при виде национальных праздников. При этом дети мигрантов утверждают своё право на торжественные мероприятия, даже в другой стране. Конечно, есть значительная доля у русских школьников «пофигистов» к этой стороне национальной идентичности, но это непростой вопрос демонстрации национального самосознания.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что представители различных меньшинств, проживающие на территории России, отмечают свои национальные праздники?», %

Варианты ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Все народы должны иметь возможность отмечать свои национальные праздники, даже проживая в другой стране	51,6	72,2	87,5	75,0	59,7
Мне всё равно	33,0	27,8	10,0	25,0	28,6
Мне неприятно	12,6	0	0	0	9,3
Люди национальных меньшинств не должны отмечать в других странах свои праздники	2,7	0	2,5	0	2,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Более агрессивное поведение кавказцев говорит об отсутствии у них конфликтов, хотя другие школьники их отмечают, то есть, скорее всего, они являются инициаторами этих конфликтов. Более мирные «азиаты» часто бывают страдающей стороной, но более всего сталкиваются с ними русские школьники.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Бывают ли в вашем классе конфликты на национальной почве?», %

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
Да, несколько раз в году	5,2	0	13,2	14,3	6,4
Очень редко	19,5	6,2	18,4	0	17,9
Не бывает	73,6	93,8	65,8	85,7	74,0
Другое	1,7	0	2,6	0	1,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Норма для мужчины на Кавказе – более активное поведение, бескомпромиссность в спорах, неуклонное отстаивание своей позиции в социуме, которое можно внешне воспринять как агрессию.

Причины негативного отношения к мигрантам, по мнению русских школьников, в первую очередь экономические (конкуренция, уклонение от налогов) и этические (агрессия, предрассудки и т. д.).

Школьники, имеющие кавказские корни, главными причинами отметили – предрассудки, другое вероисповедание. Криминогенная обстановка для данной группы старшеклассников полностью исключена, хотя 12,8 % российских учеников отметили ее как значимую причину (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, в чём причины негативного отношения к людям, приезжающим жить и работать в другую страну?», % (несколько одновременных ответов)

Вариант ответа	Русские	Представители		Другие	Всего
		Кавказа	Средней Азии		
В существующих предрассудках	25,0	21,0	19,5	25,0	23,6
Они ухудшают криминогенную обстановку	12,8	0	4,9	0	10,0
Они не платят налоги и живут за счёт граждан этой страны	14,4	10,5	4,9	0	12,0
Они занимают рабочие места граждан этой страны	35,0	5,2	14,6	0	28,8
Они решают свои проблемы за чужой счёт	7,8	5,2	4,9	0	6,8
Они плохо относятся к гражданам этой страны	28,3	0	12,2	0	22,4
Они имеют отталкивающую внешность	9,4	5,2	7,3	25,0	9,2
Они имеют агрессивный характер	27,2	5,2	7,3	12,5	9,2
Они принадлежат к другим национальностям	9,4	15,8	17,1	25,0	11,6
Они имеют другое вероисповедание	27,2	21,0	14,6	0	23,6
Они должны жить у себя на родине	9,4	0	0	0	6,8

Иногда даже мелкие бытовые различия влияют на создание образа «чужой». Так, например, во многих южных кулинариях щедро используются различные восточные пряности и другие ароматические специи. Поэтому при постоянном употреблении этой пищи человек может иметь непривычный иной запах. Это тоже может формировать настороженное отношение к мигрантам. Поэтому даже знакомство с различными национальными кухнями может навести дополнительные «мостики» между разными культурами.

В традициях различных культур предписываются различные положительные типы поведения. Эти различия могут вызывать определённое напряжение в соприкосновении с другим национальным менталитетом.

Несмотря на то, что распад Советского Союза произошёл ещё на памяти родителей [2] опрошенных школьников, но в новом поколении, которое появилось уже после, сохранились традиции интернационализма. Социальная память работает на уменьшение межнациональных конфликтов. Традиции в семьях при естественных национальных различиях сохраняют устойчивые паттерны поведения, общие при советской общей истории.

Этот запас народной толерантности надо культивировать и поддерживать, несмотря на накапливающиеся центробежные тенденции и вспышки национального самосознания.

В школе необходимо вести работу на привитие интереса и уважения к типам разных культур, устраивать различные выставки достижений науки и литературы различных народов. Прививать правила совместного общежития, учёта болезненных взаимооценок и переходить от жесткой дилеммы «свой-чужой», к более мягкой – «свой-иной, но тоже свой».

Надо понимать, что и среди различных культур Средней Азии и Кавказа есть масса исторически сложившихся противоречий. Например, житель южного района Куляб резко отличается от северных районов Таджикистана. Самооценки у выходцев района Ленкорани (регион Азербайджана, пограничный с Ираном) совершенно не совпадает с бакинским менталитетом. И так далее. Тем более, эти регионы после распада СССР пережили периоды большой социальной напряжённости или даже гражданской войн.

Список литературы

1. Бакшеев А. И. Особенности национального вопроса в Сибири в начале XX века //Золотник, 2004. № 1. С. 34–37.
2. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования, 2012. № 1.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлен результат контент-анализа 30 научных статей и диссертационных работ по теме «Миграционные процессы», опубликованных за 2011–2015 годы. Учёные различных дисциплин (психологи, экономисты, демографы, социологи, политологи и т.д.) изучают проблемы миграции населения. На данный момент создано множество научных трудов, накоплен значительный практический опыт. Цель контент-анализа в рамках междисциплинарного подхода: обобщить, систематизировать ранее полученные выводы, попытаться объединить различные перспективы, языки и методы исследования, присущие разным дисциплинам, и увидеть целостную картину по данной проблеме. Существует, по мнению демографа В. А. Ионцева, около 36 определений миграции¹, но мы под термином «миграция» будем понимать совокупность передвижений людей относительно мест жительства и мест приложения труда; миграционные процессы (по Я. Щепаньскому) – это относительно однородные серии явлений, связанных взаимными причинными или структурно-функциональными зависимостями.

Хотелось бы напомнить, что контент-анализ – это анализ статических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте. В свою очередь, закономерности частотного распределения смысловых единиц в тексте нередко позволяют понять закономерности именно смыслового определения объекта². Сущность метода контент-анализа состоит в фиксации определенных единиц содержания с последующей интерпретацией. Объектом контент-анализа может быть содержание печатных изданий, радио- и телепередач, кинофильмов, рекламных сообщений, документов, публичных выступлений. Этот метод в наибольшей степени подходит для систематического мониторинга больших информационных потоков, достаточно гибок для того, чтобы в его рамки мог быть успешно «вписан» весьма разнообразный круг исследований, например анализ учебной литературы³ или

---

¹ Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.

² Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. М.: Изд-во «КноРус», 2007. 286 с.

³ Саганенко Г. И. Актуальная реальность и история в учебной литературе: опыт контент-анализа // Пространство и время. 2011. № 3. С. 73–79.

контент-анализ научных публикаций о перспективах инновационного развития России¹ и т. д.

В качестве единицы анализа использовалось суждение автора публикации, содержащее законченную мысль. Затем единицы анализа были объединены в категории: обозначенные автором проблемы общества в области миграционных процессов; рекомендации автора статьи по решению проблемы. Список публикаций для анализа и коды к ним прилагают ниже.

В 30-ти проанализированных текстах нами было зафиксировано 12 обозначенных авторами общественных проблем (табл. 1). Самая обсуждаемая проблема (8 упоминаний) – это *неэффективная миграционная политика*. Например, Г. С. Иванов и Н. В. Акумова пишут, что миграционная политика РФ ориентируется только на доступное для России миграционное предложение со стороны стран-доноров, находится на начальной стадии разработки собственных приоритетов и селективных программ. Государство не в достаточной мере контролирует и управляет процессом внешней трудовой миграции.

Второе место поделили между собой взаимозависимые проблемы: *адаптации языковой барьер* между мигрантами и коренными жителями (6 упоминаний). Так А. С. Зинцова пишет, что студенты-мигранты относятся к группе риска, склонной к девиантному поведению, в том числе к суицидальному, из-за сложности адаптации к образовательного процесса в вузе. Но есть и позитивные примеры адаптации, так в статье Е. В. Титовой указано, что около 80 % мигрантов Еврейской автономной области довольны (частично довольны) взаимоотношениями с УФМС, здравоохранением и правоохранительными органами. Также в статье приведены высказывания мигрантов по проблеме их адаптации: «Нам нужно помогать найти пригодное для жизни жилье»; «Помогать воспитывать здоровых телом и душой детей»; «Обеспечить нормальные условия труда, платить достойную заработную плату»; «Чтобы местное население проявляло больше уважения к нам».

РФ является *страной-импортером* для граждан многих государств ближнего зарубежья. Как отмечает А. С. Казаков, крупными поставщиками рабочей силы в РФ являются Кыргызстан, Молдова, Украина, Таджикистан, Узбекистан и др. По утверждению А. С. Орозалиевой, низкие стартовые экономические условия, например Кыргызской Республики, поставили ее в неравное положение по сравнению с другими странами СНГ, такими как Россия, Казахстан, обладающими большим экономическим потенциалом. За период с 1990 по 2013 годы Россия остаётся основным местом безвозвратного переезда из других регионов. Именно эта проблема стоит на третьем месте в списке наряду с проблемами *негативного отражения мигрантов в СМИ* и *взаимного неуважения* мигрантов и коренного населения, проблемой *трудоустройства* (каждая проблема упоминалась в 5 текстах).

---

¹ Мищенко А. С. Контент-анализ научных публикаций о перспективах инновационного развития России как пример заочной экспертизы // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 3. С. 56–83.

Н. А. Барышная отмечает, что СМИ ориентированы поддерживать устойчивые стереотипы потенциальной угрозы захвата наших территорий, вытеснения местного населения со своих мест, оккупации целых отраслей экономики, появления новых этнических преступных группировок. О.В. Сараева с помощью контент-анализа газетных публикации выявила пять образов мигрантов в СМИ (образ добропорядочного мигранта, образ работника, образ жертвы, образ чужого, образ врага) и делает вывод, что языковая репрезентация поддерживает напряженность и негативный характер актуального слова в газетных текстах: оно оказывается в одном ряду с номинациями «преступник», «бандит», «вор», «убийца» и т.п. Также СМИ конструируют оценку этноса мигранта как стоящего на более низкой ступени цивилизации и подверженного в силу этого эксплуатации более развитым этносом.

Таблица 1

Категория «Проблемы в области миграционных процессов»

Проблемы, обсуждаемые в публикациях	Источник	Количество упоминаний
1. Неэффективная миграционная политика и противоречивое миграционное законодательство	(4) (6) (13) (15) (19) (24) (25) (30)	8
2. Языковой барьер (в том числе незнание русского языка и трудности перцептивного характера)	(2) (3) (4) (8) (9) (12)	6
3. Трудности адаптации (ассимиляции) мигрантов с тенденцией минимизации контактов с коренным населением	(3) (5) (8) (10) (18) (25)	6
4. РФ является страной-импортёром (страной-реципиентом) для граждан многих государств, в т.ч. стран СНГ	(20) (23) (24) (27) (28)	5
5. Негативное отражение мигрантов в СМИ	(1) (6) (7) (9) (13)	5
6. Недостаточное взаимное уважение как со стороны мигрантов, так и коренного населения	(2) (3) (8) (15) (18)	5
7. Проблемы с трудоустройством, реализацией профессионального потенциала, конкуренция с местными, малоквалифицированными работниками сферы услуг	(1) (2) (6) (10) (25)	5
8. Значительные объёмы нелегальных мигрантов	(11) (24) (25)	3
9. Отсутствуют социальные институты, которые боролись бы с ксенофобией	(9) (15) (29)	3
10. Рост социальной напряжённости	(10) (25)	2
11. Коррупция и криминализация	(4) (10)	2
12. Отток значительных денежных средств в страны-доноры	(27)	1

Стоит обратить внимание на замечание Д. А. Александрова А. А. Барановой, В. А. Иванюшиной, о том, что часто для сбора информации по про-

блемам ксенофобии используется опрос мнений. Однако полученные с его помощью результаты отражают социально-психологические характеристики респондентов, каждый из которых в той или иной степени ориентируется на социально приемлемые ответы, что не в полной мере отражает истинную картину.

Проблемы *значительных объёмов нелегальных мигрантов и отсутствия социальных институтов*, которые боролись бы с ксенофобией, поделили четвёртое место, набрав по 5 упоминаний. Как замечает В. И. Мукомель, в РФ нет институтов, которые не на словах, а на деле боролись бы с ксенофобией. В США в свое время решающий вклад в борьбу с расовой сегрегацией внесли четыре института: Верховный суд, армия, спорт и шоу-бизнес. В РФ институты, призванные преодолевать проблемы, превратились в институты, их порождающие (система образования, армия, судебная и правоохранительная система, спорт, СМИ и шоу-бизнес не справляются, а иногда провоцируют ксенофобию). Г. С. Иванов и Н. В. Акумова в своей статье указывают, что специфика развития процессов внешней трудовой миграции в России заключается в том, что, во-первых, привлекаются в основном низкоквалифицированные работники для строительства, сферы услуг, сельского хозяйства; во-вторых, специфичность отражается в значительных объемах нелегальной трудовой миграции. Т. Р. Суздалева утверждает, что механизм выдворения нелегалов неэффективен, отсутствуют санкции за нарушение российского законодательства.

Пятое место занимают проблемы, которые являются следствием ранее перечисленных: *рост социальной напряжённости, коррупция (криминализация)*. Замыкает список экономическая проблема – *отток значительных денежных средств* в страны-доноры. Как пишет А. С. Орозалиева, денежные переводы мигрантов играют важную роль в повышении уровня жизни и росте благосостояния значительной части населения страны-донора. Так, денежные переводы в Кыргызстан от трудовой деятельности ее граждан только в России составили в 2010 году 1 млрд 300 млн долларов США, то есть почти треть ВВП республики. В связи с ростом доходов трудовых мигрантов денежные переводы используются не только на традиционную поддержку семей, но и организацию малых субъектов экономической деятельности, что создает дополнительные рабочие места, повышает уровень занятости и снижает давление на локальный рынок труда, улучшает инфраструктуру республики.

Многие авторы предлагают рекомендации по решению поставленных проблем. Именно смысловые единицы в контексте решения поставленных проблем были объединены во вторую категорию контент-анализа, названную «рекомендации». Очень кратко обозначим их (в конце рекомендации указан источник):

а) миграционную политику, основанную на запретительном подходе необходимо модернизировать в миграционную политику, основанную на инновационных приоритетах и избирательной трудовой миграции с преференциями для квалифицированных иностранных кадров [30]; в мультикультура-

листской модели акцент делается на культивировании и поддержке этнокультурной специфики каждой общности, проживающей на данной территории, но практический опыт западных государств свидетельствует о том, что эта модель как стратегия адаптации мигрантов непригодна, поскольку приводит к фрагментации принимающих обществ, их анклавизации и конфликтным ситуациям, связанным с нежеланием мигрантов следовать нормам поведения принимающего государства [10]; рейтинг субъектов РФ по уровню межэтнической напряженности, разработанный ЦИНК, может успешно применяться при планировании миграционной политики государства [29];

б) нужно создавать локальные функциональные центры по решению вопросов адаптации и интеграции трудовых мигрантов [2, 10]; проводить лекции и семинары для преподавателей по межкультурному взаимодействию [3]; формировать студенческое сознание через пропаганду межкультурного, межнационального отношения средствами социальной рекламы [3]; создавать центры межнациональной дружбы, где школьники познакомятся с культурой разных национальностей, но финансировать не федеральным центром, а диаспорами, общественными организациями, посольствами стран, чьи граждане уезжают на заработки в РФ [4] (10, 15);

в) для конструирования положительного образа необходимо позитивное внимание к проблемам миграции со стороны президента и госаппарата в СМИ [1]; необходимо проведение целенаправленных информационных проектов по формированию позитивного отношения к мигрантам со стороны принимающего сообщества с демонстрацией взаимного дополнения культур [6]; проводить лекции и семинары для преподавателей вузов по межкультурному взаимодействию [3], программы повышения толерантности направить в диаспоры мигрантов, а не на коренное население, так как они итак её демонстрируют [10];

г) внедрить программу организованного регулирования внешней трудовой миграции в России: организованный набор внешних трудовых мигрантов; балльную систему отбора внешних трудовых мигрантов; оценку вклада внешних трудовых мигрантов в бюджет региона страны, где осуществляется трудовая деятельность, развитие общего и профессионального образования трудовых мигрантов и членов их семей [25]; конструирование интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов, что предполагает формирование дружественного для мигрантов и принимающего населения социокультурного пространства, в котором осуществляется тесное взаимодействие федеральных, региональных, муниципальных органов власти, общественных организаций, иных акторов [29];

д) экономически развивать приграничные территории Сибири и Дальнего Востока [11]; снижать межэтническую напряженность в ЦФО возможно при условии создания в стране других мощных экономических центров, которые оттянули бы на себя часть миграционного потока, однако предпосылок для этого пока нет [29].

Также в контент-анализе была выделена категория «прогнозы», но в данной статье результат по этой категории не представлен, прогнозы станут темой для последующих статей.

Таким образом, можно утверждать, что самой острой и значимой проблемой в вопросах миграции является несовершенство, неэффективность миграционной политики и миграционного законодательства РФ, из чего вполне логично возникают другие социальные проблемы, требующие решения. Несмотря на большой разброс (дисперсию) мнений авторов, с помощью метода контент-анализа стало возможным объединение выводов специалистов из разных областей знаний в единую целостную картину.

Список литературы

1. Сараева О. В. Конструирование образа миграции российскими СМИ, Вестник экономики, права и социологии, 2011. № 2.
2. Титова Е. В. Адаптационные ресурсы трудовой миграции в Еврейской автономной области в конце XX – начале XXI вв. // Этносоциум и межнациональная культура. М., 2015. № 7 (85). С. 103–107.
3. Зинцова А. С. Мигранты-студенты в адаптации к социокультурной среде вуза // Этносоциум и межнациональная культура, 2015. № 6 (84). С. 101–109.
4. Суздалева Т. Р. Миграционная политика: практика XXI века // Этносоциум и межнациональная культура 2015. № 1 (79). С. 9–15.
5. Галяпина В. Н. Сохранение этнокультурных норм в контексте адаптации вынужденных мигрантов // Этносоциум и межнациональная культура, 2015. № 8 (74). С. 14–24.
6. Барышная Н. А. Формирование позитивных практик межэтнического взаимодействия на региональном уровне (на примере Саратовской области) // Этносоциум и межнациональная культура, 2014. № 1 (67). С. 124–126.
7. Якимова О. А. Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3 (80). С. 123–135.
8. Сабирова Г. А., Андреева Ю. В. Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. Т. XVII. № 1 (72). С. 170–189.
9. Калмыков П. Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.
10. Бадалянц С. В. Оптимизация управления процессами адаптации мигрантов в современной России // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.

11. Ревякина М. А. Пограничная политика Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.
12. Смирнова С. В. Психологические особенности трудовой адаптации мигрантов из стран Средней Азии в современных условиях Российской Федерации // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.
13. Семёнов А. Б. Государственная политика по регулированию китайской миграции на Дальнем Востоке России 1991–2008 гг. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.
14. Вакуленко Е. С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований // Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 2013.
15. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России, 2011. № 1. С. 34–50.
16. Акифьева Р. Н. Условия социальной адаптации детей мигрантов в общеобразовательных учреждениях // Нижегородское образование № 4. 2011. С. 76–82.
17. Вишневецкий А. Г. Должна ли миграционная статистика учитывать этническую принадлежность мигрантов? // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532.
18. Александров Д. А, Баранова А. А, Иванюшина В. А. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.
19. Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly, 2014. № 595–596.
20. Власов С. А. Китайский фактор в развитии стройиндустрии Дальнего Востока России // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 16. Ч. 1. Чита ЗабГУ, 2015. С. 27–33.
21. Михневич С. В. Роль образования в повышении эффективности ресурса «мягкой силы» на примере КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 16. Ч. 1. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 10–17.
22. Сухадольская Л. Л. Некоторые аспекты «китайской мечты // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 16. Ч. 1. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 21–26.
23. Гамерман Е. В. Китайский синдром российской внешней политики (в контексте проблем национальной и международной безопасности) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 16. Ч. 1. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 33–36.
24. Казаков А. С. Приоритет прав и свобод человека в регулировании миграционных отношений в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2014. № 7. С. 103–107.

25. Иванов Г. С., Акумова Н. В. Современное состояние трудовой миграции в контексте общей миграции в России // *Право и образование*, 2013. № 10. С. 114–122.
26. Костенко В. В. Гендерные установки мигрантов-мусульман в Северной и Западной Европе // *Социологические исследования*, 2014. № 11 (367). С. 52–59.
27. Орозалиева А.С. «Особенности межгосударственного перемещения рабочей силы Кыргызской Республики», *Общество и экономика постсоветского пространства Международный: сб. науч. ст.; отв. ред. А. В. Горбенко*. Липецк, 2015. С. 27–32.
28. Кылыгдай А. К. Ч., Хольшина М. А. Демографическая составляющая в развитии рынка труда Тувы // *Вестник Тувинского государственного университета*. № 2. Естественные и сельскохозяйственные науки, 2012. № 2 (13), стр. 66–70.
29. Халбаева А. М. Политическое управление миграционными процессами в современной России: опыт, тенденции, риски // *Диссертация*, 2015.
30. Шестаков Е. В. Качество рабочей силы как фактор роста социально-трудового потенциала российской экономики // *Научная библиотека диссертаций и авторефератов*, 2013.

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПРОЕКТ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ.
ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ ГРУПП ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ
ДЛЯ РАБОТЫ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ**

Этноатлас Красноярского края, выпущенный управлением общественных связей Совета администрации Красноярского края в 2006 году, рассказывает о том, как в результате сложных этнокультурных, демографических и политических процессов сформировалась этническая карта нашего края. До прихода русских в Приенисейской Сибири проживали преимущественно тюрко-язычные и в меньшей степени самодийско- и кетоязычные племена. Большинство из них находилось еще на стадии этнической консолидации. В конце XVI – начале XVII века в составе первых казачьих отрядов енисейские земли осваивали выходцы из Украины, Польши, Литвы, Поволжья. К началу XVIII века местные народы по численности уже уступали пришлому русскому населению. В первой четверти этого столетия в Приенисейский край попало немало шведских военнопленных. Согласно первой общей переписи населения 1897 года среди «пришлых» народов наиболее многочисленными оказались украинцы – 21,4 тыс. человек (3,75 %), татары – 6,0 тыс. человек (1,05 %), поляки – 5,9 тыс. (1,04 %), евреи – 5,1 тыс. (менее 1 %) и другие народы [5].

Вообще, согласно данным Всероссийской переписи населения за 2010 год на территории России проживают 80,90 % русского населения и 19,1 % выходцев из других стран. Из них, Сибирский регион – третий по количеству нерусского населения на душу населения, что составляет 13,5 % (после Центрального региона с 26,9 % и Приволжского региона с 20,9 %). Большинство из приезжих татары – 20,3 %, украинцы – 7,4 %, башкиры – 6,0 %, чувашаи и чеченцы – по 5,5 %, армяне – 4,5 %; остальные народности набрали менее 4 % [2].

По данным Федеральной службы государственной статистики, в ближайшие годы численность населения России будет расти за счет мигрантов. Так, согласно прогнозу Росстата, к 2031 году миграционный прирост в России составит 495 тыс. человек, что обеспечит общий прирост населения России на 175,9 тыс. человек в связи с тенденцией к сокращению численности русского населения [3].

Эти данные позволяют не только сделать выводы о необходимости работы, связанной с адаптацией некоренного населения России, но и огромной

пользе подобных мероприятий, так как приток мигрантов при указанных выше данных неизбежен, этническая мобильность обеспечит Россию новыми гражданами, которые займут рабочие места, вступят в межнациональные браки с русским населением, обеспечат прирост населения нашей страны, уплотнят и укрепят ее изнутри.

Так как Россия является одной из самых многонациональных стран мира, на территории которой проживают более 160 национальностей, а семь народов, населяющих Россию – русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне, имеют численность населения, превышающую 1 млн. человек [4]. Социокультурная адаптация выходит на первый план и является, по нашему мнению, одной из важнейших государственных задач. Мы знаем, что сегодня, в эпоху межнациональных войн и столкновений на почве межнациональной и религиозной нетерпимости, процветания терроризма работа по повышению национальной толерантности является приоритетной для органов государственной власти. Безусловно, плотная работа в этом направлении ведется специалистами различных организаций, управлений и министерств, к примеру управлением общественных связей совета администрации Красноярского края. Но мы, в свою очередь, хотим предложить свои пути социокультурной адаптации мигрантов для Красноярского края. Для начала введем понятие социокультурной адаптации. Согласно определению, адаптация (от средневекового латинского *adaption* – приспособление) – интегральное, многогранное явление, имеет множество толкований и рассматривается в различных областях науки. Социокультурная адаптация подразумевает приспособление индивида (или группы) к условиям новой социокультурной среды, а следовательно, и к новым ценностям, ориентациям, нормам поведения, традициям так, чтобы успешно существовать в новом окружении [1]. Но для того чтобы приспособиться к этим новым ценностям, традициям и нормам поведения, необходимо для начала их изучить.

Исходя из наших наблюдений за недавно приехавшими на территорию России мигрантам, мы видим, что они часто не знают ни русского языка, ни истории нашей страны, ни, безусловно, традиций и культурных норм, принятых в России. А раз мигранты не знают о них, то естественно, что они не могут их и придерживаться. Исходя из этого мы считаем необходимым первым и приоритетным пунктом работы в области социокультурной адаптации сделать именно просветительскую работу.

Рассматривая данную проблематику с позиции социально-культурного подхода, мы предлагаем комплексный проект по социокультурной адаптации мигрантов в Красноярском крае начать с организации целевых групп заинтересованной молодежи. Эти группы молодежи могут помочь реализовать в рамках данной тематики сразу несколько проектных идей, перечисленных ниже.

1. Привлечь к специалистам, работающим в области межнациональной политики, заинтересованную молодежь для подготовки просветительских материалов по истории, традициям и обычаям, писаным и неписаным* законам

России, в рамках учебного процесса в университетах, например на направлениях бакалавриатов, которые в рамках рабочей программы изучают такие предметы, как этнология, этносоциология, этнокоммуникации и др. Это можно осуществить в рамках:

а) учебной практики студентов гуманитарных образовательных профилей в органах государственной власти, занимающихся межнациональной политикой;

б) олимпиад и конкурсов молодежных проектов, связанных с адаптацией мигрантов;

в) решения кейсовых задач на молодежных конкурсах, например как обязательное задание для Всероссийского конкурса на получение премии талантливой молодежи, учрежденной Президентом Российской Федерации в рамках приоритетного национального проекта «Образование»;

г) учреждения премий ученым и журналистам, освещающим международный опыт социокультурной адаптации.

2. Предлагаем представить в органы государственной власти города Красноярск и Красноярского края на реализацию проект по повышению уровня информированности коренных жителей и приезжих об истории города и края: пустить информационные аудиозарисовки на всех маршрутах дальнего следования города и края, с перекрестными рассказами, чтобы жители и гости могли слушать историю возникновения не только своего района, но и всех населенных пунктов Красноярского края.

3. С помощью заинтересованной молодежи из числа выпускников вузов Красноярск из высших учебных заведений по таким направлениям, как история, география, реклама и связи с общественностью, сделать макеты социальных баннеров, рассказывающие об истории Красноярского края (например, в рамках конкурсных заданий или курсовых и дипломных проектов).

Привлечь молодежь к разработке информационных материалов по трансляции обычаев и традиций, принятых на территории Красноярского края, таких как баннеры, листовки, картины, фотографии.

4. Провести конкурсы творческих работ (картины, фото, видео, эссе) среди иностранных студентов, обучающихся на территории города Красноярск, в том числе в Сибирском федеральном университете, с целью обобщения их представлений о Красноярске и Красноярском крае, о жителях города и края.

5. Провести разъяснительную работу с молодежью из групп риска (подростки, оказавшиеся в социально опасном положении, лидеры и участники молодежных неформальных и экстремистских группировок, действующих на территории Красноярского края) о необходимости просвещения мигрантов, проживающих на территории Красноярск и края; предложить им принять участие в создании информационных материалов, направленных на изучение русских народных традиций и обычаев, и распространении этих информационных материалов в местах большого скопления приезжих – на вокзалах, в аэропортах.

Разработать и ввести доступные для понимания и адекватные по стоимости для мигрантов курсы русского языка как иностранного, возможно, с привлечением блогеров из среды учителей иностранного языка и студентов, обучающихся по подобным направлениям, так как без обеспечения мигрантов достаточным уровнем владения русским языком невозможно качественно реализовать обозначенные идеи.

По нашему мнению, внедрение вышеизложенных рекомендаций программы социокультурной адаптации может существенно увеличить не только психологический комфорт приезжающих на территорию Красноярского края мигрантов, но и обеспечить более толерантную обстановку в крае в условиях этнической мобильности в многонациональном регионе.

Список литературы

1. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко). Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?article_id=7798351&op=show_article&section=content

2. Население России сегодня. Сильная Россия. Режим доступа: <http://www.rosforce.ru/naselenie-rossii/#2010> (дата обращения 15 ноября 2015 года).

3. Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения ноябрь 2015).

4. География России: сайт. Режим доступа: <http://geographyofrussia.com/nacionalnyj-sostav-naseleniya-rossii/>.

5. Этноатлас Красноярского края. Красноярск: Группа компаний «Платина», 2006. 224 с.

* Под неписаными законами понимаются устойчивые нормы поведения, принятые в среде коренного населения страны.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДРУГОГО УРОВНЯ: ВЬЕТНАМСКИЕ УЧЕБНЫЕ МИГРАНТЫ И ДЕТИ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА)

Выдвижение мигрантов как научной проблемы повлекло за собой их изучение в разных измерениях – социальном и культурном, в частности в плане их адаптации в принимающем обществе. Прежде всего стоит быть точными в определениях. Во-первых, какие именно мигранты имеются ввиду? В основном самой животрепещущей и знакомой темой являются трансграничные трудовые мигранты и, соответственно, их адаптация. Во-вторых, что подразумевается под адаптацией? У В.И. Мукомеля есть ёмкое определение адаптации: «Приспособление мигрантов к принимающему сообществу (часто довольно поверхностное), знание и поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением и не предполагающих встречное постижение принимающим населением культур мигрантов». Также он отмечает, что адаптация – необходимое, но недостаточное условие интеграции [1].

Данная работа рассматривает особенности социокультурной адаптации конкретных групп: вьетнамских учебных мигрантов и детей вьетнамских мигрантов в г. Иркутске. Будучи основанной на свободных беседах с первой группой и включенном наблюдении за второй, она не претендует на всеохватность изучения проблемы и утверждение определенных теорий, однако ставит своей целью изложение фактов.

В группу учебных мигрантов входят вьетнамские студенты, которые направляются на обучение в иркутские государственные вузы правительством СРВ с целью подготовки из них высококвалифицированных кадров. В 2015 году большинство из них получает образование в Иркутском национальном исследовательском техническом университете (ИрНИТУ), за ним следуют Иркутский государственный университет путей сообщения (ИрГУПС) и Байкальский государственный университет (БГУ, бывший Байкальский университет экономики и права – БГУЭП), в остальных университетах вьетнамских студентов единицы. Также наиболее выбираемыми специальностями для них остаются инженерно-технические, архитектурно-строительные, экономические (вместе с менеджментом и финансами), к которым добавилась журналистика и языкознание (русский язык), другие со значительном отрывом остаются в меньшинстве.

Особый интерес и участие государства отправления определяет и поддержку этой группы по сравнению с группой трудовых мигрантов. Правовая защищенность иностранных учащихся наряду с наличием более чем десятилетней структуры ознакомления новичков с местом пребывания вьетнамских студентов со старших курсов и выше (начиная от встречи в аэропорту до помощи в ситуациях, связанных с оформлением документов, проживанием и проблемами в учебе) значительно облегчает процесс адаптации. При этом опора на старших товарищей не вызывает нормальной склонности к закрытости в рамках группы.

Немалую роль в этом играет принадлежность новому поколению и образу мышления, подразумевающему большую открытость, старательность и готовность к обучению, поскольку направляются за границу наиболее способные. Им и предстоит создавать образ Вьетнама и вьетнамского студента в Иркутске. Нередко по завершении университета на родине они работают в сфере вьетнамско-российского сотрудничества (например, в Вьетсовпетро, совместном предприятии по добыче нефти, что базируется в Вунгтау, городе с крупной русской диаспорой), поэтому знание социокультурных реалий принимающего общества достаточно актуально.

В соответствии с этим при всех трудностях адаптации студенты стараются как можно раньше проявлять активность в налаживании связей, в первую очередь с местной властью, начиная от университетской. Подобное покровительство также способствует быстрому освоению нового пространства и участию в нем: начиная с первых курсов некоторые студенты проявляют себя в общеуниверситетской научной, спортивной и культурно-развлекательной деятельности, в ходе которой создают уже дружеские связи с русскоговорящими учащимися. Таким образом, адаптация первой группы может вполне обнадеживать принимающее общество.

К совершенно другой категории относятся дети вьетнамских мигрантов (будь то трудовых или учебных), которые родились и, что важно, получили образование в России, или мигранты второго поколения. К ним с оговорками можно причислить детей и подростков, прошедших первичную социализацию во Вьетнаме, затем приехавших в Россию или переживших опыт дистанционной семьи. Это так называемые *мигранты полуторного поколения* и находятся в пограничном, поэтому уязвимом и колеблющемся состоянии между «чистыми» студенческими и группами мигрантов поколения.

Мигранты второго поколения, как правило, не испытывают стандартных проблем социокультурной адаптации обычного трансграничного трудового или учебного мигранта. Перед ними, скорее, стоит вопрос об ассимиляции. По мере взросления они социализируются в принимающем обществе через постоянное и преобладающее общение с его агентами (это детский сад, школа, спортивные или культурные секции, русскоговорящие сверстники, средства массовой информации и т. д. Владение русским языком как родным, естественная вовлеченность в жизнь среды и наличие близких личных отношений с ее представителями влияют на обыденную самоидентификацию де-

тей, отождествляющих себя с местным сообществом. Стоит отметить, что в неформальном общении принимающее общество также склонно относить мигрантов второго поколения к «своим»

Подобное явление тревожит родителей, постоянно и слишком занятых в трудовом процессе, чтобы заняться прививанием традиционных ценностей детям. Ассимиляция детей, т.е. полное замещение первой, “motherland”, культуры, может вызвать впоследствии отчуждение детей и родителей на языковой и культурной основе.

В 2000-е годы интересным обстоятельством в пользу ассимиляции служила тенденция (не только в Иркутске) оставлять детей на присмотр русским няням [2], отчего попытки отдавать детей нескольких семей в одни и те же школы для возвращения и поддержания «вьетнамскости» были малоуспешны. Дети общались между собой на русском языке, используя вьетнамский редкими вкраплениями. Используемая сейчас практика воспитания дошкольников приглашенными в Россию родственниками в целом немного исправляет ситуацию, как и проводимые равнодушными вьетнамскими студентами и родителями традиционные совместные праздники по лунному календарю (подобные Tết Trung Thu – дословно Праздник середины осени или Детский праздник, Tết – Новый год). Но, в основном, «вьетнамскость» мигрантов второго поколения опциональна в сравнении с постоянно оперируемым российским сознанием, а не равноправна с ним. Вот что является специфической проблемой адаптации этой группы.

Как переходное звено от обыкновенных мигрантов к принимающему обществу и своеобразный посредник она действует достаточно эффективно, поскольку представляет для мигрантов первого поколения приоритетную личностную идентичность «дом–семья–дети». Угроза социокультурного непонимания отцов и детей подстегивает первых к усиленному этническому компромиссу [3] и адаптации.

Наличие иностранных (вьетнамских) студентов в российском высшем образовании благоприятно экономически (оплата обучения правительством СРВ), политически (улучшение двусторонних связей государств, формирование пророссийских элит из бывших студентов) и демографически [4], (хотя этот аспект спорен из-за тенденции студентов работать и создавать семьи на родине).

Список литературы

1. Мукомель, В. И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски // Российский совет по междунар. делам, 2013.
2. Соколов, А. А. Вьетнамцы в России: история, культура, интеграция // Диаспоры. 2011. № 1. С. 219–244.

3. Петров В. Н., Донцова М. В., Нгуен Тханх Хоай. Особенности социальной адаптации трудовых мигрантов из Вьетнама в принимающем обществе // Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран: материалы междунар. науч.-практ. конференции, 29 ноября 2007 г.) 2007. С. 141–150.

4. Письменная Е. Е. Учебная миграция иностранных студентов в Россию: эффекты для страны и привлечения // Миграция между Россией и Вьетнамом: История, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран: матер. междунар. науч.-практ. конференции, 29 ноября 2007 г.) 2007. С. 153–156.

5. Арефьев А. Л. Обучение вьетнамских граждан в российских вузах // Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран: материалы междунар. науч.-практ. конференции, 29 ноября 2007 г. 2007. С. 45–50.

ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Тенденции современного общества, связанные с социальной, политической и экономической ситуацией в России и мире привели к формированию поликультурного социума и, как следствие, такого образовательного пространства, в котором обучаются учащиеся разной этнолингвистической, религиозной и социально-экономической принадлежности. Эта тенденция ставит перед образованием задачу воспитания молодёжи в духе мира и уважения всех народов. Подготовка молодежи к жизни в поликультурном обществе, формирование способности к автономной и коллективной деятельности в условиях глобализма и интеграции многокультурного мира становится одной из приоритетных задач образования. От реализации этой задачи зависит успешность преодоления тех угроз социальной нестабильности, которые возникают на почве неподготовленности молодежи к жизни в условиях все возрастающей полиэтничности и поликультурности российского общества. На сегодняшний день есть острая необходимость в продуманной политике в сфере образования, учитывающей общегосударственные интересы, исходящие из сложных условий межкультурного диалога в многонациональном обществе. Характерной особенностью современного образования становятся принципы диалога и взаимодействия разных культур в историческом и современном контексте, развитие толерантности и культуры межэтнических отношений, формирование умений общаться и сотрудничать с людьми разных национальностей, вероисповеданий, социальных групп. Толерантное отношение к другому предполагает: понимание естественности и неизбежности различий между людьми и готовность уважать эти различия [3]. При этом толерантность не предполагает безусловное принятие того, что человеку неприемлемо, а подразумевает рефлексивную позицию в отношении различий, исключение агрессии, ненависти к тому, что ему не нравится.

В последние годы в педагогике самостоятельно оформилось такое направление, как поликультурное образование. Его важной предпосылкой является развитие в России гражданского демократического общества, в котором активно будет разворачиваться борьба с расизмом, шовинизмом, этническим эгоизмом. В самом общем виде цель поликультурного образования состоит в формировании индивида, готового к активной созидательной деятельности в современной поликультурной и многонациональной среде, сохраняющего свою социально-культурную идентичность, стремящегося к пониманию других культур, уважающего иные культурно-этнические общности, умеющего жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас, верований.

Неопределенность социально-экономической ситуации в Российской Федерации и кризис сложившейся системы отношений, высокая степень социальных рисков, отсутствие отчетливых, принимаемых в обществе ориентиров для подрастающего поколения может привести к возрастанию состояния тревожности и неуверенности, что обострит процессы идентификации и группирования. Это, в свою очередь, провоцирует формирование особого отношения к другому как к иному, чуждому, незнакомому, непонятному и порождает потребность в дистанцировании и защите. Вышеизложенные факторы могут способствовать формированию интолерантности и ксенофобии в форме категорического непринятия чужих взглядов, враждебности, ненависти к кому-либо или чему-либо чуждому.

Усилия социальных институтов, направленные в основном на борьбу с явлениями интолерантности, ксенофобии и экстремизма, не приводят к снижению симптоматики, поскольку ориентированы на устранение следствий, а не причин такого поведения. На наш взгляд, предпосылки интолерантности стоит искать задолго до её публичного проявления. Они формируются в процессе взросления человека исходя из условий, в которых оно происходит. Предпосылки как толерантных, так и ксенофобических установок в значительной степени оформляются в подростковом возрасте, все четче проявляясь на фоне формирования самосознания и системы самостоятельных взглядов. Характерной особенностью этого периода является повышенная конфликтность (Березин, Лисецкий, 1996; Первышева, 1989; Скутина, 2008; Raffaelli, 1997; и др), неуправляемость, категоричность, а также выстраивание межличностных отношений по логике «свои-чужие» [6]. Это, в свою очередь, часто ведет к проявлению нетерпимости, интолерантности в общении, обострению взаимоотношений и, как следствие, повышенной агрессивности по отношению к сверстникам, которые по тем или иным признакам причисляются к чужим. В данный возрастной период собственная позиция подростка еще недостаточно устойчива и формирующиеся социальные установки могут быть скорректированы педагогами и психологами через актуализацию необходимых психических ресурсов. При этом на сегодняшний день индивидуальные психологические механизмы формирования интолерантности недостаточно определены.

На наш взгляд, в наиболее обобщенном виде социально-психологическая концепция факторов интолерантности может быть представлена как учитывающая сочетание ресурсов человека: его самочувствие, в том числе и относительно процессов идентификации; интеллектуальных, эмоциональных и коммуникативных, способствующих расширению спектра возможностей осознания происходящих событий, их причин и следствий; ценностей и установок, соответствующих активной просоциальной позиции в современном обществе.

Предполагается, что среди факторов риска одним из ключевых выступает интолерантное отношение к себе, приводящее вследствие его тесной генетической взаимосвязи с отношением к другому к межличностной интолерантности и ксенофобии. Сензитивным периодом для формирования личных

смыслов жизни, ресурсов понимания мотивов отношений людей, развития позитивного, субъектного самоотношения как базовой основы позитивного, субъектного отношения к другому выступает подростковый возраст. Позитивное самоотношение снижает уровень тревожности и недоверия к миру, создает предпосылки для принятия себя и другого таким, как есть, т. е. понимания и принятие многообразия индивидуальности других людей как самодостаточных и самоценных. Негативное отношение к себе создает предпосылки для формирования у подростка защитно-оборонительных форм поведения, в том числе и ксенофобии.

Так наши исследования, проведенные на выборке из 160 подростков общеобразовательных школ г. Красноярска, показали, что личностная тревожность значимо коррелирует с интолерантностью и ксенофобией. Сама по себе тревога является лишь эмоцией, изначально незакрепленной за определенным объектом. Направляется страх на объект, на который в какой-то определенный момент была смещена тревога. Иными словами, это смещает тревогу на внешний объект, таким образом предотвращая нежелательные мысли и чувства, достигающие осознания. Так человек, который воспринимается как чужой, становится объектом фобии, т. е. трансформируется в фобический объект во внутреннем мире человека [10].

По результатам, полученным с помощью опросника выявления уровня ксенофобии Е.Н. Юрасовой и специально сконструированных незавершенных предложений, направленных на выявление признаков ксенофобии в подростковом возрасте, исследуемая выборка была разделена на три группы, исходя из уровня выраженности ксенофобии (высокий, средний и низкий уровень). Из 100 % исследуемых 46,5 % показали высокий уровень, 18,5 % – средний уровень и 35 % – низкий уровень ксенофобии (рис. 1).

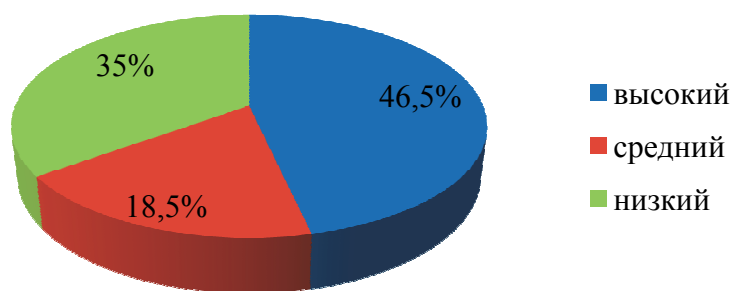

Рис. 1. Процентное распределение уровня ксенофобии у всей выборки респондентов

Также представлялось закономерным предположить, что респонденты с имеющимися признаками ксенофобии с наибольшей вероятностью обладают высоким уровнем личностной тревожности. По результатам, полученным с помощью шкалы оценки уровня личностной тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина, обнаружилось, что 33 % респондентов имеют высокий уровень

личностной тревожности, 49 % – средний уровень личностной тревожности, 18 % – низкий уровень личностной тревожности (рис. 2).

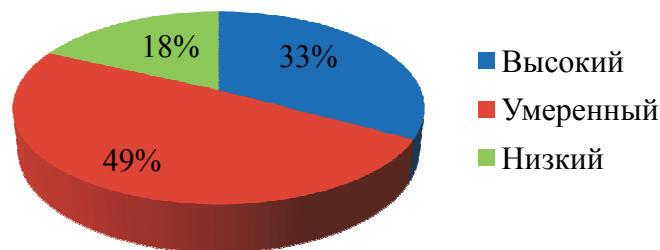

Рис. 2. Процентное распределение уровня личностной тревожности у всей выборки респондентов

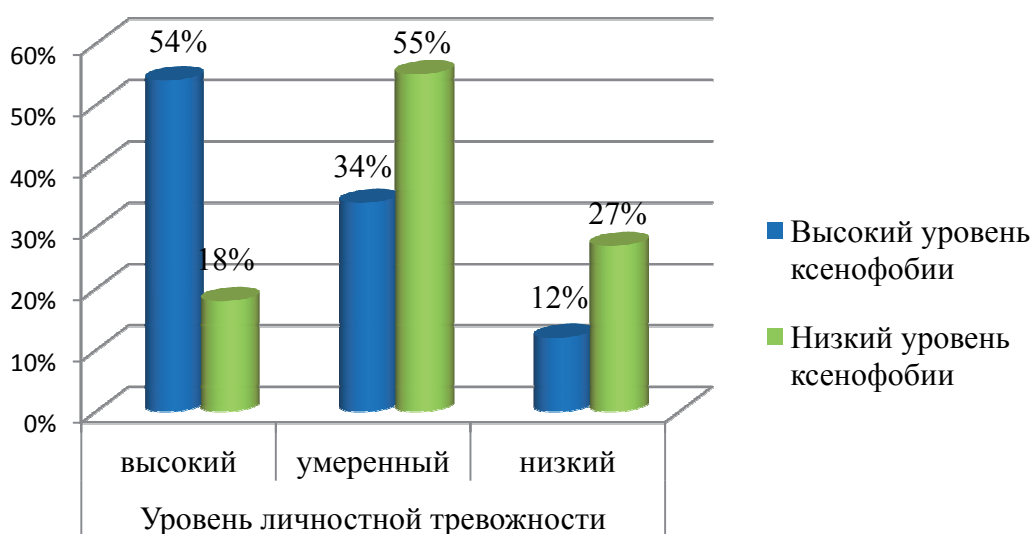

Рис. 3. Процентное распределение уровней ксенофобии в группе респондентов с различным уровнем личностной тревожности

На рис. 3 представлено соотношение уровня личностной тревожности и ксенофобии у всей выборки. При высоком уровне личностной тревожности мы видим 54 % от всей выборки респондентов с высоким уровнем ксенофобии и лишь 18 % – от всей выборки с низким уровнем ксенофобии.

Идеи о связи самосознания человека в аспектах идентичности (личностной и социальной), Я-концепции как исходном индивидуально-психологическом условии толерантного отношения к другому отражены в психологических исследованиях толерантности Братченко (2003), Кожухарь (2006), Лебедева, Леонтьев (2009), Солдатовой (2000) и др.

Так Д. А. Леонтьев выделяет позитивную идентичность в функциональной структуре толерантного/интолерантного поведения среди переменных, играющих роль внутренних барьеров, препятствующих отреагированию внутреннего напряжения в интолерантных реакциях: «Речь идёт о таком образе себя, который не порождает необходимости самооправдания или самоутверждения за

счёт других» [5]. «Толерантная позиция характерна для сильной, зрелой личности или культуры, имеющей опору в самой себе и не видящей угрозы для себя в том, что другие люди, – пишет он, – социальные группы или культуры придерживаются иных взглядов и ценностей; слабую личность или культуру это обстоятельство пугает – из чего и вырастает интолерантное отношение» [5].

Аналогично показано, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а утрата этой идентичности – к нетерпимости и экстремизму. В частности, Н. М. Лебедева, опираясь на работы Дж. Берри и М. Плизента, показывает, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности и связана с отсутствием негативного отношения к иной культуре, наличием её позитивного образа при сохранении позитивного восприятия своей собственной [4].

Для определения межличностной толерантности подростков использовалась методика диагностики общей коммуникативной толерантности В. В. Бойко, выявляющая толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения. Самоотношение и его отдельные аспекты измерялись при помощи опросника самоотношения ОСО (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев). Для выявления ксенофобических тенденций подростков нами были разработаны: опросник ксенофобических проявлений в поведении подростка (Е. Ю. Федоренко), предназначенный для заполнения учителем, на основе опыта регулярного наблюдения за конкретным подростком; методика проективного рассказа «Чужой новенький в классе» (Т. В. Скутина), призванная выявить ксенофобические тенденции на уровне априорных представлений установочного характера [10].

Исследования показали наличие значимых корреляций межличностной толерантности с такими аспектами самоотношения, как самоуважение и самопринятие. Связь коммуникативной толерантности с аутосимпатией оказалась более присущей девочкам. В то время как значимые связи с саморукотворством более выражены у мальчиков [10].

Выше мы упоминали о том, что еще одной причиной интолерантного, ксенофобического отношения являются предубеждения или негативные установки по отношению к группе и ее отдельным членам, основанные на неверных обобщениях, часто не содержащих личного опыта предубеждениях. Когнитивным компонентом предрассудка является стереотип – чрезмерно обобщенный, упрощенный и устойчивый к новой информации образ. Стереотипы основаны на логической ошибке, допускающей, что различия между людьми внутри группы меньше, чем между людьми, принадлежащими к разным группам.

Детский возраст обладает высокой сензитивностью к формированию позитивных установок в межкультурном общении и развитию межкультурной компетентности. Особенности межэтнического восприятия обусловлены возрастом и социальными условиями развития. Так, дети до 6 лет имеют достаточно размытое представление о своей национальности. И если дошкольники и младшие школьники остаются в большинстве своем непредубежден-

ными, то уже приблизительно к 9–10 годам эмоциональные предпочтения складываются в устойчивые стереотипы. Однако если дети, вынуждены жить в ситуации этнической напряженности, в районах межнациональных и межрелигиозных конфликтов, то они очень рано осознают свою этническую принадлежность и становятся особенно чувствительными к усвоению как позитивных, так и негативных национальных стереотипов. В ситуации отсутствия специально организованных мест для идентификации, особенно в подростковом возрасте (спортивные команды, проекты, инициативные группы и др.), происходит усиление напряжения в области этнического группирования и, как следствие, линии защиты интересов этнической группы. Наши исследования показали, что во многом в основе конфликтов, возникающих среди детей и молодежи в поликультурной среде, выступает не специфика этнической принадлежности, а естественные для этих возрастов стереотипы и предпочтения, не имеющие ничего общего с национальностью (жадный, агрессивный, не аккуратный, врун....). При этом внешняя форма столкновения может эксплуатировать и материал этнической принадлежности.

Проведенные в различных школах фокус-группы с подростками показали, что национальная принадлежность не является основным критерием для выбора друга или врага [9]. По результатам исследования:

- 52 % учащихся утвердительно ответили на вопрос, есть ли у тебя друзья другой национальности.
- 74 % опрошенных считают, что при общении с людьми нужно ориентироваться на их личные качества, а не на национальную принадлежность.
- 89 % считают, что им не важна национальность при выборе друга.
- 91 % не испытывают неприязни по отношению к другим национальностям.
- 76 % испытывает интерес к представителям других национальностей.
- 89 % не испытывают каких-то особых чувств при общении с детьми другой национальности.
- 37 % ответили, что им не важна национальность в выборе будущей супруги (супруга), важными являются личные качества.

Тематика межэтнических конфликтов часто выступает как искусственно приписанная возникшему столкновению или инициированная взрослыми, часто педагогами в школе и еще чаще неосознанно.

Событиям негативного характера, включающим детей разных национальностей приписывается межнациональный контекст.

Соответственно, способы урегулирования сложных ситуаций исходят из собственных установок и детям открывают не соответствующие реальным (возрастным) переживаниям контексты, усиливающие напряжение за счет привнесения особого типа идентификации на основе принадлежности к определенной национальности. Часто у учителей нет средств понимания и собственного поведения в подобных ситуациях, а также способов разрешения возникающих ситуаций, снижающих или не втягивающих национальную основу.

Национальная основа в этих случаях лежит на поверхности и легко актуализируется учителями в условиях множественности национальностей.

Развитие социальных компетентностей участников образовательного процесса позволяет быть чувствительными к материалу коммуникации в целом, эффективным в ситуациях напряжения или конфликта, обладать соответствующим ресурсом для продуктивного разрешения сложных ситуаций, возникающих в школе.

На сегодняшний день одну из основных задач образования мы видим в развитии у субъектов образования, прежде всего педагогов, администраторов школ, важных, на наш взгляд, социальных компетентностей: эмоциональной, конфликтной, правовой, поликультурной, критического мышления, способствующих расширению собственных возможностей осознания происходящих событий и, соответственно, репертуара поведения в образовании. Чем шире возможности осознания и репертуар поведения педагога, тем большими свободами он обладает по отношению к разворачивающимся событиям в школе, особенно касающимся межэтнической коммуникации, тем шире видит контексты отношений и последствия этих отношений, что является крайне важным с точки зрения формирования толерантного отношения к представителям другой культуры.

Важным также является развитие социальных компетентностей не только у педагогов, но и посредством педагогов у всех участников образовательного процесса за счет создания соответствующего уклада школы, в рамках которого важно формировать когнитивные и эмоциональные ресурсы, направленные на возможности осознания и рефлексии, эмоционального принятия и толерантного отношения к другому, не такому как я. Нужно развить просоциальные поликультурные установки ребенка, создающие условия активного участия в действиях против культурной агрессии за принятие представителей других культур.

В этом контексте важным становится развитие ресурсов самопринятия, самоуважения; создание специальных условий и формирование понимания, что групповая принадлежность изменяется в зависимости от контекста коммуникации. Условия образования должны способствовать выявлению культурных сходств между представителями различных культурных групп, расширению рамок собственной групповой принадлежности.

Таким образом, в условиях поликультурного общества возникает необходимость обратить внимание не только на содержание конкретных предметов, отдельных тем, специально задаваемых для дискуссий, в разных возрастах, но и стиль жизнедеятельности школы, явные или неявные нормы и правила взаимодействия между субъектами образовательного процесса, во многом определяющие социальную позицию ребенка, характер его идентификационных процессов. Развитие социальных компетентностей педагогов и, как следствие, детей приводит к изменению системы отношений в школе, создает основу доброжелательного и корректного отношения к ученикам во всех ситуациях. Социальная компетентность является ресурсом для видения человека, а не представителя какой-то группы или национальности.

Образовательное пространство в первую очередь должно решать задачи возрастного и вневозрастного развития подростка и задавать такую ситуацию развития, которая провоцирует, вызывает на преодоление, возвращает подростку положительное самочувствие, т. е., в рамках такого пространства существуют специально организованные «места», позволяющие осуществлять пробы, возвращающие ответственность, связанные с внешней оценкой, организующие становление авторского действия. Описание модели образовательного пространства как пространства развития представлены в работе И. Д. Фрумина и Б. Д. Эльконина [11].

Пространство школы, выстроенное неадекватно возрастным задачам взросления, построения собственного образа «Я», является «выталкивающим», провоцирующим ксенофобию, экстремизм как суррогатные формы «фетишного», внешне атрибутивного, бессодержательного построения «взрослого» поведения.

Список литературы

1. Березин С. В., Лисецкий К. С. Личностно-развивающий потенциал подростковых конфликтов // Вестник СамГУ. Сер. Психология. Самара, 1996. № 1.
2. Братченко С. Л. Психологические основания исследования толерантности в образовании // Педагогика развития: материалы 9-й науч.-практ. конф. Красноярск, 2002 г. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. С. 104 – 117.
3. Кожухарь Г. С. Проблема толерантности в межличностном общении. Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 3–12.
4. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 10–35.
5. Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии, 2009. № 5. С. 3–16.
6. Пенькова В. Н. Отношение к «своим» и «чужим» в подростковом и раннем юношеском возрастах : автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
7. Первышева Е. В. Межличностный конфликт как фактор социализации старших подростков: дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
8. Столин В. В., Пантлеев С. Р. Опросник самооотношения // Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы. М., 1988. С. 123–130.
9. Федоренко Е. Ю. Развитие социальных компетентностей участников образования в условиях многонациональной школы: материалы 1 международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы образования в XXI веке». Ставрополь, 2012. С. 54–57.
10. Федоренко Е. Ю., Скутина Т. В., Калиновская К. С., Потапова Е. В. Связь ксенофобических тенденций, коммуникативной толерантности и самооотношения в подростковом возрасте // Психология обучения. М., 2015. № 02. С. 69–86.
11. Фрумин И. Д., Эльконин Б. Д. Образовательное пространство как пространство развития (школа взросления) // Вопросы психологии, 1993. № 1. С. 24.

Секция 5

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЯЗЫК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.
ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения проблем, связанных с адаптацией трудовых мигрантов в принимающем обществе, что имеет важное социальное, экономическое, политическое и культурное значение для современного российского общества вообще и Республики Татарстан в частности. Обращение к исследованию женщин-мигрантов связано с фиксируемыми процессами феминизации миграционных потоков, увеличением количества женщин-мигрантов в общей структуре населения Республики Татарстан. Возрастает потребность в изучении адаптационных стратегий мигрантов, а также трудностей, связанных с их вхождением в новую культурную среду. Цель проведенного исследования заключается в анализе лингвокультурных компетенций женщин-мигрантов в Республике Татарстан. Анализируемые материалы были получены с использованием методов массового социологического опроса, а также биографического и полуструктурированного интервью. В результате систематизации полученных данных были проанализированы лингвокультурные компетенции женщин-мигрантов в отношении русского и татарского языков, рассмотрены установки женщин-мигрантов на повышение собственной лингвокультурной компетенции, выявлено влияние лингвокультурных ориентаций на процесс адаптации женщин-мигрантов в принимающем обществе. Был сделан вывод о влиянии лингвокультурной компетенции женщин мигрантов на характер их социальных контактов и успешность адаптации в принимающем обществе. Материалы статьи могут быть полезными для этнологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы миграционной политики и межэтнического взаимодействия.

Трудовая миграция имеет исключительное экономическое, социальное, политическое и культурное значение в современном мире. Транспортная доступность, развитие капиталистических отношений и открытость границ стали условиями реализации права каждого человека на свободу передвижения и изменение своего жизненного уклада. Сегодня трудовая миграция выступа-

ет одним из главных каналов социальной мобильности. Миграционные процессы занимают одну из центральных позиций в повестке дня государственной политики, средств массовой информации, академических симпозиумов. Миграция стала не только частью повседневной и профессиональной жизни людей, но и сформировала широкий спектр волнующих и часть проблемных вопросов, исследование и решение которых представляется перспективным. Долгое время считалось, что на заработки приезжают только мужчины, а женщины остаются «вторичными» или зависимыми мигрантами [1]. *В восприятии принимающего большинства портрет среднестатистического мигранта рисуется исключительно в мужском образе. Долгое время женщины-мигранты воспринимались как «невидимые работники».* Обращение к исследованию женщин-мигрантов связано с трансформацией структуры миграционных потоков: если несколько лет назад на заработки действительно приезжали преимущественно мужчины, то за последние годы число женщин – трудовых мигрантов значительно возросло.

По оценкам экспертов, женщины составляют 25–30 % среди трудовых мигрантов, т.е. около 1,5–2 млн. чел. [2]. В основном это выходцы из стран ближнего зарубежья и бывшего СССР: государства СНГ доминируют в структуре стран происхождения мигрантов (около $\frac{3}{4}$ всей трудовой миграции в Россию) [3]. Согласно данным Центра миграционных исследований в 2010 году, 30,2 % женщин приехали из Узбекистана, 9,0 % – из Казахстана, 13 % – из Киргизии, 14 % – из Китая, 13 % – из Украины [4]. Работающие в России женщины принадлежат к наиболее экономически активной возрастной группе от 20 до 50 лет [5]. Множество исследований посвящено причинам и формам трудовой миграции женщин, а также ее последствиям и рискам, с которыми связана смена места жительства и гражданского статуса. Говоря о трудностях, связанных с миграцией женщин, исследователи обращают особое внимание на торговлю людьми, трудовое рабство, физическое насилие, унижение и дискриминацию [6]. Кроме того, женщины, покидая свою страну, сталкиваются с проблемами потери карьеры и пенсионного обеспечения, эмоционального отчуждения от родственников и распада семьи [7]. Поскольку миграция, в том числе трудовая и женская, существует не только в легальной, но и в нелегальной/полулегальной формах, ее исследование затруднено: простой статистический подсчет числа мигранток и описание их основных социально-демографических характеристик (возраст, семейное положение, уровень образования и др.) иногда невозможны [8]. Несмотря на активную жизненную стратегию – выбор в пользу миграции, трудоустройство, (часто) независимая жизнь вдали от семьи, большинство мигранток особенно из стран Центральной Азии и Кавказа придерживаются традиционных взглядов на семью и гендерные роли. Процесс феминизации миграционных потоков можно рассматривать как определенный вызов принимающей стороне, поскольку женская миграция сопровождается рядом факторов (например, более высокая доля неофициальной занятости,

этнокультурные практики), которые могут повлиять на структуру самого общества.

Исследование основывается на методологических принципах полипарадигмального подхода. В контексте нашего исследования базовыми являются два положения теории Ф. Барта: во-первых, вывод о том, что определителем для членства в группе становятся социально задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не «объективно» существующие культурные различия. Во-вторых, этнические категории как при самой идентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые. *Работа основана на анализе эмпирических материалов, собранных в 2013–2014 годах. Сбор информации проводился в основном методами наблюдения, полуструктурированного и биографического интервью. Также привлекались результаты массового опроса среди женщин – представительниц диаспор. Подача полученного материала основывается на принципах так называемого «плотного описания» (thickdescription), т. е. варианта анализа, который производится в терминах самих информантов.* В рамках исследования было опрошено 300 женщин-мигрантов из числа узбекского, киргизского, азербайджанского и таджикского населения Республики Татарстан. Было проведено 20 интервью с представительницами диаспор. Опрошенные были разбиты на две возрастные группы – от 18 до 30 лет (50,7 %) и от 31 года до 50 лет (49,3 %). Половина респондентов киргизской национальности еще не состоят в браке, 25 % находятся в браке, зарегистрированном только законным образом, еще 25 % в браке, зарегистрированном в ЗАГСе и оформленном по религиозным канонам. Большинство опрошенных из числа азербайджанского населения состоят в браке, оформленном как по закону, так и по религиозным догматам. Что касается представительниц таджикской и узбекской национальности, то для них характерно сравнительно большее число браков, заключенных исключительно на религиозной основе. Факт нахождения в браке, не зарегистрированном законным образом, подтвердили 15 % таджичек и 25 % узбечек. Для сравнения: у азербайджанок эта цифра составляет 5 %, а у киргизок равняется нулю. Ни одна из опрошенных не отметила, что состоит в религиозном браке. Стоит заметить, что развод не является характерным явлением ни для одной из опрошенных групп: число разведенных женщин не превышает 5 % в рамках каждой из национальностей.

С точки зрения лингвокультурной компетенции опрошенных наибольшие трудности с адаптацией в принимающем обществе испытывают мигранты-узбечки. Они демонстрируют низкий уровень владения русским языком, что в сочетании с высоким уровнем внутригрупповой консолидации обуславливает проблемы при взаимодействии с представителями принимающего населения. Количество женщин-мигрантов, испытывающих про-

блемы в общении с местным населением, не зависит от длительности пребывания в республике и примерно одинаково в группах, проживающих на территории республики менее 5 лет, от 5 до 10 лет и более 10 лет, что говорит о низком адаптационном потенциале среди изучаемых групп и отсутствии потребности в межэтнической коммуникации. Большинство женщин-мигрантов ориентированы на занятие низкоквалифицированными видами трудовой деятельности и не испытывают потребности в повышении лингвистической компетенции в области русского языка. Более успешные стратегии адаптации демонстрируют женщины-азербайджанки, что выражается в лучшем знании ими русского и татарского языков, выраженной ориентации на изучение детьми языков принимающего сообщества, а также сравнительно небольшом уровне социальной дистанции по отношению к представителям местного населения (татарам). Женщины-мигранты, слабо владеющие русским и татарским языками, отмечают, что в случае необходимости взаимодействия с представителями местного населения прибегают в первую очередь к помощи ближайших родственников, что свидетельствует об ограниченности социальных контактов респондентов в основном семейном кругу. Несмотря на декларируемый высокий уровень владения языками принимающего населения, для большинства респондентов характерны ориентация на общение на национальном языке, низкий уровень лингвистической компетенции в отношении языков принимающего населения, а высказываемое желание усовершенствовать знания в области русского и татарского языков носит в большей степени декларативный характер. Сложившаяся в лингвистической сфере ситуация препятствует успешной адаптации женщин-мигрантов и создает предпосылки для ограничения их социальных контактов рамками этнического сообщества.

Список литературы

1. Тюрюканова Е. Трудовая миграция женщин из России: легальные и нелегальные формы. М., 2000. Режим доступа: http://special.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_billeins/25626.
2. Илимбетова А. А. Женщины-мигранты на российском рынке труда // Вестник алтайской академии экономики и права, 2013. № 2. С. 25–29.
3. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: Макс-Пресс, 2011. С. 16.
4. Абашин С. Экономические мигранты из Центральной Азии: исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей. СПб., 2007–2008. С. 25–29.

5. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: Макс-Пресс, 2011. С 119.

6. Корчагин А. Г. Миграционная политика в решении миграционных проблем в России // Право и политика, 2010. № 6. С. 1063–1071.

7. Гришунина Е. В. Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций // Консультативная психология и психотерапия, 2011. №4. С. 130–152.

8. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки, 2004. № 4. С. 176–190.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РФ И ЯЗЫК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Российская Федерация на сегодняшний день является многонациональным государством, имеющим разнообразный в этническом отношении национальный состав. На территории нашей страны проживает более 160 народов, крупнейшим из которых являются русские (80 % населения страны). Это, на мой взгляд, главная предпосылка того, что русский язык является государственным.

Но это вовсе не означает то, что все граждане РФ обязаны разговаривать друг с другом исключительно на русском. Это значит, что государство общается со своими гражданами, используя государственный язык. Наша конституция написана на русском, представители власти, например, Президент РФ Владимир Путин обращается к россиянам на русском языке [1].

Однако на этой почве возникает одна очень серьезная проблема. Ввиду того, что приток иностранных трудовых мигрантов, а также мигрантов, приезжающих в Россию на постоянное место жительства, активно возобновляется каждый год, между ними и русскими возникают различного рода межэтнические конфликты, носящие националистический характер. Многие русские негативно относятся к приезжим мигрантам, объясняя это тем, что Россия – для русских, и иностранцам здесь места нет. Многие коренные жители РФ считают, что те, кто живет в России, должны говорить только по-русски и соблюдать законы страны.

Я считаю, что это неправильно. Мы, граждане Российской Федерации, должны относиться друг к другу толерантно, уважать национальный язык и культуру других этносов. Русский язык призван быть государственным не для того, чтобы уничтожить национальные языки предков и размыть их культуру, а для того, чтобы сплотить все народы России и предоставить им возможность общаться и понимать друг друга.

Но это не единственная проблема. Русский язык – это один из самых сложных языков в мире. «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей. Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием» (И. С. Тургенев). Я полностью согласна со словами этого великого русского писателя и поэта.

Для иностранцев он сложен своей лексикой и грамматикой, своим произношением и огромным количеством омонимов и паронимов, в нем много

правил и много исключений на них. Именно поэтому наш великий русский язык так сложно дается иностранным гражданам. Нужно потратить несколько лет для его изучения и несколько десятков лет, чтобы свободно научиться на нем говорить.

Также существуют сложности перевода с иностранного языка на русский, поэтому значение некоторых слов иностранными гражданами не понимается и не осмысливается. В свою очередь, изучением русского языка как иностранного занимается достаточно большое количество языковых центров и курсов повышения навыков владения русским языком. Разрабатываются специальные программы, по которым уже в начальной школе дети иностранцев изучают русский язык. Они, конечно, существенно отличаются от программ для детей, у которых русский является родным языком, методиками преподавания [2].

В заключение хочется отметить, что Россия со своим русским языком делает очень многое для приезжающих мигрантов. Она предоставляет им возможность получить образование, овладеть русским языком и проживать на территории РФ полноценными гражданами. По этому поводу у меня есть некоторые идеи о том, как привить любовь к русскому языку иностранным гражданам. Я думаю, можно проводить различного рода фестивали или выставки, посвященные приобщению мигрантов к культуре России через музыку, искусство и литературу. Это можно сделать в формате знакомства с именами таких великих людей, как Виктор Цой, Василий Иванович Суриков, Сергей Есенин. Таким образом, мы готовы будем поделиться своим культурным наследием, рассказать о наших героях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М.: Эксмо, 2013. 63 с.
2. Лексическая сочетаемость в теории и практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Режим доступа: // rki-site.ru.

Косолапова Татьяна Сергеевна

г. Красноярск,

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

ПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОГО ЯЗЫКОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-ИНОФОНОВ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

Возрастающая интернационализация контингента учащихся начальной школы привела в настоящее время к увеличению числа классов с полиэтническим составом учащихся, многие из которых слабо владеют русским языком. Данный процесс объясняется социально-экономическими факторами, в частности усилением миграционных процессов между Российской Федерацией и соседними государствами. По наблюдениям ученых-методистов и учителей-практиков дети, для которых русский язык неродной, испытывают значительные трудности при освоении основных образовательных программ, так как низкий уровень владения русским языком сказывается на качестве и темпе освоения материала по всем учебным дисциплинам [1].

Для школьников-инофонов русский язык – это язык, на котором осуществляется образовательный процесс: язык общения учителя с учениками, язык учебников. Русский язык является для учеников средством получения знаний, орудием мышления, инструментом познания [1]. Многие исследователи отмечают низкий уровень языковой готовности младших школьников-инофонов к изучению таких учебных дисциплин, как «Математика», «Информатика», «Естествознание», «Окружающий мир». В условиях полиэтнического обучения у младших школьников-инофонов затруднено формирование предметных компетенций, предусмотренных ФГОС НОО [2]. Данные эксперимента, который был проведен на базе 2 класса МБОУ СОШ № 97 г. Красноярска, подтверждают низкий уровень языковой готовности младших школьников-инофонов к изучению дисциплины «Окружающий мир», в частности по лексико-синтаксическому критерию [3].

Для успешного обучения учащегося-инофона по дисциплинам нефилологического цикла необходимо проектировать индивидуальную образовательную траекторию внутри каждого предмета. Так, для дисциплины «Окружающий мир» это может быть комплексное языковое сопровождение, которое должно включать пропедевтическую работу над лексическим материалом конкретной темы, привлечение адаптированных текстовых материалов, сопряженных с основным учебником, и индивидуальных заданий для контроля знаний и компетенций младшего школьника-инофона во время урока, при

выполнении которых он мог бы использовать фоновые знания по истории, географии и культуре того региона, из которого мигрировала его семья.

Для реализации комплексного языкового сопровождения данной группы учащихся была подготовлена программа, которая направлена на формирование языковой готовности младших школьников-инофонов для освоения отдельных тем предметной области «Окружающий мир» в 3 классе.

Были определены задачи программы: способствовать усвоению тематической лексики, программного материала по окружающему миру, осуществлению учебной коммуникации по теме.

Следующим этапом нашей работы было выделение основных этапов занятий, определение содержания каждого этапа и подбор соответствующих упражнений.

Программа занятий включает три этапа: подготовительный (пропедевтический) этап направлен на обогащение словарного запаса учащихся-инофонов лексикой, необходимой для конкретной темы; лексико-синтаксический этап направлен на усвоение материала темы через работу с адаптированными текстами; коммуникативный этап предполагает выполнение индивидуальных заданий на основе коммуникации школьника с учителем и другими учащимися класса, позволяющее проверить, что тема действительно освоена.

Подготовительный (лексический) этап включал в себя семантизацию с использованием наглядного материала (показом картинок и работой по ним), усвоение младшими школьниками-инофонами лексики каждой темы на основе выполнения следующих заданий: работа со словарем (учащиеся должны найти и выписать определения слов, предложенных учителем); работа с неоконченными предложениями; работа с картинками на определение соответствия.

В качестве примера можно рассмотреть ход лексической работы по теме «Степи. Растительный мир»:

На подготовительном (лексическом) этапе происходит знакомство учащихся с лексикой, необходимой для усвоения темы. Учитель проводит семантизацию необходимой лексики в ходе беседы: «Вы знаете, что такое горы? Но есть и такие места, где гор нет. А как вы понимаете слово «ровный»? Ровная, без высоких холмов земная поверхность называется равниной». Учащимся даются картинки с изображением равнины. Для определения слова «степь» их вниманию предлагаются две картинки: равнина с деревьями и степь, которые они должны сравнить. Понимание достигается через активизацию внимания школьников к отличительным чертам данных природных зон. «Посмотрите внимательно на картинки. Что их объединяет? Чем они отличаются? А что растет там, где деревьев нет? Равнина, покрытая травянистой растительностью, называется степью. Только кое-где редко-редко по берегам рек можно увидеть группы деревьев. Степи славятся своими высокими травами. Здесь много тепла, стоит длинное жаркое, сухое лето. Зима холодная со снегопадами. Влаги вполне хватает для бурного роста травянистых растений, но недостаточно для развития деревьев. В степной зоне самые плодородные поч-

вы, которые называются чернозёмы». Таким образом, учитель переходит к введению следующего термина данной тематической группы. Показывает картинку чернозёма. «Это почва луговых степей, темного цвета и, как мы уже отметили, отличающаяся высоким плодородием». После чего знакомит учащихся с растениями степи. «В степи встречаются раннецветущие растения: тюльпаны, ветреницы, гусиный лук, маки». Данное сообщение сопровождается показом картинок этих растений. Младшие школьники совместно с учителем выделяют отличительные особенности этих растений. «К концу весны степь покрывают серо-зеленые травянистые растения: шалфей, ковыль, типчак, полынь. Они засухоустойчивые. Как вы понимаете это понятие? Это сложное слово, состоящее из двух слов. Каким словосочетанием можно заменить это слово? Значит, эти растения устойчивы перед засухой, они могут долгое время обходиться без влаги».

С целью усвоения детьми лексики этой темы учитель предлагает три группы заданий: обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой для нахождения определений ряда лексем (равнина, степь, чернозем, тюльпан, ветреница, гусиный лук, мак, засухоустойчивый); вставить подходящие по смыслу слова в предложения (Степь – это бескрайняя ....., покрытая травянистой растительностью. Самые плодородные почвы называются ..... . Растения, способные долгое время обходиться без воды, называются ..... .); соединить изображения растений с их названиями.

Такая структура лексической работы может позволить подготовить ученика к восприятию материала темы.

Построение программы комплексного языкового сопровождения основано на учете языковых проблем учащихся, выявленных в ходе констатирующего эксперимента, и принципе межпредметных связей в организации учебного процесса конкретной учебной дисциплины. Совершая языковые операции, ученик осваивает программу дисциплины «Окружающий мир» и, наоборот, в процессе познавательной деятельности по дисциплине учащийся развивает лингвистическую и коммуникативную компетенции.

Список литературы

1. Сухушина Е. И. К проблеме обучения младших школьников русскому языку в полиэтническом классе // Научно-педагогическое обозрение, 2015.
2. Анализ типичных затруднений детей-инофонов при освоении предметных областей «Математика и информатика», «Обществознание и естествознание (окружающий мир)». Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/45546.html>.
3. Новая наука: от идеи к результату // Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (29 сентября 2015 года, г. Стерлитамак). Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 27–29.

Мартыненко Анна Сергеевна, Юденко Юлия Романовна

г. Красноярск,

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-ИНОФОНОВ

В современных условиях миграции число классов с полиэтническим составом учащихся возросло. Особенно большую группу детей-инофонов составляют представители народов Кавказа и Средней Азии (дагестанцы, азербайджанцы, киргизы). По наблюдениям ученых-методистов и учителей-практиков большая часть детей-инофонов слабо владеет русским языком.

Поскольку младшие школьники-инофоны включены в обучение русскоязычной школы, то решение большинства возникающих проблем в обучении и адаптации возлагается на учителя начальной школы. Учитель решает задачу выравнивания и развития учеников-инофонов с целью их социализации, создает на уроках в начальной школе условия для выражения ребенком своей языковой индивидуальности и реализации творческих способностей, которые необходимы для развития познавательного интереса.

Для определения уровня общего владения русским языком младших школьников-инофонов было проведено исследование 12 учащихся первых классов на базе МБОУ СОШ № 62 г. Красноярска. В ходе эксперимента были использованы материалы О. Н. Каленковой и Т. Л. Феоктистовой для тестирования детей-инофонов по русскому языку [2].

Результаты данного исследования показали, что самые низкие показатели у младших школьников-инофонов при решении субтестов по аудированию и говорению. Это объясняется прежде всего тем, что школьники-инофоны не способны адекватно оценить ситуацию на слух, так как уровень соблюдения орфоэпических норм значительно отличается от произношения носителей языка.

Проблема недостаточного владения русским языком является главной и «накладывает отпечаток» на процессе обучения в целом. Интерес к предмету является одним из факторов, влияющих на качество его усвоения. Чем выше у детей-инофонов уровень интереса к учебной дисциплине, тем выше качество усвоения знаний.

Для установления направленности интереса учащихся к отдельным учебным дисциплинам мы использовали методику Г.И Щукиной «Конверты». Результаты применения методики позволили нам сделать вывод о том, что у детей низкий уровень интереса к предмету «Русский язык».

Сопоставив результаты определения общего уровня владения русским языком и методики «Конверты», мы можем сказать о том, что существует взаимосвязь между уровнем владения русским языком и уровнем интереса к предмету «Русский язык» у младших школьников-инофонов. Чем выше уровень владения русским языком, тем выше уровень интереса к предмету.

Для повышения уровня владения русским языком была разработана программа «Язык – зеркало души». Данная программа основывается на методе проектов.

Задачи программы: способствовать повышению интереса к урокам русского языка, усвоению программного материала по русскому языку.

Программа подразумевает разработку учащимися под руководством учителя лингвистического проекта о странах, представители которых обучаются в данном классе. Проект основывается на расширении языковых знаний о русском языке на лексическом материале данной темы и обогащении участников знаниями об особенностях языка и культуры разных стран. Представление продукта данного проекта включает устную и письменную формы презентации, способствующие развитию коммуникативных умений учащихся-инофонов.

Концепция программы основана на учете образовательных проблем учащихся, выявленных в ходе констатирующего эксперимента. Мы предполагаем, что, реализовав данную программу, сможем повысить интерес к предмету «Русский язык». Это положительно отразится на общем уровне владения русским языком у младших школьников-инофонов.

Список литературы

1. Гайнбихнер Т. Н. Обогащение словарного запаса младших школьников на уроках русского языка в полиэтнических условиях Севера (на материале ономастической лексики): дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 250 с.

2. Каленкова О. Н., Феоктистова Т. Л. Методические материалы для тестирования детей-инофонов по русскому языку. М.: Издательский дом «Этносфера», 2009. 78 с.

3. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2007.

ПРОГРАММА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

На сегодняшний день разработка и поддержка программ по изучению русского языка как иностранного является актуальной. Иностранцы граждане, приезжая в Российскую Федерацию, сталкиваются с трудностью овладения русским языком. Специальные программы создаются с целью помощи иностранным гражданам в овладении языком.

Почему так важно и необходимо создавать и способствовать развитию программ по изучению русского языка как иностранного?

1. Русский язык сложен для овладения.

Овладение русским языком требует больших умственных усилий. В русском языке много падежей, склонений, времен, которые путают иностранцев. Разработка специальной программы сможет помочь иностранным гражданам эффективнее овладеть языком.

2. Незнание языка собеседника – коммуникативный барьер.

Общение между людьми не представляется возможным, если они разговаривают на разных языках. Между ними возникает языковой барьер. Для того чтобы люди лучше понимали друг друга и могли без усилий достичь взаимопонимания, нужно общаться на одном языке.

3. Иностранец гражданин, не владеющий русским языком, не сможет устроиться на хорошую работу.

Если иностранец свободно не владеет или вообще не разговаривает на русском языке, то он сталкивается с большой трудностью в поиске работы. Все отрасли так или иначе связаны с общением между людьми. Непонимание работником своих должностных обязанностей ставит под сомнение его профессиональную пригодность.

4. Изучение русского языка как иностранного повысит рейтинг страны.

Российская Федерация – это одна из сильнейших мировых держав. Политика государства должна быть направлена на распространение русского языка среди всех жителей страны, будь они коренным населением или приезжими мигрантами.

5. Формы обучения обновляются, поэтому необходимо постоянно модернизировать данную систему образования.

Ничего не стоит на месте. Все течет, все изменяется. Относится это и к формам обучения. При организации учебного процесса необходимо учитывать тот факт, что вместе с российскими студентами в вузах получают об-

разование и иностранные граждане. Иностраный учащийся, желающий не только освоить азы русского языка, но и участвовать в образовательном процессе на русском языке, стать «частицей» российской высшей школы, обязан пройти данный курс вместе с русскими студентами, что, безусловно, соответствует требованиям, предъявляемым Государственным образовательным стандартом РФ [1]. Например, в Сибирском федеральном университете набирают все большую популярность среди преподавателей и студентов электронные курсы. Это доступная и интересная система обучения. Но иностранный гражданин, плохо владеющий русским языком, может столкнуться с трудностями в освоении данной программы.

6. Овладение мигрантами основами языка приведет к увеличению потока миграции на территорию государства.

Российская Федерация обладает огромнейшим территориальным богатством, но это богатство не приносит ни пользы, ни выгоды, так как земли не освоены. Изучение русского языка как иностранного приведет к повышению численности населения страны, а также увеличению рабочей силы.

7. Привлечение иностранных специалистов в важные сферы деятельности.

На сегодняшний день в стране наметилась явная нехватка высококвалифицированных специалистов. Их дефицит заметно тормозит эффективное развитие бизнеса, а также влияет на рост заработной платы. Проблема нехватки высококвалифицированных кадров является одним из факторов, препятствующих развитию экономики. Причем профессионалов не хватает в разных областях, будь то сельское хозяйство, медицина, образование или строительство. Порой приходится приглашать иностранных специалистов, чтобы они обучали отечественных. Если приглашенный специалист будет обучать отечественных специалистов на родном для них языке, процент освоения знаний будет выше.

8. Способствование международному сотрудничеству и укрепление позиций Российской Федерации в мире.

Сегодня развивается система сотрудничества между государствами. Язык – это культура. Чем больше мы изучаем язык какой-либо страны, тем больше углубляемся в ее культуру.

Я считаю, что сегодня перед нами стоит важная проблема не только сохранения, но и способствования развитию русского языка как иностранного. Политика государства в области образования должна быть направлена на поддержку и разработку таких программ.

Список литературы

1. Агеева Ю. В. Адаптация курса «Русский язык и культура речи» для иностранных учащихся. Казань, 2007.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНОФОНАМИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

На сегодняшний день в Российской Федерации по официальным данным насчитывается 10,4 млн мигрантов, а треть из них не владеют русским языком. Данные цифры свидетельствуют о необходимости работы по преподаванию русского языка для не владеющих им детей-мигрантов. В связи с этим необходимо выработать определенную методику обучения русскому языку как иностранному, которая будет представлять собой самостоятельную педагогическую дисциплину о законах и правилах обучения языку и способах овладения языком, а также об особенностях образования и воспитания средствами языка.

По данной проблеме ведется работа различных отечественных и зарубежных специалистов, таких как Н. Л. Федотова, Н. С. Власова, И. В. Калита, А. А. Акишина, О. Е. Каган, Рафал Чахор, Н. И. Гез, И. Л. Бим, В. В. Сафонова, Дж. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймз, Д. Равен.

Описание русского языка с целью его преподавания иностранцам – отдельная отрасль педагогической грамматики с определенными особенностями.

История преподавания русского языка как иностранного в России насчитывает более 1000 лет. Периоды и этапы развития методики отражают изменения, происходящие в общественной, политической и социально-экономической жизни России и существенным образом влияющие на процессы образования, воспитания и обучения.

Изучение русского языка иностранцами стало актуальным вскоре после образования Киевской Руси и выхода Русского государства на международную арену, причем в Юго-Восточном и Западном регионах Европы [1].

В современный период актуальность данной проблемы не изменилась, а стала еще острее, особенно для школ РФ. Это связано с детьми, не владеющими русским языком, с которыми сталкиваются учителя начальных классов. Именно они первыми в школе принимают в своих стенах таких детей. Порой в первый класс поступает ребенок, не владеющий государственным языком России. Первоочередная проблема данного учителя – обучить такого ребенка читать, писать и общаться на русском языке. В связи с этим многие педагоги стали выработать свою систему обучения. Примером может служить работа учителя начальных классов ГОУ СОШ № 385 Красносельского района г. Санкт-Петербурга Сорокиной Светланы Александровны.

Она предложила работать с такими детьми в двух направлениях: 1) социальная адаптация (включенность детей в массовые мероприятия класса и школы; посещение кружков на базе школы; проведение классных часов и бесед на темы, связанные с дружбой, толерантностью; оказанию помощи в различных делах; работа с родителями); 2) создание дополнительного методического материала (методика исследования речевого развития; тестовые материалы; ленты для звукового анализа; карточки по чтению; развивающие игры; разработка программы для дополнительных занятий; привлечение электронных пособий) [3].

Именно личность ученика-мигранта (инофона) прежде всего нуждается в защите. Защищенность личности школьника складывается из относительно устойчивого, надситуативного чувства собственного достоинства, свободы, ощущения своей необходимости и значимости в стенах школы, стремления положительно проявить себя, которые должны поддерживаться и стимулироваться педагогическими средствами.

Решение возникающих проблем при обучении детей-инофонов русскому языку возможно только при наличии сотрудничества школы в лице педагогов и психолога, ученика и его родителей.

Залогом успеха обучения детей-инофонов русскому языку является владение русским языком родителей этих детей. Возможность оказать помощь своему ребёнку является важным обстоятельством не только в обучении, но и развитии учащегося.

Сегодня первое место среди методов обучения русскому языку как иностранному принадлежит коммуникативному методу Е.И. Пассова. Его целью является развитие у учащихся умений решать коммуникативные задачи средствами иностранного языка, свободно общаться с его носителями. Таким образом, язык усваивается во время естественного общения, организатором и участником которого является учитель. При этом ученик выполняет роль субъекта этого общения и постоянно должен действовать [2].

Ознакомившись с большинством различных источников, мы выделили основные рекомендации в обучении русскому языку детей-инофонов: 1) печатное слово должно окружать ребёнка: рисунки, плакаты с подписями, распорядок дня, книги. В таком случае устанавливая связь знака со значением, ребёнок начинает усваивать традиционные в новом для него социуме вербальные функции; 2) чтение книг, тем более в образовательном учреждении, должно стать событием, ожиданием, как и ритуал посещения книжного магазина, и не должно быть сведено к пересказу. Привычка вникать в содержание, разбираться в деталях, выстраивать ассоциации – образные, вербальные, обязательно приведёт к положительным результатам; 3) работы над словом, самое очевидное отставание, понижающее осмысленность чтения, лежит в области словаря: следует выучивать по несколько слов каждый день, чередуя этот процесс с написанием, рисованием, лепкой. Расширение словаря связано с личной мотивацией, поэтому работа над словом должна специально органи-

зовываться. Слово нужно употребить в устной и письменной форме, подыскать к нему синонимы, антонимы, например, из словарика, сделать из одного слова несколько слов, найти слова, сходно начинающиеся или заканчивающиеся, и т. д. [4].

В нашей стране накоплен большой педагогический опыт по работе с детьми-инфонами, но, к сожалению, многие педагоги не владеют данными знаниями, что в результате отражается на детях. Для того чтобы минимизировать данный процесс, необходимо студентов, обучающихся в педагогических вузах, знакомить с различными методиками и разработками ученых и учителей-практиков. Это позволит уменьшить проблемные аспекты детей-инфонов, а также увеличить их положительную результативность в изучении русского языка.

Список литературы

1. О преподавании русского языка как иностранного. Режим доступа: <http://www.russianedu.ru/teachrussian/metodics/view/1.html>.

2. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1977. 316 с.

3. Сорокина С. А. Проблемы обучения русскому языку детей мигрантов и пути их решения. Режим доступа: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/raznoe/2012/06/07/problemy-obucheniya-russkomu-yazyku-detey-migrantov-i-puti-ikh>.

4. Ярица Л.И. Обучение чтению на русском языке как неродном: методические рекомендации по чтению // Методики обучения русскому языку детей-инфонов: сборник методических материалов / сост. О. А. Хасанов. Красноярск: КК ИПК РО, 2013. С. 44–52.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Психологические особенности определенного народа, в частности народности, играют весомую роль в процессе формирования методов обучения иностранному языку, так как именно психологические аспекты являются базой для изучения человеком неродного языка. Психология дает методике изучения ценные сведения о памяти, которая считается одним из необходимых условий усвоения языка, психологического и личностного развития человека. Память способна выполнять взаимоисключающие функции: с одной стороны, запоминания и воспроизведения, с другой – забывания. Забывание начинается сразу же после восприятия учебного материала, и если изученный материал не подкреплять повторением, через пять дней в памяти остается 25 % информации. Запоминание окажется успешным при условии включения нового материала в систему уже осмысленных связей, а также если человек ставит перед собой задачу запомнить ту или иную информацию (произвольное запоминание) и использует для этого такие способы, как составление плана, группировка материала.

В обучении неродному языку важно развивать и применять различные виды памяти. В зависимости от того, что и каким образом запоминается и воспроизводится, различают виды памяти, которые представлены в табл. 1 [1].

Таблица 1

Виды памяти, задействованные человеком при изучении иностранного языка

Вид памяти	Краткая характеристика
Моторная	Память на движения и действия
Образная	Память на зрительные и слуховые образы
Словесно-логическая	Память на мысли
Эмоциональная	Память на чувства

Перечисленные виды памяти помогают выработать определенную процедуру и способы изучения русского языка мигрантами. Ассоциативный компонент в запоминании неродного языка позволяет учащемуся сформировать собственную систему. Например, до непосредственного изучения детьми-мигрантами русского языка в школах и учебных заведениях Красноярского

края необходимо определить время для закладывания в мышление ученика образа языка (ассоциативные предметы, цвета, геометрические формы, эмоциональные ощущения при слуховом или зрительном восприятии русского слова). Процесс обучения не должен включать лишь повторяющееся и скучное (в особенности, для детей) запоминание русских слов и правил. Язык существует не только в вербальном пространстве, задача преподавателя – заставить «почувствовать» язык, его ментальность, а также духовность и историчность вкладываемого смысла в каждое слово и предложение. Одним из эффективных способов запоминания иностранного языка является взаимодействие нескольких органов чувств при функционировании процесса запоминания: к примеру, ребёнку предлагается после изучения нового русского слова нарисовать объект (процесс, явление), который это слово обозначает. Немаловажное значение для любого типа обучения имеет дизайн класса, обстановка и окружающие учеников предметы. Ассоциативное мышление позволяет запоминать в разы больше информации, нежели обычное запоминание необходимого материала. Преподаватель обладает всеми возможностями обеспечить правильное ассоциативное мышление у учащихся (руководствуясь, например, темой урока; если тема урока русского языка называется «Фразеологизмы в русском языке», то на стенах и доске могут располагаться соответствующие изображения того или иного крылатого выражения).

По возможности бюджетирования и обеспеченности классами, а также преподавателями образовательных учреждений Красноярского края первые годы учёбы детей-мигрантов желательно начать с объединения их в отдельные классы с целью психологической адаптации учеников не только к новому языку, но и новым организационным формам обучения.

Что касается процесса речевого общения преподавателя и ученика на неродном языке, то психологами предлагается следующая последовательность включения обучаемого в речевое взаимодействие (рис. 1).

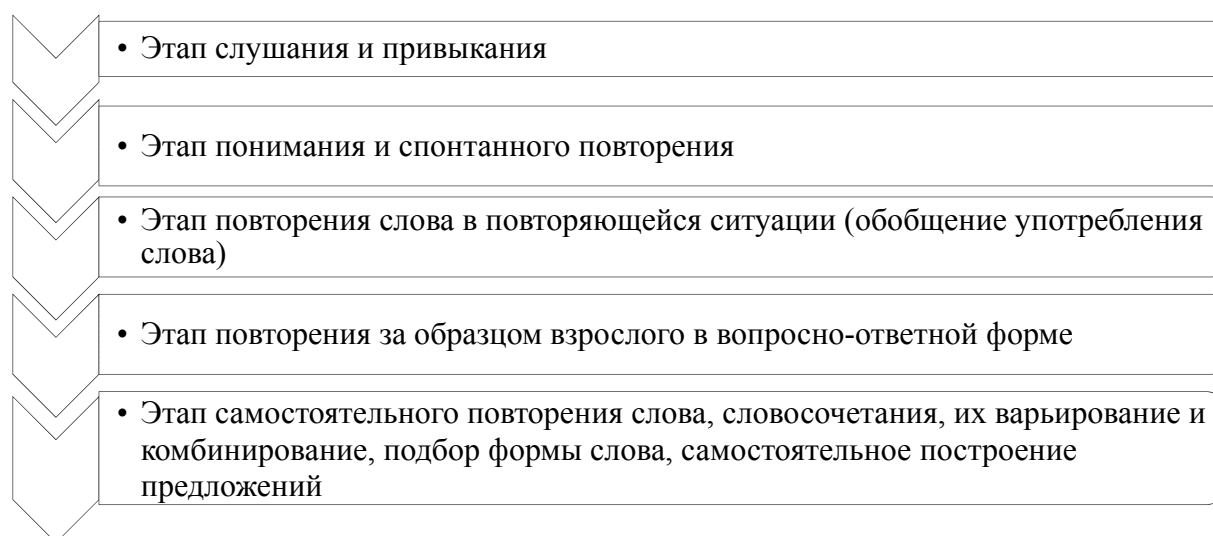

Рис. 1. Процесс включения обучаемого в речевое взаимодействие

Таким образом, развитие общения происходит в результате обобщения, опробования, проверки выделенных закономерностей коммуникации [2]. Однако, по моему мнению, данная схема лишена базы, с помощью которой становится возможным изучение языка, – психологического и эмоционального аспекта. Прежде чем переходить к какому-либо уже выработанному годами этапу изучения иностранного языка, необходимо осознанное понимание этнических особенностей мигрантов, их культуры, морально-этических правил поведения.

Относительно новой научной дисциплиной с точки зрения возрастающего к ней интереса является психолингвистика. Ее оформление в самостоятельную науку в России связано с именами А. А. Леонтьева, А. Р. Лурия, И. А. Зимней и др. В психолингвистике реализуется направленность на проведение комплексных исследований. Психологические данные развивают психолингвистическую теорию в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в контексте биологических и социальных закономерностей функционирования психики человека. Важное место занимают исследования нейрофизиологических механизмов речи. В свою очередь, лингвистика расширяет область психолингвистических исследований, предоставляя факты описания языковых и речевых феноменов, в том числе на материале различных национальных языков, характеризуя их системную организацию и проявления, закономерности развития и изменений [3].

Таким образом, процесс обучения русскому языку как иностранному базируется именно на психологических особенностях функционирования памяти и мышления мигрантов. Поэтому разработка способов и методов обучения русскому языку в образовательных учреждениях не должен носить исключительно технический характер, направленный на безассоциативное и постоянно воспроизводящееся в одинаковом формате запоминание. Формирование методов включает в себя, прежде всего, анализ общих и специфических особенностей психологии ученика, этнических и культурных особенностей восприятия слова и образа.

Список литературы

1. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового: учеб. пособие. 2007. С. 18.
2. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового: учеб. пособие. 2007. С. 19.
3. Дружинин В. Н. Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2001.

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Политизация этничности как перевод этнической идентичности в политическую силу продолжает оставаться одним из наиболее значимых политических процессов в России. Этот процесс носит перманентно конфликтогенный характер, где и как бы он ни протекал. Здесь имеется в виду то, что политизация этничности способна привести к этнополитическому конфликту. А подобные конфронтации деструктивны по своей природе в большинстве случаев и редко несут позитивные изменения [1, с. 115].

В современной науке под политизацией этничности принято понимать превращение этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп [2, с. 2].

Политизации этничности как деструктивному процессу присущи следующие этапы:

- 1) этноконфликтная напряженность – следствие идентификации этничности, разделение общества на «своих» и «чужих»;
- 2) предконфликтная ситуация – формирование этнической гиперидентичности (восприятие «своих» в позитивном цвете), поляризация групповых этнических интересов;
- 3) открытая конфронтация – воинствующий энтузиазм [3].

Мобилизация этнической идентичности по политическому признаку в широком смысле на сегодняшний день способна вызвать массовый протест в России. Здесь имеется в виду активная фаза политизации титульной нации в регионах, где преобладает русское население.

Предпосылками к переходу этнической идентичности в политическое поле будут являться глубокие социальные, геополитические или ценностные трансформации: территориальный передел в государстве, распад его на отдельные суверенные регионы и как, следствие, стирание социальной стратификации, формирование новых элит, новых лидеров общественного мнения. За счет этого происходит и ценностная переориентация. Подобного рода изменения, безусловно, способствуют повышению конфликтности.

В российской истории известны примеры эскалации конфликтов на этнической почве, особенно в 1985–2005 годах. Тогда главной проблемой этнического характера являлся этнический сепаратизм. Под воздействием мощ-

нейших центробежных сил распался СССР, Российская Федерация путем реформ и серьезного административного вмешательства избежала этой участи. Но сегодня сепаратизм сменился ростом этнической напряженности, вплоть до экстремистской ксенофобии [4, с. 3].

Немаловажно учитывать тот факт, что в политизации этничности краеугольным камнем является концепция нации-этноса. Ее суть заключается в том, что основой нации является этническая группа [5, с. 367]. Этнонация понимается как естественная трансформация этноса в нацию, в его высшую ступень развития с точки зрения примордиализма. Эта же концепция и является главной социальной причиной этнической ксенофобии [5, с. 369].

Термин «ксенофобия» имеет греческое происхождение и означает «ненависть к чужому, незнакомому». Феномен ксенофобии в этнополитическом смысле порождается этнической идентификацией, которая неминуемо порождает дихотомию «мы – они». Диапазон ксенофобских настроений весьма широк: от избегания до экстремизма. Из этого следует, что ксенофобия сама по себе значительно способствует появлению конфликтов в обществе, даже в ее наиболее латентном проявлении.

Процесс неконтролируемой миграции, а также низкая ответственность СМИ, раздувающих конфликты, становятся центральными причинами трансформации дихотомии «мы – они» в «мы – добро» – «они – зло». Как следствие, основным объектом ксенофобии выступает «иной, чужой» – мигрант, в качестве которого чаще всего понимается выходец из Кавказа или Средней Азии.

Миграционные процессы на одном конце страны, а также преступность, связанная с мигрантами (не обязательно по этническому признаку), способны вызвать рост ксенофобии совершенно в других, даже в относительно спокойных регионах. Это может поспособствовать активизации организаций крайнего правого толка и взлету преступности на этнической почве уже с жертвами со стороны приезжих.

Здесь опасность представляет объединение мигрантов в общность по этническому признаку. Такие структуры намного легче трансформировать в политическую силу. Начаться это все может с движения за права трудящихся мигрантов, таким образом легитимируясь в глазах некоторой части граждан. Затем наиболее активные из числа мигрантов могут получить российское гражданство, остаться в России и занять высокие позиции в социально-политической иерархии, чтобы помогать соотечественникам без проблем приезжать сюда и работать.

Приведенный мысленный эксперимент демонстрирует тот факт, что каждое последующее действие способно вызвать негативные эмоции у автохтонного населения (русских), вплоть до бури негодования и радикальных мер по борьбе с протекающим явлением. Иными словами, политизация мигрантов также носит в себе значительный конфликтогенный потенциал.

Таким образом, политизация этничности содержит в себе высокий конфликтогенный потенциал, несмотря на редкие открытые конфликты. В боль-

шинстве случаев это постоянная социальная напряженность или латентный конфликт, что сродни бомбе с часовым механизмом. Важно понимать сущность латентных конфликтов и уметь их распознавать, чтобы не допустить взрывоопасных последствий перехода конфликта в открытую форму.

Список литературы

1. Савва Е. В. Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 115–121. Режим доступа: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2012_1/2012_1_CavvaE.pdf.
2. Rothschild J. Ethnopolities: a conceptual framework. New York: Columbia University Press, 1981.
3. Халиман Ж. Н. Механизм политизации этнической составляющей социальной идентичности в условиях этнополитического конфликта // Вологодские чтения. 2006. № 52. С. 65–70. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-politizatsii-etnicheskoy-sostavlyayushey-sotsialnoy-identichnosti-v-usloviyah-etnopoliticheskogo-konflikta>.
4. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года. Режим доступа: <http://club-rrf.ru/thegrapesofwrath/01/thegrapesofwrath01.pdf>.
5. Тишков В. А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2011. 376 с. Режим доступа: http://static.iea.ras.ru/books/Tishkov_etnopolotologiya.pdf.

Секция 6

РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Образование является важнейшей частью культурной системы общества. Красноярский край – один из регионов многонациональной России, где каждый живет в среде разнообразных культур и языков. Для нашего края основными проблемами являются формирование познания культуры собственного народа, осознание многообразия духовного и материального мира, признание и понимание культурных ценностей других народов, умение жить и общаться в поликультурной стране, в глобальном обществе.

В условиях глобализации и всеобщей информатизации происходит сложный процесс взаимопроникновения, переплетения этнических групп, что выдвигает перед педагогами задачу реализации поликультурного образования, формирование у обучающихся опыта сотрудничества с людьми разных национальностей. В связи с этим возникает необходимость воспитания толерантной личности, которая ценит не только родную, но и культуру других народов, готова к диалогу в современном мире.

Таким образом, актуальность и значимость проекта «Поликультурный центр непрерывного образования в Сибирском федеральном университете» для развития системы образования Красноярского края не вызывают сомнений, так как он обоснован вызовами современного общества.

Сибирский регион активно подошел к решению назревших проблем национально-образовательного партнерства в ответ на вызов меняющейся этнокультурной ситуации в мире. Красноярск является одним из наиболее многочисленных по количеству и разнообразию типовых образовательных учреждений, работающих в области этно- и поликультурного образования, решающих задачи национально-культурного образования и воспитания более 70 национальностей. Более 20 образовательных учреждений Красноярска работают в режиме окружных и городских экспериментальных площадок этно- и поликультурной направленности.

Все эти учреждения являются связующим звеном в работе края по созданию системы непрерывного поликультурного образования, удовлетворяющей потребностям обучающихся и их родителей в сохранении национальной самобытности, реализации национально-культурных прав человека.

Изучение этических норм, традиций и обычаев особенно в многонациональном городе выступает решающим условием и важнейшим средством формирования и развития духовной и материальной культуры страны. Прояв-

ление большого интереса к нравственным установкам каждого народа, этническим ценностям, этнокультурным традициям и духовной культуре в целом – залог создания основы доброжелательных отношений, утверждения климата взаимопонимания, духа дружеских, доверительных контактов.

Контингент студентов, обучающихся в СФУ, представлен не только студентами из России, но и из других стран мира. В процессе обучения в вузе поддерживается система «двойных дипломов» с университетами Европы, Азии и Америки. В рамках различных программ обучения и культурного обмена для получения профессионального образования в СФУ приезжают сотни иностранных студентов, а студенты СФУ выезжают за рубеж.

Национально-культурные сообщества, семья, религиозные конфессии явно и многократно усилили свое влияние на формирование молодежи, исходя из собственного понимания новых общественных вызовов и собственных интересов. В то же время образовательная система предопределяет национально-культурные ориентации и гражданское поведение человека с позиций государства как объединяющего социума. В этом случае необходимы новые решения, которые, с одной стороны, учитывали возрождающееся национальное самосознание каждого этноса, а с другой – предлагали бы способы гармонизации интересов самых различных человеческих сообществ.

В число необходимых условий формирования толерантности и профилактики экстремизма входят: признание ценности среды межкультурного общения и диалога; структурирование и институционализация этой среды путем обеспечения деятельности в рамках правового поля граждан, учреждений, организаций, ассоциаций; государственная поддержка равных прав и свобод граждан и их объединений в области культуры, равных условий для поддержания и развития этих культур.

Стратегия Минобрнауки отражает существующую актуальность и необходимость реализации поликультурного образования в среде вуза.

Это обусловлено тем, что происходит расширение международного сотрудничества. Становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Особая роль в этом процессе принадлежит концепции LLL.

Современному обществу требуются не только предприимчивые люди, но и специалисты, способные понимать ценность общечеловеческого достояния культуры. Центром этой системы является человек, который воспитывается и развивается в поликультурном пространстве. Наблюдающийся в последние годы резкий подъем национального самосознания, стремление к этнокультурной самоидентификации обуславливают огромный интерес народов как к своей национальной культуре, так и к культуре народов ближайшего и отдаленного национального окружения.

В среде вуза вопросы национального самосознания, взаимоотношений этносов выходят на новый уровень, определяющий равнодействующую процессов централизации и децентрализации в обществе в целом. Формирование

межкультурной компетенции у студентов является важной задачей профессионального обучения в высшей школе вне зависимости от профиля обучения [2].

Поддержка модернизации высшего образования в России, предоставление возможности вузам играть ключевую роль в реализации непрерывного образования по таким областям, как миграция, межкультурное образование, права человека, повышение уровня толерантности по отношению к мигрантам и представителям этнических меньшинств являются задачами проекта ALLMEET, участником которого является ИППС СФУ.

Проект осуществляется консорциумом четырех европейских и шести российских вузов. В состав консорциума входят ее координатор Болонский университет (Италия), Новый Лиссабонский университет г. Лиссабон (Португалия), Университет Глазго (Великобритания), Европейский центр оценки образования inHolland (Нидерланды). Российскую сторону в проекте представляют три федеральных университета: Казанский федеральный университет, Сибирский федеральный университет и Северный (Арктический) федеральный университет, а также Марийский государственный университет, Институт психологии и педагогики профессионального образования РАО, Московский государственный городской педагогический университет, молодежная общественная организация Республики Татарстан Центр развития добровольчества «Волонтер». Проект «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (сокр.ALLMEET) нацелен на развитие непрерывного образования, направленного на формирование мультикультурализма в образовании и толерантности в России, создание молодежного поликультурного центра.

Межкультурный характер образовательного процесса в вузе обуславливает необходимость практического применения приобретаемых знаний и навыков межкультурного взаимодействия непосредственно в процессе обучения. Низкий уровень сформированности межкультурной компетенции студентов затрудняет не только межкультурное взаимодействие участников образования, но и взаимопроникновение и взаимовлияние культур, тем самым оказывая негативное влияние на процесс интеграции.

Создание молодежного поликультурного центра на базе ИППС ФСУ на сегодняшний момент поможет не просто решить проблему интолерантного отношения среди обучающихся университета, но и организовать бесценный обмен опытом между студентами разных национальностей. Это является основой формирования межкультурной компетенции и субъектной позиции студента в период обучения в вузе для планирования образовательной траектории как основы образования в течение всей жизни.

Поликультурный центр непрерывного образования организован в 2015 году как структурное подразделение Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» для создания единого этнокультурного образовательного пространства Красноярского края и реализации проектов, направленных на интенсификацию акаде-

мического, научного и культурного взаимодействия между университетами-партнерами средствами персональных сервисов обучения.

Поликультурный центр непрерывного образования осуществляет свою деятельность в соответствии с утвержденным Положением, Уставом и локальными нормативно-правовыми актами университета.

К основным задачам и направлениям деятельности Центра относятся:

- ориентация формального образования на обучение в течение всей жизни;
- развитие этнокультурных компетенций, востребованных в современном поликультурном обществе;
- развитие международного сотрудничества с ведущими высшими учебными заведениями в условиях непрерывного образования;
- создание поликультурного образовательного пространства, обеспечивающего интеграцию представителей различных этнокультурных групп;
- осуществление консультационной деятельности для представителей различных этнокультурных групп с целью интеграции их в поликультурное пространство Красноярского края;
- расширение контента поликультурной образовательной платформы, разработка и ее программно-методическое сопровождение;
- осуществление «неформального образования», благодаря включению обучающихся в лично значимые творческие виды деятельности, в процессе которых формируются индивидуальная образовательная траектория.

Для решения задач центр осуществляет следующие виды деятельности:

- создание совместно с сетевыми партнерами методической продукции для наполнения контента электронной образовательной платформы;
- проведение научных семинаров, дискуссий, культурных мероприятий и конкурсов;
- разработка и внедрение в образовательный процесс специализированных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации в области поликультурного образования;
- организация преподавательской деятельности, включая привлечение иностранных преподавателей;
- организация стажировок в вузах-партнерах, включая летние школы и программы повышения квалификации;
- участие в заключении соглашений с вузами партнерами.

В этой ситуации актуальной проблемой становится поиск и использование эффективных подходов к воспитанию молодежи в условиях многонациональных общностей. Одним из таких подходов можно считать поликультурное воспитание, целью которого является устранение противоречий между системами и нормами воспитания доминирующих наций и этнических меньшинств, формирование позиций и установок, способствующих толерантному восприятию и взаимодействию представителей различных этнических групп.

Более того, запланированные мероприятия способствуют вовлечению большого количества молодежи в проекты и конкурсы, а также помогают лучше

узнать историю и традиции СФУ, что очень актуально особенно перед предстоящей Универсиадой 2019 года в Красноярске. Немаловажно, что в мероприятия будут вовлечены не только студенты СФУ, но и молодежь вообще, что привлечет в стены нашего университета новых людей и учащихся. Приобретенное оборудование для съемки видео материалов будет способствовать популяризации университета на большую аудиторию, узнаванию СФУ в России и мире. Совместная работа над съемкой и работой над видео поможет сплотить участников процесса и развить их дополнительные компетенции, что является еще одним из неоспоримых плюсов В рамках работы по проекту «Темпус» и реализации одной из линий программы развития СФУ предпринята попытка описать опыт реализации проекта «Молодежный поликультурный центр».

Целью проекта «Молодежный поликультурный центр ИППС» является формирование активной команды из числа студентов ИППС для их взаимодействия с другими молодежными центрами и объединениями в целях гармоничного развития личности студентов в условиях поликультурной среды.

Список литературы

1. Иванов А. В. Становление теории и практики педагогической поддержки // Новые ценности образования: миссия классного воспитателя. 2007. № 1(31). С. 2–40. Режим доступа: http://www.values-edu.ru/wp-content/uploads/2011/06/nev_1_2007_missija.pdf (дата обращения: 22.02.2015).

2. Короткова О. В., Пугачёва Н. Б. Здоровьеформирующее образование: опыт, проблемы, прогнозы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 18. С. 109–125.

3. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Формы интеграции субъектов регионального рынка профессиональных образовательных услуг // Концепт. 2014. № 1. С. 61–65.

4. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б. Социальная практика как философское основание педагогического стратегирования в техническом вузе // Общество: философия, история, культура. 2013. № 4. С. 11–16.

5. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Информационно-психологическая безопасность личности: сущностная характеристика // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 21.

6. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Сущностная характеристика регионального рынка услуг // Концепт. 2013. № 12 (28). С. 96-100.

7. Писарь О. В., Пугачева Н. Б., Ребрик Э. Ю. Формирование личной безопасности студентов технического вуза // Известия Южного федерального университета. Сер. Педагогические науки. 2012. № 3. С. 103–108.

8. Пугачева Н. Б., Писарь О. В., Ребрик Э. Ю. Формирование мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 1. С. 56–63.

РОССИЯ БЕЗ МИГРАНТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее время всё чаще звучит информация на тему такого явления, как миграция. Что подразумевается под данным термином? По мнению российского учёного О. Д. Воробьёвой, миграция населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих [1]. На наш взгляд, данная формулировка наиболее полно отражает всю сущность исследуемого понятия.

Проблема миграции особо актуальна на сегодняшний день, так как эпоха глобализации способствует появлению важных факторов, которые «пробуждают» данный процесс. Развитие рынка труда влечет за собой трудовых мигрантов, а военные и социальные конфликты порождают увеличение вынужденных мигрантов. Россия же столкнулась с интенсивной миграцией, когда экономика страны оказалась в кризисном состоянии.

Но, как сообщает статистика, народ не всегда положительно относится к мигрантам из других стран и регионов. Рассмотрим данное явление на примере России. Фонд общественное мнение 17 ноября 2013 года проводил интервью на тему «Отношение к мигрантам – внутренним и внешним». Для сравнения показателей было проведено повторное интервью 1 июня 2014 года. В исследовании приняли участие 1500 респондентов из 100 населённых пунктов Российской Федерации. На основании полученных данных можно сказать, что больше половины россиян (2013 год – 52%, 2014 год – 51%) считают, что следует ограничить въезд в их город (посёлок) приезжих из других стран. Если говорить о положительных и отрицательных сторонах пребывания мигрантов, то исследование показывает, что россияне видят больше отрицательных сторон (37%), чем положительных (21%) [2]. На основании вторичного анализа можно сделать вывод, что больше людей негативно относятся к наличию мигрантов в их населённом пункте.

Почему это происходит? Решающим фактором выступает то, что мигранты занимают рабочие места, а также сбивают расценки оплаты. Но в то же время можно выделить положительный факт: приезжие берутся за любую работу, даже ту, которой местные жители отказываются заниматься.

Но что будет, если мигранты совсем исчезнут из нашей страны? Во-первых, отреагирует рынок жилья, недвижимости. Освободится несколько миллионов арендуемых квартир, вследствие этого произойдёт снижение цен на аренду жилой площади, так как она не будет пользоваться спросом. Для студенческой молодёжи это будет положительным фактором, но вот доходы населения России значительно упадут.

Во-вторых, отсутствие мигрантов повлияет на торговлю. Снижение числа покупателей первоначально приведёт к снижению цен на скоропортящиеся продукты, но в дальнейшем произойдёт компенсация убытков и цены на другие товары начнут стремительно расти.

В-третьих, изменения произойдут и на рынке труда. Отсутствие мигрантов приведёт к дефициту рабочей силы, отсутствию конкуренции и повышению заработной платы в центральных районах. Вследствие этого будет происходить отток молодых людей из районов в большие города за более высокой заработной платой, что будет приводить к внутренней миграции. Теперь в сельских районах будет не хватать трудовых ресурсов, что приведёт к упадку сельского хозяйства.

В-четвёртых, в ЖКХ России начнётся упадок, ведь некому будет выполнять низкооплачиваемые и непрестижные работы. Итог: стремительный рост на услуги ЖКХ, загрязнение окружающей среды, городов, а также распространение инфекционных заболеваний.

И, в-пятых, если активизируется внутренняя миграция, то в основном это будет мужская часть населения, так как чаще всего они уезжают на заработки, а значит, что в районах будет преобладать женское население, а в центральных – мужское. Безусловно, это отрицательно скажется на демографической ситуации в стране и приведёт к снижению рождаемости.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что отсутствие миграции отрицательно повлияет на жизнедеятельность общества. Люди станут социально незащищёнными, а население начнет беднеть. В итоге ухудшение качества жизни приведёт к ослаблению позиций России на международной арене. Поэтому необходимо более толерантно относиться к мигрантам, ведь они играют не последнюю роль в нашей жизни.

Список литературы

1. Воробьёва О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации: аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202). С. 35.

2. Фонд общественное мнение // Об отношении к мигрантам – внутренним и внешним. Режим доступа: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения: 02.11.2015).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПРИНИМАЕТ БЕЖЕНЦЕВ: НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДВИЖЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ 2015 ГОДА

Проблема миграции населения периодически вставала перед гражданами самых разных по уровню развития государств на протяжении нескольких веков. Крайний ее виток, широко освещенный в средствах массовой информации, пришелся на лето–осень 2015 года. В этот период, характеризующийся всплеском милитаристских настроений ряда государств, обострением межнациональных конфликтов и войн, беженцы из Турции, Иордании, Сирии, Ливана спешат найти приют в Европе. Для принимающих стран это в первую очередь (по крайней мере, так должно быть), вопрос защиты общечеловеческих прав и свобод. Кроме того (и это немаловажно) это вопрос международной безопасности.

Такие члены Евросоюза, как Германия, Франция, Швеция, Голландия, сразу выразили свое согласие на предоставление беженцам убежища. Другие же (Венгрия, Румыния, Чехия, Словакия и т. д.) протестовали против введения обязательного квотирования в принципе. И лишь после ряда совещаний главы МВД стран Евросоюза все же приняли решение о распределении 120 тыс. беженцев по странам ЕС в рамках квот для каждой из стран. Интересно, что акты ЕС, относящиеся к решению данного вопроса, обосновывая необходимость оказания содействия мигрантам, делают упор на международной солидарности и стараются подчеркнуть положительные последствия миграции [1, 2]. Обнаружить таковые на практике непросто. К примеру, ответить на вопросы журналистов [3], К. Хоффман, замглавы берлинского бюро журнала «Шпигель», действительно признал, что немецкой промышленности нужны молодые люди, и подчеркнул актуальность существующей демографической проблемы. Однако маловероятно, что такую силу будут способны обеспечить люди, не говорящие на английском или немецком, не имеющие профессионального образования. А на то, чтобы воспитать такую квалифицированную рабочую силу, уйдет немало лет. Таким образом, говорить о позитивных последствиях миграции для Европы на данном этапе смехотворно. Речь можно (и нужно) вести о солидарности¹ и безопасности.

---

¹ Вот как писал об этом основатель солидаризма французский правовед Л. Дюги (1859–1928): «Человек живет в обществе и может жить лишь в обществе; общество существует лишь благодаря солидарности, соединяющей между собой составляющих его индивидов. Следовательно, самую силу вещей для человека в обществе делается обязательным правило поведения, которое может быть сформулировано следующим образом: не делать ничего, что наносит ущерб социальной солидарности в одном из двух ее видов, и делать все, что в состоянии осуществить и развить механическую и органическую социальную солидарность».

Все предпринятые Евросоюзом меры и введенные ограничения на численность иностранных граждан, имеющих возможность найти приют в ЕС, представляются лишь временным решением проблемы – тряпкой, которой пытаются залатать дно лодки, давшей течь. По законодательству ряда стран Евросоюза беженцы смогут рассчитывать на приют в казармах, палатках, спортзалах, квартирах, их дети сразу или через несколько дней смогут ходить в школу. Но в том, что касается права на работу, посещение курсов языка принимаемой страны, многое остается непонятным. Все эти меры находятся на стадии разработки. Таким образом, неграмотная толпа нуждающихся людей претерпевает лишь незначительные изменения: становится на время чуть менее нуждающейся, но все еще голодной, злой и бездеятельной. Однако сделать из иностранцев пригодный трудовой человеческий ресурс возможно, и эта возможность всецело принадлежит странам Европы.

Какие еще меры предпринял Евросоюз для разрешения проблемы миграционного «затопления»? На решение вопроса Еврокомиссия выделила почти 3 млрд евро, обратившись, в частности, к Турции с просьбой (но очень настойчивой) обеспечить содействие в преодолении миграционного кризиса. Выходя за рамки формулировок информационных агентств и говоря не слишком сложно, ЕС попросил Турцию забрать своих уроженцев обратно и улучшить жизнь нескольких миллионов сирийских беженцев «сверх» – и в какой-то мере эти усилия оправданны. С позиций государственно организованного общества наличие политического эгоизма крайне необходимо для выживания любого государства на международной арене: интересы самой политики должны быть превыше интересов инородных элементов, которым эта политика из «высоких моральных побуждений» оказывает содействие и поддержку. Однако, если обратиться к представлениям о государстве и праве, содержащимся в христианском вероучении, вывод будет прямо противоположным: «Во множестве народа – величие царя, а при малолюдстве народа – беда государю». Поэтому «пришельца, поселившегося у вас», не притесняйте и не угнетайте. Да будет он для вас «то же, что туземец ваш»: любите его как себя. Причем и для пришельца, и для коренного жителя пусть действуют «один устав ... и один суд» [5].

В ситуации непрекращающегося потока мигрантов, упорно поднимающегося вверх по карте Европы, интересно обратить внимание на законодательство Российской Федерации, в Евросоюз не входящую, однако постоянно испытывающую давление иностранного человеческого ресурса на свои границы (преимущественно, берущего свое начало в странах СНГ). Какие меры предприняты в РФ для обеспечения цивилизованного взаимодействия с притоком иностранных граждан?

Известно, что в начале 2015 года в России изменился порядок привлечения иностранной рабочей силы, была отменена система квот. Как пишет московское издание *The Village*, теперь иностранные граждане из безвизовых стран СНГ (например, украинцы, таджики и узбеки) вместо разрешения

на работу должны получить дорогостоящий патент, а потом продлевать его каждый месяц»¹ [6]. Кроме того, распоряжением правительства РФ на 2015 год устанавливается квота на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства 126 055 разрешений на временное проживание в Российской Федерации². Подобное обновление миграционного законодательства демонстрирует некоторую тенденцию к ужесточению. Тем не менее следует обратить внимание и на другой, прямо противоположный подход, выработанный Россией для обеспечения необходимыми условиями существования именно беженцев (например, из Украины). Очевидно, что смягчение миграционного режима все же происходит, находясь в прямой зависимости от причин такой миграции.

Что нужно современному мировому сообществу, чтобы понизить градус напряженности, уменьшить масштабы миграции или же в принципе избежать ее? Может быть, Бертран Рассел был прав в том, что человечеству нужно мировое правительство для того, чтобы предотвратить гибель цивилизации [8]. По словам философа, такое правительство должно на первое место в отношениях между нациями ставить закон, а не грубую силу. Целью его должно стать сохранение мира во всем мире, и для этого оно может потребовать соблюдать строгий контроль над рождаемостью в странах, где есть милитаристские тенденции [8]. Подход небезосновательный и, безусловно, имеющий право на существование, равно как и вся концепция мальтузианства [9], по-своему, но все же способная решить проблему притока мигрантов из Ближнего Востока в современную Европу.

Представляется очевидным, что вся действующая ныне рамка рассмотрения международных проблем через призму публичных интересов (и собственной рубашки, которая ближе к телу) выбрана неверно. Этот приток мигрантов в большинстве своем не случаен. Это не просто люди, движимые амбициями найти более высоко оплачиваемую работу, надежный кров и хоть какие-то гарантии. Это жертвы внешнеполитической ситуации, люди, не многим отличающиеся от коренных европейцев и также желающие жить спокойно, питаться, работать, иметь семьи и мирное небо над головой. Это люди, недоумевающие, почему им непременно нужно быть пушечным мясом в столкновениях, инициированных империалистами. А потому Евросоюзу, безусловно, следует обратить внимание на некогда воспринятое им словосочетание *human rights* и оставить в решении этой проблемы лишь здоровую долю цинизма, потому что его избыток, а также пренебрежение правами человека, как правило, приводят к международным и политическим коллапсам и катастрофам, способным в любую минуту разразиться.

---

¹ Также, согласно сведениям, предоставленным Информационным агентством ИТАР–ТАСС, в 2014 году квота составляла 146 627 разрешений.

Список литературы

1. Memo of European Commission (Justice and Home Affairs Council 9–10 October 2014 in Luxembourg) // European Commission Press Releases Database [Web resource]: site. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-569_en.htm (date of access: 11.11.2015).
2. Council conclusions on "Taking action to better manage migratory flows" (Justice and Home Affairs Council meeting, Luxembourg, 10 October 2014) // Council of the European Union Database [Web resource]: site. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/145053.pdf (date of access: 11.11.2015).
3. Баранов А. Мигранты в Европе: по обе стороны колючей проволоки Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150916_5floor_migrants_germany_borders (дата обращения: 11.11.2015.).
4. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1908. 957 С.
5. Дробышевский С. А. История политических и правовых идей: основные классические идеи. М.: Юристъ, 2003. 412 С.
6. Болотов Ю. Дома лучше: Мигранты – о том, почему они больше не хотят жить в России Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/people/174929-migranty-2015> (дата обращения: 11.11.2015.).
7. Мигранты в России: что изменилось с 1 января 2015 года // Информационное агентство «ИТАР–ТАСС». Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1648164> (дата обращения: 11.11.2015.).
8. Рассел Б. Брак и мораль (Marriage and Morals). М.: АСТ, 2015. 320 С.
9. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экологической классики. М., 1993. С. 3–134.

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1960-х – начала 1980-х годов

1. Динамика социально-демографических процессов

Неравномерный рост численности различных этнических общностей. По сравнению с 1959 годом перепись населения 1970 года зафиксировала увеличение среднего размера семьи в республиках Средней Азии, Казахстане, Азербайджане, Армении и некоторых автономных республиках РСФСР. Это было вызвано сохранением относительно высокой рождаемости при общем для страны снижении смертности, особенно детской. В других частях СССР средний размер семьи уменьшился или существенно не изменился (Ганцкая, 1977). Как отмечает О.А. Ганцкая, от числа детей зависит не только размер семьи, но и в известной мере ее внутренний строй и внешние связи как родственные, так и общественные (социализация молодежи, связи со школой и т.д.). В многодетных, малодетных или бездетных семьях различным образом складываются отношения между членами семьи (Ганцкая, 1977). Свою специфику имели родственные связи семей на Кавказе, сохранившиеся и в условиях современных городов (Ганцкая, 1977).

С 1926 по 1970 год численность узбеков в СССР возросла в 2,3 раза, а численность карел (главным образом, за счет естественной ассимиляции) сократилась за тот же период в 1,7 раз (Козлов, 1977). Демографический бум, который наблюдался в «исламских» республиках СССР в 1980-е годы, дал основания американским военным аналитикам предположить, что с 2000 года рядовой состав Советской Армии станет наполовину мусульманским (Исхаков, 2005).

Демографический кризис русского этноса. Как раз в этот период русский этнос вступил в полосу затяжного кризиса. Его удельный вес в населении СССР составлял в 1970 году – 53,4 %, в 1979 – 52,4 % (Власова, 2005). В 1970–1979 годах прирост численности русских был равен 6,5 %, однако к концу 1980-х годов он сократился всего до 0,4–0,8 % в год. И. В. Власова связывает это с тем, что с 1920-х годов русские были поставлены в худшие условия с точки зрения социально-экономического развития, тогда как приоритет отдавался другим национальным районам, для которых создавался льготный экономический и хозяйственный режим, туда «перекачивались» средства и ресурсы, а также с деградацией сельского хозяйства (Власова, 2005). С 1939 по 1959 год продолжал наблюдаться повышенный прирост русского населения, однако связано это было главным образом с естественной ассимиляцией мордвы, карел, чувашей и т.д. (Козлов, 1977).

В целом для Советского Союза период с 1926 по 1960 год ознаменовался как снижением уровня смертности более чем в три раза (а по некоторым национальным областям – в четыре и более раз), так и снижением рождаемости. Последней тенденции способствовало изменение возрастной структуры населения (увеличение доли людей пожилого возраста), возникшая в результате войн диспропорция полов, более позднее вступление в брак из-за удлинения общего и специального образования, урбанизация, вовлечение женщин в общественное производство, ослабление традиций многодетности. В послевоенные годы рождаемость немного поднялась, однако с конца 1950-х годов снова снизилась, что отчасти было связано с вступлением в брачную жизнь малочисленных детей, родившихся в годы войны.

Однако различные этносы были в разной степени затронуты данными процессами. В случае с русским народом роль этих факторов была чрезвычайно значительна. Если у киргизов в возрастной группе 16–19 лет процент состоящих в браке составлял 44,8 %, то у русских – только 9,1 %, а у народов Прибалтики – менее 5 % (Козлов, 1977). В 1975 году рождаемость составляла на тысячу человек в Таджикской ССР 37 новорожденных, в РСФСР – 15,6, а в Латвийской ССР – 14,2 (Козлов, 1977).

С 1960 по 1975 год рождаемость в РСФСР понизилась почти на 10 %. В этот период русские впервые дали прирост ниже среднего по стране (Козлов, 1977). В ряде регионов Европейской части страны возникла нехватка трудовых ресурсов, а в некоторых областях (Новгородской, Псковской) было отмечено сокращение абсолютной численности населения (Козлов, 1977).

На основании демографических данных, частично приведенных выше, В.И. Козлов уже в 1977 году говорил о тенденции к существенному изменению некоторых важных параметров... национальной структуры страны (Козлов, 1977). С определенной надеждой автор ссылался на слова Л.И. Брежнева, призвавшего на XXV съезде КПСС ученых к изучению сложных проблем народонаселения (Козлов, 1977). Однако, как показало дальнейшее развитие ситуации, процессы продолжили идти прежним чередом.

С. В. Чешко вспоминает дискуссию, которая велась в 1970–80-е годы между московскими и среднеазиатскими учеными на тему, должен ли союзный бюджет финансировать высокую рождаемость в этом регионе. По словам исследователя, среднеазиатские патриоты утверждали, что иное будет означать пренебрежение к национальным традициям и едва ли не геноцид (Чешко, 2005). Предложения же о поддержке рождаемости русских и этносов европейской части страны не укладывались в логику советской национальной политики.

К 1989 году почти каждый пятый русский был пенсионного возраста. Некоторые «русские» области лишились простого воспроизводства населения, смертность там превысила рождаемость (Псковская, Ивановская, Тверская, Тульская, Тамбовская области), в 11 других областях естественный прирост составлял менее 2,0 %. В 1987 году на 1000 русских мужчин приходилось 1148 русских женщин, причем это превышение начиналось с 30-летнего

возраста и объяснялось более высокой мужской смертностью. В селе же в возрасте до 45 лет стали преобладать мужчины из-за более высокой женской миграции в города (Власова, 2005).

Неоднородность социальной структуры советских этносов. Известно, что в Казахстане и республиках Средней Азии хозяйственно-организаторские функции в 1930-е годы осуществлялись в значительной мере с помощью русских специалистов. Особенно велика была доля русских среди технического персонала (производственно-техническая интеллигенция) этих республик (Арутюнян, 1977). Советская власть столкнулась со слабой адаптацией местного населения к промышленности и другой работе вне сельского хозяйства, что и обусловило «компенсаторскую» роль, которую играли в промышленном развитии национальных районов русские, украинцы, иногда белорусы (Арутюнян, 1977). Были предприняты большие усилия, направленные на ускоренное развитие однотипной социальной структуры советских наций путем поддержки наций и народностей, отстававших в социально-экономическом отношении. Тем не менее окончательно изменить ситуацию не удалось¹. Это было особенно актуально для отдаленных или изолированных регионов, куда индустриализация пришла намного позже, чем в другие части страны.

Как отмечает В.А. Тишков, индустриализация Чечено-Ингушетии привела к разделению ее экономики на два сектора – русский (нефть, машиностроение, инфраструктура) и национальный (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера). В конце 1980-х годов из около 50 тысяч рабочих Грознефти и Оргсинтеза только несколько сотен были чеченцами или ингушами (Тишков, 2001).

Аграрное перенаселение. В Чечено-Ингушской АССР аграрная перенаселенность сельских районов обусловила трудовую миграцию за пределы республики от 100 до 200 тыс. человек. По утверждению ученого, именно эта категория приняла активное участие в последующих политических событиях и составила основной резервуар для вооруженной борьбы (Тишков, 2001). Избыточными трудовыми ресурсами характеризовался и ряд союзных республик, в частности Узбекская ССР (Саидов, 1989) и Таджикская ССР (Козлов, 1991).

Из исследований антропологов хорошо известно, что аграрное перенаселение несет серьезную угрозу для земледельческих обществ. Споры из-за земли порождают многочисленные конфликты (в том числе среди близких родственников) и подрывают социальное единство, генерируемое традиционной культурой (Даймонд, 2008).

В. И. Козлов отмечает, что за период с 1959 по 1970 год коренное население Средней Азии очень слабо мигрировало в города и промышленные районы других частей СССР. К примеру, в Сибирь значительно активнее переселялись

---

¹ Ю. В. Арутюнян в 1977 г. утверждал: «В настоящее время в рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции достигнуто довольно полное представительство различных этносов». Однако он не приводил цифр, подтверждающих это.

украинцы и белорусы, чем киргизы и узбеки (Козлов, 1977). Однако аграрное перенаселение, обозначившееся в среднеазиатских республиках в 1970-е годы, на которое наслонились тяжелые последствия дезинтеграции Союза и значительная разница в уровне жизни между Россией и новыми государствами Средней Азии, породили проблему трудовой миграции граждан последних.

Начало оттока русского населения из национальных республик. Перепись 1970 года показала, что лишь три народа – русские, армяне и белорусы – составляют в пределах «своих» союзных республик свыше 80 % населения. Казахи составляли меньше трети населения Казахстана, уступая в нем по численности русским. Большие группы последних жили на Украине (главным образом, в Донбассе и причерноморских районах), в Узбекистане и в других союзных республиках (Козлов, 1977).

Вместе с тем уже перепись населения 1959 года выявила, что с 1939 года во всех закавказских республиках выросла доля «титულიной» национальности. С 1959 года этот процесс был отмечен и во всех республиках Средней Азии, где межреспубликанские миграции невелики, а продолжающийся в большинстве случаев приток других национальностей, в частности русских, перекрывается высоким естественным приростом коренного населения (Козлов, 2007). В той же Казахской ССР численность казахов, уменьшившаяся к 1959 году до 30 %, увеличилась к 1970 до 32,6 %, причем доля казахов, сосредоточенных в данной республике, выросла с 77,2 до 78,5 % соответственно (Козлов, 2007). При этом сохранялся этнический дисбаланс между городом и селом: значительную, а иногда преобладающую, часть горожан в большинстве республик составляло в 1970-е годы инонациональное (чаще всего русское) население (Козлов, 2007; с. 146).

Как утверждает Дж. Хоскинг, к началу 1970-х годов во многих национальных республиках, особенно в Средней Азии стала практиковаться система скрытой дискриминации инородцев, большинство которых составляли русские, в пользу местных национальностей (Хоскинг, 2003). Данные демографии свидетельствуют: миграции русских с 1970-х годов изменили... направление. Теперь они были направлены не традиционно на юг и восток из Европейской части, а на север и восток из Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии (Власова, 2005). Отток русского (русскоязычного) населения из большинства республик бывшего Союза начался задолго до перестройки и быстро нарастал. В 1979–1988 годах он охватил большинство республик, а в тех из них, куда продолжалась эмиграция, ее темпы быстро замедлились. Численность русских сокращалась уже во всех республиках Средней Азии и в Армении (Шубин)¹. На убыль пошли с 1970 года и ассимиляционные процессы (Власова, 2005).

---

¹ См.: Шубин А. В. Перестройка (главы из исторического исследования). Режим доступа: <http://www.rodon.org/shav/p.htm>. Читательница «Правды» Л. Мельникова писала в главную газету страны: «У нас в Арыси русских третируют как хотят. За помощью, за бедой лучше ни к кому не обращаться, пожалуешься – себе хуже сделаешь. Все более менее ответственные посты в руках казахов. Даже милиционеры открыто нам говорят: «Зачем приехали в Казахстан, возвращайтесь в свою Россию».

Замедление темпов распространения русского языка. За период между переписями населения 1926 и 1959 годов число нерусских, указавших русский язык в качестве родного, увеличилось с 6,5 до 10,2 млн человек, а к 1970 году – еще на 2,8 млн. Однако, как подчеркивал М.Н. Губогло, в целом соотношение национальности и родного языка изменилось мало. Ученый подметил интересную тенденцию: доля лиц, считавших родным язык своей национальности, была выше всего в союзных республиках (свыше 95 %, кроме армян – 91,4 %, украинцев – 85,7 % и белорусов – 80,6 %), несколько ниже в АССР и автономных областях (свыше 85 %, ниже лишь у башкир, карелов, мордвы, удмуртов, коми), тогда как у народов, не имевших своих автономий, этот показатель был нередко ниже 50 % (Губогло, 1977). Таким образом, национально-государственное устройство СССР до определенной степени сдерживало процессы этнокультурного сближения.

Перепись 1970 года показала невысокий уровень владения русским языком, выполнявшим роль средства межэтнического общения, во многих союзных и автономных республиках СССР. В частности, им владело лишь 10,4 % каракалпаков, 14,5 % узбеков, 15,4 % туркменов, 19,9 % курдов, 38,9 % тувинцев. М.Н. Губогло подчеркивал, что в некоторых республиках порой неудовлетворительно организовано дело по широкому и глубокому изучению этого языка, ощущается недостаток в квалифицированных преподавателях средней и высшей школы... даже среди городского населения, особенно среди лиц пожилого возраста, а также среди лиц, занятых неквалифицированным трудом, имеется некоторая часть людей, которые русского не знают совсем или понимают его лишь в незначительной степени (Губогло 1977). Несмотря на это, на русском языке могли свободно разговаривать не менее трех четвертей населения Советского Союза (Губогло, 1977).

2. Центробежные политические и экономические процессы

Ослабление ротации кадров. По мнению культуролога А. С. Ахиезера, российское общество непрерывно балансирует на грани двух бездн – авторитарной и локальной. Кажущееся всемогущество отечественного государства подрывается изнутри локализмом, под ударами которого любая власть в России могла рассыпаться как карточный домик (Ильин и Ахиезер, 2000). Эта логика рассуждений, подтверждаемая многими фактами практики, уже в начале 1991 года привела автора к мысли, что позднесоветский авторитаризм не смог сдержать наступление локализма (Ахиезер, 1991).

Элитный консенсус, символом и модератором которого являлся Л. И. Брежнев, был основан на исключении возврата к внутриэлитным репрессиям. В этой связи, по справедливому замечанию Дж. Хоскинга, партийные секретари могли вновь считать свои места отданными им в пожизненное пользование (Хоскинг, 2003). Это стабилизировало кадровую политику, од-

нако способствовало усилению клановости, особенно в ряде национальных республик. К 1985 году например, пять первых секретарей республиканских компартий в Средней Азии находились у власти более 12 лет, из них четверо – более 20 лет. При этом В. В. Щербицкий (УССР), Г.А. Алиев (Азербайджанская ССР) и Ш.Р. Рашидов (Узбекская ССР) были дважды удостоены звания Герой Социалистического Труда, Д.А. Кунаев (Казахская ССР) – трижды (Назарбаев, 1991). Разумеется, республиканские лидеры использовали столь длительное нахождение у власти для создания мощных сетей влияния (Smith, 2005).

По мнению Дж. Хоскинга, произошло приспособление архаичных социальных структур – патриархальных семей, кланов, племен – к советской номенклатурной системе. Поскольку номенклатура была основана на принципах личной зависимости и лояльности, такой переход дался без особого труда (Хоскинг, 2003). Так, например, в Казахстане председатели колхозов заняли место прежних аксакалов (сельских старейшин), а секретари обкомов партии стали новыми беями, тем более что они очень часто происходили из семей, принадлежавших старой элите. В Киргизии вопросы назначения на высшие политические посты решались путем согласования между тремя основными региональными группировками, каждая из которых контролировала свой участок территории республики: на востоке властвовал блок Нарын, западная часть контролировалась блоком Талас, а юг подчинялся блоку Ош. Часто такие основанные на этническом признаке группировки были связаны с теневой экономикой. Так, например, к началу 1980-х годов Москва платила Узбекистану более одного миллиарда рублей в год за поставку несуществующего хлопка (Хоскинг, 2003).

Сходным образом складывалась ситуация в Таджикистане. Ленинабадцы традиционно доминировали в политике в советское время, начиная как минимум с 1937 года и в литературе встречается мнение, что с еще более раннего времени. Кулябцы с 1970-х годов традиционно были «в клиентах» у ленинабадцев и традиционно отвечали за силовые министерства. Бадахшанцы и памирцы тоже были задействованы в этой схеме, занимая средние позиции в силовых ведомствах. Каратегинцы плотно обжили торговлю и производство товаров потребления. Распределение обязанностей было выражено в пословице: «Ленинабад правит, Куляб охраняет, Памир танцует, а Каратегин торгует» (Гражданская война в Таджикистане...). После развала Советского Союза равновесие кланов оказалось шатким, а их борьба переплелась с борьбой Душанбе с оппозицией, окрашенной в исламские цвета, действовавшей на юге Таджикистана, но базировавшейся в основном в Афганистане (Примаков, 1999).

А. А. Цуциев характеризует 1960–80-годы на Кавказе как тщательно контролируемое сползание к коренизации, где роль коренных управленческих кадров играют представители титульных групп, прошедшие селекцию в системе партийных / комсомольских школ и освоившие базовые навыки партийно-советской управленческой культуры, в частности, научившиеся использо-

вать этничность как инструмент политической власти. Стремление Советского государства создать подконтрольные национальные бюрократию и интеллигенцию обернулось усилением политического влияния представителей титульных этнических групп и... самого института титульности – системы неформального обеспечения приоритета коллективных прав одних групп над подобными правами других. По утверждению автора, в конце 1970-х – 1980-е годы элиты титульных наций начали мыслить себя в качестве национальных протополитий (Цуциев, 2007).

В качестве своеобразного политического механизма, призванного компенсировать отказ от обязательной ротации партийных кадров, существовала сложившаяся еще в сталинские времена практика назначения вторыми секретарями республиканских ЦК партии русских или иных представителей некоренных национальностей. По данным ежегодника Большой советской энциклопедии за 1980 год, такая практика была применена во всех неславянских союзных республиках (Елисеев). Конечно, такой подход до определенной степени сдерживал центростремительные процессы, однако эффективность его преувеличивать не стоит. Как отмечает Н. Зенькович, ни один «посланец Москвы» на должность второго секретаря ЦК национальной республики не знал даже местного языка хотя бы на разговорно-бытовом уровне и не пытался его изучить. Они не видели в этом необходимости, справедливо полагая, что их в любой момент могут перебросить в другой регион. Исключением был разве что Г. В. Колбин, учивший сначала грузинский, а потом казахский языки (Зенькович, 2007). Однако как раз нарушение «неписаного» кадрового правила при назначении последнего первым секретарем ЦК Казахстана вместо казаха Д.А. Кунаева привело в декабре 1986 года к массовым беспорядкам в Алма-Ате (Зенькович, 2007).

А. Х. Саидов в брошюре, изданной в 1989 году в Ташкенте в помощь лектору, отмечал, что в Узбекистане последовательно проводится линия на то, чтобы состав руководящих партийных и советских кадров, выборных органов, отражал национальную структуру республики (Саидов, 1989). При этом он полагал целесообразным установить квоту, обеспечивающую мандатами в Верховном Совете этой республики для представителей национальностей, населяющих Узбекскую ССР и не имеющих своей национальной государственности в Советском Союзе (Саидов, 1989).

А. А. Цуциев полагает, что тактика полуофициального квотирования привела к еще большему подчеркиванию значения этничности в качестве критерия негативной или позитивной дискриминации. Этническая принадлежность становилась все более весомой характеристикой в коллективном и индивидуальном соперничестве за престижные или выгодные должности (Цуциев, 2007).

Партийные руководители «национальных» республик нередко лоббировали интересы своих территорий более активно, чем руководители «обычных» краев и областей. Бывший первый секретарь Татарского обкома

Ф. А. Табеев вспоминал о своем разговоре с Н. С. Хрущевым, где на требование усилить обобществление коров он отвечал: «У татар, равно и других народностей, мы коров отбирать не будем. Наши селяне сильны своим личным подсобным хозяйством». В результате тогда в республике в частном дворе практически ни одной коровы не сократили (Шафиков, 1999). В дальнейшем Ф. А. Табееву удалось добиться от Л. И. Брежнева переноса строительства крупного автомобильного завода и города из Красноярского края в Набережные Челны (Шафиков, 1999).

Интересные подробности вспоминает Н. А. Назарбаев: «Мне довелось застать время, когда в период защиты республиканских планов в здании Госплана СССР на проспекте Карла Маркса проводились дни национальных кухонь: кавказской, среднеазиатской.... В зависимости от того, какие республики защищались. Обильные угощения сопровождалось национальными танцами и плясками, организуемыми на первом госплановском этаже. <...> Все это достигало таких размеров, что одно время в Госплан СССР даже запретили заходить с сумками. Но к этому ограничению быстро приспособились: оставляли подношения и угощения в ячейках при входе, а тому, кому это предназначалось, звонили по телефону. Никогда не забуду, как мои умудренные опытом предшественники на полном серьезе информировали меня, какой союзный министр любит молочных поросят, какой – свежие помидоры» (Назарбаев, 1991).

Экс-президент Эстонии А. Рюйтель со знанием дела подчеркивает, что национальное движение в Эстонской ССР развивалось посредством не столько диссидентской деятельности, сколько «ежедневной работой» по установлению контроля над советскими органами власти и управления: «Если какому-нибудь честному и национально мыслящему эстонцу удавалось занять высокий пост в тогдашнем руководстве ЭССР, то он мог немало сделать на благо своих соплеменников: заблокировать принятие какого-нибудь пагубного законопроекта, протолкнуть лучшее решение, продвинуть других национально мыслящих людей и т.д.» (Рюйтель, 2003).

Писатель Э. Гасанов так вспоминает о своем опыте работы в КГБ Азербайджанской ССР: «Именно в КГБ я стал патриотом своей нации. Я полюбил свой народ, свою землю. Даже старался курить местные дешевые сигареты, ибо они изготовлены в Азербайджане. Слушал мугам, ездил по районам республики, знакомился с нашей древней культурой. И этому всему был дан толчок именно благодаря работе в КГБ. Там стены воспитывали особо, в духе национализма. <...> Для меня смысл жизни состоял в безопасности моей нации. Я боготворил свою работу, пусть даже зарплата в КГБ была низкой» (Гасанов).

Эту же тенденцию подмечали и этнически русские партийные функционеры. Так, один из руководящих работников аппарата ЦК КПСС записал в 1972 году в своем дневнике: «Отличие нынешнего национализма в том, что его главным носителем является республиканский аппарат, а истоки его

в том, что бывшие национальные окраины живут много лучше, чем российская метрополия, они богаче и чувствуют свои возможности. Благодарность же – не политическое понятие» (Чернев, 2005).

Избыточное дотирование национальных республик. Как утверждалось в советской литературе, чтобы добиться фактического равенства наций, необходимо было обеспечить прежде всего их экономическое равенство <...> Опираясь на интернациональное содружество, на бескорыстную помощь русского народа, советские республики, бывшие национальные окраины, делали гигантские шаги в развитии экономики и культуры (Народное хозяйство СССР...).

Ряд примеров мер преимущественной поддержки «отстающих» народов даёт статистика. В 1975 году РСФСР могла оставить себе 42,3 % с собранного на её территории налога с оборота, Украина – 43,3 %, Латвия – 45,6 %, Молдавия – 50 %, Эстония – 59,7 %, Белоруссия – 68,2 %, Азербайджан – 69,1 %, Грузия – 88,5 %, Армения – 89,9 %, Таджикистан – 99,1 %, Литва – 99,7 %, Узбекистан – 99,8 %, Казахстан и Туркмения – 100 %. Кроме того, в бюджеты Узбекистана, Казахстана, Литвы, Киргизии, Таджикистана поступало 100 % подоходного налога с населения. Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза превышали аналогичные показатели для РСФСР (Пихоя, 2005).

В годы перестройки Г. И. Литвинова указывала на диспропорции в закупочных ценах на сельхозпродукцию, приводя следующий пример: «Производство картофеля и цитрусовых требует почти одинаковых затрат труда, поэтому и цены на них во всем мире почти одинаковы либо различаются в два-три раза, и только в СССР это различие 20–35-кратное: картофель стоит в 20 (по сравнению с апельсинами) или 35 (по сравнению с лимонами) раз дешевле, чем цитрусовые. Налоговая политика по-прежнему остается наименее благоприятной для РСФСР» (Елисеев).

Рост теневой экономики. С 1970-х годов в ряде республик СССР стал активно формироваться «теневой капитал». На Украине и в Молдавии источниками последнего становилось развитие личных коммерческих сельских подворий, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа – индустрия отдыха и транспорта, в Закавказье – коррупция и развитие «цеховой» мафии, паразитирующей на государственном промышленном производстве, а в республиках Средней Азии и в Поволжье – сочетание указанных выше аспектов (Кургинян. Актуальный архив...).

В апреле 1983 года началась операция по искоренению коррупции в Узбекистане. Расследование махинаций с поставками хлопка выявило системную коррупцию, в которой приняли участие тысячи человек (Шубин). Масштаб проблемы не сводился к отдельным преступлениям. Как указывает С. В. Чешко, за счет громадных приписок о сдаче хлопка «кормилась» и республиканская номенклатура, и нередко поголовно целые сельские районы (Чешко, 2005).

Вместе с тем существует точка зрения, что следственная бригада под руководством Т. Гдляна совершала многочисленные нарушения законности, а само «хлопковое дело», бывшее лишь инструментом в борьбе различных административно-мафиозных кланов, способствовало, в конечном счете, дезинтеграции страны (Кургинян, Качели...). Не вызывает сомнений одно: расследование сделало очевидным колоссальный масштаб теневой экономической деятельности в Советском Союзе. Уже тогда логично было предположить, что люди, незаконно владеющие миллионами советских рублей, будут стремиться упрочить свое положение даже ценой развала страны.

Выступая в 1989 году на «круглом столе», проводившемся издательством «Юридическая литература», Ю. Г. Козлов указал на особую роль лидеров теневой экономике в событиях в Армении, Азербайджане, Фергане, Абхазии и других регионах страны: «Используя настроения разочарованности, недовольства, вспышки национализма, организованная преступность умело направляет их в нужное для себя русло. При этом решается сразу несколько задач: отвлекается внимание правоохранительных органов, у части населения подрывается доверие к проводимой партией политике перестройки, дезорганизуется экономическая жизнь целых регионов (Организованная преступность, 1989). О роли организованной преступности в «национальных» конфликтах в 1980-е годы говорили и другие исследователи (Организованная преступность, 1989).

Форсированная подготовка национальных интеллигенций. С 1990-х годов в западном руссееведении усилились позиции исследователей, которые не оперируют пропагандистскими штампами времен холодной войны, а делают упор на серьезные культурно-исторические исследования, новые методологические подходы и тщательное изучение архивных материалов (Зарубежное руссееведение, 2015). Работы этих авторов показывают, что СССР не был «тюрьмой народов», рухнувшей ввиду невыносимых условий для узников. В действительности советская система немало сделала для возвращения этнических национализмов путем поддержки национальных языков, культур и интеллигенций. Ф. Гирш полагает, что стимулы к строительству наций в Средней Азии исходили от центральных властей, однако этот процесс был с энтузиазмом воспринят и поддерживался на местном уровне (Smith, 2005). А. Эдгар и С. Сэйбол подчеркивают роль туркменской и казахской интеллигенции (Smith, 2005). Историк Ю. Слезкин, эмигрировавший в 1983 году в США, отстаивает точку зрения, согласно которой советское государство поощряло этническую обособленность на территориальной основе (Slezkine, 1994). О. Райснер утверждает, что именно советская власть, выделив в 1936 году из ЗСФСР «псевдогосударство в виде Грузинской ССР», способствовала созданию (в результате быстрой урбанизации и введению школьного образования на грузинском языке) нового социального слоя городских грузин, содействовала тем самым консолидации этого этноса (Райснер, 2010).

Обращаясь к роли этнонационализма в распаде СССР, С. В. Чешко указывает на значительный уровень национализма в среде нерусской творческой и научной интеллигенции. По мнению исследователя, одним из отрицательных социальных последствий политики коренизации стало перепроизводство национальных кадров в гуманитарно-культурной сфере. Эти кадры часто не находили применения своим знаниям, им не хватало престижных должностей. Одним из следствий этого стало вытеснение из соответствующих отраслей представителей иноэтнических групп (Чешко, 2005).

Аргументы С. В. Чешко небезосновательны. Примечательно, что впоследствии в период грузино-абхазской войны Грузию возглавлял доктор филологических наук З. К. Гамсахурдия, а Абхазию – доктор исторических наук хеттолог В. Г. Ардзинба. К сожалению, высокие академические заслуги этих двух ученых мужей (хорошо знакомых лично) не предотвратили конфликт и даже не сделали его менее интенсивным.

Вместе с тем, на наш взгляд, проблема лежала (и до сих пор лежит) не столько в перепроизводстве, сколько в не востребовавности потенциала гуманитарной интеллигенции со стороны государственного аппарата и государственных сил. В результате нередки случаи, когда специалисты, не нашедшие себе применения, идут на службу к силам деструктивным. К примеру, становятся творцами национальных мифологий, удревняющих историю целевого этноса до времен Александра Македонского и приписывающих нашему Отчеству этноцид этого великого народа.

Территориальные проблемы. В программе КПСС, принятой в 1962 году, утверждалось, что границы между союзными республиками в пределах СССР теряют свое значение (Современные этнические процессы...). Однако в работе, изданной в 1967 году «Политиздатом», П. М. Рогачев и М. А. Свердлин сформулировали следующий тезис: «Социалистические нации всегда имеют государственность. Она может выражаться... как в относительно обособленном национальном государстве, так и в наличии государственных образований и их представительства в федеральных органах». Авторы резко критиковали мнение П. Г. Семенова о денационализации союзных республик (Кара-Мурза, 2008).

В сфере национально-государственного устройства Конституция СССР 1977 года закрепила статус союзной республики как суверенного советского социалистического государства, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик (ст. 76), право каждой союзной республики на свободный выход из СССР (ст. 72) и невозможность изменения территории союзной республики без ее согласия (ст. 78).

Вслед за принятием этой Конституции СССР началась работа над обновленными основными законами союзных республик. В частности, был разработан проект Конституции Грузии, где говорилось: «Грузинская ССР обеспечивает свободное употребление грузинского, а также русского, абхазского, осетинского и других языков большинства населения в данной местности».

Однако 14 апреля 1978 года, в день обсуждения данного проекта в Тбилиси состоялась несанкционированная многотысячная демонстрация, под давлением которой депутаты сохранили за грузинским языком его прежнее положение (Шубин, 2008).

Как отмечает А.В. Шубин, в 1970–80-е годы нарастание местнических тенденций в правящем классе опасно наложилось на межэтническую напряженность в Советском Союзе. Автор выделяет три основные группы этнических противоречий, характерных для этого периода: между русскоязычным и коренным населением, между русскими и южанами в славянских республиках и между титульными нациями и остальными народами в союзных и автономных республиках. Уже в 1970-е годы давала о себе знать напряженность в Нагорно-Карабахской автономной области (Шубин, 2008).

По утверждению А. Вольского, Ю. В. Андропов в 1983 году предлагал перейти к административно-территориальному делению, не основанному на национальном признаке (Кара-Мурза, 2008), однако этим планам не суждено было сбыться.

3. Социокультурный кризис

Кризис советской идеологии и официальной марксистско-ленинской философии. Г.А. Померанц утверждал, что создание империи возможно только на высоком взлете человеческого духа, а с потерей общей идеи «начинается внутренний распад, который неизбежно станет и внешним распадом» (Лурье, 2012).

А. А. Цуциев отмечает, что до тех пор, пока сохранялись доктринальная энергетика коммунистической идеологии и относительная эффективность центральных институтов государственной власти, советскому государству удавалось не допускать коллизии между общесоветским и этнонациональным проектами нациестроительства. Однако кризис идеологии и центральной власти повлекли разрушение единого идентификационного поля советских народов (Цуциев, 2007).

Спустя десятилетия небезынтересно взглянуть, каким видела будущее социалистических наций официальная советская идеология. В этой связи заранее прошу прощения у читателя за достаточно объемные цитаты.

Положение о том, что национальные различия будут существовать и после победы социализма во всех странах, было развито и обосновано во втором издании учебника «Диалектический и исторический материализм» под редакцией С. М. Ковалева, выпущенном «Политиздатом» в 1969 году. Авторы указывают, что социалистические нации принципиально отличаются от буржуазных. Важнейшая черта первых: социальная однородность, развивающаяся на базе социалистического способа производства. Конечно, она полностью еще не достигнута. Тем не менее эти нации по сравнению с общностями

в условиях капитализма *являются монолитными* (курсив мой - С.П.), так как отсутствует антагонизм между классами. Остаточные явления неоднородности... не выражают основных тенденций развития наций. По мере продвижения к коммунизму они уменьшаются, тогда как при капитализме неоднородность возрастает (Диалектический и исторический материализм...). Получается парадоксальная вещь: чем ближе к коммунизму, тем монолитнее становятся нации.

Кроме того, в развитом социалистическом обществе теряет смысл деление наций на передовые и отсталые, все они поднимаются до высот современной мировой культуры (Диалектический и исторический материализм...). Возникает вопрос: что будет стимулировать столь развитые и самодостаточные нации к интеграции? И как же тогда человечество придет к обещанному «золотому веку», когда, говоря словами поэта, «людская речь в один язык сольётся».

Авторы отвечают на эти вопросы предельно уклончиво: «Полное единство наций – это максимальное сближение, но отнюдь ещё не слияние их. Сближение социалистических наций идет на всем протяжении их существования, тогда как о более или менее полном слиянии их можно говорить как о сравнительно далекой перспективе. В настоящее время в жизни нашей страны имеют место отдельные элементы слияния наций, особенно в экономике. Но в целом современный этап национальных отношений все-таки не может быть охарактеризован как период слияния наций. Это этап максимального их сближения. Было бы также преждевременным декларировать о полном слиянии сразу после того, как коммунизм будет в основном построен. Критикуя Г.Л. Пятакова, выступавшего за форсирование этого процесса, за слияние наций сразу же после социалистической революции, В. И. Ленин писал, что слияние наций конечно... великолепная вещь, и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития» (Диалектический и исторический материализм...).

Надо заметить, что в 1913 г. В. И. Ленин высказывался радикальнее, но вместе с тем и понятнее: «Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, напротив, он поддерживает все помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все ведущее к слиянию наций. Поступать иначе – значит встать на сторону реакционного националистического мещанства» (Ленин, 1973).

Полвека спустя официальные идеологи марксизма утверждали, что нация является необходимой формой развития общества, пока не выявлено и не стало достоянием человечества все существенное прогрессивное в истории данного этнического образования. При достижении этого национальная форма связи постепенно сама себя изживает и уступает место общечеловеческим связям – происходит слияние наций. Полное слияние наций произойдет только после упрочения коммунизма во всем мире» (Диалектический и исторический материализм...).

«Советский народ» и «дружба народов». Сходные тезисы высказывались и в выступлениях руководителей партии и государства. 18 октября 1961 года в докладе «О Программе Коммунистической партии Советского Союза» Н.С. Хрущев заявил о двух взаимосвязанных тенденциях в национальном вопросе: во-первых, бурном и всестороннем развитии каждой нации, а во-вторых, всё большем сближении социалистических наций, усилении их взаимовлияния и взаимообогащения (О Программе Коммунистической партии...). В докладе говорилось, что экономическое развитие каждой советской республики есть результат братского сотрудничества всех советских народов.

В качестве позитивного примера приводилось освоение целинных земель Казахстана. Указывалось, что предприятия и новостройки представляют собой дружные многонациональные коллективы, население республик становится всё более смешанным по национальному составу, между республиками происходит взаимный обмен квалифицированными кадрами. Предполагалось создание некоторых межреспубликанских зональных органов для лучшей координации усилий республик.

Также, по словам Н. С. Хрущева, сближению наций и народностей содействует и культурное строительство, идеологическая работа, усиливается обмен духовными богатствами между народами. Было сказано, что развитие национальных языков должно вести не к усилению национальных перегородок, а к сближению наций. Отмечалось растущее стремление нерусских народов к овладению русским языком, который стал фактически вторым родным языком для народов СССР, средством их межнационального общения (О Программе Коммунистической партии...). Вместе с тем в докладе содержалось следующее примечательное положение: «В ходе развернутого строительства коммунизма будет достигнуто полное единство наций. Но и после того, как коммунизм в основном будет построен, преждевременно будет декларировать о слиянии наций. Ленин, как известно, указывал, что государственные и национальные различия будут существовать ещё долго после победы социализма во всех странах (О Программе Коммунистической партии...).

30 марта 1971 года, выступая с отчетным докладом Центрального комитета КПСС XXIV съезду КПСС, Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев указал на ленинскую национальную политику – политику равенства и дружбы народов как одно из самых крупных завоеваний социализма. Было сказано, что в образовании, укреплении и развитии СССР сыграли свою роль все нации и народности нашей страны и прежде всего великий русский народ. Его революционная энергия, самоотверженность, трудолюбие, глубокий интернационализм по праву снискали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины. Как и в докладе Н. С. Хрущева, провозглашался курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение.

В докладе Л. И. Брежнева прозвучал тезис о советском народе, широко использовавшийся в 1930-е гг. Было сказано, что за годы социалистического строительства в СССР возникла новая историческая общность людей – совет-

ский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями – отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единодушным одобрением политики Коммунистической партии» (Отчетный доклад...). Столь длинная цитата была приведена для того, чтобы показать: советский народ не наделялся ни одним из признаков, характерных для этнической общности. В 1977 г. Л.И. Брежнев заявил: «Мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать... объективный процесс сближения наций» (Современные этнические процессы...). В книге, изданной «Политиздатом» в 1982 году, Э. А. Баграмов отнес точку зрения о создании советской нации к ряду «незрелых или скороспелых суждений, отвергнутых наукой и практикой строительства коммунизма». Он доказывал, что советский народ является исторической общностью более высокого уровня, в рамках которой успешно развиваются более ста социалистических наций, народностей и национальных групп (Кара-Мурза, 2008).

Таким образом, можно согласиться с Т. Мартином, который утверждает, что Советский Союз не был нацией-государством <...>. Советский народ был, прежде всего, словесным конструктом, используемым наиболее часто в качестве словесной формы для страстного патриотизма <...>. Роль, которую играет доминирующая национальность в традиционных обществах, в Советском Союзе должна была выполняться дружбой народов (Тишков, 2005).

С. В. Лурье подчеркивает, что «дружба народов» формировалась и развивалась как «низовая культура», почти не зависящая от указаний и действий властей (Лурье, 2012). (Кстати, этой же точки зрения придерживается и президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев (Назарбаев, 1991)). Эта «низовая культура» была призвана обеспечивать мирное совместное существование «советских наций», официально заданные мифологемы которых не предполагали «золотого века» ни в царистском прошлом, ни в коммунистическом безнациональном будущем (Лурье, 2012).

Социологическое исследование, проведенное С. В. Лурье, показывает, что дружба народов представляла собой, говоря языком современной антропологии, культурный сценарий, т.е. развернутую во времени схему социокультурных отношений (Лурье, 2012). Подобные сценарии формируются в обществе до известной степени спонтанно, т. е. не являются банальной реализацией тех или иных политических проектов.

В качестве такого сценария дружба народов представляла собой своего рода игру компромиссов, содержанием которой было взаимное проявление особого политеза – мягкости, тактичности, умения понимать другого, не утрачивая при этом своей культуры. Эта игра заполняла определенные лакуны моделей общения, не заполненные в национальных сценариях. Уча-

стник игры воспринимал себя в роли советского человека, способного понимать представителей других народов и быть понятым ими. Характерно, что такой советский человек не сводился к носителю официальной идеологии (Лурье, 2012).

И.С. Гурвич в 1977 году выделял две основные тенденции этнических процессов, происходящих на территории СССР: «Одна из них проявляется в процессе формирования народностей, консолидации социалистических наций, другая – в процессе интенсивной межэтнической интеграции, включающей в свой поток все этнические общности нашей страны» (Гурвич, 1977). С. И. Вайнштейн прослеживал аналогичные явления в социально-экономической сфере (Вайнштейн, 1977). Однако Л. И. Лавров, рассматривая вопросы сравнительной филологии, указывал на следующее обстоятельство: «Литературные языки в СССР продолжают беспрепятственно развиваться на национальной базе и не обнаруживают тенденции к слиянию друг с другом» (Лавров, 1977). К. В. Чистов всерьез задался вопросом: «Не является ли развитие национальных культур процессом, противоречащим их сближению?» Он обращал внимание на то, что элементы духовной культуры... оказываются тесно связанными с состоянием этнического сознания, которое иногда выливается в форму идеализации национально-особенного (Чистов, 1977).

Тем не менее советская национальная политика продолжала развиваться в прежнем ключе. 26 февраля 1986 года М. С. Горбачев, выступая на съезде КПСС, охарактеризовал советский народ как качественно новую социальную и интернациональную общность, спаянную единством экономических интересов, идеологии и политических целей. Вместе с тем в докладе было отмечено, что национальные процессы протекают не беспрепятственно, не изжиты стремление к национальной замкнутости и изживенческие настроения (Политический доклад...).

1 марта 1986 года была принята в новой редакции Программа Коммунистической партии Советского Союза. В документе утверждалось, что национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе, успешно решен (!!!) (Программа Коммунистической партии...). Заметим, тремя годами раньше К. У. Черненко заявлял, что этот вопрос еще рано снимать с повестки дня (Шубин, 2008).

Вслед за этим абсурдным тезисом были определены три разумные, хотя и не вполне четко сформулированные задачи в области национальной политики:

- всемерное упрочение и развитие единого многонационального государства, включавшее борьбу против местничества и национальной ограниченности в сочетании с повышением роли республик в решении общенародных задач и активным участием трудящихся всех национальностей в работе органов власти и управления;
- наращивание материального и духовного потенциала каждой республики в рамках единого народнохозяйственного комплекса, что предполагало в том числе межреспубликанский обмен кадрами, подготовку

квалифицированных кадров из граждан всех проживающих в республиках наций и народностей;

- развитие социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернациональной по духу единой культуры советского народа.

Говорилось также о роли русского языка как языка межнационального общения (Шубин, 2008). Изложенные выше соображения, в том числе и те из них, которые касались развития федеративных отношений, были объединены под заголовком «Дальнейший расцвет и сближение социалистических наций и народностей». Таким образом, вновь смешивались национальный вопрос и вопросы федеративного устройства государства. В целом же события приняли такой оборот, что обтекаемые формулировки новой партийной программы оставили свой след только на бумаге, потомкам в назидание.

Ослабление «мягкой силы» русской культуры. Как указывает С. В. Лурье, для части народов русская высокая культура заполнила отсутствующий или слишком тонкий пласт собственной высокой культуры. Для народов, имевших свою высокую культуру, русская дополнила и обогатила ее (Лурье, 2012). При этом задачей русских было поддерживать костяк здания, направлять действие других (Лурье, 2012). По мнению одного из собеседников социолога, в сценарии дружбы народов русский народ выступал в роли сказочного Деда Мороза, перед которым пляшут и поют, а он улыбается, гладит по голове и раздает подарки (Лурье, 2012).

Из целого ряда обстоятельств, охарактеризованных выше, следует, что по мере продвижения к концу анализируемого нами периода русская идентичность становилось всё менее престижной и «выгодной» в карьерном, материальном и иных планах. Об этом свидетельствовала и статистика. Дети, рожденные в браках, где один из супругов был русским, выбирали национальность родителя, принадлежащего к «титульной» национальности: в Чебоксарах – в 2,2 %, Минске – в 40 %, в Киеве – в 60 %, а в Ашхабаде – в 90 % случаев (Ганцкая и Терентьева, 2007).

Вместе с тем, на наш взгляд, дело здесь не сводится к материальному аспекту. В этой связи уместно обратиться к концепции этнических подключений, которую разрабатывает С. В. Лурье. По мнению исследователя, такие подключения происходят в случае, когда этнокультурные процессы иного этноса являются более интенсивными. В ходе построения империи и устройства сверхдержавы возникает специфическая коммуникация, объединяющие народы. В периоды ослабления и распада имперских структур это явление, напротив, исчезает (Лурье, Мы...). Многое здесь, конечно, зависит от состояния государствообразующей культуры и того народа, который развивает ее непосредственно.

Взаимосвязь и взаимоотношения советского государства и русского народа были предметом пристального внимания американских советологов. Так, Дж. Рокфеллер утверждал в 1980 году: «Отношения (советского) режима с русскими людьми напоминают вошедшую в пословицу леди, оседлавшую

тигра. Она никогда не может остановиться или спрыгнуть без того, чтобы навлечь на себя недопустимые риски. Идеологические требования не разрешают Советскому режиму открыто отвергнуть марксизм и явно принять русский этноцентризм, но нельзя и отвергнуть последний так, чтобы нерусские не восприняли это как знак слабости... И наконец, режим не может реально надеяться оживить марксизм-ленинизм, потому как эта идеология не дает больше подлинной легитимности (Ethnic Russia...).

Этнически нерусские респонденты С.В. Лурье полагали, что русские не чувствовали достаточной поддержки в советском обществе, не понимали, что их просто любили как национальность.... Может, сами себя не очень любили... (армянин, 53 года) (Лурье, 2011). По мнению самой С. В. Лурье, русские не любили себя в качестве несущих идеи советизма и в отличие от нерусских не могли себя от них абстрагировать (Лурье, 2011).

Одним из факторов, оказавших негативное влияние на социокультурное состояние русского народа стала, в частности, проводившаяся в 1960–80-е годы широкомасштабная кампания по переселению сельского населения из мелких поселений в центральные усадьбы и крупные производственные участки совхозов. В результате этих мероприятий опустели как русские перспективные деревни, так и многие поселения коренных малочисленных народов Севера. Концентрация населения в перспективных селах вместо повышения уровня жизни поставила ряд социально-экономических проблем¹.

Кризисное состояние русской культуры особенно ярко отобразили писатели-деревенщики. Так, В. Г. Распутину удалось зафиксировать зловещую работу механизмов культурного саморазрушения, проявляющуюся, в частности, в распространении алкоголизма – проблемы, как известно, не медицинской, а социальной, точнее – социокультурной².

Соблазн постфактической рационализации подталкивает объявить дезинтеграцию Советского Союза неизбежным следствием охарактеризованных выше деструктивных явлений. Однако, на наш взгляд, история не является столь жестко детерминированным процессом.

Существование любого крупного государственно организованного общества всегда проблематизировано множеством внешних вызовов и внутренних противоречий. Вопрос в наличии сил, достаточно организованных и под-

---

¹ В частности, применительно к народам Севера П. В. Сосин называет следующие проблемы: ухудшение использования отдаленных угодий, воспитание и обучение на неродном языке, в отрыве от родной культуры, в результате чего сформировалась молодежь, не желающая идти в традиционные отрасли (Сосин, 2005).

² «– А все почему пьем? ... Вот говорят с горя, с того, другого. Не-ет. Это все дело десятое. Говорят, по привычке, а привычка, мол, вторая натура. Правильно, привыкли, как к хлебу привыкли, без которого за стол не садятся, а только и это не все, для этой привычки тоже надо иметь причину. Знаю, что виноват кругом на двадцать рядов ... – стыдно, глаз не поднять. А, с другой стороны, легче. С одной стороны, хуже, с другой – лучше. Идешь опять работать, грех замаливать. День работаешь, второй, пятый, за троих упираешься, и силы откуда-то берутся. ... И опять забурился. Не вытерпел. Все пошло сначала. Устал, значит. Организм отдыха потребовал. Это не я пью, это он пьет. Ему она вместе с хлебом понадобилась, потому что в нем такая потребность заговорила» (курсив мой – С. П.). (Распутин).

готовленных для того, чтобы эти проблемы и вызовы преодолевать. В случае Советского Союза с ролью такой силы не справились ни КПСС, ни спецслужбы, ни только лишь нарождавшееся гражданское общество.

Нельзя сказать, чтобы «правлящий класс» Советского Союза игнорировал реальность, не замечая нарастающих кризисных процессов. Другое дело, что в силу непубличности советской реальной политики судить о готовившихся тогда ответах на данные вызовы можно лишь по косвенным данным.

Политолог С. Е. Кургинян полагает, что как раз в анализируемый период в советской спецслужбистской элите сложилась группа единомышленников, объединенная вокруг программы вхождения России в «цивилизованную Европу». В качестве одного из препятствий к реализации этого плана участники этой группы воспринимали рост численности этнически исламского населения Союза. В этой связи они считали необходимым отделение «азиатских окраин» и проведение на оставшейся территории форсированной капиталистической модернизации (Кургинян, 2015).

Активист, тайно действовавшей внутри советских и партийных структур «русской партии», А. И. Байгушев указывает на значительную роль этого движения в развале Советского Союза: «Отделиться от всех «окраинных» республик-присосков, превративших Российскую Республику в экономического донора и пьющих кровь русской нации. Остаться только вчетвером – три славянские республики Россия, Белоруссия, Украина плюс, по населению больше чем наполовину русский, Казахстан. Этого мы очень хотели» (Байгушев, 2010).

Данная логика имела серьезный изъян: не было четкого ответа, почему и каким образом дезинтеграция должна остановиться и не продолжиться в урезанных границах обновленной России. В этой связи мы продолжаем пожинать плоды запущенных в анализируемый период центробежных процессов.

Констатировав вышеизложенное, следует вместе с тем согласиться с Э. Хобсбаумом: «Дискриминация и даже угнетение, против которых протестовали западные защитники некоторых советских национальностей в конечном счете оказались гораздо менее ужасными, чем последствия краха советской власти» (Хобсбаум, 1998). Советскому государству удалось создать замиренное пространство, способствующее прогрессивному развитию граждан. Несомненным достижением советского общества было формирование низовой культуры «дружбы народов», которая требует дополнительных исследований и может стать определенным ориентиром для гармонизации межэтнических отношений в современной России.

Список литературы

1. Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance. NY: Pergamon Press, 1980. 346 p.
2. Slezkine Yuri. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.

3. Smith J. Soviet nationality policies from Lenin to Gorbachev // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 507–526.
4. Арутюнян Ю. В. Развитие однотипной структуры советских наций // Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 123–137.
5. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 470 с.
6. Байгушев А. И. Евреи при Брежнев. М.: Алгоритм, 2010. 56 с.
7. Вайнштейн С. И. Социально-экономические предпосылки и факторы этнических процессов в СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 105–123.
8. Власова И. В. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е годы // Русские М.: Наука, 2005. С. 124–141.
9. Ганцкая О. А. Общие тенденции этносоциального развития брачно-семейных отношений // Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 433–460.
10. Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. 1977. С. 460–484.
11. Гасанов Э.Г.О. Власть. Режим доступа: http://lit.lib.ru/g/gasanow_e_g/text_0070.shtml.
12. Гражданская война в Таджикистане. Режим доступа: <http://ordzabadskie.ucoz.ru/publ/1-1-0-3>
13. Губогло М. Н. Взаимодействие языков народов РСФСР и развитие двуязычия наций // Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 294–316.
14. Гурвич И. С. Общее и особенное в этнических процессах у различных народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 500–534.
15. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают; пер. с англ. М.: АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. 800 с.
16. Диалектический и исторический материализм: учебник / под ред. С. М. Ковалева. М.: Политиздат, 1969. 392 с.
17. Елисеев А. 12 «неславянских» республик СССР. Режим доступа: <http://a-eliseev.livejournal.com/598834.html>.
18. Елисеев А. В. Русские в СССР. Потерпевшие или победители? М., 2010. 270 с.
19. Зарубежное россиеведение: учеб. пособие / под ред. А. Б. Безбородова. М.: Проспект, 2015. С. 387.
20. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 205.

21. Исхаков С. М. «Перестройка» и советские мусульмане // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 482–507.
22. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2008. 447 с.
23. Козлов В. В. Этнический аспект изменения социальной структуры Таджикской ССР // Этнические факторы в жизни общества. М., 1991. С. 62–74.
24. Козлов В. И. Изменения в расселении и урбанизация народов ССР как условия и факторы этнических процессов // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 137–159.
25. Козлов В. И. Изменения в расселении и урбанизация народов СССР как условия и факторы этнических процессов // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 137–159.
26. Козлов В. И. Национально-государственное строительство и развитие этнических процессов в СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 87–105.
27. Козлов В. И. Этнические процессы и динамика численности народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 484–500.
28. Кургинян С. Е. Актуальный архив. Работы 1988–1993 годов. М., 2010. 707 с.
29. Кургинян С. Е. Качели. Конфликт элит или развал России? Режим доступа: <http://www.litru.ru/br/?b=108207&p=3>.
30. Кургинян С. Е. Красная весна. М.: МОФ ЭТЦ, 2015. 384 с.
31. Лавров Л. И. Советский опыт «языкового строительства» и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С.284–291.
32. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. 5-е изд. 1973. Т. 24. С. 113–150.
33. Лурье С. В. «Дружба народов»: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–156
34. Лурье С. В. Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. 271 с.
35. Лурье С. В. Мы – Правая.Ru: <http://www.pravaya.ru/left/right/473/12437?print=1>.
36. Назарбаев Н. А. Без правых и левых. М.: Молодая гвардия, 1991. 254 с.
37. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
38. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущева 18 октября 1961 года // Материалы XXII съезда КПСС. М: Политиздат, 1961. 464 с.

39. Организованная преступность / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М.: Юрид. лит., 1989. 352 с.

40. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIV Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л.И. Брежнева 30 марта 1971 года // Материалы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. М: Политиздат, 1971. 320 с.

41. Пихоя Р. Г. Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 404–423.

42. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева 25 февраля 1986 года // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

43. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 448 с.

44. Программа Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

45. Райснер О. Грузия и ее новейшее национальное движение // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 2. Национализм в национальных государствах. М.: РОССПЭН, 2010. 695 с.

46. Распутин В. Г. Последний срок. Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/214675p5.html>.

47. Рюйтель А. Эстония: возрождение будущего. Таллинн: Изд-во «Ило», 2003. 223 с.

48. Саидов А. Х. Право и межнациональные отношения. В помощь лектору. Ташкент, 1989. 32 с.

49. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. 562 с.

50. Сосин П. В. Социальная инфраструктура мест компактного проживания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2005. 204 с.

51. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.

52. Тишков В. А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 588–599.

53. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html.

54. Хоскинг Дж. Россия и русские. Кн. 2. 496 с..

55. Хоскинг Дж. Россия и русские: в 2 кн. Кн. 2; пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. С. 307.

56. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2007. 128 с.
57. Чернев А. Д. Национальный состав партийно-государственной элиты СССР // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 578–588.
58. Чешко С. В. Роль этнонационализма в распаде СССР // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 443–469.
59. Чистов К. В. Некоторые характерные черты процесса сближения духовной культуры народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 365–385.
60. Шафиков Я. Семнадцать интервью в конце века. Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1999. 232 с.
61. Шубин А. В. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 годах. М.: Вече, 2008. 368 с.
62. Шубин А. В. Перестройка (главы из исторического исследования). Режим доступа: <http://www.rodon.org/shav/p.htm>.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ С УКРАИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с законодательством срок временного пребывания в РФ иностранного гражданина не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток [5, ст. 5]. В то же время глава ФМС России дал подразделениям указание беспрепятственно продлевать гражданам Украины временное пребывание без выезда на родину [10]. С 1 ноября 2015 года льготный период был продлен лишь для граждан с юго-востока Украины [11]. Остальным гражданам Украины следует оформить свой правовой статус на территории России. Какой статус наиболее благоприятен для иностранных граждан? Какие варианты имеет гражданин Украины, не попадающий под действие льготного режима, чтобы продлить законное время своего пребывания в РФ?

Во-первых, иностранные граждане могут подать заявление на получение разрешения на временное проживание [5, ст. 6] сроком на 3 года. Разрешение выдается с учетом квоты, которая, в свою очередь, на 2015 год была увеличена [7]. Более того, после изменений в законодательстве иностранный гражданин, получая разрешение на временное проживание, имеет право осуществлять трудовую деятельность без получения разрешения на работу или патента. В то же время временно проживающий в РФ иностранный гражданин не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта РФ, где ему разрешено временное проживание. Однако установлен перечень профессий, составляющих исключение из указанного правила, в частности, профессии водителя, машиниста, матроса, артиста, тренера, корреспондента и иные [8].

Во-вторых, путем получения вида на жительство [5, ст. 8]. Он выдается сроком на пять лет и может быть продлен неограниченное количество раз. До получения вида на жительство иностранный гражданин обязан прожить в РФ не менее одного года. После получения вида на жительство иностранный гражданин приобретает ряд важных прав, в частности, право на пенсионное обеспечение, право по собственному желанию изменять место своего проживания, право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления, участвовать в местном референдуме. Вид на жительство в России даёт право на осуществление трудовой деятельности без получения разрешения на работу или патента.

Следует отметить, что в российском законодательстве выделен статус высококвалифицированного специалиста [5, ст. 13.2], условия получения и прекращения которого имеют ряд отличий. Привилегии данного статуса заключаются в том, что на эту категорию лиц, а также членов их семей не распространяется наличие квот на выдачу приглашений на въезд, на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. Высококвалифицированный специалист может находиться и работать в РФ на основании разрешения на временное пребывание или вида на жительство. Разрешение на работу выдается по ходатайству работодателя или заказчика работ (услуг) на срок действия заключенного договора, но не более чем на 3 года с возможностью неоднократного продления. Однако следует учесть, что членам семьи высококвалифицированного специалиста в целях осуществления трудовой деятельности требуется получение разрешений на работу.

Граждане Украины, покинувшие свою страну, могут обратиться с ходатайством о признании беженцами. Получение статуса беженца дает лицу право на получение многих преимуществ, в частности на проживание в центрах временного содержания, получение медицинской помощи, содействие в обучении или трудоустройстве, работу по найму или предпринимательскую деятельность и т. д. [2, ст. 8]. Более того, РФ является государством, ратифицировавшим Конвенцию о статусе беженцев 1951 года, которая гарантирует им целый ряд прав, обеспечивающих наиболее благоприятное правовое положение [1]. Статус беженца предоставляется без указания срока. Каждые полтора года беженец проходит переучет, в ходе которого решается вопрос о сохранении статуса беженца либо его утрате. Смежным вариантом является предоставление лицу временного убежища в РФ. Оно может быть предоставлено по ходатайству иностранного гражданина либо в случае, когда ему отказано в признании беженцем и он не может быть выслан за пределы РФ из гуманных побуждений. Оно дается сроком на 1 год и ежегодно может продляться. Лица, которым предоставлен статус беженца или временное убежище, могут осуществлять трудовую деятельность без получения разрешения или патента [5, ст. 13].

Соотечественник, являющийся иностранным гражданином, постоянно или временно проживающий на законном основании на территории РФ либо получивший временное убежище, вправе подать заявление об участии в Государственной программе переселения соотечественников [6]. Уже исходя из названия программы можно судить о том, что она будет предпочтительна для тех лиц, кто планирует в будущем стать гражданином РФ. В силу закона большинство граждан Украины могут являться соотечественниками. Участник данной программы, а также члены его семьи наделяются правами на получение образования, бесплатной медицинской помощи, предоставление мест в учреждениях социального обслуживания населения, помощь в трудоустройстве. Участник программы и члены его семьи получают право на осуществление трудовой деятельности, в том числе предпринимательской.

В отношении мигрантов, которые желают продлить законный срок временного пребывания на территории РФ, но не обладают одним из статусов, указанных выше, существует иной вариант – получение разрешения на осуществление трудовой деятельности. Ранее разрешения выдавались по системе квотирования, которая была признана неэффективной и заменена на систему патентов. Патентом является документ, который дает иностранному гражданину право на осуществление трудовой деятельности [5, ст. 13.3]. Он оплачивается в виде налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа [3, ст. 227.1], который на 2015 год составляет 1568,4 рублей и уплачивается ежемесячно. Однако субъекты имеют право устанавливать дополнительный региональный коэффициент, увеличивая сумму налога. Так, в Москве патент обойдется в 4000 рублей, в Чукотском АО – 8000 руб., в Красноярском крае региональный коэффициент не установлен. Срок оформления патента составляет десять рабочих дней, что значительно быстрее, чем получение иных статусов (шесть месяцев для получения временного проживания и вида на жительство, более трех месяцев для получения статуса беженца или временного переселенца). Сложностью является то, что иностранцу необходимо успеть подать документы на оформление патента в течение тридцати календарных дней со дня въезда в РФ.

Еще одним вариантом для гражданина Украины является стать гражданином России. В общем порядке требуется непрерывно прожить в РФ в течение пяти лет, имея вид на жительство. Для лиц, признанных беженцами, срок может быть сокращен до одного года. В упрощенном порядке (без соблюдения обязательного срока проживания) гражданство могут получить лица, которые имеют родителя – гражданина РФ, проживающего в России; были рождены в РСФСР и в прошлом были гражданами СССР; участники Государственной программы переселения соотечественников и иные категории лиц [4, ст. 13–14].

Следует сделать вывод, что Российское миграционное законодательство является достаточно развитым. Жителям Украины, покинувшим свою страну и нуждающимся в помощи, предоставлен выбор из множества вариантов различных правовых статусов в зависимости от целей, которые они преследуют. Тем, кто не планирует возвращаться на родину, предпочтительным является получение гражданства или участие в программе переселения соотечественников. Остальным для получения социальной поддержки следует получить статусы беженца или временного переселенца.

Список литературы

1. Конвенция о статусе беженцев 1951 года // ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 12.11.2015).

2. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 12.11.2015).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС Консультант плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/nalog1/> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 12.11.2015).
5. Федеральный Закон от 25.06.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 10.11.2015).
6. Указ Президента РФ от 14.09.2012 N 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СПС Консультант плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/ (дата обращения: 9.11.2015).
7. Распоряжение Правительства от 24.04.2015 года №732-р. «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2014 г. № 2275-р» // Правительство России. Режим доступа: <http://government.ru/docs/19573/> (дата обращения: 12.11.2015).
8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 28.07.2010 г. № 564н // Российская газета. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/09/17/migrant-dok.html> (дата обращения: 9.11.2015).
9. ФМС: украинцы могут безвыездно находиться в России до 270 суток // Информационное агентство России ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1316278> (дата обращения: 9.11.2015).
10. Отменен льготный режим для граждан Украины в РФ // Интерфакс. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/476774> (дата обращения: 9.11.2015).

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Человек живет в обществе, поэтому всегда будет актуален вопрос социальной интегрированности. Ни для кого не секрет, что необходимо определенное умение приспособляться к обществу, иначе индивид обречен на устойчивую неспособность ладить с окружающими, изоляцию. Как индивидуальное, так и групповое развитие каждого человека или этноса начинается с его постепенного включения в окружающий мир, взаимодействия с другими культурами и людьми или их отрицания. Это вхождение в мир происходит путем усвоения индивидом необходимого количества знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения, позволяющего ему существовать в качестве полноправного члена общества.

Если обучение культуре происходит внутри нашей собственной (первичной) культуры, то в данном случае применяется термин «культурная трансмиссия». Если же процесс усвоения культуры происходит в результате контакта с другой (вторичной) культурой, то применяется термин Джона Берри – аккультурация.

Необходимо дифференцировать понятия инкультурации и аккультурации.

Аккультурация – процесс взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены, но и группы по-прежнему различны. Следует различать аккультурацию и ассимиляцию, при которой происходит полная утрата одним народом своего языка и культуры при контакте с другим, более доминантным. При этом, несомненно, аккультурация может быть первой ступенью на пути к полной ассимиляции.

Инкультурация – это процесс приобщения индивида к культуре, усвоение им определенных привычек, норм и стереотипов поведения. В узком смысле слова под инкультурацией в современной культурологии понимают восприятие культурных норм и ценностей ребенком. В более широком понимании этот процесс не ограничивается периодом детства, но включает в себя также усвоение культурных стереотипов взрослым человеком. В последнем случае этот термин применяется по отношению к иммигрантам, приспособляющимся к новым культурным условиям. С его помощью описываются сложные аспекты адаптации, связанные с вхождением в иную культурную среду. Термин «инкультурация» был введен в оборот американским культурологом М. Дж. Херсковицем в 1948 году.

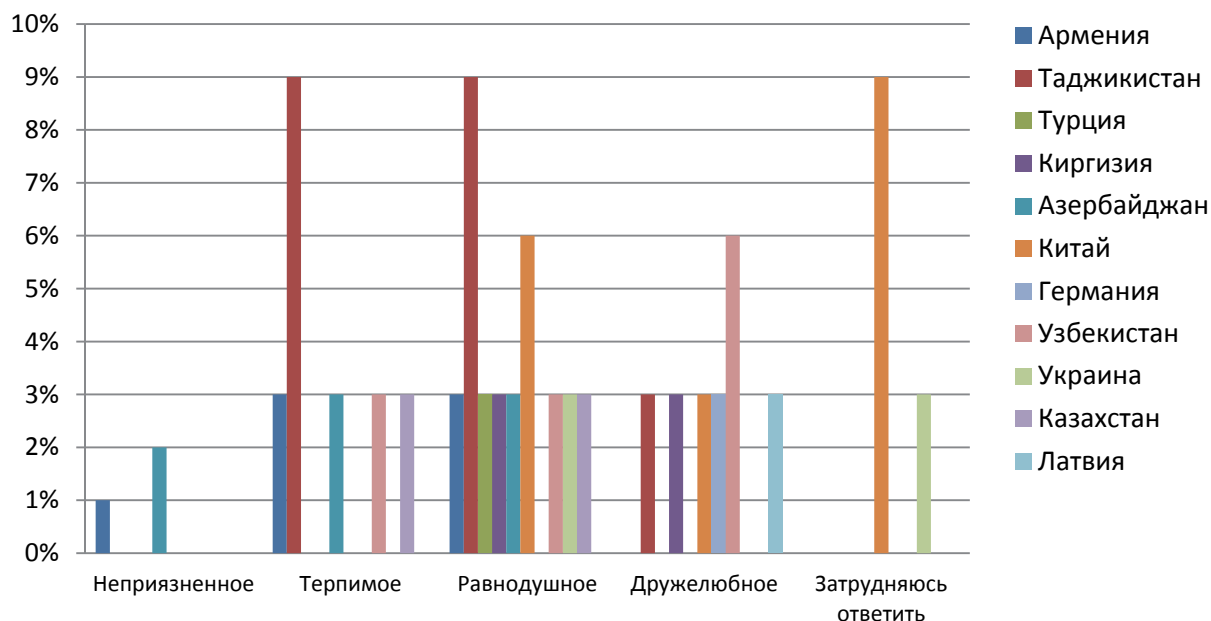
---

¹ Шестопалова Д. С., Сошина И. С., Копцева Н. П., 2016

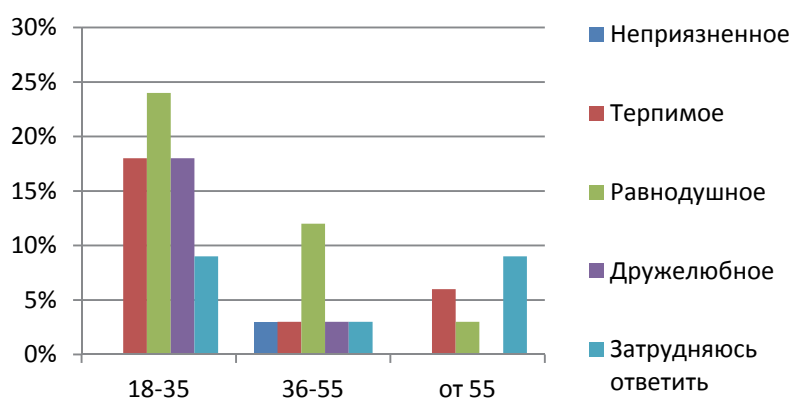
Цель проделанной нами работы – раскрыть понятие «инкультурация» и показать, что инкультурация мигрантов в российское общество – стратегия антиконфликтная и наиболее эффективная для социальной интегрированности. Для этого было проведено анкетирование среди трудовых мигрантов г. Красноярска, задача которого состояла в том, чтобы выявить положение мигрантов в местной культурной среде.

Анкетирование

1. Как Вы оцениваете Отношение местного населения к Вам?

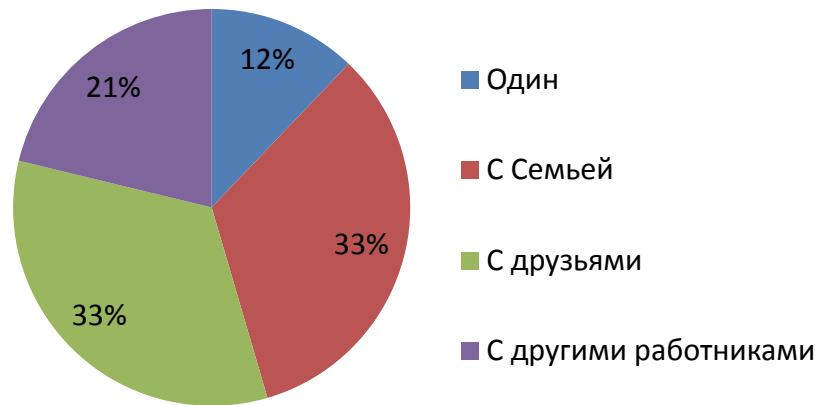

Видим, что небольшое количество опрошенных из стран Армении и Азербайджана ощущают на себе неприязненное отношение. Тем временем трудовые мигранты из Таджикистана разделились во мнении. Они в равном количестве ощущают к себе как терпимое, так и равнодушное отношение. В целом, судя по итогам опроса, мигранты по разному оценивают отношение к себе со стороны местного населения, но выраженное неприязненное отношение никто из них не отметил.

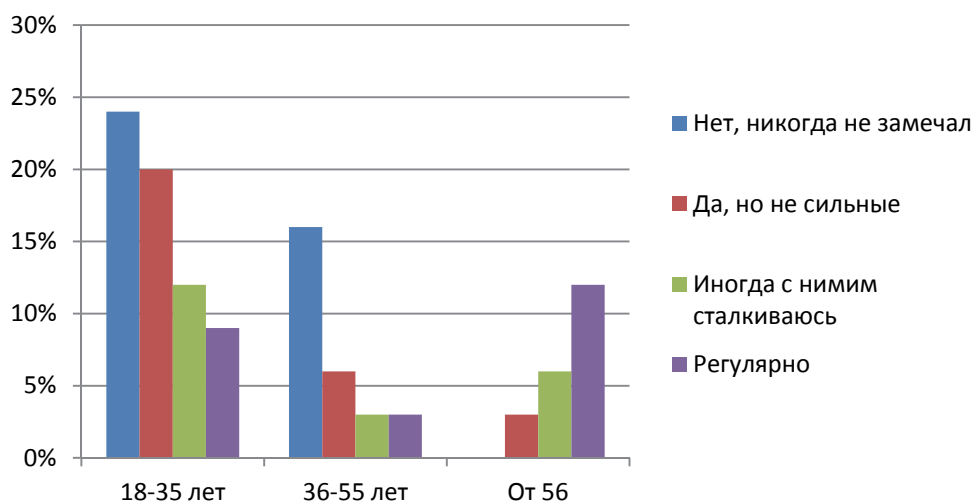
Далее мы рассмотрели это восприятие по возрастному критерию. Выявили, что чаще всего все возрастные группы претерпевают к себе равнодушное отношение.

2. Вы приехали в Россию: один, с семьей, с друзьями, с другими работниками?

Из диаграммы явно видно, что в равном количестве мигранты приезжают с семьей и с друзьями. Реже всего приезжают на заработки в одиночестве. Это может быть связано с тем, что претерпевать трудности в чужой стране легче всего с друзьями и другими работниками, также они берут с собой свою семью, чтобы не разлучаться с родными и заботиться о них.

3. Видите ли вы какие-либо притеснения ваших прав со стороны граждан/правительства РФ?

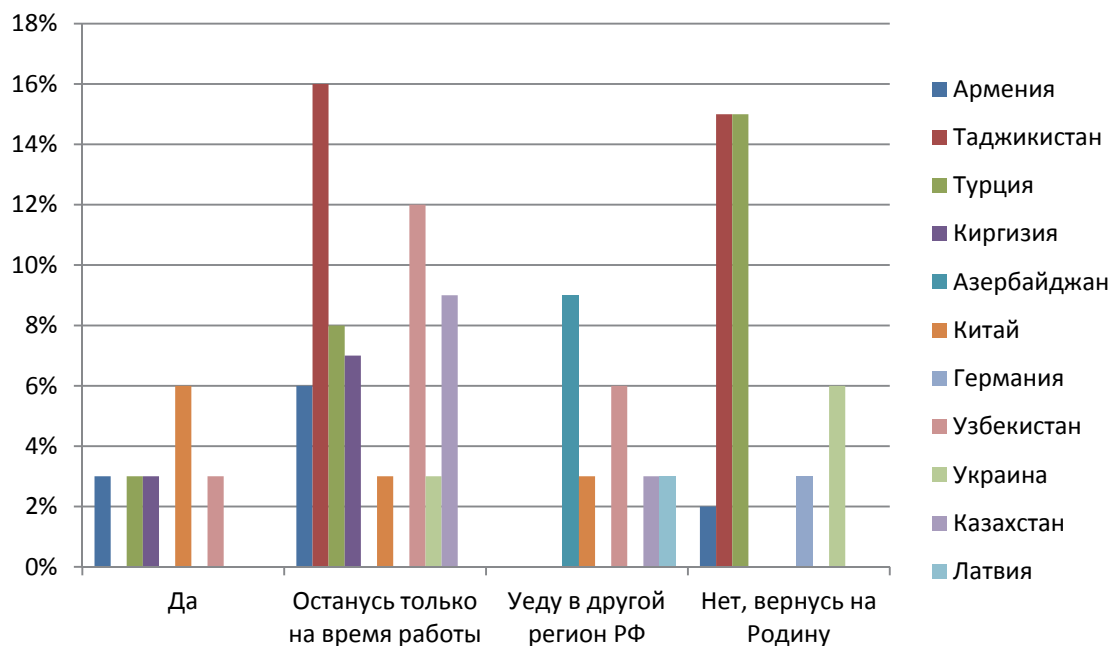

В данной категории заметна тенденция к тому, что молодые приезжие меньше, чем другие возрастные группы ощущают на себе притеснение. Но старшее поколение регулярно отмечают несправедливое отношение к себе. Это может говорить о том, что молодые люди легче адаптируются в со-

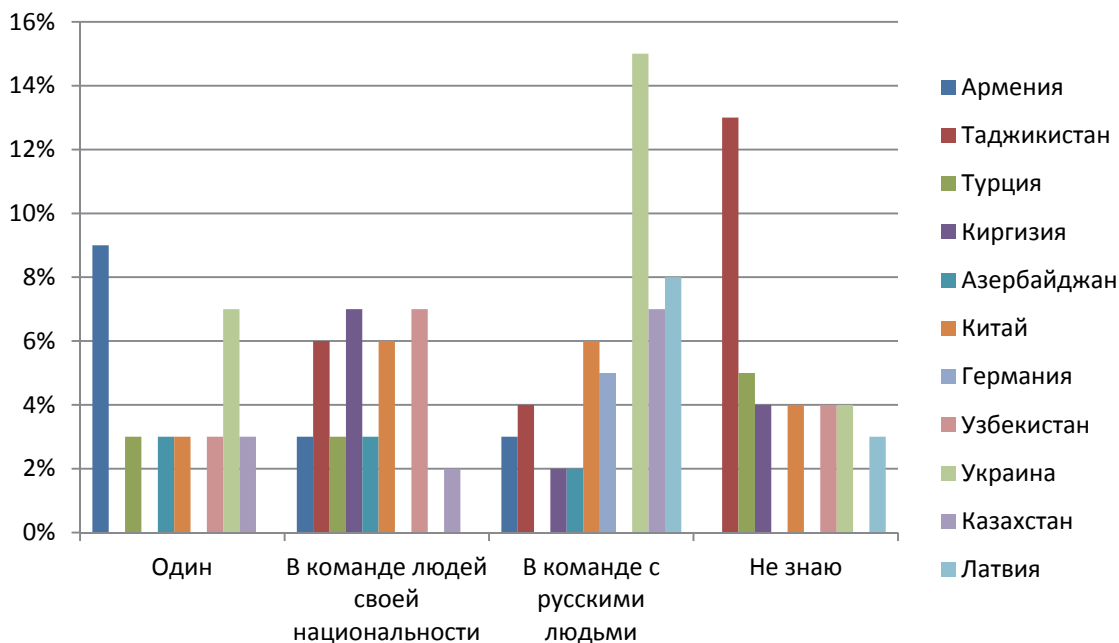
циуме и не ощущают какие-либо притеснения.

4. Собираетесь ли вы оставаться в Красноярском крае в дальнейшем?

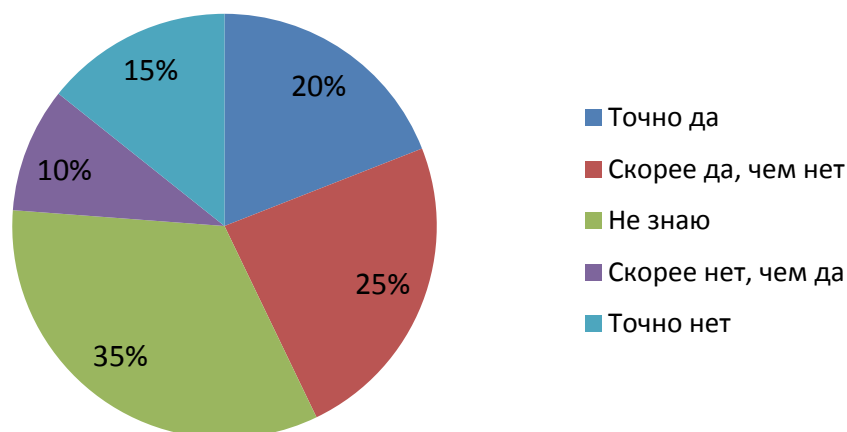
В данной диаграмме по национальному критерию видно, что граждане из Таджикистана и Турции не собираются задерживаться в нашей стране надолго, скорее всего из-за цели их приезда. Они приезжают в Красноярский край на заработки на довольно короткий срок.

5. Вы собираетесь работать: один, в команде людей своей национальности, в команде с русскими людьми, не знаю.

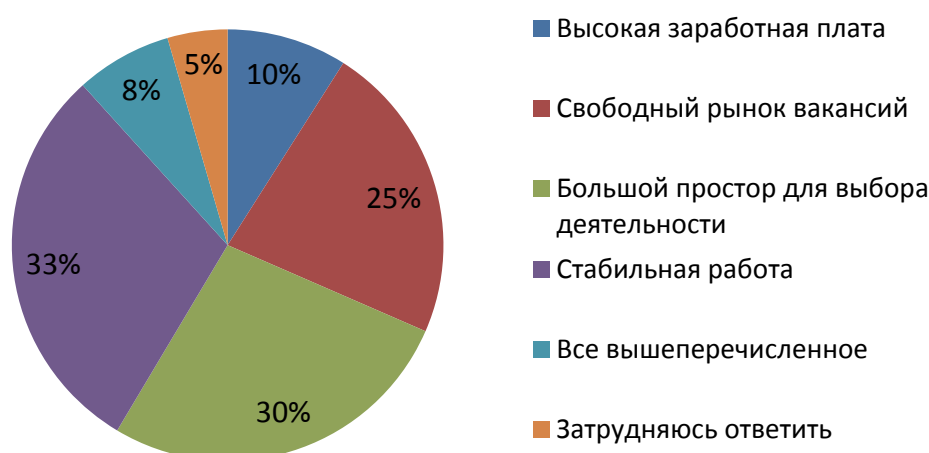
В команде с русскими людьми стремятся работать граждане Украины, Казахстана и Латвии. Но в команде людей своей национальности в равной степени собираются работать мигранты из Таджикистана, Киргизии, Китая и Узбекистана. Это, возможно, связано с тем, что люди, близкие по менталитету к русским, стремятся работать с ними в одной команде.

6. Собираетесь ли вы продолжить изучать русский язык и посвящаться в русскую культуру?

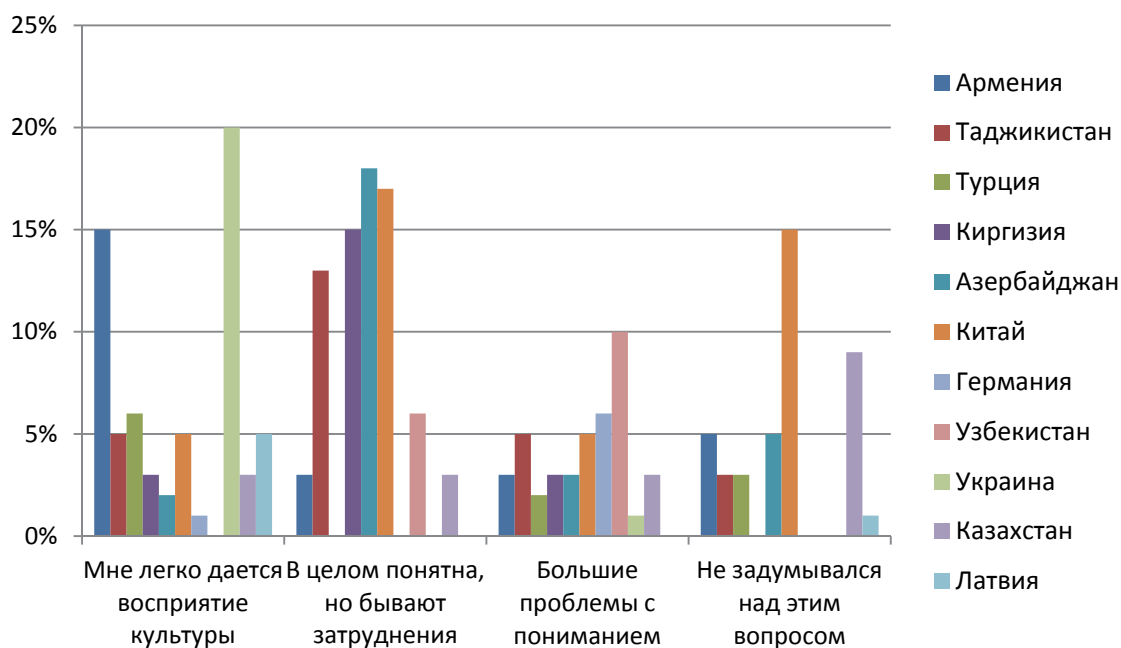
Многие из опрошенных затруднились ответить, но почти половина ответивших дали положительный ответ. Это, безусловно, положительная тенденция, так как процесс инкультурации невозможен без усвоения индивидом необходимого количества знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения, позволяющего ему существовать в качестве полноправного члена общества.

7. Что сподвигло вас приехать на заработки в РФ?

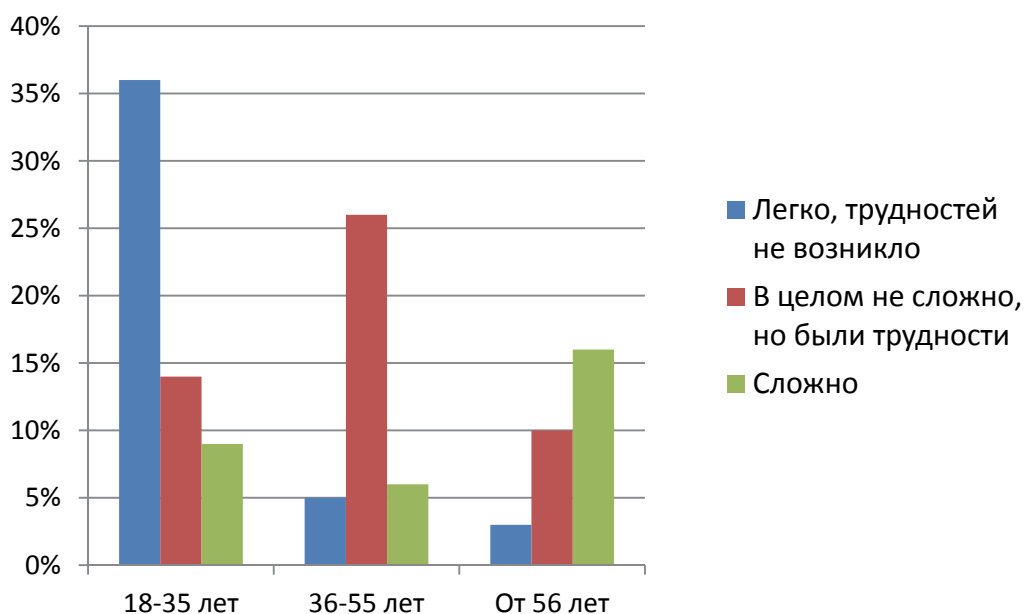
Видно, что большинство ответивших отмечают высокую заработную плату, свободный рынок вакансий и большой простор для выбора деятельности и поэтому приезжают в Красноярский край на заработки. Из этого можно сделать вывод, что край по отношению к их родине преуспевает в этих качествах.

8. Насколько понятна вам русская культура?

Восприятие культуры легко дается гражданам Украины и Армении. Такие результаты объясняются тем, что Украина и Армения связаны с нами в религиозном отношении. Также большинству из опрошенных в целом русская культура понятна, проблемы ощущают мигранты из Узбекистана. Этот факт можно объяснить тем, что у граждан из этого государства ярко выражены собственные традиционные взгляды, которые в некоторых аспектах не совпадают с культурным пространством нашей страны.

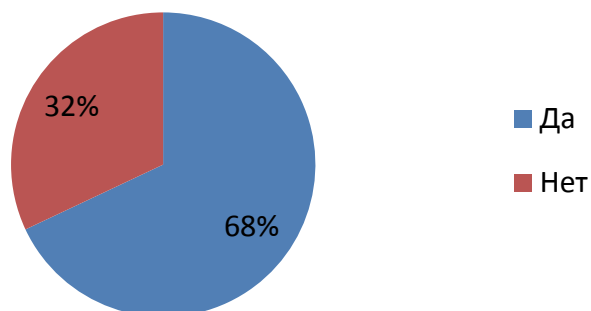
9. Легко ли вам было адаптироваться в нашей стране?

Этот график повторяет выводы вопроса о притеснении прав. Опять же видна тенденция к тому, что молодая категория трудовых мигрантов легче

адаптируется в социуме, у них легче проходит аккультурация. Молодым людям легче справляться с изменениями в жизни и сменой обстановки.

10. Знаете ли вы, куда стоит обращаться, если нарушаются Ваши права?

Эта диаграмма свидетельствует о том, что большинство трудовых мигрантов прекрасно осведомлены о службах, в которые им следует обращаться, если нарушаются их права. Нельзя не отметить, что мы получили яркий положительный итог об осведомленности мигрантов в нашем крае. Хотя, безусловно, стоит стремиться к тому, чтобы процент осведомленных возрастал.

В ходе исследования была достигнута поставленная цель провести анкетирование среди трудовых мигрантов г. Красноярска, задача которого состояла в том, чтобы выявить положение мигрантов в местной культурной среде.

Анкетирование участвующих в опросе людей проводилось среди работающих на территории Китай-города и рынка КрасТЭЦ при непосредственной беседе.

По результатам ста двадцати анкет можно сделать несколько выводов:

Мигранты по-разному оценивают отношение к себе со стороны местного населения, но выраженное неприязненное отношение никто из них не отмечает.

Они редко приезжают на заработки в одиночестве. Небольшой группе гораздо легче социализироваться в другой культурной среде, так как стресс культуризации ниже.

Молодые люди легче адаптируются в социуме, в то время как старшее поколение регулярно отмечает несправедливое отношение к себе.

Люди, близкие по менталитету к русским, стремятся работать с ними в одной команде.

Восприятие культуры легко дается гражданам схожей культурной среды. Большинство опрошенных отмечают небольшие трудности в восприятии русской культуры, однако в целом не считают этот процесс сложным.

Большинство трудовых мигрантов прекрасно осведомлены о службах, в которые им следует обращаться, если нарушаются их права. Хотя, безусловно, стоит стремиться к тому, чтобы процент осведомленных возрастал.

Почти половина ответивших собираются продолжать учить русский язык и посвящаться в русскую культуру. Это, безусловно, положительная тенденция, так как процесс инкультурации невозможен без усвоения индивидом необходимого количества знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения, позволяющего ему существовать в качестве полноправного члена общества.

ОТНОШЕНИЕ К СОВРЕМЕННЫМ ПРОЦЕССАМ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ

Актуальность данного исследования заключается в повышенном интересе к миру ислама со стороны современных политических и религиозных процессов. Целью данного исследования является изучение отношения к современным процессам в исламском мире. Задачами становятся: анализ ценностей межкультурных отношений и выявление проблемных зон динамично развивающегося мира ислама.

Ход исследования определён тремя этапами:

- 1) теоретический, посвященный обзору научных источников;
- 2) практический, в котором применён метод контент-анализа к текстам СМИ г. Красноярска;
- 3) прикладное культурное исследование с помощью метода «анкетирование» современного отношения студентов Сибирского федерального университета к процессам в исламском мире.

Этап I. Основой для исследования выступили труды ученых, за последние десять лет.

Ряд исследователей посвящают свои труды проблеме роста населения в исламском мире, пошатнувшемуся положению мусульманских государств и прогнозами развития этой проблемы в будущем. Например, в статье Белокреницкого «Рост населения в исламском мире» [1] исследуется вопрос роста населения в исламском мире. В статье прослежены исторические тренды, связанные с популяционной динамикой применительно к мусульманам, проанализированы некоторые причины ускоренного роста числа приверженцев ислама, даны прогностические оценки на 2025–2050 годы. Отмечено, что изменение относительной численности представителей различных религиозных групп наблюдалось в истории неоднократно и само по себе не вело к обострению межрелигиозных конфликтов, хотя на религиозном уровне могло создавать фоновые условия для их актуализации. В статье «Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов» [2] автор пишет о том, что актуальность представленного исторического и футурологического обзора взаимоотношений России и исламского мира через призму демографических процессов обусловлена повышенным вниманием общественных и государственных кругов страны к сегодняшнему этапу и перспективам взаимодействия с миром ислама.

Другие исследователи истолковывают понятие «ислам» как активный инструмент политики, проблему терроризма и радикализации религии. В своей книге «Ислам и политика» [3] Александр Игнатенко поднимает такие вопросы, как: почему так получилось в недавней мировой истории, что ислам подвергся политизации, неужели ислам – это какая-то особенная религия, которая чуть ли не подталкивает своих последователей к экстремизму, кто стоит за теми или иными акциями, как воздействует политизация ислама на саму религию, почему ислам спорит сам с собой, раскалываясь на враждующие группировки, есть ли в исламе внутренние ресурсы терпимости к неисламскому миру? В статье Паина «О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма» [4] исследуется вопрос экстремизма и терроризма в исламе.

Встречаются статьи, в которых исследуются исламские правовые и финансовые системы, дана попытка понять и разобраться в них, определены перспективы развития данных систем и применения их не только в исламских странах. Василенко в «Геополитике современного мира» [5] говорит о том, что проблемы исламского фундаментализма сильно преувеличены западной общественностью. «Исламский фундаментализм – это скорее жупел для Запада, в котором сохранились татаро-монгольские и мусульманские набеги. В действительности феномен исламского фундаментализма – это свидетельство не столько возрождения ислама, сколько его паники и замешательства, может быть, даже ощущения вины за стирающиеся границы с другими цивилизациями. Авторы статьи «Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ» [6] отмечают, что хотя страны с мусульманским населением изобилуют природными ресурсами, контраст между бедными и богатыми в них чрезвычайно велик, что создает ситуацию риска эскалации социального насилия. При этом роль традиционной религии как сохраняющей внутреннее единство и консолидацию маргинальных социальных групп возрастает. Также они замечают, что глобализация, проникая в мир ислама, обостряет внутренние противоречия, усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей, развал семьи. Нигде она не производит столь разрушительного эффекта как в исламском мире. В статье Васильева «Ислам и террор» [7] раскрывается негативная сторона ислама. Радикализация этой религии вполне определенно опирается на толкование ряда заповедей Корана. И как ни изощрайся в политкорректности, невозможно отрицать, что террористы, о которых идет речь, очень тесно связаны именно с исламом, что они преданы идеям, запечатленным в Коране (неважно, как их интерпретируют более умеренные мусульмане), что они, с готовностью убивая других, умирают со словами «Аллах Акбар!». Поэтому стоит попытаться понять, почему, спустя почти полтора тысячелетия после появления ислама, стало возможным возникновение столь мощного, энергичного, использующего террор движения, как современный исламизм.

В статье «Ислам в современном мире» Яхьяева [8] уточняется сущностное содержание понятия «радикализм», выделяются такие его формы, как конструктивный радикализм и деструктивный радикализм. Дается анализ социально-политических истоков и причин, оказавших наиболее значимое воздействие на активизацию исламского радикализма в современном мире. В диссертации Беккина «Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития» [9] раскрывается суть исламской финансовой системы, которую можно охарактеризовать как совокупность методов и механизмов финансирования, позволяющих осуществлять экономическую деятельность без нарушения базовых принципов, сформулированных в шариате (мусульманском праве). В статье об исламском праве «Перспективы развития универсальной и исламской концепций прав человека в изменяющемся мире» Ф. Л. Иванова [10] затрагиваются наиболее сложные и малоизученные вопросы современной правовой системы исламских государств. В ней приводятся мысли о том, что исламские правоведы настаивают на невозможности принятия странами, проповедующими ислам, концепции естественного права, которая, по их мнению, является продуктом секулярной интерпретации иудео-христианских ценностей, несовместимых для мусульман.

Этап II. Контент-анализ. Для контент-анализа было взято слово «ислам», в качестве источников были использованы газеты и новостные интернет-ресурсы:

(НГС. Новости, NewsLab, Яндекс. Новости, Майл.ру Новости) за последние 18 месяцев. Из 11 выбранных нами новостей, посвященных исламу, слово «ислам» встретилось 19 раз, в среднем по 2 раза в одной новости. Выяснилось, что чаще всего анализируемое слово встречается в таких словосочетаниях, как «исповедовать ислам», «радикальный ислам». Часто в связке со словом «ислам» идут такие понятия, как «экстремизм», «терроризм» (табл. 1).

Этап III Анкетирование. Анкетирование проведено среди студентов Сибирского Федерального Университета, с целью выявить отношение университетской учащейся молодежи к исламу и процессам, проистекающим в нем, для анализа ценностей межкультурных отношений. Участникам было предложено восемь вопросов с вариантами ответов.

В анкетировании приняли участие студенты Сибирского федерального университета, всего 107 заполненных анкет, из них 96 человек – представительницы женского пола и 11 представителей мужского. Возраст опрашиваемых от 17 до 27 лет. Также участникам было предложено указать свою национальную принадлежность и социальное положение. Стоит отметить, что большинство опрошенных идентифицировало себя как русских. К колонке «Социальное положение» не было предложено объяснений, многие участники заполнили ее, как посчитали нужным. В основном оказалось, что под социальным положением респонденты понимают социальные классы (рабочая семья, интеллигенция и т. д.).

Таблица 1

Ислам	Глаголы	Прилагательные		Другие части речи	Словосочетания и связанные слова
		положительные	отрицательные		
1. Красноярцы забросали Яндекс запросами о пропаже президента В. В. Путина (http://ngs24.ru/news/2095162/view/)	Принял	–	–	–	Принял ислам
2. В Красноярском крае женщину приговорили к 5,5 годам колонии за финансирование и публичное оправдание терроризма (http://ngs24.ru/news/2004852/view/)	Приняла		Террористических, террористический	Исповедовавшим, моджахед, религию	Осуществлению террористических актов, публичное оправдание терроризма, террористической организации, исповедовавшим ислам, приняла его религию
3. Отрывок из интервью красноярца и редакции NewsLab: (http://newslab.ru/article/583032)	Проповедуют	Доброжелательные, толерантные	Предвзятое, неадекватным, кавказских, террористических	Религия	Ислам проповедуют, доброжелательные и толерантные к другим религиям, наше предвзятое отношение к исламу и мусульманам, неадекватным поведением фанатиков из наших кавказских республик или террористических организаций Ближнего Востока
4. Житель Красноярского края продал автомобиль, чтобы доехать до Сирии и стать боевиком (http://www.kp.ru/daily/26446.4/3319110/)	–	–	Радикального, незаконные, вооруженные	Террористов, боевиков, ИГИЛ	Боевиков организации «ИГИЛ», пропагандировавших идеи радикального ислама
5. В Красноярске празднуют Курбан-байрам (http://www.kp.ru/online/news/2173086/)		Почитаемых, высоких нравственных		Идеалы, Курбан-байрам	Почитаемых в исламе, высокие нравственные идеалы
6. Красноярские мусульмане отмечают курбан-байрам (http://www.trk7.ru/news/49131.html)	Является	Основных, системообразующих		Религий, Курбан-байрам	Один из главных праздников приверженцев ислама, является одной из системообразующих, одной из основных религий
7. В Красноярске задержали экстремиста из Азербайджана (http://haqqin.az/news/53562)	–	–	Террористического, радикального», исламистские	Экстремист	Видеоролики террористического характера с целью публичного оправдания идей исламизма и радикального ислама, вовлечения новых адептов в исламистские организации, оправдывал терроризм

Окончание табл. 1

Ислам	Глаголы	Прилагательные		Другие части речи	Словосочетания и связанные слова
		положительные	отрицательные		
8. В Красноярске осудили вербовщика в ряды террористов (https://news.mail.ru/incident/22868146/)	–	–	Террористической, экстремистской, радикального, вооруженных	Террористов, терроризм	Преступления террористической направленности, под видом совместного изучения ислама совершал религиозные обряды, во время которых оправдывал терроризм, призывал к осуществлению экстремистской деятельности, склонял их к участию в вооруженных формированиях
9. Красноярская студентка, отчисленная за хиджаб, отсудила у вуза 5 тыс. руб (https://news.mail.ru/society/15153597/)	–	–	–	Исповедующая, хиджаб	Исповедующая ислам, запрещающие ношение хиджаба, религиозную одежду
10. Первая мечеть для осужденных открылась в Красноярском крае (https://news.mail.ru/society/14224670/)	–	–	Осужденных	Мусульман, исповедующими	Осужденных-мусульман, исповедующими ислам
11. Сотрудников ГУФСИН по Красноярскому краю будут учить основам шариата (https://news.mail.ru/society/13541514/)	–	–	Осужденных	Исповедующих, исповедующие, мусульмане, вероисповедание	Осужденных, исповедующих ислам, начинают спекулировать культурными, религиозными традициями

Была возможность кроме подчеркивания какого-либо варианта дать свой вариант ответа. Некоторые из опрошенных воспользовались этой возможностью и дали довольно оригинальные варианты ответов. Оригинальные варианты ответов.

Вопрос 1. По вашему мнению, ислам – это ...

Современный ислам не имеет никакого отношения к религии, это своего рода нацизм, направленный на поддержание только мусульман.

Вопрос 2. Какие утверждения точнее всего характеризуют современные процессы в Исламском мире?

Мы ничего не знаем об исламском мире, кроме того, что нам показывают в СМИ, а это не очень достоверные сведения.

Вопрос 3, 4. Приходилось ли вам наблюдать ущемление прав мусульман в России (и в Красноярском крае)?

Если только возникают проблемы с гражданством, а так – нет, к ним хорошо относятся.

Нет. Хотя, если учесть то, что у нас есть закон, защищающий права верующих, распространяющийся негласно только на православных, то в какой-то степени да.

Вопрос 5. Политический ислам – это...

Радикальные течения, направленные на свержение власти.

Это вечные войны, по моему мнению, без причины! Убийства, несправедливость! Но несомненно, что есть как хорошие мусульмане, так и плохие.

Вопрос 6. Какое влияние оказывает культура ислама на современные процессы в России?

Положительное, воспитывается взаимопонимание и терпимость народов. К тому же, взаимодействие разных культур способствует их взаимообогащению.

Из-за массового терроризма назревают нездоровые социальные и политические отношения.

Отрицательно. Возникает мнение, что ислам обязательно связан с терроризмом.

Вопрос 7. Есть ли среди ваших близких или родственников те, кто исповедуют ислам.

Среди тех, кто ответил «да» на этот вопрос, многие объяснили это тем, что их молодой человек исповедует ислам, т. е. для них иная религиозная принадлежность партнера не является препятствием, что можно охарактеризовать только как положительный процесс.

Таким образом, на основании теоретического и прикладного исследования можно сделать выводы о том, что современный исламский мир – это быстрый рост населения; традиционный ислам и политизированный ислам (радикальные течения); проблема терроризм и экстремизма, поиски ее решения; современная финансовая и правовая система.

В целом можно утверждать, что ученые говорят о современном исламском мире как о динамично развивающемся пространстве, процессы глобали-

зации в котором ведут к обострению внутренних конфликтов, усиливающих деградацию политических систем. Наблюдаются процессы радикализации религии, являющиеся причиной возникновения терроризма и экстремизма. Также существует работы, посвященные исламской финансовой и правовой системе. Можно выделить такие аспекты, как динамический рост, терроризм, внутренняя политика и экономика исламского мира.

Проанализировав печатные и интернет-издания новостей, мы пришли к выводу, что современными СМИ ислам понимается как религия: верить, исповедовать ислам, принять ислам, ислам является..., проповедовать ислам.

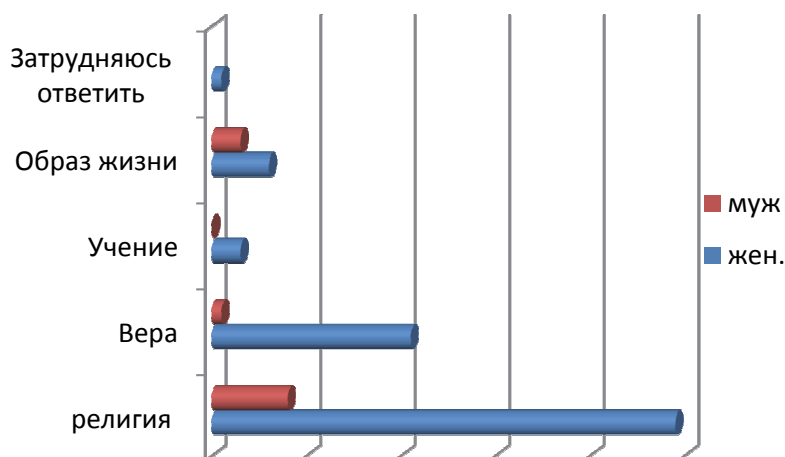
По словарным определениям ислам – это монотеистическая авраамическая мировая религия. Слово «ислам» переводится как «предание себя Богу», «покорность», «подчинение» (законам Аллаха). В шариатской терминологии ислам – это полное, абсолютное единобожие, подчинение Аллаху, Его приказам и запретам; отстранение от многобожия и придание сотоварищей Аллаху.

В современных СМИ слово «ислам» понимается как религия, причем религия сильно политизированного характера, а не религиозное учение, что в основном часто приводит к несоответствию традиционного понимания ислама как веры, учения и формирования неверного представления об исламе. Это связано с происходящими на данный момент негативными процессами в исламском мире. По вышеприведенным источникам можно заметить, что слово «ислам» употребляется часто в негативном контексте, связывается с такими негативными явлениями современного мира, как терроризм и экстремизм. Несмотря на то, что статьи раскрывают реальное положение дел, связанных с исламом, в них можно проследить и авторскую интерпретацию понятия ислама.

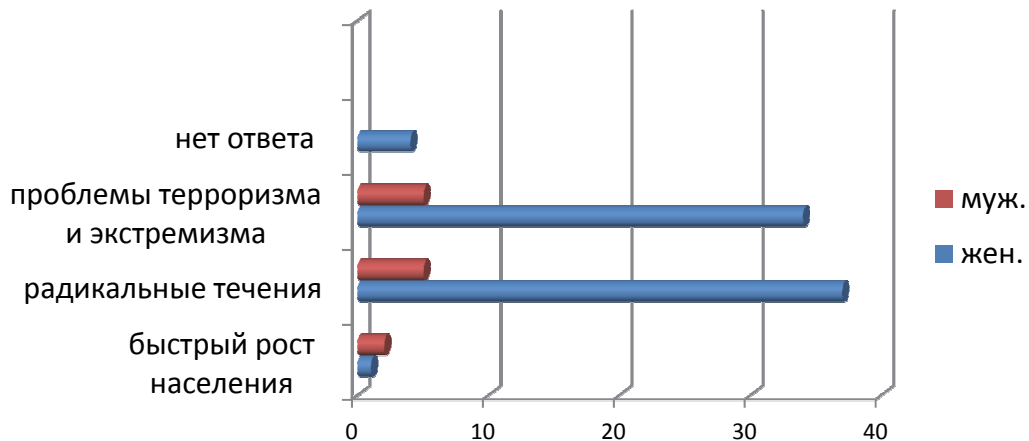
Отсюда следует вывод, что ислам в представлении современных СМИ – это религия, тесно связанная с политикой.

Ислам воспринимается большинством как религия политизированного характера. Многие воспринимают различные террористические акты как способ/ средство принуждения. На почве последних событий, о которых говорится в СМИ, мир и культура ислама вызывает панику у масс.

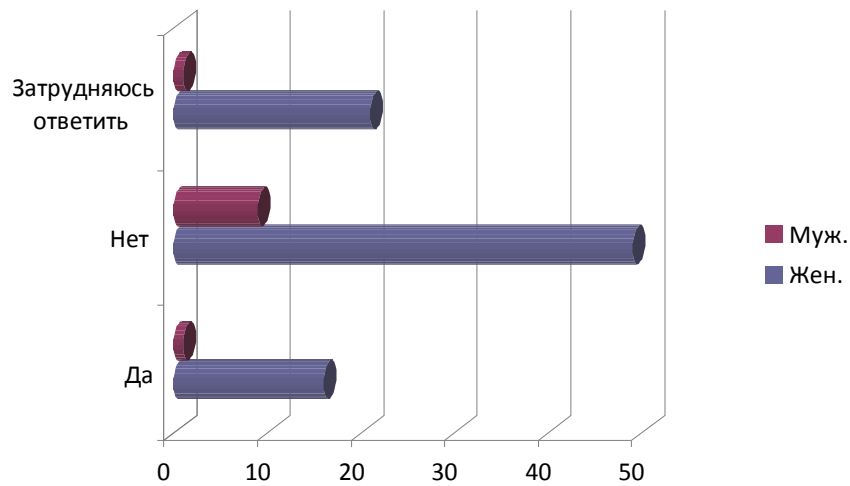
Вопрос 1. Ислам – это ...

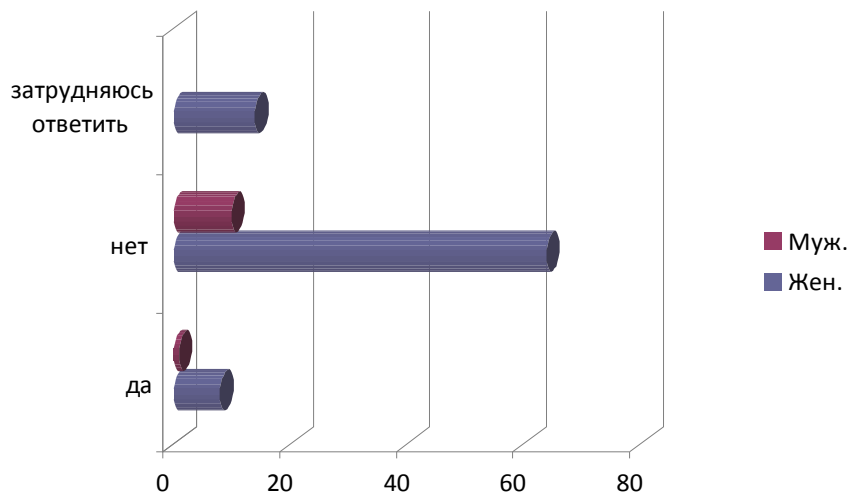
Вопрос 2. Какие утверждения точнее всего характеризуют современные процессы в исламском мире?

Вопрос 3. Приходилось ли вам наблюдать примеры ущемления прав мусульман в России?

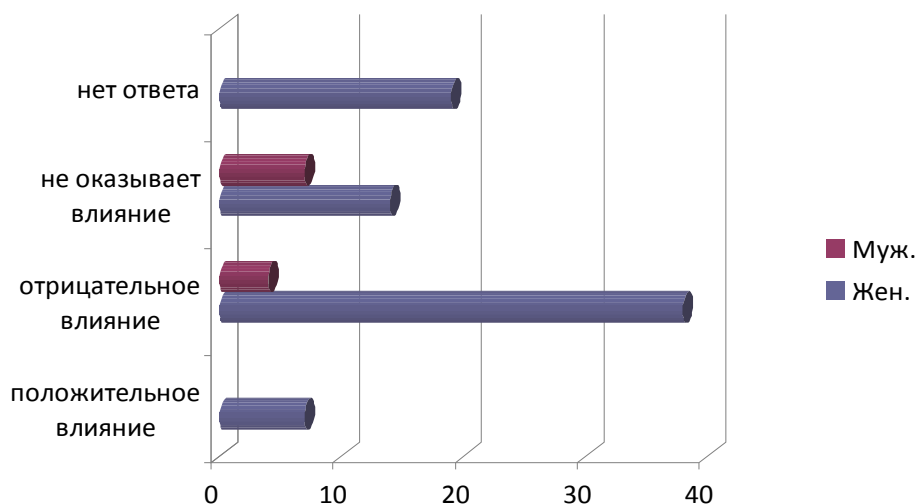
Вопрос 4. Приходилось ли вам наблюдать примеры ущемления прав мусульман в Красноярске?

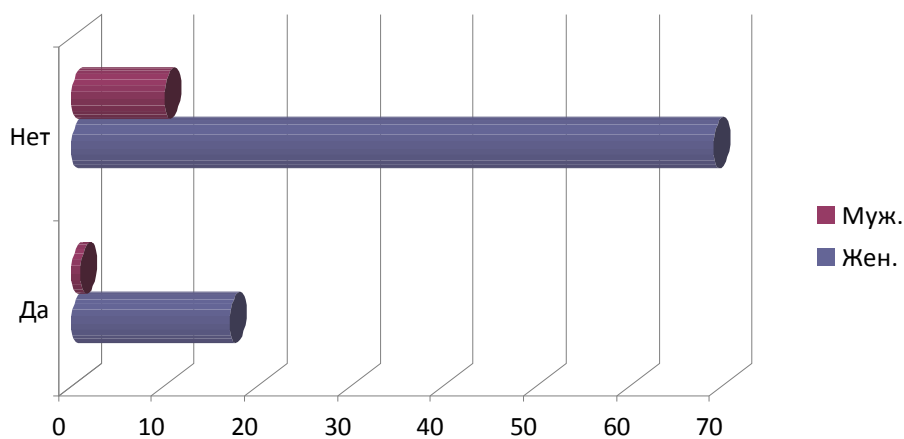
Вопрос 5. Что такое политический ислам?

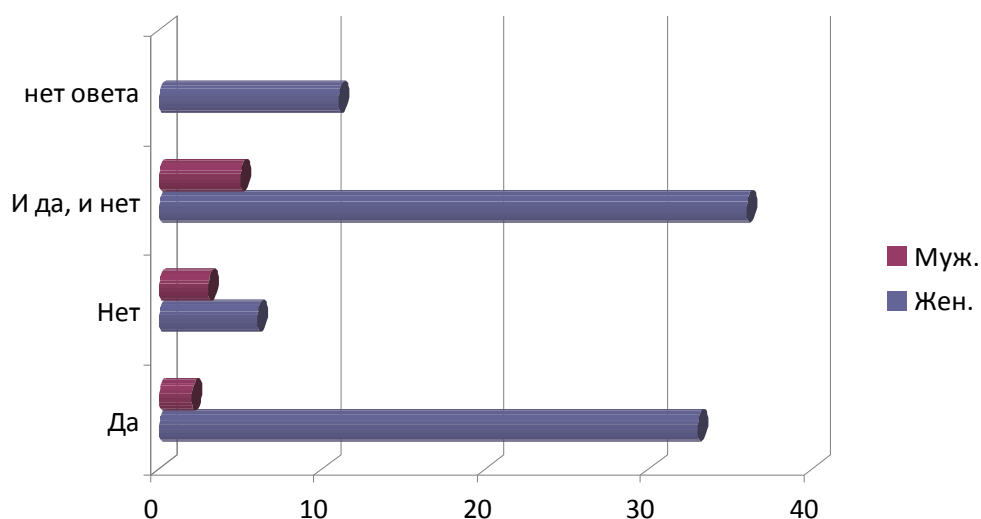
Вопрос 6. Какое влияние оказывает культура ислама на современные процессы в России?

Вопрос 7. Есть ли среди ваших близких или родственников те, кто исповедует ислам?

Вопрос 8. Может ли привлечение мигрантов из стран Дальнего и Ближнего Востока создать угрозу национальной безопасности?

Список литературы

1. Белокреницкий В. Я. Рост населения в исламском мире.
2. Белокреницкий В. Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов.
3. Игнатенко А. Ислам и политика.
4. Паин Э. А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма.
5. Василенко И. А. Геополитика современного мира.
6. Орлов М. О., Данилов С. А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ».
7. Васильев Л. С. Ислам и террор.
8. Яхьяев М. Я. Ислам в современном мире.
9. Беккин Р. И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития.
10. Иванова Ф. Л. Перспективы развития универсальной и исламской концепций прав человека в изменяющемся мире.

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Миграции с древних времен играли значительную роль в развитии общества. Миграция выполняет такие важные функции, как социальные, экономические, культурные, политические. Миграция играет как положительную роль в развитии страны, именно в которую прибывают мигранты, так и отрицательную, по причине которой развиваются конфликты и войны в обществе.

Распад СССР кардинально изменил миграционную ситуацию в мире. Такие традиционные причины миграций, как состояние рынка труда, дифференциация уровня жизни, получение образования, на некоторое время потеряли своё былое значение, а на первый план по силе воздействия вышли стрессовые факторы – вооружённые конфликты, национализм и сепаратизм. Распад СССР сопровождался масштабными вооружёнными конфликтами, в результате чего появились массовые потоки беженцев и внутренних перемещённых лиц, значительная часть которых устремилась в Российскую Федерацию.

Миграция внутри СССР связала бывшие республики гораздо сильнее, чем товарные отношения.

Регистрация вынужденных мигрантов началась в России с середины 1992 года. Их число достигло максимума в начале 1998 года, составив 1 191 939 человек. В последующем по мере прекращения активных вооружённых действий в зонах конфликтов число новых вынужденных мигрантов сокращалось. Подавляющее большинство вынужденных мигрантов имеют статус вынужденного переселенца. В России есть беженцы и вынужденные переселенцы из всех стран СНГ и Балтии. Наибольшее их число до 1995 года было из Таджикистана, Азербайджана, Грузии (Южной Осетии). В 1994–1996 годах половина новых беженцев прибыла из Казахстана и Узбекистана, нарастали потоки из Киргизии, Латвии, Эстонии, Туркмении, Армении, при том что и прежние потоки не потеряли своего значения. Что касается внутренних перемещённых лиц, в основном это жертвы осетино-ингушского конфликта и военных действий в Чечне. Среди вынужденных переселенцев и беженцев преобладают русские. В составе вынужденных мигрантов повышены доли детей и лиц пожилого возраста. Высока насыщенность беженцами в Белгородской, Оренбургской, Саратовской областях и других регионах России [1].

После распада СССР, когда особенно усилился приток мигрантов из бывших республик в Российскую Федерацию, государство проигнорировало политику интеграции мигрантов, а эту роль взяли на себя негосударственные

органы. Все это привело к отчуждению мигрантов в российском обществе, снижению уровня толерантности, межэтнической напряженности, а также открытому сопротивлению между мигрантами и местным населением.

Эту проблему государство стремится урегулировать, ведь стало совершенно очевидно, что в условиях массового притока мигрантов, даже из исторически близких государств нового зарубежья, политика их интеграции должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики. Это признано и в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, утвержденной в июне 2012 года. Перед Федеральной миграционной службой России поставлена задача разработки и апробации конкретных программ в области обеспечения интеграции мигрантов в российское общество. В структуре ФМС создано Управление по содействию интеграции мигрантов, к 2016 году должна быть создана инфраструктура для интеграции и адаптации трудовых мигрантов.

Государство потеряло драгоценное время для интеграции мигрантов, ведь ожесточенные конфликты мы можем увидеть между местным населением и мигрантами, а это все видит подрастающее поколение и считает, что это поведение приемлемое и так нужно относиться к людям, которые переселились в эту страну.

Подтверждение тому статистические данные сайта МВД РФ на 16 октября 2015 года. Согласно данным иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 36 тыс. преступлений, что на 3,0 % больше, чем за январь–сентябрь 2014 года, в том числе гражданами государств – участников СНГ – 31,3 тыс. преступлений (+3,7 %), их удельный вес составил 86,9 %.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 20,6 % и составило 12,2 тыс. преступлений [2].

Все это указывает на несвоевременность проводимой политики в области миграционной интеграции, а ведь все это разлагает общество изнутри, также это сказывается на положении страны на мировой арене. Властям следует проводить больше мероприятий по адаптации мигрантов в РФ, сделать курсы русского языка доступными, ввести такие предметы, как история и литература. Не стоит забывать и об образовании подрастающего поколения в области миграционной политики.

Список литературы

1. Статистика миграции: исторический очерк // Российский совет по международным делам. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru> (дата обращения: 31.10.2015).

2. Статистика преступности 2015 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353/> (дата обращения: 30.10.2015).

Секция 7

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ РАБОТЫ В РЕГИОНАХ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Современная картина этнических процессов достаточно сложна и противоречива. Доказательство тому те тенденции, которые порождает сегодня глобализация и мультикультурализм. С одной стороны, в ходе межэтнического взаимодействия актуализируется процесс унификации, проявляющийся в стирании этнических различий, этнической уникальности отдельных этнокультурных групп в пользу доминирующей культуры. Данная тенденция обусловлена требованием времени, когда аккультурация становится одной из основных стратегий в обретении стабильных условий жизни, основанных прежде всего на законодательстве принимающей стороны. Но наряду с тенденцией развития процессов унификации наблюдается рост национального самосознания, проявляющийся в обращении к своему прошлому, истории и стремлении каким-либо образом данную практику обозначить. То, что объединяет данные тенденции, так это стремление представителей этнокультурных групп к стабильной, бесконфликтной, гармоничной жизни в современном обществе. Одним из важнейших условий в достижении данной цели является практика формирования позитивной этнической идентичности.

Позитивная этническая идентичность – это не только условие, но и норма межэтнического взаимодействия, поскольку она обеспечивает стабильное существование этнокультурной группы [1] благодаря тому, что у членов этнокультурных групп складывается позитивный образ не только своего сообщества, но и учитываются ценностные установки иных групп. Формы проявления позитивной этнической идентичности в статусе нормы – это патриотизм, уважение своей этнокультурной группы, высокая самооценка, чувство собственного достоинства. Образ своего народа воспринимается как положительный, проявляется соответствующее отношение к его истории, культуре, менталитету [2]. Отклонения от нормы либо в сторону преувеличения статуса своей этнокультурной группы, либо в сторону негативизма по отношению к ней ведут к трансформации позитивной этнической идентичности. В связи с этим принято выделять два полярных типа этнической идентичности (гиперидентичность и гипоидентичность) в зависимости от того в какую сторону происходят отклонения от нормы.

Гиперидентичность проявляется в следующих формах:

1. Этноцентризм, представляющий собой основу гиперидентичности [1], направленную на самоутверждение этнической идентичности этноса.

Формами проявления этноцентризма являются преувеличение в этнических обычаях всего того, что является специфичным и что отличает одну общность от другой [3], неагрессивный изоляционизм, замкнутость, высокая культурная дистанция этноконтактных групп [4]. Весомым индикатором этноцентризма является преобладание в национально-этнической группе ориентации на мононациональный брак и мононациональную семью [5].

2. Этнодоминирование – это тип идентичности, при котором этничность воспринимается как наивысшая ценность. Члены этнокультурных групп отдают наибольший приоритет этнической идентичности, чем, например, религиозной, гражданской, профессиональной и др.

3. Этноархиссизм – переход от естественного предпочтения по ряду параметров собственной этнической группы к абсолютной убежденности в превосходстве над «чужими». При таком типе идентичности более вероятным становится насилие как форма действия и агрессивный стиль решения конфликтов.

4. Национализм, или этнический фанатизм [6, 2], – тип идентичности, при котором проявляется осознание своей этнической общности с аффектацией на максимализм. Форма проявления – дискриминация, готовность идти на любые жертвы ради блага своего сообщества [1]. При этом этнические интересы и цели часто понимаются иррационально и абсолютизируются. Этот тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности [2].

Другое выражение этнической идентичности – гипоидентичность. Она характеризуется негативной самоидентификацией и проявляется через следующие формы:

1. Этническая индифферентность – тип идентичности, согласно которому индивид становится безразличным к проблемам как своей этнокультурной группы, так и иной. Иными словами, он свободен в своих действиях, не скован теми или иными нормами [6].

2. Этнонегативизм – осознание своей общности с этнокультурной группой при негативном эмоционально-оценочном отношении к ней. При этом не нарушается социально-психологическая связь человека со своим этносом. Индивид осознает себя в качестве его представителя. Речь идет о переживании негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью в результате ущемленности и униженности.

3. Этноэлиминация – самоустранение от своей этнической общности и отождествление себя с определенными этнокультурными элементами другой общности. Однако отдаление от своей этнической группы и приобщение к культуре иноэтнического образования не влияют на осознанность принадлежности к своему этносу.

4. Этнонигилизм – самоотрицание собственной принадлежности к формально причисляемой этнической общности, которое выражается через отождествление себя с другим этносом и представление о себе как его члене [7].

Вышеперечисленные типы этнической идентичности являются весьма условными. В реальной жизни часто нелегко различить один тип идентичности от другого. Кроме того, в течение всей жизни человек может быть привержен то одной этнической идентичности, то другой [2]. Важным остается тот факт, что человек по своей природе стремится поддерживать позитивную этническую идентичность в статусе нормы как фундамента гармоничного существования в социуме. Именно позитивная этническая идентичность способствует тому, что индивид ощущает психологическую защищенность и уверенность [8]. Сегодня учеными отмечается необходимость поддержания позитивной этнической идентичности среди представителей этнокультурных групп во избежание актуализации ксенофобии. По воззрениям Т. Г. Стефаненко, исследователя, чьи научные интересы связаны с этнической проблематикой, существует ряд способов поддержания позитивной этнической идентичности. Среди них:

1. Установление психологической границы между группой и собой. Индивид видит негативные моменты в других членах своей этнокультурной группы, но не в самом себе. Он ощущает себя выше всех, что является знаком высокой его самооценки. Подобное поведение позволяет ему поддерживать в себе позитивное отношение к своей этнической идентичности;

2. Выделение внутри этноса подгруппы, которой и приписываются положительные характеристики;

3. Конструирование амбивалентной идентичности, которая позволяет частично сохранить позитивное самоотношение, но способствует формированию комплекса раздвоения личности.

4. Осознанная смена группы и формирование измененной идентичности [там же].

Таким образом, Т. Г. Стефаненко обращает внимание на психологическую составляющую процесса формирования позитивной этнической идентичности, связанную с самосознанием индивида при оценке своей и иной этничности.

На основе анализа социокультурной действительности, а именно суммы действий, реализуемых как социальным организмом в целом, так и отдельными его субъектами (органами государственной власти, представителями арт-бизнеса, художественным сообществом, включая художника, произведение искусства, реципиента, арт-критику) становится возможным дополнить вышеперечисленный список механизмов формирования позитивной этнической идентичности.

1. Особая государственная политика, закрепляющая приоритетные направления в области национальной политики, в частности связанные с проблемой сохранения национального языка и культуры. Большая роль в решении данных проблем отводится органам местного самоуправления, реализующим региональные программы по осуществлению ряда мероприятий, направленных на национальное развитие и расширение межнационального сотрудничества народов Российской Федерации.

2. Превращение знаков культуры в интеллектуальную собственность с помощью правовых механизмов. Распределение прав на объекты интеллектуальной собственности имеет большое значение для закрепления уникальности национальной культуры, построения в стране в целом устойчивой национальной культурной системы.

3. Символическое воспроизводство этничности средствами культурных практик. Большую роль в символическом воспроизводстве этничности играют национально-культурные объединения (общества, ассоциации, центры, автономии, союзы и т. п.), главной целью которых является сохранение и развитие национальной культуры, знакомство принимающей стороны с культурой своего народа. Данная практика носит прогрессирующий характер. Так, в Красноярском крае национально-культурные объединения стали появляться с конца 1988 года. И к 2006 году их количество достигло 69, а к 2014 – 81. В работе этих объединений принимают участие представители почти 50 народов, проживающих на территории региона [9]. Значимость данной практики состоит в том, что национально-культурные объединения, а точнее их деятельность, конкретные мероприятия, моделируют такие социальные поля, которые представляют собой символическое пространство репрезентации позитивного образа этнокультурной группы. Посредством знаково-символических форм (изобразительное искусство, литература, танцевальное искусство, кино, средства массовой информации) воспроизводятся такие ценности, которые составляют базис национальной культуры и потому обладают возможностью моделировать позитивный образ этнокультурной группы.

4. Одним из механизмов формирования позитивной этнической идентичности является тенденция интеграции в общий поток развития культуры. Создаются «открытые площадки» для межэтнического взаимодействия. Одним из примеров являются межрегиональные общественные организации (например, Конгресс кыргызстанцев «Мекендештер–Соотечественники»), в рамках которых проводятся различные мероприятия, участниками которых становятся представители различных этнокультурных групп из разных регионов страны. Тенденция к открытости проявляется и в сфере художественной практики. Национальное искусство интегрируется в общий поток развития истории искусства, в том числе современного. Национальные художники следуют тем канонам, которые приняты мировым художественным сообществом, благодаря чему повышается не только профессиональный уровень отдельного художника, но и национальной художественной школы в целом. Кроме этого, мастера не только организуют выставки своих работ в пределах своего региона, края, но и активно принимают участие в выставках, организуемых на межрегиональном и международном уровнях.

5. Наделение обыденных для повседневной жизни этнокультурных групп вещей статусом произведения искусства. Наиболее ярким примером является декоративно-прикладное искусство. Что становится в данном случае произведением искусства? Национальный костюм, орнамент, вышитый бисе-

ром, аппликации из кусочков меха оленя, различные изделия, инкрустированные оловом, серебром или медью, деревянные статуэтки, домашняя утварь и т. п. Наделенные ценностью данные объекты нередко становятся персонажами произведений национального изобразительного искусства, в частности жанра натюрморт. По специфике жанра натюрморт предлагает человеку увидеть то, что ему близко, то, что является отражением его культуры, использовать для этого наиболее простой и доступный для зрителя язык. Таким образом, утверждается ценность привычных вещей, того, что окружает человека и что может служить одним из факторов идентификации этноса.

Итак, теоретическая модель позитивной этнической идентичности сводится к определенной системе типов этнической идентичности. Позитивная этническая идентичность рассматривается в этой системе как норма, условие гармоничного межэтнического взаимодействия, отклонение от которой порождает разные типы идентичности. Позитивную этническую идентичность возможно воссоздать в виде ментального конструкта с помощью определенной суммы действий отдельных субъектов социального организма. Это ряд законодательных и культурных практик, моделирующих особое символическое пространство, в котором этничность не только представляется общественности как нечто позитивное, но и конструируется индивидом заново на основе предлагаемых знаково-символических форм, воплощающих первичные конструкты этнокультурных ценностей.

Список литературы

1. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности: монография. М.: Смысл, 1998. 386 с.
2. Тавадов Г. Т. Этнология: учебник. М.: Проект, 2002. 352 с.
3. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
4. Левкович В. П., Андрущак И. Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен // Этнопсихология. 1995. Т. 16. № 2. С. 70–81.
5. Здравомыслов, А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1999. 283 с.
6. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
7. Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание. Режим доступа: www.ecsocman.hse.ru/data/368/389/1217/011_hotinets.pdf.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://my.krskstate.ru>.

ХАРАКТЕР ПРИСУТСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Современные миграционные процессы напрямую связаны с феноменом транснационализации, одной из наиболее значимых тенденций развития постиндустриального общества. Особенность данного процесса состоит в том, что социальные сети становятся стилем жизни, одной из сторон человеческой деятельности. Данная ступень развития общества предполагает пересечение национальных границ и объединение разных по своему этническому составу обществ в некое единое транснациональное сообщество. Анализу сопричастности национально-культурных объединений Красноярского края к этому процессу посвящена данная статья.

По данным исследований Mail.Ru Group и BRAND ANALYTICS (система мониторинга и анализа в социальных медиа и СМИ) «ВКонтакте» занимает первое место по популярности среди русскоязычных пользователей интернета и второе по количеству самостоятельных публичных авторов (после Twitter) [1, 2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети важная, а порой и незаменимая сфера коммуникативного пространства. И грамотное позиционирование национально-культурной общественной организации в социальной сети способствует повышению уровня взаимопонимания среди населения.

В рамках исследования были проанализированы данные с сайта Минюста РФ о культурных автономиях Красноярского края (37 организаций) [3].

Из 37 автономий собственные и легко определяемые через поисковик Google сайты имеют только 3 организации. Персональную страничку (разной степени популярности и доступности) в «ВКонтакте» (ВК) создали уже 8 автономий.

В табл. 1 представлена характеристика сайтов и страничек автономий. Основные критерии анализа: тип медиа (страница сети ВК или сайт), количество участников/посещаемость, используемые темы, особенность доступа.

Таблица 1

Автономия	Тип медиа	Количество участников	Темы	Доступ
Бурятская национально-культурная автономия «АЛТАН ГЭРЭЛ» (золотистый свет)	ВК	1632	Благотворительность, мероприятия, взаимовыручка, религия	Открытый
Общественная организация Красноярская региональная чувашская национально-культурная автономия	Сайт и ВК	8	Сайт посвящен новостям, культуре, истории. Имеет англоязычную версию. Страничка в ВК непопулярная. Основная тема защита животных	Открытый
Общественная организация Красноярская региональная национально-культурная автономия немцев	Сайт		Сайт посвящен интересным фактам и анонсам	Открытый, регистрация для комментирования
Местная эстонская национально-культурная автономия ЭЭСТИ (Эстония) г. Красноярск	ВК	183	Анонсы, видео, фото	Открытый
Местная национально-культурная автономия немцев г. Канск	Сайт (блог)		Блог. 2011 г. история, праздники, о значимых людях	Открытый, регистрация для комментариев
Местная национально-культурная автономия казахов «Ынтымак» (Содружество) г. Норильска	ВК «Казахи Норильска»			Закрытая
Общественная организация. Местная украинская национально-культурная автономия г. Красноярск «Барвинок»	ВК	17	Страница содержит открытую информацию о жизни автономии: видео с мероприятий, фотографии	Открытая
Общественная организация. Региональная осетинская национально-культурная автономия Красноярского края «ИРИСТОН» (Осетия)	ВК	149		Закрытая
Общественная организация. Красноярская местная польская национально-культурная автономия «Дом Польский»	ВК	16	Общественное движение, содержит описание истории	Закрытая
Красноярская местная общественная организация. Таджикская национально-культурная автономия «ВАТАН» (Родина)	ВК	771	На стене проходят живые обсуждения новостей, событий	Открытая

Согласно данным табл. 1 только 10 организаций принимают собственное участие в освоении медиа пространства и презентации своей деятельности в сети. Информация же по другим автономиям присутствует в ограниченном количестве и размещена либо на государственных, краевых интернет-площадках или сайтах федеральных автономий. Также автономии присутствуют и на сайтах бизнес-визиток, где размещены адрес, телефон, электронная почта и данные о руководителях и специфике деятельности организации.

Таким образом, процесс конструирования транснационального сообщества имеет место быть в практике интернет-пространства. Ряд национально-культурных объединений являются активными участниками данного транснационального процесса. Посредством социальной сети формируется особое символическое пространство репрезентации этнической идентичности, способствующее самоопределению той или иной этнокультурной группы в современном мире.

Список литературы

1. Брэнд Аналитикс. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/>.
2. Социальные сети в России. Режим доступа: <http://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf>.
3. УФМС Росси по Красноярскому краю. Режим доступа: <http://www.24.fms.gov.ru/>

РОЛЬ ДИАСПОР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В настоящее время помимо традиционных акторов международных отношений, вступающих в межгосударственные связи, возникают новые участники мировых процессов. Одними из таких новых акторов являются диаспоры.

Диаспоры существуют на протяжении многих веков, однако лишь с недавнего времени интерес к ним существенно возрос. Дело в том, что в условиях глобализации миграционные процессы оказывают значительное влияние на формирование современной международной системы. Увеличение масштабов миграции и одновременное стремление переселенцев к объединению ведет к непрерывному росту количества диаспор в мире [6].

Развитие транснациональных сетей привело к усилению роли и места диаспор в системе международных связей и увеличению их потенциала в экономическом, социокультурном и общественно-политическом плане [3].

Можно выделить некоторые тенденции, указывающие на возрастание роли диаспор в системе межгосударственных отношений: представительство в органах местного самоуправления, консолидация с предпринимательскими структурами, принятие мер для улучшения отношений между своей родиной и страной проживания.

В двусторонних межгосударственных отношениях диаспора выступает в роли связующего звена. Политика государства проживания по отношению к диаспоре может влиять на внешнеполитические решения, а также быть показателем отношения к родине диаспоры.

Государства могут использовать ресурс диаспоры для реализации национальных интересов, например в налаживании связей с иностранными партнерами. В этом случае диаспора обеспечивает экономическое, культурное и языковое присутствие [4].

Диаспора непосредственно участвует в жизни принимающего общества и имеет возможность создать положительный образ своей родины, уровень участия при этом не только государственный, но может иметь и частный характер.

Взаимодействие представителей диаспор в рамках единого общества является эффективным инструментом как политического взаимодействия, так и транснациональной коммуникации [6].

Для развития межгосударственных отношений страна пребывания не редко создает эффективную систему взаимодействия различных институтов

общества с диаспоральными объединениями, учитывая национальные интересы их родины [4].

Однако выстраивание отношений между государством не может происходить только на уровне центральных органов. Субъекты Российской Федерации также способствуют развитию международных отношений в рамках концепции внешней политики государства в целом. Таким образом, и наш край вносит свой вклад в этот процесс.

На территории Красноярского края образовано большое количество диаспор. В качестве примера можно перечислить такие диаспоры, как азербайджанская, армянская, киргизская, таджикская, узбекская, грузинская и китайская [5].

С целью интеграции представителей национальных диаспор в Красноярском крае функционирует система взаимодействия органов государственной власти, общественных, национальных и религиозных организаций [1]. Диаспоры входят в различные общественные структуры, среди которых Общественная палата национальностей гражданской ассамблеи, Общественно-консультативный совет при УФМС по Красноярскому краю, Совет национальных объединений при УФМС, координационные советы по вопросам миграционных процессов районов г. Красноярска, Союз промышленников и предпринимателей Красноярского края.

Деятельность диаспор, в вопросе международных отношений, можно рассмотреть на примере китайской диаспоры.

Основными направлениями деятельности китайской общины являются:

- сохранение и развитие традиций;
- оказание правовой и информационной помощи;
- укрепление связей между государственными и негосударственными структурами КНР и Красноярского края;
- стабилизация межнациональных отношений.

Китайская диаспора оказывает помощь выходцам из Китая через решение правовых вопросов легализации положения, поиска работы и обучения. Диаспора помогает адаптировать своих соотечественников в новое общество, а также оказывает содействие в сокращении случаев нелегальной миграции.

Диаспора ведет работу по налаживанию международных гуманитарных, культурных и деловых связей. Организация способствует укреплению партнерских связей через развитие международного бизнеса в Красноярском крае.

В рамках общественной работы диаспора оказывала содействие в приеме и сопровождении официальных делегаций КНР и РФ, работа которых заканчивалась подписанием соглашений о сотрудничестве края с определенной провинцией или городом КНР. Это также способствует развитию экономических отношений РФ с КНР.

Кроме того, диаспора ведет работу по формированию толерантности в многонациональном сообществе края посредством ознакомления красноярцев с культурой китайского народа и участия представителей диаспор в куль-

турных мероприятиях города [4]. Развитие культурных связей ведет к стабилизации межнациональных отношений. Посредством культуры представители диаспоры создают благоприятный образ своего народа и государства. Эти процессы являются полноценным инструментом международного сотрудничества.

Подводя итог всему вышеперечисленному, можно сделать вывод, что развитие отношений между краем и диаспорами является проекцией развития отношений государств в целом. Расширение связей определенной территории с иностранным государством вносит свой вклад в общий процесс налаживания отношений. Важным примером является тот факт, что через диаспоры ведется международное сотрудничество в области реализации миграционной политики государств.

Диаспоры все больше приобретают политическое и культурное влияние в государствах пребывания. Благодаря этому, они выступают инструментом реализации национальных интересов своей родины, а также оказываются полезными стране пребывания в налаживании и поддержании контактов с их этнической родиной.

Список литературы

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Красноярскому краю на 2014 год и плановый период 2015–2017 годов. Режим доступа: http://www.krasufms.ru/_objects/3133.pdf.

2. Китайская община // Энциклопедия Красноярского края. Режим доступа: http://my.krskstate.ru/docs/national_culture_groups/kitayskaya-obshchina/.

3. Назаров Р. Р. Этнические диаспоры как фактор развития этнополитических и межгосударственных отношений в Центральной Азии // Информационно-аналитический центр. 008. Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/2451/>

4. Полоскова Т. В. Диаспоры в системе международных связей // Научная электронная библиотека. М., 2000. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/diaspory-v-sisteme-mezhdunarodnykh-svyazei>.

5. Совет национальных объединений при УФМС России по Красноярскому краю. Режим доступа: <http://www.krasufms.ru/activities/sno/>.

6. Сорокина Т. В. Диаспора как актор современных международных отношений // Научный журнал «Современный научный вестник». Режим доступа: http://www.rusnauka.com/21_NNP_2010/Politologia/70607.doc.htm.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ г. НОВОСИБИРСКА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВ)

Российская Федерация является одной из крупнейших стран. В нее входит 22 республики, 46 областей, 9 краев, 4 автономных округов, 1 автономная область [8]. В данных регионах проживают по две, три и более национальности, от малой народности до целого крупного этноса. Национальный состав НСО дан в табл. 1.

Таблица 1

**Национальный состав населения Новосибирской области
по наиболее многочисленным национальностям в 2002–2010 гг. [7]**

Все население	Человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
	2 692 251	2 665 911	X	X
В том числе указавшие национальную принадлежность	2 691 855	2 541 052	100	100
Русские	2 504 147	2 365 845	93,0	93,1
Немцы	47275	30924	1,8	1,2
Татары	27874	24158	1,0	0,9
Украинцы	33793	22098	1,3	0,9
Узбеки	2047	12655	0,08	0,5
Казахи	11691	10705	0,4	0,4
Таджики	2784	10054	0,1	0,4
Армяне	7850	9508	0,3	0,4
Азербайджанцы	7366	8008	0,3	0,3
Киргизы	1423	6506	0,05	0,3
Белорусы	8380	5382	0,3	0,2
другие национальности	37225	35209	1,4	1,4
не указавшие национальную принадлежность и лица, по которым сведения получены из административных источников	396	124859	X	X

Данная статистика подтверждает, что г. Новосибирск является одним из примеров таких многонациональных городов.

В связи с этим исходя из многовекторности национальных и конфессиональных предпочтений мы считаем, что одним из условий формирования культуры межнационального общения в полиэтнической среде являются такие организации, как землячества, особенно в студенческой среде. Данные организации объединяют студентов-земляков с целью материальной и культурной взаимопомощи.

На сегодняшний день большое количество абитуриентов учатся, хотят учиться и получить образование за пределами своих республик, края, области. Поэтому землячество является консолидирующим центром для студентов, объединенных общей историей и этнической культурой [1, с. 38].

В большинстве своем это студенты, молодые, амбициозные и имеющие своей целью получить хорошее образование, стать квалифицированными и конкурентоспособными специалистами, чтобы внести вклад в развитие своих республики, области, края. На смену выпускникам приходят первокурсники. Задача землячества в том, чтобы они не чувствовали себя одинокими, а нашли здесь друзей, которые помогут адаптироваться, поддержат в трудной ситуации.

На сегодняшний день в г. Новосибирске насчитывается около 4 крупных студенческих землячеств из представителей коренных народов Сибири: алтайское, бурятское, тувинское, якутское. Данные студенты приехали из таких регионов Сибири, как Республика Алтай (алтайцы), Республика Бурятия (буряты), Республика Тыва (тувинцы) и Республика Саха (Якутия) (якуты (саха)).

Алтайцы. Это один из тюркоязычных народов Южной Сибири. В дореволюционный период алтайцы не представляли единой этнической общности. Это были отдельные племена: алтай-кижи, кумандинцы, теленгиты, телесы, телеуты, тубалары, челканцы, шорцы. Процесс национальной консолидации алтайцев начался в советский период [2].

Данный этнос проживает в основном на территории Республики Алтай. Исследователь В.Г. Крысько выделял в них следующие качества: умеренность и простота в обыденной жизни, неприхотливость, стремление к сохранению близких кровно-родственных связей в течение жизни многих поколений, уважительное отношение к древним традициям и привычкам, беспрекословное следование им, высокая степень организованности совместных действий [4, с. 86].

Материалы исследований этого этноса свидетельствуют о приверженности народа к своему укладу жизни, простоте отношений и взаимодействию со своим народом даже за пределами своей малой Родины.

Буряты. Монголо-язычный народ Сибири. Основная масса народа сосредоточена в республике Бурятия. В IX–XIV веках Забайкалье оказалось в центре монгольских политических событий, в том числе в создании единого

монгольского государства во главе с Чингисханом [5]. Это обстоятельство повлияло на формирование бурятского этноса.

В.Г. Крысько отмечал у бурят выдержанность, рассудительность, немногословность, слабое выражение эмоций и чувств, внутреннюю уравновешенность, а также коллективизм, взаимопомощь, взаимовыручку, исполнительность, устойчивость родственных связей, немногословность и сдержанность в межличностных отношениях, уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность, терпеливость во взаимоотношениях [4, с. 88–89].

Тувинцы. Тувинцы (самоназвание тыва) – один из тюркоязычных народов, составляющий основное население Тувы; значительное число тувинцев (около 20 тыс.) проживает в Монгольской Народной Республике. Общая численность тувинцев – примерно 311 тыс. человек. Тувинский язык относится к уйгурской группе тюркских языков [9].

Согласно этнопсихологическому словарю В.Г. Крысько тувинцы отличаются большой работоспособностью, настойчивостью, старательностью и выносливостью, стремлением к четкой организации труда, выполнению своих обязанностей в строгом соответствии с поставленными задачами и продуманными планами [4, с. 86]. В подтверждение слов ученого можно сказать, что этот этнос отличается особым отношением к трудовой деятельности и талантом в художественно-прикладном искусстве.

Якуты (саха). Тюркский народ, коренное население Якутии. Якутский язык принадлежит к тюркской группе языков. Много монголизмов (примерно 30 % слов монгольского происхождения), также имеется около 10 % слов неизвестного происхождения. В более позднее время присоединились русизмы. В расовом отношении якуты являются представителями центральноазиатского антропологического типа североазиатской расы [6]. В. Г. Крысько говорил, что саха хорошо подготовлены в физическом отношении, терпеливы, обладают заметными организаторскими способностями [4, с. 90].

Рассмотрев уникальность каждого представленного народа, хочется подчеркнуть значимость для этих народов образования, включая высшее, которое они стремятся получить в разных вузах страны. Государственные вузы Новосибирска предлагают для абитуриентов обширный выбор перспективных образовательных программ.

Каждое землячество в течение учебного года активно участвует и проводит культурные и спортивные мероприятия: национальные праздники, межвузовские соревнования. Во время проведения данных мероприятий, у каждого из студентов землячества есть возможность раскрыть свои таланты, среди студентов много музыкантов, певцов, танцоров, спортсменов.

Одним из самых популярных культурно-развлекательных мероприятий для студентов, обучающихся в г. Новосибирске, являются конкурсы «Мисс Азия», «Мистер Азия», «Интер КВН», «Мисс и Мистер первокурсник». При этом приезжие из разных регионов ребята принимают активное участие

в жизни мегаполиса: принимают участие в спортивных турнирах города; в фестивале культур «Все краски мира»; в фестивале культур «Калейдоскоп» и т. д.

Землячество представляет собой организованную структуру под руководством президента (избираемого на момент обучение в вузе), которому помогают старосты вузов. Все члены землячества постоянно поддерживают связь между собой посредством социальных сетей, где они могут узнавать новости, просто общаться, а также обсуждать проблемы землячества и вместе искать их решение.

Помимо организации и проведения различных мероприятий землячество активно занимается первокурсниками, которые приходят на смену выпускникам.

Первостепенная задача землячества заключается в том, чтобы ни один новичок не чувствовал себя одиноким и нашел здесь друзей, которые ему помогут адаптироваться в большом городе, поддержат в трудной ситуации. В связи с этим ежегодно в сентябре проводятся традиционные встречи первокурсников, где их знакомят друг с другом и со старшекурсниками. Как правило, это мероприятие проводится на природе, где первокурсники в форме различных подвижных игр узнают о землячестве и его целях.

Большинство ребят, состоящих в землячествах, приезжает из поселков и сел РФ, многие из них поступают в такие вузы и колледжи г. Новосибирска, как Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирская архитектурно-художественная академия, Сибирский университет потребительской кооперации, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет, Сибирская академия государственной службы, Новосибирский государственный университет экономики управления, Новосибирский государственный медицинский университете и т. д. [3, с. 97].

Такие национально-культурные объединения, как студенческие землячества позволяют формировать и развивать культуру межнационального общения в молодежной среде, укреплять этническую принадлежность. Именно организованная данными землячествами воспитательная работа через различные творческие мероприятия оказывает наибольшее воздействие на процесс развития самосознания личности. Данный процесс самоопределения студента во взрослого индивида будет определять их более осознанное отношение к межэтническому взаимодействию и вырабатывать в них собственную позицию в полиэтническом пространстве крупного мегаполиса.

Список литературы

1. Агавелян О. К., Касенова Н. Н., Кергилова Н. В. Психологические условия формирования этнической идентичности и этнической толерантности студентов республики Алтай // Сибирский педагогический журнал. № 7. 2012. С. 36–40.
2. Алтайцы. Режим доступа: <http://www.ejonok.ru/names/%D0%90%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%86%D1%8B> (дата обращения: 26.09.2015).
3. Касенова Н. Н. Формирование любви к малой Родине (на материале проекта социокультурного образовательного форума «Молодежь Сибири – будущее России») // Реальность этноса. Роль образования в развитии межнациональных отношений в современной России: сборник статей по материалам XV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2013 г. / под ред. И. Л. Набока. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 502 с.
4. Крысько, В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
5. Кто такие Буряты??? Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/15635083> (дата обращения: 26.09.2015).
6. Кто такие Якуты? Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/74738391> (дата обращения: 26.09.2015).
7. Национальный состав населения Новосибирской области по наиболее многочисленным национальностям в 2002–2010 гг. Режим доступа: <http://www.novosibstat.ru/> (дата обращения 08.03.14).
8. Субъекты Российской Федерации. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/Субъекты_Российской_Федерации (дата обращения: 05.10.2014).
9. Тувинцы Режим доступа: <http://www.ejonok.ru/names/%D0%A2%D1%83%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%86%D1%8B> (дата обращения: 26.09.2015).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ АБОРИГЕНОВ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ г. КРАСНОЯРСКА

В связи с процессами глобализации возникают проблемы сохранения уникальных культурных особенностей коренных малочисленных народов и их взаимодействия с довлеющей культурой. В результате в постмодерне возникает постколониальный дискурс, направленный на решение данных проблем. В случае Красноярска и Красноярского края основной площадкой для изучения постколониальных практик может служить Краеведческий музей, поскольку основой сохранения и актуализации культурного наследия коренных малочисленных народов являются практики музеезации [4].

Постколониализм. Постколониальная теория возникла под влиянием идей Мишеля Фуко. Основателем данного направления считается Эдвард Саид. К основным её представителям относятся Гаятри Спивак, Хоми К. Бхабха.

Под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых разворачиваются разноаспектные рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных [1]. Постколониализм стремится изучить национальную идентичность, приняв во внимание в первую очередь самосознание этносов, стараясь при этом исключить навязанные колонизацией образы. Акцент в здесь смещается на опыт бывших колонизированных обществ, культуру тех людей, которые традиционно были исключены из западных описаний мира. Запад же становится предметом анализа и деконструкции. Постколониальный нарратив – это диалог с западным постмодерном с позиции «иного».

Изначально данные теории и методы активно использовались в анализе литературы тех стран, что ранее являлись колониями. Особое внимание в текстах обращали на анализ образа колонизатора и процесс колонизации, как это видели аборигены [2, 6]. Рядом с двумя привычными фигурантами – колонизатором и колонизированным появляется еще один персонаж – постколониальный критик. В анализе культурных текстов постколониализм обращает внимание на то, что происходит в процессе столкновения двух культур, описывая, как представлены эти культуры в тексте, что они ценят, а что отвергают, похожи ли эти культуры между собой. Важно определить, какая из культур в данном тексте находится в позиции «иной» [6].

Постколониализм в музее. В рамках постколониального дискурса музей меняет свою роль. Если раньше музей являлся в большей степени местом

хранения и выставления артефактов, хранящих в себе память, то теперь он становится пространством, создающим нарратив, события, опыт, а также новые воспоминания [7]. По сути, происходит преобразование этнографических музеев по двум направлениям: музеи искусств, показывающие разнообразие и диалог культур, смещая акцент на искусство, а также создание новых произведений, способствующих этому, и музеи общества ставящие в центр внимания не коллекции, а публику (зрителя).

Музейное пространство, так же как и постколониальная литература, старается отобразить взгляд с позиции «иного». Культуры, подвергшиеся колонизации начинают говорить о себе и за себя. Происходит переосмысление практик инаковости.

Поскольку информация в музеях часто представлена именно в своей визуальной составляющей, можно воспринимать экспозиции как визуальный текст и анализировать с позиции их взаимодействия.

Экспозиции в Краеведческом музее г. Красноярск показывают артефакты быта и культуры жителей Красноярского края от древности и до наших дней.

На цокольном этаже располагается экспозиция, посвящённая коренным малочисленным народам края. Здесь представлены образы долган, якутов, хакасов, кетов, эвенков, ненцев и энцев, селькупов. Выставленные экспонаты дают общую характеристику данных народов, показывают основные промыслы и ремесла, устройство быта, декоративно-прикладное искусство, представления о религиозных верованиях. В экспозиции музея присутствуют полноразмерные макеты жилищ, созданные с соблюдением особенностей конструкции и обычаев внутреннего убранства, фотографии, иллюстрирующие жизнь этносов, а также манекены, антропологически характеризующие представителей того или иного народа [4]. Кроме отдельных описаний народов и их верований в музейном пространстве расположена экспозиция, посвящённая шаманизму, обобщающая представления о мире и объединяющая все коренные народы в единый образ путём представления общего обряда камлания шаманов. Стоит отметить, что образы, представленные в экспозиции, показывают нам коренное население, уже встретившееся с пришедшими сюда русскими. Мы видим в витринах наряду со стрелами и копьями ружья как инструменты охоты, наблюдаем самовар в хакасской юрте, а также газеты советских времён, разложенные в непосредственной близости к зрителю в реконструкции нартенного чума долган.

Важно отметить наличие в музее образовательной программы «Народы Приенисейского края в XVII–XX веках. Материальная и духовная культура способствует актуализации культурного наследия коренных народов Красноярского края. Программа представляет собой цикл занятий, посвящённый одному или нескольким народам. Занятия являются экскурсиями с игровыми моментами и элементами обучения, в ходе которых участники знакомятся с разными аспектами культурного наследия индигенного населения Красноярского края – от традиционных способов хозяйствования до искусства и верований [4].

Включая во внимание тот факт, что постколониальный дискурс рассматривает музей как пространство, создающее нарратив, а также обязательное рассмотрение двух и более взаимодействующих культур в рамках этого дискурса, для создания полного образа аборигенов следует рассмотреть не только саму экспозицию, но и пространство музея в целом.

Стоит сказать, что осмотр экспозиции музея традиционно начинается с цоколя, то есть непосредственно с интересующей нас экспозиции. Здесь нам даются не отстранённые образы коренного населения края, а их сопоставление с экспозицией, посвящённой древнейшим цивилизациям этих мест. Поднимаясь на первый этаж, мы встречаем корабль с русскими, что приплыли осваивать эти места. Мы сталкиваемся с первыми образами колонизаторов данной местности. Поднимаясь выше, мы попадаем в экспозицию, рассказывающую о быте и культуре русских в Красноярском крае. Здесь так же, как и в экспозиции коренных народов, представлены основные промыслы и ремесла, устройство быта крестьян и дворян, искусство. В экспозиции наличествуют антропоморфные представления русских в виде манекенов. Кроме того, можно отметить отдельную экспозицию, посвящённую православию, по аналогии с экспозицией о шаманизме. Далее мы можем выйти на балкон центрального пространства к экспозиции, посвящённой советской эпохе, и взглянуть на корабль уже с другого ракурса – сверху. Стоит заметить, что в советской экспозиции нет изображений людей через манекены.

Таким образом, происходит постколониальное выстраивание образа коренных народов Красноярского края. Нам показываются народы в своей уникальности и инаковости, а также во взаимосвязи с древней историей этого места, через представленные нам для сравнения и сопоставления элементы быта древнейших культур края. Аборигены здесь являются своими и находятся на своём месте. Кроме того, стоит отметить, что это не только уникальные образы каждого из народов, но и единое представление, созданное через шаманскую экспозицию. Это народы, уже имевшие взаимодействие с русскими и имеющие в быту предметы, относящие нас к западной культуре. Образ русских представляется как чуждый им. На первом этаже нам сразу же показывается позиция русских как пришедших по отношению к местным. При этом мы не можем сопоставить себя с теми, кто осваивал Сибирь, поскольку обычно у нас нет возможности попасть на корабль и стать с ними в один ряд. Из этого можно сделать вывод, что экспозиции музея показывают нам в данном случае взгляд на русских глазами местного населения, взгляд как на «иных». Но в пространстве музея так же можно проследить не только разграничение, но и объединение образов. В устройстве экспозиций проводится параллель сопоставления быта и верований. Нет различия между народами в период советской эпохи, объединившей всех под единой идеологией и стёршей границы.

Этнокультурные образы аборигенов в Краеведческом музее г. Красноярска представляются нам в рамках постколониальной парадигмы. Коренные

народы края являются уникальными в своей собственной культуре и отношении к миру, а также едиными между собой. Это народы, укоренённые в истории этого места и имеющие непосредственную связь с ней. Они противопоставляют себе русский народ как «иной», но при этом несут на себе отпечаток культурного взаимодействия с ним и находят схожие точки соприкосновения в культуре и общей истории.

Список литературы

1. Бобков И. М. Постколониальные исследования // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/6930/>.

2. Кравинскан Ю. Ю. Постмодернистский дискурс как основа постколониализма: диалог двух течений. Режим доступа: [https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB8QFjAAahUKEwiT1LLBvvpbJAhVmpnIKHYRhC3U&url=http%3A%2F%2Ffirbis-nbu.gov.ua%2Fcgi-bin%2Ffirbis_nbu%2Fcgirbis_64.exe%3FC21COM%3D2%26I21DBN%3DUJRN%26P21DBN%3DUJRN%26IMAGE_FILE_DOWNLOAD%3D1%26Image_file_name%3DPDF%2FNzl_2013_2\(1\)__8.pdf&usg=AFQjCNFFrY78T60eV7NW5jC_-7An97gJeQ&sig2=jwtnD7yqpBYhScBQUtMghg&cad=rjt](https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB8QFjAAahUKEwiT1LLBvvpbJAhVmpnIKHYRhC3U&url=http%3A%2F%2Ffirbis-nbu.gov.ua%2Fcgi-bin%2Ffirbis_nbu%2Fcgirbis_64.exe%3FC21COM%3D2%26I21DBN%3DUJRN%26P21DBN%3DUJRN%26IMAGE_FILE_DOWNLOAD%3D1%26Image_file_name%3DPDF%2FNzl_2013_2(1)__8.pdf&usg=AFQjCNFFrY78T60eV7NW5jC_-7An97gJeQ&sig2=jwtnD7yqpBYhScBQUtMghg&cad=rjt)

3. Красноярский краевой краеведческий музей. Режим доступа: <http://www.kkkm.ru/>.

4. Пименова Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // NB: Культуры и искусства. 2014. № 2. С. 28–66. Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_11269.html.

5. Kumar M. Postcolonial Theory and Crossculturalism: Collaborative ‘Signposts’ of Discursive Practices // Journal of Educational Enquiry, 2000. Vol. 1, № 2. P. 82–92.

6. Postcolonialism. Режим доступа: http://www.pearsonhighered.com/assets/hip/us/hip_us_pearsonhighered/samplechapter/0205791697.pdf.

7. The Postcolonial Museum. The Arts of Memory and the Pressures of History/ I. Chambers, A. De Angelis, C. Ianniciello, M. Orabona, M. Quadraro, eds. Ashgate, 2014. 274 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Великобритания является страной массовой иммиграции. Крупномасштабный приток иностранцев в это государство начался еще 70 лет назад и до 1980-х годов был в основном представлен жителями бывших британских колоний. Поскольку такие иммигранты были склонны оседать в Великобритании и перевозить к себе свои семьи, в этой стране возникли отчетливые группы этнических меньшинств. Более того, высокая рождаемость в этих группах способствовала их быстрому росту. Если в 1951 году этнические меньшинства составляли 0,4 % от общей численности населения Великобритании [1], то к 2011 г. эта доля выросла до 13 % (8,1 млн. чел.) [5].

В данной работе анализируется социально-экономическое положение этнических меньшинств, проживающих в Великобритании, и степень их социальной мобильности. Основным источником статистических данных послужили переписи населения Англии и Уэльса, проведенные в 2001 и 2011 годах. Анализ охватывает основные группы этнических меньшинств: индийскую, пакистанскую, бангладешскую, китайскую, карибскую, африканскую и смешанную.

Переписи населения 2001 и 2011 годов показали, что уровень экономической активности и занятости этнических меньшинств в целом ниже, чем у белых британцев. В 2011 году самые высокие показатели экономической активности среди этнических меньшинств в возрасте от 16 до 64 лет наблюдались в индийской и карибской группе (76 и 78 % соответственно), самые низкие – среди бангладешцев, пакистанцев и китайцев (59, 58 и 57 %) [5].

Различия в уровне экономической активности мужчин объясняются разной долей студентов в этнических группах, тогда как различия среди женщин связаны с разной долей домохозяек [2]. Самое пассивное участие на рынке труда характерно для пакистанских и бангладешских женщин (40 и 39 % соответственно), поскольку их социальная роль традиционно ограничивается ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. В 2011 году среди пакистанских и бангладешских женщин в возрасте от 16 до 24 лет домохозяйками были 10 %, что в два раза и более превышает соответствующий показатель в других этнических группах. Однако по сравнению с 2001 годом доля домохозяек среди пакистанок и бангладешек этого возраста снизилась в два раза [5, 6].

По сравнению с 2001 годом уровень экономической активности вырос во всех этнических группах, кроме китайской. Наиболее заметные улучшения

произошли среди пакистанцев и бангладешцев (плюс 8 и 11 процентных пунктов). У китайцев данный показатель снизился на 4 процентных пункта, что объясняется растущей долей студентов в этой группе. В 2011 году наибольшая доля студентов в возрасте от 16 до 24 лет наблюдалась именно среди китайцев (87 %) [5].

В 2011 году среди этнических меньшинств самые высокие показатели занятости наблюдались в индийской и карибской группе (70 и 67 % соответственно), самые низкие – у пакистанцев и бангладешцев (49 и 48 % соответственно) (рис. 1). Уровень занятости мужского населения был выше, чем у женщин во всех группах этнических меньшинств, кроме карибской. Занятость карибских женщин была выше, чем у белых британок (70 против 69 %). Подобная ситуация наблюдалась и в 2001 году.

Этнические меньшинства имеют более высокие показатели экономической активности и занятости, если они являются уроженцами Великобритании. Это объясняется более высоким уровнем английского языка и профессиональной подготовки иммигрантов второго поколения, а также лучшим знанием конъюнктуры британского рынка труда. Второе поколение этнических меньшинств и их белые сверстники имеют схожий уровень занятости [2, 4].

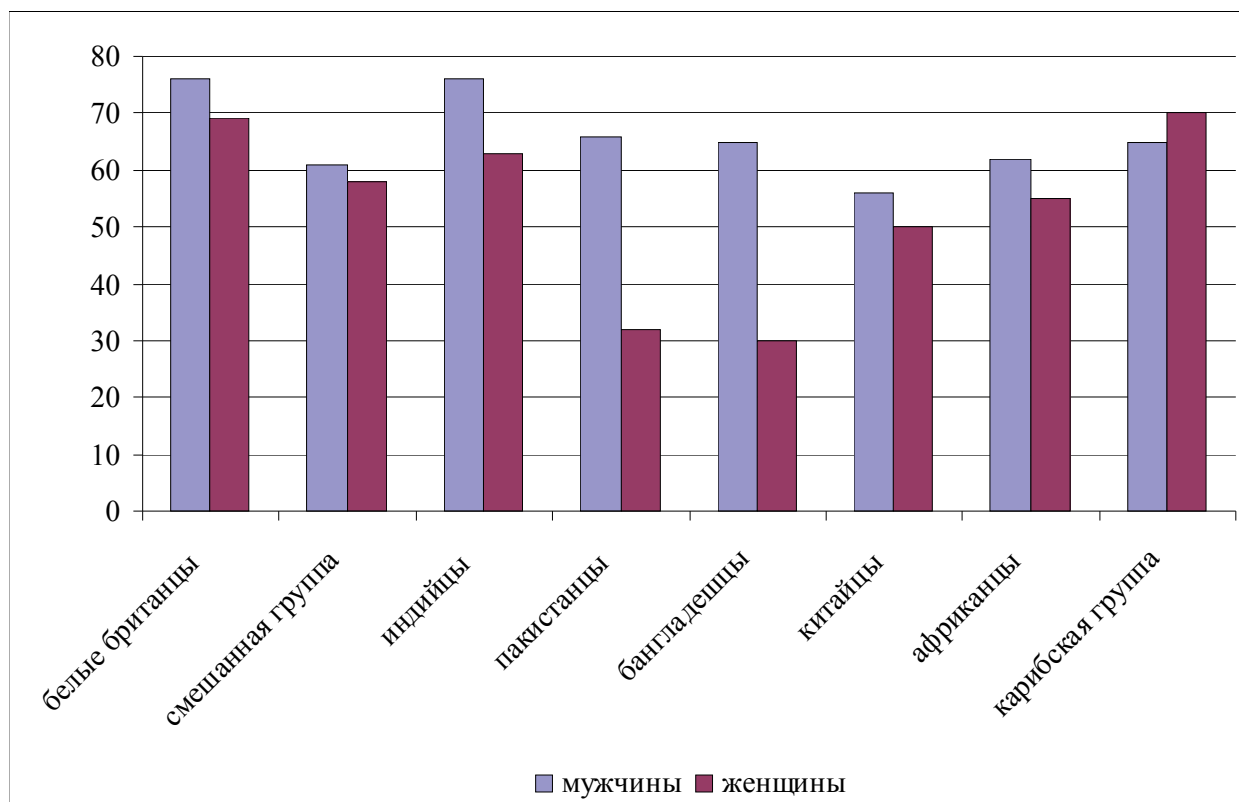

Рис. 1. Уровень занятости населения Англии и Уэльса в возрасте от 16 до 64 лет в 2011 году, % [5]

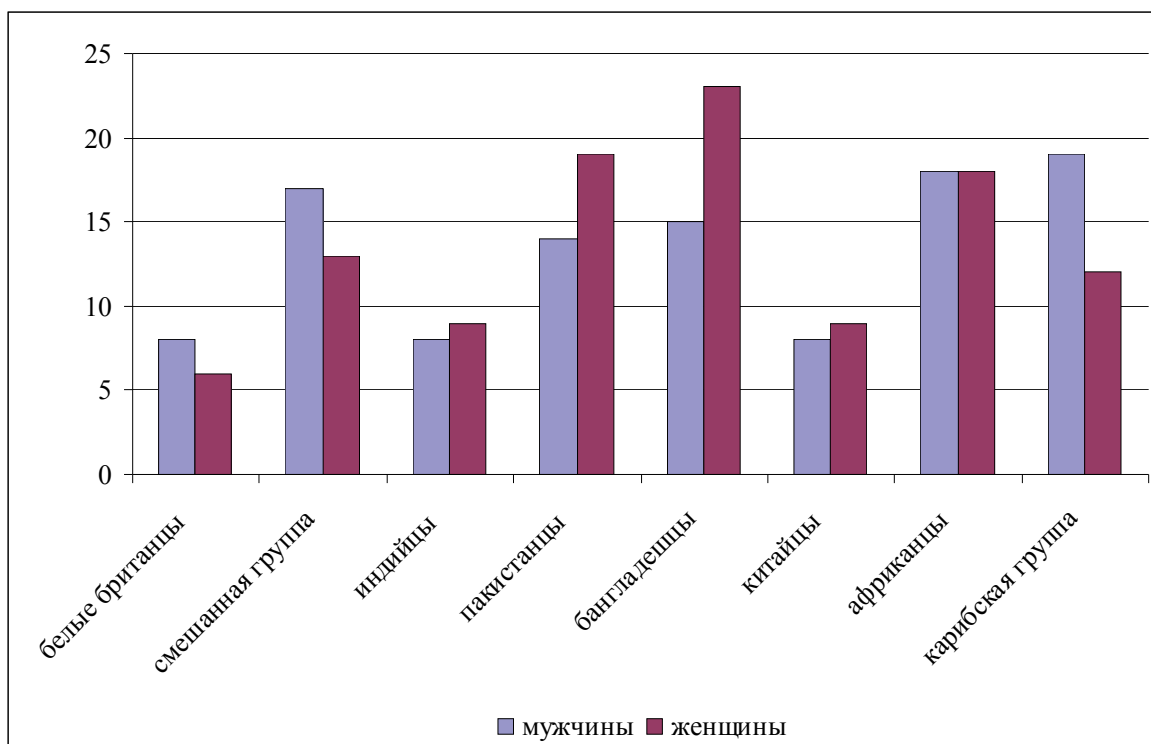

Рис. 2. Уровень безработицы населения Англии и Уэльса в возрасте от 16 до 64 лет в 2011 г. (%) [5]

Уровень безработицы среди этнических меньшинств выше, чем у белых британцев. Как в 2001, так и в 2011 г. самые низкие показатели безработицы наблюдались у индийцев и китайцев, самые высокие – у бангладешцев, пакистанцев и африканцев (рис. 2). По сравнению с 2001 годом уровень безработицы немного вырос во всех этнических группах, кроме китайской. Наибольшее увеличение безработицы произошло среди пакистанцев и бангладешцев (примерно на 3 процентных пункта).

Одним из объяснений разного уровня безработицы у этнических меньшинств является уровень их образования. Люди без образования имеют более высокие показатели безработицы, чем люди с образованием, причем как уроженцы Великобритании, так и иммигранты. Также многие иммигранты первого поколения недостаточно хорошо владеют английским языком, что препятствует их трудоустройству.

Кроме культурных особенностей и недостаточного уровня подготовки более низкий уровень занятости этнических меньшинств объясняется скрытой дискриминацией на рынке труда. Опросы молодых британских женщин, исповедующих ислам, показали, что в отношении тех, кто носит традиционную мусульманскую одежду, проявляется дискриминация при принятии на работу, даже если кандидаты имеют высокий уровень образования [3].

В целом с 2001 по 2011 год занятость этнических меньшинств выросла в основном за счет женщин. Однако одновременно увеличилась доля занятых

неполный рабочий день (менее 31 часа в неделю), причем как среди мужчин, так и женщин. Многие женщины заняты неполный день, так как это дает им возможность совмещать работу с ведением хозяйства и воспитанием детей. Однако у мужчин занятость неполный рабочий день связана с недостатком рабочих мест и служит альтернативой безработице. В 2011 году самая большая доля людей, занятых неполный день, наблюдалась в пакистанской и бангладешской группе (42 и 54 % соответственно), самая малая доля – среди индийцев и китайцев (27 и 28 %) [5].

Наряду с работой неполный день распространенным явлением стала длинная рабочая неделя (свыше 48 часов). Наибольшая доля лиц, работающих более 48 часов в неделю, наблюдается в китайской группе (16 % занятого населения). Показатели в смешанной и индийской группе (12 %) близки к показателю по белым британцам (13 %). Наименьшая доля людей, работающих свыше 48 часов в неделю, характерна для пакистанцев и бангладешцев (8 и 6 %). Поскольку зарплата зависит от количества рабочего времени, то можно утверждать, что самые низкие доходы имеют пакистанцы и бангладешцы, самые высокие – китайцы и индийцы.

Как и в 2001 году, в 2011 доля людей с высшим образованием превышала долю необразованного населения во всех группах этнических меньшинств, кроме пакистанской и бангладешской. Наибольшая доля людей, имеющих высшее образование, наблюдалась в китайской, индийской и африканской группе (43, 42 и 40 % соответственно), что объясняется массовым притоком студентов и высококвалифицированных специалистов из соответствующих стран. С 2001 году доля людей, имеющих диплом о высшем образовании, выросла во всех этнических группах. Наибольшее увеличение произошло среди индийцев (+11 процентных пунктов), наименьшее – среди африканцев (+1 процентный пункт) [3].

В Манчестерском университете был проведен анализ социальной мобильности с помощью определения доли лиц, перешедших в более высокую или более низкую социальную группу по сравнению с их родителями. Так, 43 % белых мужчин и 46 % белых женщин поднялись по социальной лестнице. В карибской и китайской группе показатели социальной мобильности были выше, чем у белых британцев, тогда как у остальных этнических меньшинств – гораздо ниже. Только 34 % пакистанских и бангладешских мужчин и 27 % пакистанских и бангладешских женщин улучшили свое социальное положение по сравнению с их родителями [3].

Таким образом, с учетом уровня занятости, безработицы, доходов и образования наиболее благополучными группами этнических меньшинств являются индийцы и китайцы, наименее благополучными остаются пакистанцы и бангладешцы. За рассматриваемый период во всех этнических группах произошло улучшение почти по всем вышеназванным социально-экономическим показателям. Однако положение этнических меньшинств на рынке труда остается хуже, чем положение белого населения. Периоды безработицы у этни-

ческих меньшинств в целом более длительные, чем у белого населения, а занятость в большей степени реагирует на изменения в экономике. Кроме того, хотя все больше представителей этнических меньшинств являются высококвалифицированными специалистами, уровень их социальной мобильности остается ниже, чем у белых британцев.

Список литературы

1. Кондратьева Т. С., Новоженова И. С. Иммигранты в Европе: модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации. М. 2006. № 1. С. 9–59.
2. Ethnicity and the Labour Market, 2011 Census, England and Wales. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census-analysis/ethnicity-and-the-labour-market/rpt-ethnicity-and-the-labour-market--2011-census--england-and-wales.html> (дата обращения: 10.11.2015).
3. Ethnic minorities, employment and social mobility: see the research findings. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2014/jun/12/ethnic-minorities-employment-and-social-mobility-see-the-research-findings> (дата обращения: 27.10.2015).
4. McEvoy D., Barrett G. A.: Ethnic Minorities in the British Labour Market. Liverpool, 2010. URL: <http://www.migrationeducation.org/49.1.html?&rid=159&cHash=89ef0a0d9b2d734eb653c187332b8614> (дата обращения: 4.11.2015).
5. Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk> (дата обращения: 06.03.2014).
6. Simpson I. et al. Ethnic minority populations and the labour market: an analysis of the 1991 and 2001 Census. Leeds, 2006.

Секция 8

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

МЕХАНИЗМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА: КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ П. ШТОМПКИ

В числе механизмов социокультурных изменений в последнее время находит место термин «травма», фиксирующий такую категорию перемен в общественной и культурной среде, которая переживается как потрясение, выступает в качестве реакции на травмирующие события и обстоятельства. Так, известный польский социолог Петр Штомпка утверждает появление новой парадигмы социального изменения – парадигмы травмы (с конца XX века), идущей на смену парадигмы изменения как прогрессивного развития (XIX век) и парадигмы кризиса (с середины XX века). Одной из сфер применения концепции социокультурной травмы исследователь называет изучение негативных, дисфункциональных последствий, возможных в результате важного социального изменения [4, С. 6]. Острые и моментальные или длительные деструктивные влияния на социокультурную среду в данной парадигме именуется травмой и понимаются как иницирующие изменения. Социокультурное изменение травматического типа, согласно П. Штомпке, проявляется при определенных структурных и культурных обстоятельствах (благоприятный контекст), вызвано травмирующими событиями и вызывает ответные реакции, основанные на способности сообщества к дальнейшему социальному изменению. Благоприятным контекстом для возникновения травмы способна выступить ситуация дезорганизации, несогласованности в культуре или обществе, т. е. ситуация потери согласованности и стабильности, что охватывает новыми явлениями ключевые компоненты культуры, такие как ценности, верования, социальные нормы. Как правило, травматическая ситуация (событие или убеждение) как представление о событии воспринимается как пришедшее извне, на что сообщество не имело прямого влияния. Также она характеризуется неожиданностью, глубиной влияния (затрагивает основы социокультурной среды), заявляет о радикальности грядущих перемен. Главным симптомом такого процесса П. Штомпка называет нарушение нормальности, представляющее как дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире, а влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения [4, с. 10]. Травма тем серьезнее воздействует на социокультурную ситуа-

цию (социальное и культурное тело), чем сильнее разрыв между привычно организованной средой и условиями, сформированными вследствие травматического события, и чем больше травма вторгается на территорию культурного ядра – базовых ценностей, норм, ожиданий. При этом травматическим событием может послужить даже объективно позитивное и полезное, если только оно переживается группой как угроза стабильному ходу вещей. Три сферы воздействия травмы, по мнению П. Штомпки, – это демографический уровень (снижение рождаемости, рост смертности и т.д.), уровень социальной структуры (нарушение и разрушение каналов общественных отношений, социальной системы, иерархии) и уровень культуры (нарушение системы коллективно разделяемых смыслов и символов, заключенных в культурных феноменах и практиках). Травма последнего уровня, по определению исследователя, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени при благоприятных условиях проявляя себя [4, с. 11]. Автор рассматривает четыре типа культурных травм:

а) какое-либо значительное событие признается как несоответствующее, перечашее базовым ценностям;

б) представители сообщества оказываются в ситуации доминирования иной культуры, разновидностями чего являются миграционная и колониальная ситуации (прямой колониализм или культурная глобализация, называемая модернизацией);

в) конфликт обновления образа жизни (под влиянием экономических и политических условий) с традиционной культурой, что сопровождается конфликтом поколений;

г) внутрикультурные истоки травмы: несинхронное развитие разных сфер культуры, открытие, представляющее подход, несоответствующий прежней культуре, или требующее переосмысление прошлого и прежних разделяемых в культуре суждений.

Анализ концепции культурной травмы показывает, что стратегии совладания с культурной травмой, отмечаемые П. Штомпкой в соответствии с исследованием Р. Мертона [5], различны и выражают активную и пассивную адаптационную позицию индивидов и общества:

а) инновация – спонтанное или намеренное частичное изменение культуры с целью примирения ее несоответствий с другой культурой, с реальным поведением людей;

б) бунт – радикальная трансформация культуры, смена культурной системы;

в) ритуализм – обращение к неустановленным традициям исходной культуры и их культивированию как укрытию от травм;

г) ретриатизм – игнорирование травмы, попытка действовать так, будто ее нет.

Таким образом, активно действующими в современном обществе механизмами социокультурных изменений стоит назвать четыре типа реакции на культурные травмы, которыми богата в настоящее время мировая реальность. В то же время эти механизмы способны породить два возможных сценария дальнейшего развития: усугубление травматической ситуации и, как следствие, разрушение культуры или эффективное преодоление травмы путем реконструкции культуры. Со вторым сценарием социолог связывает в большей степени изменения, облегчающие травматическое воздействие, и отмирание прежнего культурного наследия в результате смены поколений. Однако в этой связи необходимо упомянуть и позитивные трансформации исконного культурного наследия, эффективно функционирующие в обновленной культуре и в то же время позволяющие сохранять самостоятельные границы культуры в условиях глобализации [1; 2; 3] в отличие от феномена глокализации, обозначающего неравномерное изменение – приобщение к экономическим благам глобального социокультурного пространства при жесткой обороне всех форм традиционной культуры [6].

В сложнейшем образе организованной сегодня социокультурной реальности динамика культуры вряд ли может быть порождена лишь внутренними факторами, поскольку процент культурной изоляции невысок. Современный мир – это ситуация постоянного культурного обмена, острое ощущение культурных границ, которые становятся полем появления новых смыслов и практик, богатый опыт социокультурных травм.

На современном этапе индигенная этногруппа представляет собой крайне социально неоднородную целостность. Подобное расслоение народов, называемых коренными, позволяет объяснить концепцию культурной травмы как изменения. П. Штомпка утверждает, что культурные изменения протекают в обществе неравномерно, поскольку скорость, ритм и темп социального изменения неодинаковы в разных областях социальной жизни, где сфера культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменения и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло [4, с. 7]. По мнению П. Штомпки, решающими факторами, влияющими на то, как разные социальные группы по-разному воспринимают травмы, служит наличие ресурсов, социального и культурного капитала, помогающих осознать, определять травмы и активно противодействовать им [4, с. 11]. При этом различны не только механизмы происходящих изменений, но и характер реакции на культурную травму. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют [4, с. 13]. В травмирующей ситуации всегда находятся центральные группы, которые активно ее переживают, и периферийные, вытесняющие ее, поскольку для них она несущественна. Колониальный опыт, пережитый автохтонным населением большого числа мировых территорий, где до этого ими поддерживал-

ся в мало изменяемом виде традиционный образ жизни, столкновение этих обществ с экзогенным внедрением модернизирующих процессов сказались на единстве не только социальном, но и культурном. Согласно модели социокультурного изменения как травмы травмирующее событие (ситуация) в виде колонизации, перестройки образа жизни в ходе длительного инокультурного доминирования (люди во власти новой культуры, социализированная культура, которая у них «в головах» или в полуавтоматических «склонностях сердца»), сталкивается с культурной средой, в которой они оказались [4, с. 12]) запускает механизм реакционных культурных изменений. Можно говорить о том, что различие внутренних групп коренных этносообществ является следствием специфики разных механизмов-реакций, примененных частями общества с целью справиться с травмой. Наиболее резкие изменения в социокультурной ситуации наблюдаются, если способом преодоления травмы избирается бунт как радикальная попытка полной трансформации культуры с целью ее соответствия новым условиям. Этот способ избирается той частью модернизируемого общества, которая с воодушевлением встает на позиции внедряемой культуры, видит в приходящих порядках рост и развитие, а потому приступает к реорганизации привычного им образа жизни. Во многом это соответствует представителям группы протонации, которые в наибольшей степени включены в социальные институты современного общества и социокультурные практики пришедшей культуры – практики модерна и постмодерна и часто являются двигателями новых социальных процессов в этносообществе, в частности реконструкции этноса. Такой механизм изменений, как инновация – частичное преобразование традиционной культуры с целью смягчения ее несоответствий доминирующей социокультурной реальности, способен привести к культурным переменам разной степени, но не кардинальным. Итогам действия такого механизма в большей степени соответствует группа «городские этнические меньшинства», а также сюда можно отнести сельское население, в достаточной степени изменившее образ жизни (ушедшее от традиционных промыслов, включенное в индустриальные практики, производство). Внутренняя группа «коренные народы» свидетельствует о наименьших культурных переменам в ее пределах. А значит, путем выбора пассивного механизма преодоления травмы (ритуализм, ретриатизм) или в силу того, что эта часть автохтонного населения колонизированных территорий оказалась в поле слабого влияния внедряющейся культуры (в частности по причине удаленности поселений), эти представители этноса в наибольшей степени сохранили исконную этнокультуру. Разнородность этносообществ, называемых коренными, свидетельствует о сложном единстве не только общества, но и этнокультуры в границах этих внутренних социальных групп, о длительно переживаемой этими народами культурной травме и применении разных способов с целью справиться с ней.

Список литературы

1. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации: Сборник научных статей Международной научно-теоретической конференции «Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации» (6–7 июня 2013 г.). М.: Проспект, 2014. 236 с.
2. Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с.
3. Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91–95.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001. № 1. С. 6–16.
5. Merton R.K. Social Structure and Anomie // P. Sztompka (ed.). Robert K. Merton on Social Structure and Science Chicago. 1996.
6. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. Global Modernities. London, 1995. P. 25–44.

АККУЛЬТУРАЦИОННЫЙ СТРЕСС И ТЕХНОЛОГИИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В пятидесятые годы прошлого века как в зарубежной, так и в отечественной науке появилось множество работ, раскрывающих специфику процесса перемещения из одной культурной среды в другую. В настоящее время изучение всевозможных граней взаимодействия разных культур является одним из актуальнейших вопросов в рамках конкретных дисциплин (антропология, социология, культурология, психология), и междисциплинарных исследований.

Для описания процесса взаимодействия культур используют различные термины, такие как «культурный шок» (culture shock), «приспособление» (adjustment), «кросс-культурная» (межкультурная) адаптация (cross-cultural adaptation), «аккультурация» (acculturation), а также «аккультурационный стресс» или «стресс аккультурации» (acculturative stress). До сих пор нет однозначного мнения по поводу содержания данных терминов, часто они используются как слова-синонимы.

Термин «культурный шок» впервые употребил американский исследователь, антрополог Калерв Обер¹. Он полагал, что приспособление к новой культурной среде связано с большим психологическим дискомфортом. По его мнению, культурный шок связан с такими проявлениями, как тревога, приходящая при понимании культурных различий; напряжение, связанное с психологической адаптацией; чувство потери (общение с друзьями, должность, личный статус); состояние одиночества; ощущение неполноценности; несбывшиеся надежды, самоутверждение, личная идентификация.

Проблема культурного шока рассматривается в рамках дискуссии о кривой процесса адаптации, выдвинутой John Gullahorn и Jeanne Gullahorn². Авторы описали U-образную кривую процесса адаптации, выделив пять этапов этого процесса:

1. Оптимистичные ожидания, позитивный эмоциональный фон и большие надежды на светлое будущее.
2. Ощущение негативного и интенсивного воздействия среды на мигранта, переживание больших разочарований, фрустраций, депрессии.
3. Максимальное проявление симптомов культурного шока.

---

¹ Oberg K. Culture shock. Adjustment to new cultural environments // Practical anthropology, 1960.

² Gullahorn J. E., Gullahorn J. T. An extension of the U-curve hypothesis. Journal of Social Issues, 1963, 19(3), 33–47.

4. Появление оптимизма, ощущение удовлетворения, ощущение себя интегрированным в жизнь нового общества.

5. Полная адаптация, ощущение гармонии, взаимного соответствия среды и индивида.

Вышеперечисленные этапы адаптационного процесса образуют так называемую U-образную кривую спуска и восхождения: хорошо – хуже – плохо – лучше – хорошо. Но поскольку не все мигранты достигают полной адаптации к новой среде обитания, часто происходит возвращение на прежнее место жительства и переживание реадаптации. Так как этапы реадаптации повторяют U-образную кривую, существует мнение о наличии так называемой W-образной кривой адаптации.

Р. Редфилд, Р. Линтона, М. Херсковиц, П. Адлер, Ф. Бирнс, Ф. Бок также изучали феномен «культурный шок» как проявление разнообразных страхов (особенно страх перед непосредственным физическим контактом с представителями другой культуры), повышение тревожности, постоянное беспокойство о качестве пищи, питья, неуверенность в себе и, как следствие перечисленных проявлений, – злоупотребление алкоголем и наркотиками, попытки самоубийства.

Помимо описания и понимания сущности феномена «культурный шок», исследователей также интересовала возможность его преодоления.

Так, Филипп Бок (Philip K. Bock)¹ в работе «Culture shock» рассматривает пять способов возможного разрешения культурного шока: геттоизация, ассимиляция, промежуточный способ, частичная ассимиляция и колонизация.

1. *Геттоизация* реализуется в ситуациях, когда человек прибывает в другое общество, но старается или вынужден избегать всякого взаимодействия с чужой культурой вследствие каких-либо объективных причин, например из-за незнания языка, страха, особенностей вероисповедания и так далее. В этом случае мигрант стремится сформировать собственную культурную среду, создать окружение из родственников, знакомых – представителей его родной культуры, чтобы закрыться этим окружением от влияния инокультурной среды.

2. *Ассимиляция* представляет собой противоположность первого способа. В случае ассимиляции человек действует обратным путем: полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком погрузиться в чужую культуру, как можно скорее усвоить всё, что необходимо для жизни в новых условиях. Данный способ не всегда достигает желаемой цели. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что мигрант может оказаться недостаточно пластичным, чтобы измениться, принять новую культуру, с другой стороны, новая культурная среда может оказаться недостаточно открытой для принятия новых членов.

3. *Промежуточный способ* представляет собой культурный обмен и взаимодействие. Успешность обмена, подразумевающая пользу и обогаще-

---

¹ Bock P. K. Culture shock. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1970.

ние обеих сторон, возможна только в случае присутствия благожелательности и открытости обеих сторон. Данный способ, к сожалению, на практике встречается, достаточно редко, так как чаще всего стороны изначально прибывают в неравных условиях, поскольку новая культура может прибывать в позиции вынужденного принятия новых членов – беженцев или эмигрантов.

4. *Частичная ассимиляция*, представляет собой некий компромисс между первым и вторым способом: мигрант в некоторой степени отказывается от своей культурой в пользу инокультурной среды. То есть в некоторых сферах жизни, например, в социальной сфере, допустим на работе, принимает ценности, нормы, правила новой культурной среды, но в частной жизни – семье, в отношениях с близкими друзьями руководствуется нормами своей традиционной культуры. Данный способ преодоления культурного шока является наиболее распространенным. Эмигранты чаще всего ассимилируются частично, живут «двойной» жизнью.

5. *Колонизация* представляет собой способ разрешения культурного шока, подразумевающий активное утверждение представителями чужой культуры ценностей своей культуры в стране, куда они прибыли, демонстрацию традиционного для них образа жизни. Колонизацию можно сравнить с геттоизацией пришельцев, которые живут практически не соприкасаясь с автохтонной культурой и, следовательно, оказывая очень незначительное действие на нее.

Несмотря на то, что часто исследователи отмечают множество негативных проявлений и признаков культурного шока, само это явление не обязательно должно нести только лишь негативную окраску. Чтобы подчеркнуть, что наряду с возможными негативными проявлениями существует возможность получения мигрантом позитивного психологического опыта, со временем наиболее употребимым становится термин «аккультурационный стресс». Использование данного термина стало популярным благодаря работам Джона Берри, канадского психолога, специалиста в области межкультурных отношений. Именно он обратил внимание на то, что при межкультурном контакте возможно получение и положительного опыта. В работе «Иммиграция, аккультурация и адаптация»¹ исследователь описывает аккультурацию как многогранный процесс, обусловленный тем, как разрешаются две основные проблемы, определяющие характер взаимодействия между культурами: во-первых, проблема сохранения наследия, культуры, самобытности; во-вторых, стремления наладить связи между группами.

Совместно с П. Р. Дассеном и А. Ф. Пуртингой Дж. Берри² отмечает, что в межкультурном взаимодействии всегда выстраиваются доминантные отношения, т. е. одна из культур (большое плюралистическое общество) до-

---

¹ Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.

² Берри, Дж., Дасен П. Р., Пуртинга А. Ф., Сигал М. Х. Кросс-культурная психология: исследования и применение. Изд-во: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.

минирует над другой (этнокультурная группа). Взаимодействие этнокультурных групп между собой и взаимодействие отдельных этнокультурных групп с так называемом большим плюралистическим обществом влияет на дальнейшее существование этих групп как уникальных целостностей.

Исследователи называют четыре стратегии межкультурного взаимодействия, различающиеся по способу решения выше обозначенных проблем.

Стратегия 1. В случае нежелания представителями этнической группы поддерживать свою культурную идентичность и стремления их к повседневному взаимодействию с другими культурами складывается стратегия ассимиляции. С позиции большого общества такой вариант межкультурных взаимоотношений исследователи называют «плавильный котел», где полностью стираются уникальные черты каждой составляющей, в результате формируется один народ, одна культура, одна нация.

Стратегия 2. В случае когда представители этнической группы нацелены на сохранение своей собственной уникальной культуры, путем избегания контактов с другими культурами определяется стратегия сепарации. С позиции большого общества данная стратегия именуется сегрегацией.

Стратегия 3. В случае когда, с одной стороны, у представителей этнической группы отсутствует заинтересованность и возможности для сохранения собственной культуры, а, с другой стороны, желание выстраивать взаимосвязи с другими группами, межкультурные отношения развиваются в соответствии со стратегией, которая именуется маргинализацией. С позиции большого общества такой вариант межкультурного взаимодействия имеет название «исключение».

Стратегия 4. В случае когда между представителями различных этнических групп складываются равноправные отношения, доминирующее общество открыто и ориентировано на культурное разнообразие, межкультурные отношения развиваются в соответствии со стратегией, имеющей название «интеграция». Со стороны большого общества – мультикультурализм. Данная стратегия позволяет формировать наиболее продуктивные межкультурные отношения, в рамках которых признаются равными представители всех этнических групп, входящих в плюралистическое общество. Данная стратегия диктует требование взаимной приспособляемости: недоминирующие группы должны принять основные ценности большого общества, при этом сохраняя свою уникальность и самобытность. Одновременно от доминирующей группы требуется адаптировать важнейшие социальные институт (здравоохранение, образование, трудовые отношения и т. д.) таким образом, чтобы соответствовать потребностям всех этнических групп.

В настоящее время процессы аккультурации, характерные для Российской Федерации в целом и для Красноярского края в частности, имеют общемировую направленность и включены в общемировые базовые процессы. В качестве этносов, переживающих аккультурационный стресс, выступают не только мигранты, приезжающие в Красноярский край, но также представи-

тели коренных малочисленных народов, испокон веков живущие на данной земле, но испытывающие на себе сильное влияние пришедшей «большой» культуры. В мировом сообществе накоплен положительный опыт, связанный с выработкой механизмов включения малочисленных народов Севера в современную рыночную экономику с сохранением их уникального культурного наследия и интеграцией в поликультурное плюралистическое современное общество на базе мультикультурализма в качестве основной идеологии и стратегии.

Проживающие на территории Красноярского края коренные этнические группы: долганы, нганасаны, ненцы, кето, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы в настоящее время имеют возможность для включения в современную рыночную экономику, при этом сохраняя свою уникальность и самобытность. Данные этносы различаются между собой по степени желания сохранить традиционные ценности своей культуры, по стремлению к развитию этноса. Так, представители чулымского этноса в большинстве своем следуют по пути ассимиляции. Тогда как эвенки обладают ярко выраженным этническим самосознанием, нацеленностью на возрождение национальных традиций, на развитие своих поселений. Максимально данные черты проявлены у жителей поселка Суринда.

Список источников

1. Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied psychology: An international review*. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.
2. Bock P. K. *Culture shock*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1970.
3. Gullahorn J. E., Gullahorn J. T. An extension of the U-curve hypothesis. *Journal of Social Issues*, 1963, 19(3), 33–47.
4. Oberg K. *Culture shock: Adjustment to new cultural environments* // *Practical anthropology*, 1960.
5. Берри, Дж., Кросс-культурная психология: исследования и применение / Дж. Берри, П. Р. Дасен, А. Ф. Пуртинга, М. Х. Сигал. Изд-во: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
6. Миграционные процессы и проблемы адаптации: Монография / отв. ред. В. В. Константинов. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009. 184 с.
7. Смолина Т. Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация // *Психологическая наука и образование*. Режим доступа: <http://www.psyedu.ru/> ISSN: 2074-5885 / 2012. № 3.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В КОНЦЕПЦИИ Ф. БАРТА

*...Этническая граница есть то, что определяет группу,
а не культурное содержание в ней заключенное.*

Ф. Барт

Среди подходов к изучению феномена «этничность» конструктивизм сегодня предстает одним из ведущих. Родоначальником данного методологического подхода принято считать норвежского антрополога Фредрика Барта (род. 1928).

Ф. Барт является основателем кафедры социальной антропологии в Бостонском университете, где продолжает работать по сей день [4]. Его научно-педагогическая деятельность связана с различными университетами. Он преподавал в университете Осло, университете Эмори, Гарвардском университете и университете Бергена. Базовым трудом Ф. Барта, где обозначены основные принципы его теории, является книга «Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий» [1].

Значимым событием, положившим начало обсуждению идей конструктивизма, стало проведение симпозиума в 1967 году в университете Бергена в Норвегии. В рамках данного мероприятия группа скандинавских специалистов по социальной антропологии обсудила приемлемые способы изучения этнических групп и представила результаты своих исследований. На симпозиуме Ф. Барт изложил основные положения своего подхода к изучению этнических групп. Данные положения мы систематизировали относительно тех характеристик, которые исследователь относит к определению этнической группы.

Во-первых, важной составляющей в определении этнической группы является наличие социальной границы. Этническая группа, согласно Барту, вырабатывает свою культурную и социальную структуру в относительной изоляции, большей частью в качестве реакции на местные экологические факторы в процессе адаптации. Само понятие «этническая группа» для Ф. Барта рассматривается как первичная характеристика, так как этнические группы приходится идентифицировать и дифференцировать по морфологическим характеристикам культур, носителями которых они являются. Для того

чтобы понять, что представляет собой этническая группа, необходимо изучать не «объективные», устойчивые культурные особенности, которыми эта группа обладает, а особенности, на основании которых человек воспринимается членами группы как представитель данной либо иной группы, т. е. те особенности, которые приписываются и воспринимаются людьми в качестве критериев членства в этой группе. Например, представители одной этнической группы в качестве основных признаков членства могут признавать такие сигналы и знаки, как одежда, язык, жилища и т. д., а представители другой группы большое значение будут придавать системе ценностей, например, нормам нравственности и стандартам оценки поведения. Подобное символическое различие мы–они не только формирует этнические границы групп, но и позволяет, таким образом, идентифицировать этническую группу в целом. Как заметил Ф. Барт, только факт постоянной дихотомии между членами [группы] и «внешними» позволяет нам определить [этническую] общину и исследовать изменения культурных форм и содержаний [2]. По мысли ученого, единственным реальным способом определения этнической группы является способ, основанный на исследовании тех границ, которыми она сама себя очерчивает, отвлекаясь от культурного содержания, находящегося в пределах этих границ. Ф. Барт пишет: «Неважно, насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, если они утверждают, что принадлежат к категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпретировалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы» [1, с. 17]. При этом одни культурные признаки будут использоваться в качестве характеристик, позволяющих идентифицировать индивида как члена своей или чужой группы, а другие будут игнорироваться.

Во-вторых, символическое различие этнических групп осуществляется на основе различия тех или иных компонентов культуры. Любая этническая группа носит в себе культуру, которая раскрывается в совокупности её черт, касающихся преимущественно обыденной жизнедеятельности, бытовой культуры. Она имеет ядро и периферию. Этническая культура включает орудия труда, нравы, обычаи, нормы обычного права, ценности, постройки, одежду, пищу, средства передвижения, жилище, знания, верования, виды народного искусства. Ф. Барт определяет само слово «культура» не как первичную или определяющую характеристику этнической групповой организации, а как необычайно важный признак – следствие или результат, анализируя который возможным становится отделить одну этническую группу от иной. Ф. Барт пишет: «Если мы придаем особую важность аспекту владения культурой, то классификация индивидов и локальных групп как членов этнической группы должна зависеть оттого, как у них проявляются те или иные компоненты данной культуры. Это должно оцениваться объективно наблюдателем-этнографом в ареале культурной традиции вне зависимости от признаков

и предубеждений членов этих групп. Различия между группами сводятся к различиям между наборами компонентов; внимание уделяется анализу культур, а не этнической организации» [1, с. 13].

В-третьих, одним из факторов, определяющих различие не только между этническими группами, но и членами одного и того же сообщества, является экология. Окружающая среда порождает региональное многообразие внешнего поведения членов этнической группы. Ф. Барт пишет: «Внешние культурные формы, рассматриваемые в качестве характерных компонентов, несут на себе следы воздействия экологии. Говоря это, я не имею в виду только тот факт, что они отражают историю адаптации к окружающей среде; более непосредственным образом они также отражают внешние обстоятельства, к которым должны приспособляться члены сообщества. Одна и та же группа людей с одними и теми же ценностями и идеями, несомненно, будет вести разный образ жизни и институционализировать разные формы поведения перед лицом разных возможностей, открывающихся в различных обстоятельствах. Точно так же мы можем ожидать, что этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, будет проявлять региональное многообразие институционализированного внешнего поведения, не отражающее различий в культурной ориентации» [1, с. 13–14].

В-четвертых, компоненты культуры, определяющие этнические границы, носят динамический характер, они подвижны и склонны к трансформациям. Согласно Ф. Барту, «культурные черты, которые обозначают эту границу могут меняться; культурные характеристики членов [этнических групп] также подвержены трансформации; организационные формы группы – и те могут изменяться» [2]. Подобный динамизм обусловлен во многом социокультурной ситуацией, а именно межэтническим взаимодействием. Ф. Барт полагает, что этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло и это влечет за собой сложную организацию поведения и социальных отношений [2]. Но отвержение чужих, членов иных этнических групп предполагает осознание границ допустимой вариативности. С чужими взаимодействие ограничивается определенными областями, где наблюдается взаимопонимание и общий интерес. В различных конкретных ситуациях эти области и, следовательно, вся структура межэтнических отношений – разные. Поэтому различны и внешние культурные проявления, демонстрируемые членами той или иной этнической группы.

Таким образом, согласно Ф. Барту, важнейшим аспектом при определении этнической группы является самокатегоризация или категоризация другими, что формирует этническую границу. Этническая граница – это подвижный механизм, зависимый от межэтнических взаимодействий и самой динамики компонентов культуры внутри этнической группы. Определяемая с помощью этнических маркеров она является основанием для символического конструирования этнической группы. Данная идея достаточно ярко выражена в высказывании Ф. Барта, которое мы привели в качестве эпиграфа. Именно

этническая граница есть то, что определяет группу, а не культурное содержание, в ней заключенное [1, с. 15]. Этнические границы не только закрепляют имеющиеся различия между группами, но и формируют сами эти группы. По мысли Ф. Барта, этничность понимается как ситуативный феномен, постоянно конструируемый средствами символического различения. Под культурными различиями исследователь понимает не сумму объективных различий, но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми [1, с. 15–17]. Именно субъективный характер, который приписывает Барт этничности, становится отличительной чертой конструктивизма.

Список литературы

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сбю статей. М.: Новое издательство, 2006. 188 с.
2. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение. Институт философии РАН, 2014. 232 с.
3. Barth F. Introduction II Ethnic Groups and Bondaries. The Social Organization of Cultural Difference I Ed. by F. Barth. Bergen. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. 37 с.
4. <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
5. <http://studopedia.org/2-25651.html>.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕНЕЗА С. М. ШИРОКОГОРОВА

Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939) – выдающийся российский исследователь с большим кругом интересов: антропология, этнография, лингвистика, педагогика, научное наследие которого до сих пор остается малоизвестным отечественной науке.

С. М. Широкогоров получил блестящее образование в ведущих научных центрах Европы и России начала XX века: 1905–1910 годы одновременное обучение на филологическом факультете Сорбонны, в Антропологическом институте и Высшей школе политической экономии; с 1910 года в России обучение на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета; с 1912 г. работа внештатным сотрудником Музея антропологии и этнографии Академии наук.

Вероятно, именно это позволило ему одному из первых сформулировать сложное представление об этносе и его развитии, а также выстроить представление о задачах этнологии и ее методах.

Все выводы и теоретические обобщения Широкогорова основываются на материалах его полевых исследований, которые он вел во время двух экспедиций в Маньчжурию, Монголию и Китай.

Экспедиции С. М. Широкогорова и этапы работы над теоретическими трудами:

- 1915–17 годы – начальник Маньчжурской экспедиции в Маньчжурию и Монголию для лингвистических, этнографических, антропологических и археологических исследований;
- 1917 год – экспедиция в Северный Китай;
- 1918–22 годы – попытка осмыслить результаты экспедиций в монографиях и статьях;
- 1922 год – поездка в Харбин для издательства книги; невозможность возвращения в Россию – вынужденная эмиграция;
- 1930-е годы – работа над статьями и книгами на английском языке в Китае.

Основные труды С. М. Широкогорова можно разделить на две группы: русскоязычные работы и англоязычные труды, созданные в эмиграции. Отечественной науке, к сожалению, до сих пор мало знакомы работы второго эмигрантского периода исследователя. Многие авторы опираются на мысли, изложенные в русскоязычных публикациях Широкогорова, не учитывая их

развития, которое произошло в 1930-е годы. Особенно характерно было такое однобокое представление о наследии отечественного этнолога в советский период, когда его идеи подвергались критике за приверженность бихевиористским взглядам на природу этноса как биологического целого.

К основным трудам С. М. Широкогорова относятся: «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (1922); «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (1923); «Psychomental Complex of the Tungus» (1935). Данная статья является попыткой представить потенциал некоторых идей С. М. Широкогорова об этногенезе.

Концепция этноса С. М. Широкогорова в 1920-е годы

В своих первых работах С.М. Широкогоров определяет этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп¹. Важной особенностью понимания природы этноса для автора является его первичная целостность, которая складывается через отношение с различными составляющими окружающей этнос среды.

Этими аспектами формирующей этнос среды Широкогоров называет три вида условий:

- природные условия (этнос как адаптация к окружающей среде – климату, рельефу);
- сфера культуры этноса (фиксация способов адаптации этноса к окружающей среде в традициях, знаниях, символах);
- этническое окружение (адаптация к соседям).

Этнос, таким образом, понимается как устойчивый набор отношений приспособления, основанный на родовых свойствах человеческого существа.

К базовым свойствам, лежащим в основе этноса, Широкогоров относит:

- биологическую жизнедеятельность (обеспечение физического выживания группы людей);
- этническое сознание (выживание группы людей за счет приспособления сознания и создания искусственной среды – культуры);
- социальную культуру (общественная организация группы людей, способствующая выживанию).

Именно первичность биологической жизнедеятельности как основного условия существования этноса и стала причиной активной критики теории этногенеза С. М. Широкогорова, как в период советской идеологии, так и позже. Хотя в работах исследователя чаще это свойство понимается именно как простое наличие человеческих существ как биологически живых орга-

---

¹ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Кафедра Социологии Международных Отношений социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Москва, 2010. – С. 16

низмов, проживающих рядом на одной территории, без чего вообще невозможно вести речь о какой-либо группе людей и тем более об их общности как этноса.

Кроме того, большое значение уже в первых работах Широкогоров уделяет понятию «культура» и его сложности: «Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собою не только генезисом, но и равновесием»¹.

Этнос, как и культуру, С.М. Широкогоров рассматривает в качестве целостности, характеризующейся равновесием составляющих ее компонентов. Рассмотрению законов этого равновесия уделено большое внимание в работах автора. Это означает, что формирующееся первичное представление о природе этноса в первых работах отечественного исследователя уже было достаточно сложным, учитывающим системный характер взаимосвязи разных элементов целостности, изменение одного из которых обязательно влечет равновесные изменения в других частях целого.

Формирование такого сложного представления об этносе привело С. М. Широкогорова к сложению особого взгляда на задачи и методы этнологии.

Задачи этнологии, по словам исследователя, следующие: «Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека:

1) его материальную культуру, т. е. всю сумму его знания в области строительного искусства, одежды, питания и т. д.;

2) его социальную культуру, т. е. организацию общества, государства и его органов – семьи, рода и т. п.;

3) его духовную культуру, т. е. религию, науку, философию и эстетические искусства»².

Такое разнообразное и обширное представление о задачах позволяет автору назвать этнологию самой значимой научной сферой человеческого знания. Этнология – наука о законах жизни человека как вида, а следовательно, его мышления и науки как результата мышления. Таким образом, этнология является венцом знания человека³.

Концепция этноса С. М. Широкогорова в 1930-е годы

В работах, написанных и изданных в эмиграции, представление об этносе С.М. Широкогорова меняется. Теперь он понимает этнос как процесс, который может быть рассмотрен одновременно в нескольких аспектах.

---

¹ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М., 2010. С. 23–24.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 34.

Аспекты этноса как процесса:

- этнографический – раскрывается в исследованиях этнографов, выявляющих сходство культурной адаптации;
- психоментальный – раскрывается в лингвистических и этнографических исследованиях о сходстве языка;
- непрерывности – выявляют историки, изучая убеждения и традиции;
- психологический – факт самосознания себя группой людей как общности (исследуется психологами, этнографами и лингвистами);
- биологический – процесс передачи наследственных признаков (изучается биологами).

Данный перечень указывает на смещение акцента с биологической основы существования этноса на культурную (психоментальную), а также на еще более сложное представление о природе этноса и спектре задач этнологии по сравнению с предыдущим этапом.

В поздних работах Широкогорова возникают важнейшие понятия его теории этногенеза – «этническая общность», «психоментальный комплекс».

Этническая общность понимается исследователем как динамический эффект равновесия между центростремительными и центробежными движениями в ней¹, т. е. как изменчивое и сложное живое целое, построенное на взаимодействии двух противоположных процессов: направленных на сохранение этнической общности и связанных с изменениями, нарушающими эту самую общность.

Это понятие раскрывает принципиальную противоречивость и сложность этноса как процесса, который одновременно существует в материальном и психоментальном измерениях.

Психоментальный комплекс ученый определяет в качестве совокупности культурных элементов, которые состоят из психических и умственных реакций, как на целое, так и на его элементы, и могут быть изменяемыми или стабильными, динамическими или статическими².

Исследователь выделяет два типа таких реакций: 1) комплекс реакций устойчивого и определенного характера; 2) некоторые умственные установки, выступающие как теоретическая система данной группы людей (этноса). Главная функция психоментального комплекса – адаптация коллектива к окружающей среде.

Такое представление о роли психоментального комплекса в формировании этноса позволяет говорить о преемственности взглядов Широкогорова. Так, очевидно продолжение мысли об этносе как о способе адаптации группы людей к окружающей среде. Но меняется представление ученого о способах приспособления. В более поздний период С. М. Широкогорov приходит к мысли о колоссальной значимости психологических и мысленных устано-

---

¹ Широкогорov С. М. Psychomental Complex of the Tungus. Режим доступа: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications>.

² Там же.

вок, которые вырабатываются в процессе общей жизнедеятельности представителей этноса и фиксируются в различных формах культуры, искусства, науки, религии.

Интересно, что именно психоментальный комплекс в итоге Широкогорова называет одновременно и главным объектом исследования этнографов и главной преградой между исследователем и объектом исследования. Ведь у исследователя как представителя определенного этноса действует свой психоментальный комплекс, который мешает ему адекватно оценить и понять психоментальный комплекс другого этноса. Такие рассуждения заставляют автора обратиться к проблеме этнологических методов.

Методы этнологии по С. М. Широкоговору – всматривание и интуиция. Детальный анализ и описание психоментального комплекса возможны только тогда, когда последние рассматриваются в тотальности отношений, существующих в этнической общности и которые создаются межэтнической средой¹.

Задачей исследователя-этнолога является понимание другой культуры исходя из ее общего контекста без привнесения в эту процедуру элементов собственной культуры.

Таким образом, в работах С. М. Широкогорова начала XX века уже высказаны мысли, которые будут развиваться зарубежными, а после и отечественными учеными в середине и второй половине XX века. В его трудах объединяются принципы системно-структурного, функционального и семиотического подходов.

Проблема освоения идей С. М. Широкогорова связана не только с отсутствием переводов его поздних исследований на русский язык, но и отрывочностью и незаконченностью работ отечественного ученого, который не успел выстроить свои взгляды в стройную систему и изложить их в одном обобщающем труде.

---

¹ Широкогородов С. М. Psychomental Complex of the Tungus. Режим доступа: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications>.

ОБРАЗ МИГРАНТОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Ассоциативный эксперимент был проведен среди студентов СФУ технических и гуманитарных направлений подготовки и студентов медицинского университета (100 человек). Всего было получено 603 ассоциации, из них положительных 75, отрицательных почти в три раза больше – 202, что свидетельствует о том, что студенты воспринимают мигрантов не лучшим образом.

Разобьем все имеющиеся ассоциации на смысловые группы, выстроив их, во-первых, по количеству уникальных ассоциаций и, во-вторых, по частотности упоминаний. В скобках после названий групп указаны количество слов в группе, общая частота их упоминаний, средняя частота упоминания каждого слова из группы.

Государства, города и нации, затронутые миграционными процессами (37/85/2,97)

Нерусские (14), таджики (9), Европа (7), негры (6), Россия (3), Америка (3), китайцы (3), узбеки (3), Украина (3), Узбекистан (2), Средняя Азия (2), азиаты (2), европейцы (2), армяне (2), Сирия (2), арабские эмигранты (1), африканцы (1), афроамериканцы (1), буряты (1), выходцы из Азии (1), Германия (1), Дагестан (1), Дубай (1), ЕС (1), Кавказ (1), кавказцы (1), корейцы (1), Москва (1), северяне (1), СНГ (1), США (1), Таджикистан (1), украинцы (1), Франция (1), чукчи (1), японцы (1), не русской национальности (1).

Анализ представленных в данной группе слов позволяет сделать несколько заключений. Во-первых, в представлении студентов мигранты – это прежде всего иммигранты – нерусские, нерусской национальности (в совокупности 19 упоминаний). Во-вторых, иммигранты – это жители бывших союзных республик, в основном таджики (10) и узбеки (5), в целом азиаты (5), в том числе из Средней Азии, и кавказцы, в том числе армяне (2) (всего 29 упоминаний). В-третьих, миграционные процессы ассоциируются с европейскими государствами (Европа, европейцы, ЕС, Франция, Германия, всего 12 упоминаний), в качестве мигрантов в данном контексте выступают негры, арабы, сирийцы (всего 11 упоминаний), т. е. ситуации на Украине и в Сирии не изменили представлений студентов об основных миграционных потоках. В отношении России – это таджики и узбеки, в отношении Европы – выходцы из африканских стран.

Характеристики исходного и конечного пунктов (28/61/2,18)

Иностранцы (14), страна (7), другая страна (5), граница (5), заграница (3), зарубежье (2), город (2), другой город (2), дом (2), вдали от дома (1), да-

леко от родственников (1), иногородний (1), иноземец (1), общежитие (1), чужая земля (1), чужая страна (1), чужой город (1), родина (1), человек из другой страны (1), далекий (1), житель другой страны (1), заполонили город (1), из другой страны (1), край (1), территория (1), песок (1), поле (1), солнце (1).

Данные ассоциации указывают, что миграционные процессы, согласно представлениям студентов, осуществляются между странами в первую очередь (40 упоминаний). Межрегиональные, межконтинентальные миграции не имеют значения. Миграция – процесс, свойственный урбанизированному обществу: именно город, а не сельская местность ассоциируется с нею (7 упоминаний).

Отрицательные характеристики мигрантов (26/29/1,12)

Наглость (2), необразованные (2), понаехали (2), хамоват (1), грубоватый (1), грубый (1), грубят (1), дерзят (1), нахальное поведение (1), не видят границ (1), неподобающее поведение (1), чувствуют себя хозяевами жизни (1), неразвитые (1), слабо образованный (1), навязывание своих традиций (1), борзые (1), незнающий (1), безответственность (1), пристают (1), скучающий (1), слабость (1), занимает нашу территорию (1), занимают места в универе (1), занимают рабочие места (1), заполонили город (1), требуют (1).

Примечательно, что хотя ассоциаций в данной группе достаточно много, частотность их мала. Это указывает на то, что отрицательные характеристики не имеют широкого устойчивого характера в представлениях студентов о мигрантах. Среди прочих выделяются ассоциации, связанные с захватом чего-либо – территории, рабочих мест и т.п. (всего 6 упоминаний), и с недостаточным уровнем образованности (5 упоминаний).

Места работы и занимаемые должности (22/50/2,27)

Рабочие (10), рынок (7), стройка (6), гастарбайтеры (4), автобус (2), КрасТЭЦ (2), строители (2), ученые (2), путешественник (2), водители автобусов (1), восточный рынок (1), дворник (1), кондуктор (1), строительство (1), студент (1), уборщицы (1), ремонт (1), работник (1), начальник (1), исполнитель (1), работодатель (1) странник (1).

Прежде всего, в представлениях студентов мигранты заняты в рабочих профессиях (рабочие упомянуты в совокупности 15 раз). В основном мигранты трудятся на стройках и на рынках (по 10 упоминаний), реже – водителями или кондукторами (4). В других сферах занятости мигранты встречаются реже.

Социальные проблемы, сопутствующие миграции (20/25/1,25)

Бедность (3), опасность (2), проблема (2), расизм (2), бедный (1), без жилья (1), борцы (1), борьба (1), бунт (1), беспорядок (1) голодают (1), нищета (1), опасная обстановка (1), тяжелые жизненные условия (1), социальное напряжение (1), смерть (1), что-то плохое у человека (1), предрассудки (1), мятеж (1), национализм (1).

Наиболее важная социальная проблема, связанная с мигрантами, согласно студенческим представлениям, – это бедность (6 упоминаний).

Визуальные и аудиальные характеристики (19/28/1,47)

Черные (6), грязь (3), темная кожа (2), темный (2), борода (1), грязный (1), монокровь (1), невкусно пахнут (1), хиджаб (1), черный цвет одежды (1), чумазы (1), куртки (1), неопрятные (1), неприятный внешний вид (1), желтый (1), мусор (1), галдеж (1), шум (1), шумный (1).

Согласно представленным данным мигранты ассоциируются с темным или черным (11 упоминаний), грязным (6 упоминаний) и шумным (3 упоминания).

Правоустанавливающие документы, правовые вопросы (18/27/1,5)

Паспорт (5), нелегалы (4), закон (2), прописка (2), виза (1), временная прописка (1), гражданство (1), загранпаспорт (1), документы (1), не подчиняется нашим законам (1), незаконно (1), нет гражданства (1), нет прописки (1), ограниченные права (1), льгота (1), новые граждане (1), временная прописка (1) жительство (1).

Документы, названные студентами, связаны в основном с предоставлением гражданства и возможности проживания на территории. Интересно, что из 27 упоминаний треть связана с нарушением закона, еще 2 – с ограничением прав.

Характеристики мигрантов (17/27/1,59)

Чужие (6), несчастный (3), новый (2), другая нация (2), бедненькие (1), блуждающий (1), измученный (1), нуждающиеся (1), потерянный (1), жертва (1), изгой (1), ищущий лучшей жизни (1), другой (1), отличающийся (1), незнакомец (1), неместный (1), старый (1), неизведанное (1).

Студенты обращают внимание на инаковость мигрантов, они чужие, другие (всего 10 упоминаний). Мигранты представлены вызывающими жалость (10 упоминаний).

Причины, побуждающие мигрировать (16/33/2,06)

Работа (8), путешествие (6), заработки (5), война (2), беда (1), взрывы (1), землетрясение (1), извержение вулкана (1), катаклизмы (1), конфликты (1), утечка мозгов (1), ядерный взрыв (1), миграция русских после революции 1917 (1), труд (1), учеба (1), приехавший на заработки (1).

Наиболее частая причина миграций – это работа (всего 15 упоминаний), на втором месте – путешествия (6), на третьем – войны и природные катаклизмы.

Характеристики миграционного перемещения (15/60/4)

Беженцы (15), приезжие (14), переезд (10), переселенцы (6), миграция (3), выходцы (2), понаехали (2), бегут (1), выезд (1), приезд (1), приехавший на заработки (1), уезжает (1), уехал (1), побег (1), дорога (1).

Ассоциации данной группы можно разделить на три группы в зависимости от направления движения миграционных потоков: изнутри во вне, из вне вовнутрь, констатация самого факта перемещения. В целом количественные показатели различаются несильно (22:16:22). Обращает на себя внимание группа ассоциаций, указывающая на вынужденный характер миграции – беженцы, бегут, побег (17 упоминаний).

Социальный состав миграционных групп (15/28/1,87)

Человек (8), семья (4), другая нация (2), гости (2), люди (2), народ (1), население (1), этнос (1), житель (1), мужчина (1), много людей (1), национальность (1), много (1), их много (1), слишком много (1).

В данной группе обращает на себя внимание количественная характеристика мигрантов – их много (4 упоминания). Глубокой дифференциации по какому-либо признаку внутри группы не представлено, мигранты – просто люди.

Отношения, связанные с мигрантами (15/15/1)

Беда (1), злоба (1), ненависть (1), недовольство (1), неприятие (1), ужас (1), неуважение (1), гнев (1), непонимание (1), страх (1), ссора (1), непризнанность (1), противостояние (1), разногласие (1), просьбы (1).

Представленные ассоциации могут быть трактованы как ощущения мигрантов, но и как отношение к ним. Примечательно, что подавляющее большинство ассоциаций в данной группе негативные и резко-негативные.

Положительные характеристики миграции (14/17/1,21)

Помощь (3), толерантность (2), взаимопомощь (1), возможность попробовать себя (1), впечатления (1), выбор (1), знакомства (1), интерес (1), спасение (1), укрытие (1), приют (1), новая жизнь (1), мировоззрение (1), опыт (1).

Основной положительный эффект от миграции – это получение помощи (7 упоминаний), в том числе укрытия, приюта.

Культурные особенности (11/12/1,09)

Традиции (2), некультурные (1), обычаи (1), культура (1), ислам (1), свои обычаи (1), свои традиции (1), субкультура (1), телепередача «Наша Раша» (1), навязывание своих традиций (1), бескультурие (1).

Ассоциации, представленные в данной группе, указывают на то, что в вопросах миграционных процессов для студентов оказывается важным вопрос взаимодействия культур в таких его аспектах, как инаковость культуры мигрантов или же ее отсутствие.

Далее идут непоказательные группы, в них представлены редко встречающиеся ассоциации.

Оскорбительные наименования мигрантов (8/20/2,5)

Чурки (7), хачи (6), предатель (2), баран (1), сволочь (1), черт с рогами (1), плебей (1), раб (1).

Наличие данной группы при отсутствии группы с устойчивыми положительными именованями и при достаточно большой частотности отдельных ее составляющих свидетельствует о достаточно широко распространенном в студенческой среде негативном отношении к мигрантам.

Транспортные средства, сопутствующая инфраструктура (8/10/1,25)

Аэропорт (2), автобус (2), водители автобусов (1), кондуктор (1), багаж (1), метро (1), самолеты (1), рюкзак (1).

Ассоциации данной группы указывают на одну из сфер занятости мигрантов – городской общественный транспорт, а также и на то, что мигранты передвигаются воздушным транспортом.

Сферы государственной жизни и государственные процессы, связанные с миграционными процессами (8/9/1,13)

Политика (2), экономика (1), рост экономики (1), развал (1), распад (1), расширение (1), международное сотрудничество (1), деление на много народов (1).

Характеристики предоставляемой мигрантам работы (7/13/1,86)

Рабочая сила (4), дешевая рабочая сила (4), низкая зарплата (1), низкооплачиваемый труд (1), дешево (1), мало получает денег (1), деньги (1).

В данной группе ассоциации демонстрируют, что трудовых мигрантов много, они представляют собой силу (8 упоминаний). При этом их труд плохо оплачиваем (8 упоминаний).

Языковые особенности (7/8/1,14)

Не говорят на русском (2), не знает языка (1), не понимают по-русски (1), незнание русского (1), непонятно говорит (1), другой язык (1), речь (1).

Выделение данной группы свидетельствует о том, что языковой фактор является весьма важным в восприятии студентами мигрантов, а также еще раз о том, что в представлении студентов мигранты – это в первую очередь иммигранты.

Криминальные проблемы, сопутствующие миграции (7/8/1,14)

Насвай (2), гашиш (1), спайс (1), взрывы (1), разбой (1), убийство (1), оружие (1).

Примечательно, что половина упоминаний приходится на наркотические средства.

Положительные характеристики мигрантов (7/7/1)

Трудолюбивый (1), трудолюбие (1), добрый (1), простые (1), сильный (1), работяга (1), работающий (1).

Больше половины из немногочисленных положительных характеристик мигрантов (4 из 7) связаны с их трудолюбием.

Эмоции, испытываемые по отношению к мигрантам (6/7/1,17)

Сочувствие (2), жалость (1), бесит (1), иногда раздражают (1), пугает (1) не нравится (1).

Мигранты вызывают больше отрицательных эмоций, чем положительных.

С чем приходится сталкиваться мигрантам (6/6/1)

Испытания (1), перемены (1), обстоятельства (1), поиск (1), трудности (1), приоритет (1).

Имена деятелей культуры, связанные с миграционными процессами (4/4/1)

Бродский (1), Довлатов (1), Набоков (1), Чаплин (1).

Государственные институты, связанные с миграционными процессами (4/4/1)

Суд (1), таможня (1), тюрьма (1), полиция (1).

С мигрантами преимущественно связаны правоохранительные органы.

Еда (3/7/2,33)

Шаурма (4), Фрукты (2), Баран (1).

Имена собственные мигрантов (3/4/1,33)

Шахбоз (2), Аюбдной (1), Гаджимурад (1).

Образные характеристики мигрантов (3/3/1)

Пропать (1), птицы (1), тайна (1).

Ощущения мигрантов (3/3/1)

Безысходность (1), неопределенность (1), неоправданные ожидания (1).

Можно попытаться дать определения тому, что такое миграция и кто такие мигранты в представлениях современного красноярского студенчества.

Мигранты – негативно и резко негативно воспринимающиеся многочисленные черные, грязные и шумные иммигранты, слабо образованные чужие, вынужденно приехавшие, в основном из СНГ, в большей мере – из Таджикистана (в случае Европы – из африканских государств), в города с целью найти работу на стройке или на рынке.

Миграция – в основном вынужденное перемещение многих людей с целью получить работу, путешествовать или бежать от войны или природных катаклизмов, сопровождаемое бедностью и надеждой на получение помощи.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЧУЛЫМЦЕВ, КОМПАКТНО ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ДЕРЕВНИ ПАСЕЧНОЕ ТЮХТЕТСКОГО РАЙОНА

В 2015 году исследователями кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета была проведена экспедиция в места компактного проживания этноса чулымцев – деревню Пасечное Тюхтетского района Красноярского края. Специально для исследования восприятия этнической принадлежности была разработана анкета из 12 вопросов с разными вариантами ответов.

Этнокультурная группа чулымцев, компактно проживающих на территории Красноярского края (Тюхтетский район), относительно малоизученна: наиболее подробные сведения об этносе содержатся в «Этноатласе Красноярского края» 2006 года издания и на сайте Чиндатского сельсовета. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в России живет 355 чулымцев, в Красноярском крае 145 представителей этой национальности.

Предки чулымцев стали переселяться из Южной Сибири в район нынешнего ареала (Тегульдетский район Томской области и Тюхтетский район Красноярского края) в XIV–XV веках, в течение длительного времени соприкасаясь с сопредельными народами – хакасами, нарымскими селькупам и томских татар. В советское время чулымцы были отнесены к хакасам, среди них резко усилились ассимиляционные процессы, в результате чего к началу XXI века численность этнической группы составляла 0,7 тыс. человек.

По словам председателя общины «Чулым» Александра Фёдоровича Кондиякова, официально признаны властями чулымцы были в марте 2001 года, и у же в переписи 2002 года представители населения именовали себя именно чулымцами, а не хакасами или исашными. С 2002 года можно начинать отсчёт формирования этнокультурного самосознания у представителей этого коренного малочисленного народа Севера.

Этнокультурное самосознание – самоопределение, обеспечивающее человеку возможность идентификации в качестве представителя конкретной этноязыковой, этноконфессиональной группы. Этнокультурное сознание выполняет роль исторической и социальной памяти, позволяя составить картину определённых этапов развития общества (история этноса, его наследие), в том числе давая возможность представить нынешнее его состояние.

В октябре 2015 года исследователями ГИ СФУ было опрошено 38 респондентов. Все ответили, что они принадлежат этнической группе чулымцев.

Среди опрошенных – 17 женщин и 21 мужчина. Большинство опрошенных – люди среднего и пенсионного возраста (в среднем от 35 до 70 лет).

Таблица 1

Утверждение	Совершенно согласен	Скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Нет ответа
Я провел много времени, чтобы как можно больше узнать о своей этнической группе, о ее истории, традициях, обычаях	24	8	3	3	
Я активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов моей этнической группы	26	6	4	2	
Я очень хорошо знаю свое этническое происхождение и понимаю, что оно для меня значит	23	12	3	0	
Я много думаю о том, как этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	25	10	1	2	
Я рад, что принадлежу к своей этнической группе	31	6	0	1	
Я четко чувствую связь со своей этнической группой	24	6	4	1	3
Я хорошо понимаю, что, что значит для меня моя этническая принадлежность	24	9	1	1	3
Для того чтобы узнать побольше о своей этнической группе, я говорил о ней со многими людьми	25	5	2	2	1
Я горжусь своей этнической группой	30	5	1	1	1
Я соблюдаю традиции своей этнической группы	25	7	3	1	2
Я чувствую сильную привязанность к своей этнической группе	26	7	3	1	1
Я хорошо отношусь к своему этническому происхождению	31	5	0	1	1

Кроме заполнения табл. 1, респондентам предлагалось вписать в пустые поля, к какой этнической группе принадлежали их родители и кем считают себя сами респонденты.

Определение этнической принадлежности по семейному принципу:

Этнические чулымцы – 14 человек (из них и мать, и отец записаны именно чулымцами).

Однако стоит отметить, что среди опрошенных чулымцев 9 человек обозначили национальность родителей как хакасов, однако из разговоров с местными мы знаем, что в период советского времени чулымцев считали хакасами. В данном случае мы можем считать этих 9 человек также чулымцами.

12 опрошенных чулымцев – дети смешанных браков: 6 случаев, где отец – чулымец, мать – русская и 6 – где мать чулымка (хакаска), отец – русский.

2 человека обозначили себя как аборигеновы (1 мужчина и 1 женщина), в том числе указав принадлежность своих родителей (или одного из них) к аборигенам.

Один человек не обозначил этническую принадлежность родителей вовсе.

Личное отношение к этнической принадлежности

Большинство опрошенных воспринимают свою этничность позитивно, привязаны к ней, ощущают связь с другими представителями, заявляют себя активными членами общественных или социальных групп и соблюдают традиции своей этнической группы. Большинство респондентов рады и гордятся тем, что они чулымцы (два вопроса, где однозначно положительный ответ выбрало более 30 опрошенных). Остальные вопросы (на понимание и осознание связи с другими представителями) вызвали непонимание и разницу во мнениях.

Анкеты не отражают индивидуальных особенностей, однако в процессе разговора было выявлено, что часть респондентов не очень представляет традиций своей этнической группы, за исключением летнего праздника Тум Пайрам, традиционные способы труда не являются предметами гордости (обладание особыми навыками, знание особенностей тайги и т. п.), а, скорее, необходимостью для выживания.

Интересно отметить, что в соседней деревне, где расположена школа, была обнаружена инициатива учителей – заявка на конкурс идей социальных проектов с проектом «Диапазон», суть которого заключается в информатизации и техническом оснащении школы. Действительно, 3 деревни, входящие в Чиндатский сельсовет Тюхтетского района, не имеют сообщения с остальным миром – здесь неустойчива телефонная связь, установка цифровой АТС и подключение к сети Интернет отложены на неопределенный срок в связи с кризисом. Школа осталась единственной точкой доступа в сеть Интернет. Проект инициаторов-учителей направлен на то, чтобы, обучая школьников навыкам работы с компьютером и сетью Интернет, адаптировать их к условиям современного мира, увлечь культурой других народов и в сравнении понять ценность и уникальность своей собственной (в т. ч. создать электронный

сборник местного фольклора, русско-чулымский разговорный словарь, обновлять информацию о чулымцах на сайте сельсовета).

Рост интереса к собственной культуре во многом подогревается и поддерживается председателем родовой общины «Чулым» Александром Фёдоровичем Кондияковым, который совместно с лингвистами Томского политехнического университета последние несколько лет плотно занят составлением словаря чулымского языка, работает и над письменным языковым вариантом. С 2005 года проводится национальный праздник Тум Пайрам – летнее мероприятие, включающее соревнования на традиционных рыболовных лодках-обласках, награждение лучших охотников и рыболовов. В этом же году Законодательным собранием Красноярского края была принята целевая программа, создающая благоприятные условия для жизни чулымцев.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО ЭТНОСА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Г. КРАСНОЯРСКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА СО СЛОВОМ «РУССКОЕ»

Ассоциативный эксперимент со словом «русское» был проведен по методике «Серия тематических ассоциаций» среди студентов I–IV курсов Сибирского федерального университета и Красноярского государственного медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого в 2015 г. В эксперименте принимали участие студенты, обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарные науки, архитектура, строительство, машиностроение, транспорт, медицина.

На слово-стимул «русское» всего было получено 148 анкет, в результате их обработки всего было получено 1231 слово и 519 ассоциаций. Наиболее часто повторялись следующие слова-ассоциации (здесь и далее в скобках указан процент от общего числа полученных в анкетах слов): поле – 31 (2,5 %), медведь – 31 (2,5 %), водка – 29 (2,3 %), слово – 26 (2,1 %), матрешка – 24 (1,9 %). Все эти слова можно отнести к стереотипам, которые ассоциируются с русским у большинства людей, живущих за пределами России.

Малое количество повторений в анкетах и большое разнообразие слов-ассоциаций указывает на то, что среди молодых людей в России на данный момент нет четко сформированного и единого представления о русском. Более того, у многих респондентов в ходе эксперимента возникали трудности с написанием ассоциаций, в результате чего некоторые студенты вообще отказались что-либо писать или написали менее 5 слов-ассоциаций.

Последующая обработка полученных ассоциаций дала следующие результаты: были выделены группы позитивных и негативных слов, также слова были распределены в группы по смыслу. Все смысловые группы оказались достаточно малыми по количеству слов в соотношении с общим количеством полученных в анкетах ассоциаций.

Позитивные ассоциации, встречающиеся в анкетах респондентов, преобладают в сравнении с негативными почти в три раза. Помимо этого, некоторые позитивные ассоциации (такие как сила – 9 (0,7 %), щедрость – 5 (0,4 %), доброта – 5 (0,4 %), великое – 4 (0,3 %), сильное – 4 (0,3 %), душевное – 3 (0,2 %), качественное – 3 (0,2 %), могущество – 3 (0,2 %), мужество – 3 (0,2 %), патриотизм – 3 (0,2 %), победа – 3 (0,2 %), свобода – 3 (0,2 %), счастье – 3 (0,2 %)) повторяются значительно чаще, тогда как самая частая негативная

ассоциация «дураки» повторяется только в четырех анкетах. Также в группе слов с позитивным окрасом в основном преобладают обозначения качеств характера, например гостеприимство, щедрость, доброта, мужество, смелость, отзывчивость, великодушие, дружелюбие, храбрость.

Самой многочисленной группой слов-ассоциаций оказались слова, обозначающие еду, что указывает на то, что представление о «русском» сильнее всего закрепилось в сфере, связанной с национальными едой и напитками. Слово *водка* названо чаще всего, является стереотипным представлением о том, что пьют русские. Интересно, что два респондента назвали блюда азиатской и кавказской национальной кухни как связанные с представлением о русском (*халва, шашлык*).

Также одной из самых больших (по количеству встречающихся в анкетах слов) является группа ассоциаций, обозначающих природное пространство, что свидетельствует о том, что «русское» в сознании молодежи соотносится прежде всего со специфическим природным пространством (поле, лес, береза) и условиями проживания (мороз, снег, холод, север).

По количеству полученных группа слов, относящихся к сфере искусства, одна из самых больших в сравнении с другими группами ассоциаций. Также как и предыдущая группа ассоциаций, она показывает, что понимание того, что является «русским» укоренилось в сфере искусства, либо может быть сформировано посредством произведений искусства.

В группе ассоциаций, относящихся к фольклору/народному творчеству/ремеслам, наблюдается большое разнообразие слов, достаточно высока частота их упоминания в анкетах. Ассоциация «матрешка» является одной из немногих, которые упоминались респондентами чаще других. Это самый распространённый сувенир и известный символ, который связывается с представлением о «русском». Так же здесь представлены слова, которые связаны с народными ремеслами, музыкой, сказаниями и сказками. Таким образом, представление о том, что является «русским», тесно связано с различными формами народного творчества.

Респонденты часто ассоциируют «русское» с определенным характером человека или народа. Следует отметить, что в данной группе ассоциаций преобладают позитивно окрашенные слова, многие связаны с волевыми качествами характера, создающими образ сильного, стойкого человека (сила, могущество, мужество, сильное, могучее, мощь, бесстрашное, выдержка, коня на скаку остановит, мужественная, непобедимость, самопожертвование, сила воли, сильная, храбрость).

В группе слов-ассоциаций, обозначающих человека, заметно, что женские образы преобладают (девушка, баба, мама, женщина, красна девица, славянка, баба с ведром, девушка в народном костюме, злюка, истеричка, красавица, красивые женщины, подруга, сибирячка), что позволяет говорить о связи «русского» в сознании респондентов с преимущественно женским началом.

Выделены слова, обозначающие одежду и внешность человека. Основное внимание респондентов сконцентрировано на деталях костюма, скорее национального, поскольку такие элементы облика, как *валенки, кокошник, ушанка, сарафан, шаль* не свойственны образу современного человека. Названы в основном теплые вещи, соответствующие климатическим условиям. Слова, обозначающие типичные черты внешности человека, складываются в образ светловолосых и голубоглазых мужчин и женщин.

В основном социум характеризуется общими формальными словами так слово «общество» просто указывает на то, что есть некая группа людей, связанных чем-то общим (территорией, отношениями, управлением). Остальные ассоциации встречались в анкетах редко, таким образом, «русское» как социум с особенными уникальными характеристиками не связывается.

По преимуществу названы светские или же связанные с языческой традицией праздники. Масленица выделена как наиболее характерный для русского мира праздник, в котором переплелись языческая и христианская традиции, отображаются особенности климата и жизненного цикла, представлена национальная кухня.

«Русское» чаще всего ассоциируется именно с православием, хотя несколько раз упомянутое слово «церковь» указывает на то, что в первую очередь респонденты связывают сферу религии с формальной организацией. Малое количество слов данной группы показывает, что «русское» в своем религиозном аспекте выделяется современной молодежью крайне редко.

Ассоциации слова «русское» с языком не являются многочисленными, тем не менее, *слово* – четвертое по частоте упоминаний в анкетах, ассоциация *язык* также упоминалось относительно часто. Представление о «русском» как языке несколько уступает визуальным представлениям.

Представления о «русском» мало связаны с историческими событиями, ассоциация «история» упоминается крайне редко, лишь в семи анкетах. Никаких конкретных исторических событий, кроме ассоциации «1941–1945», респонденты не назвали.

Слово «медведь» является одной из немногих наиболее часто упоминаемых ассоциаций, отражает стереотипное представление иностранцев о русском, наравне с водкой и шапкой-ушанкой.

На основе проведенного эксперимента сделаны следующие выводы:

1) интерпретация результатов ассоциативного эксперимента показывает, что представление о «русском» на сегодняшний день в молодежной среде является неоднозначным, дробным, не обладает целостностью. Об этом свидетельствует большое разнообразие полученных ассоциаций и малое количество слов, которые упоминались в анкетах по несколько раз;

2) следует отметить, что «русское» воспринимается респондентами в основном в позитивном ключе;

3) наиболее часто упоминались следующие слова: поле – 31 (2,5 %), медведь – 31 (2,5 %), водка – 29 (2,3 %), слово – 26 (2,1 %), матрешка – 24 (1,9 %). Все они отражают стереотипное представление о русском;

4) самые крупные по количеству ассоциаций группы слов отражают основные сферы, в которых у студентов закрепилось представление о том, что является «русским». Это национальная еда, специфика природного окружения, искусство и фольклор;

5) «русское» во многом связано с представлениями о человеке, его характере, внешности, занятиях;

6) интересно, что «русское» практически не ассоциируется с православием (слова, связанные с православием, указывают на формальную организацию, нежели на традиции, нечто близкое человеку). В религиозном контексте наиболее актуальными представляются более древние религиозные традиции и верования, бытовавшие на Руси до прихода христианства;

7) также на основе полученных данных можно выделить сферы, которые мало связаны в сознании студентов с пониманием «русского», например военная и социальная сферы, природные ресурсы, экономика, политика, история. Причем все группы слов, соответствующие этим сферам, содержат часто негативные ассоциации, тогда как в более крупных группах слов преобладают позитивные ассоциации.

ПОЯВЛЕНИЕ «НОВЫХ» ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ: ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЧУЛЫМЦЕВ

«Лавинный» характер тенденции всеобщей глобализации в качестве ответной реакции – реакции защитной по сути своей – вызвал тенденцию к возрастающему количеству обособляющихся этнических групп, каждая из которых является составляющей не только многонационального государства, но и многонационального Красноярского края.

Особенности и последствия такого «выделения» можно рассмотреть на примере этноса чулымцев.

Общие сведения

Чулымцы (самоназв.: инос кижилер – чулымские люди, пестын кижилер – наши люди) – коренной народ Сибири, живущий в среднем и нижнем течении реки Чулым (приток Оби). Устаревшие названия – мелецкие, чулымские или тутальские татары, карагасы томские. До переписи 2002 года были официально записаны хакасами. В научной литературе именовались чулымскими тюрками. Верующие чулымцы исповедуют православие.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в России живет 355 чулымцев, в Красноярском крае – 145 представителей этой национальности.

В 1990-е годы отмечается рост национального самосознания чулымцев. В 2000 году они были включены в Единый перечень коренных народов РФ. По переписи 2002 года чулымцы учитываются уже как отдельный народ. В 2004 году была зарегистрирована семейно-родовая община «Чулым» Тюхтетского района (председатель А. Ф. Кондияков).

Особенности места проживания

Большая часть чулымцев проживает на территории Тюхтетского района в деревне Пасечное и селе Чиндат.

Пасечное – небольшая деревня, состоящая из двух улиц и двух переулков, в ней нет выраженных культурно-исторических и архитектурных доми-

нант, характерно малое количество публичных пространств (по сути, их всего три – деревенский клуб, фельдшерский пункт и автобус до села Тюхтет, который ходит два раза в неделю). Была образована в 1933 году ссыльными переселенцами.

Особенности самосознания

На сегодняшний день исследователями СФУ ГИ проведено две экспедиции в места компактного проживания чулымцев (в 2011 и 2015 годах). До 2000-х годов в материалах союзных переписей использовались наименования «хакасы», «чулымские татары», «исашные». Лишь с 2002 года официально стало использоваться наименование «чулымцы». Последний опрос чулымцев, проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района Красноярского края, на выявление этнической принадлежности и отношения к ней (октябрь 2015 года) показал, что всё население причисляет себя к чулымцам. Респонденты знают, что их родители ранее, во времена переписей Советского союза, были записаны как хакасы, но в своих ответах об этнической принадлежности родителей определяют их и как чулымцев, и как хакасов.

По результатам этого анкетирования можно сделать вывод, что большинство респондентов рады и гордятся тем, что они чулымцы. Большинство чулымцев воспринимают свою этничность позитивно, привязаны к ней, ощущают связь с другими представителями, заявляют себя активными членами общественных или социальных групп и соблюдают традиции своей этнической группы в той мере, в которой это представляется на сегодняшний день (жители принимают участие в организации праздника – Тум Пайрам, решении общинных вопросов и т. п.).

Однако в процессе непосредственной беседы было выявлено, что часть респондентов не четко представляет себе, что значит быть чулымцем, какие традиции у этой этнической группы (за исключением местного летнего праздника Тум Пайрам). Традиционные способы труда для опрошенных не являются предметами гордости (обладание особыми навыками рыболова / собирателя, знание особенностей тайги и т. п.), а, скорее, необходимостью для выживания.

Сами чулымцы связывают свое самоопределение как этноса именно с активизацией научного интереса к их народу и организацией помощи коренным малочисленным народам со стороны государства, т. е. быть чулымцами местному населению выгодно преимущественно из-за предоставляемых льгот (квота на охоту, на рыбную ловлю, бесплатное получение дров).

Особенности культуры

Родной язык знают единицы, в основном пожилые люди. Молодежь не знает языка предков. Многие жители знают отдельные фразы, многие могут понимать речь, но не говорить. Активные участники сельской жизни пытаются сохранить язык и переводят частушки на чулымский, в основном женщины говорят и поют. Чаще всего чулымские слова вставляют в русскую речь для эмоциональной окраски.

Была осуществлена попытка ввести преподавание чулымского в школе, но обучение результатов не дало из-за отсутствия письменности. Некоторые родители хотят, чтобы их дети изучали национальный язык.

В настоящее время председатель общины «Чулым» Кондияков Александр Фёдорович осуществляет разработку первого чулымского словаря, видит его цель в сохранении языка. Работа ведётся совместно с исследователями из Томского политехнического университета, в частности с Валерией Лемской. Проект был подготовлен и представлен на грантовый конкурс Программы исчезающих языков сети священной земли (Информация 2009 года).

Инициатива А. Ф. Кондиякова по созданию словаря направлена на то, чтобы язык можно было изучать факультативно в школе, которая находится в соседней деревне Чиндат (школы в Пасечном нет). Молодёжь из деревни уезжает, языка не знает и стремления его изучать не наблюдается.

Как уже отмечалось выше, своей письменности и фольклора чулымцы не знают, но охотно переводят на чулымский язык современные песни или песни по просьбам исследователей. Из фольклорных произведений на чулымском языке зафиксировано всего одно – сказка «Мангуш» (издание «Аннотированные фольклорные тексты Обско-Енисейского языкового ареала». Томск, 2010).

Что касается праздничной, обрядовой стороны культуры, то на данный момент восстановлен только один национальный праздник – День рыбака (с 2004 года). На нем проходят соревнования на обласках (национальный вид лодки), конкурсы песен и частушек на национальном языке, которые участники специально разучивают к празднику, а также конкурс танцев в национальных костюмах. В песнях очень часто проскальзывают русские слова, а костюмы чулымцы придумали сами по воспоминаниям старейшин.

Обрядов и ритуалов не сохранилось, национальные сказки и легенды знают только двое – Кондияков А.Ф. (собирает с целью сохранения, но не распространяет знания) и бабушка Капа (рада рассказывать, но почти никто не интересуется). Национальная кухня также утрачена. Национальным блюдом считается рыба, но специфические национальные способы ее приготовления не сохранились. В основном чулымцы живут по русскому укладу жизни.

Социальный капитал

В семьях чулымцев господствует матриархат. Однако при ответе на вопрос, кто главный в семье, чаще всего отвечают, что главный – мужчина. Наблюдаются довольно тесные родственные связи: внутри поселений почти все родственники, среди семей присутствуют как благополучные, так и неблагополучные (основная проблема таких семей – пьянство). Детей не так много, но семьи в основном многодетные. К родителям относятся с уважением и стараются всячески помогать. Родители, в свою очередь, тоже помогают детям.

В целом отношение к семье тяготеет в большей степени к культивированию традиционных ценностей, направленных на объединение круга «своих». Однако семейные и межсемейные связи носят в большей степени формальный характер, объединение происходит ситуационно, перманентного характера не прослеживается.

Уровень жизни у населения разный, есть пьющие, не занимающиеся приусадебным хозяйством, поселенцы, есть и те, кто много работает, но не получает достатка (продукты сбывать некуда или только по низкой цене). Есть семьи, которые имеют хозяйство и технику, но их очень мало, в основном это русские. В целом ситуация складывается таким образом, что предпринимательская деятельность в местах компактного проживания чулымцев не может развиваться полноценно и нарастающими темпами; во многом это обусловлено тяжелыми трудовыми условиями, низкими доходами и социальным уровнем жизни.

Таким образом, можно отметить, что появление новых этнокультурных групп в крае – процесс неоднозначный, характеризующийся рядом особенностей:

- большинство национальных традиций этнической группы было утрачено в советское время. Нынешнее поколение среднего возраста (люди 30–40 лет) воспитывалось по модели советского человека, без какого-либо национального самоопределения. Память о традициях сохраняют только люди пожилого возраста;

- среди населения распространены иждивенческие настроения: жители чаще ожидают помощи от государства, нежели верят в возможность достижения успеха своими силами. Многочисленные гранты и социальные программы формируют убежденность в том, что забота о сохранении общности среди населения – прежде всего дело государства;

- отдалённость мест проживания этнической группы влечёт за собой отсутствие организованных рабочих мест, что негативно сказывается на социальном капитале населения;

- однако стоит отметить, что несмотря на многочисленные проблемы, наблюдается положительная тенденция к формированию этнического самосознания: люди собираются для обсуждения важных вопросов, гордятся

праздником, переводят на чулымский язык, в 2002 году сам народ добился возможности именовать себя чулымцами.

Если попытаться обрисовать перспективы существования подобных «молодых» этносов, то стоит обратить внимание на следующие факторы:

1. Данная этнокультурная группа не проявляет активных действий для изменения нынешнего положения. Люди живут сегодняшним днём, пытаются выжить, хотя председатель общины делает многое для того, чтобы деревня развивалась. Часть жителей всё-таки использует эти возможности. Например, для молодых семей существует возможность построить в деревне новый дом, получив на это специальное разрешение.

2. Чулымцы как этнос вызывают большой интерес у разных исследователей, и жители привыкли к вниманию. В деревню приезжает огромное количество учёных из Томска, Москвы, Америки. Появление словаря и письменно зафиксированного языка позволит повысить интерес, что может повлечь и улучшение инфраструктуры компактного проживания чулымцев (например, ремонт дороги к деревне).

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ЧУВАШСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Чуваши – тюркоязычный народ суваро-булгарского происхождения в Российской Федерации, титульная нация Чувашской Республики. Общая численность в России составляет 1 млн 435 тыс. (согласно результатам переписи 2010 года). Чуваши обладают богатой монолитной этнической культурой. Геополитически чуваши проживают между востоком и западом, вбирая черты многих других культур. Чувашский народ, впитав культуру и традиции разных народов, переработал их, синтезировал положительные, подходящие для условий своего существования обычаи, обряды и ритуалы, идеи, нормы и правила поведения, способы хозяйствования и бытового строя, сохранил особое миропонимание, сформировал своеобразный национальный характер.

Первые сведения о появлении чувашей на территории Сибири относятся к XVI–XVII векам. А массовые миграции чувашей в Сибирь происходили в 1920-е годы: к 1926 году на территории Красноярского края общее число чувашей составляло около 9 тыс. человек, насчитывалось 26 чувашских деревень и поселков. В дальнейшем чувашская диаспора Красноярского края пополнялась за счет ссыльнопоселенцев (1930–40-е годы), молодежи, приезжавшей на освоение сибирских строек, а также по распределению после окончания учебных заведений.

В 1990-е годы уменьшается количество чувашей на территории края. Это связано с процессом ассимиляции и смены национальной идентификации. Национально-культурные предпочтения сохраняли только 40% чувашского населения, а чувашский язык считали родным только треть чувашей Сибири. Интересно, что до XX века в общинах чувашских крестьян не было случаев массового обрусения. Как отмечали историки, чувашская национальная культура до последнего времени сохранилась без деформации (Димитриев, 1993).

Как отмечает С. А. Кадыкова, важнейшим условием, способствующим формированию групповой идентичности, поддерживающим сплоченность общества, является язык. В качестве признака этнической идентичности исследователь называет общность исторической судьбы. Этот признак один из основополагающих, поскольку символизирует единство народа, что особенно важно в современных условиях унификации этнических культур, сокращения

количества этнодифференцирующих факторов. Этническая идентичность также выражается через идею территориальной общности, родной земли. Она должно помочь каждой этнической группе в равной мере оценить собственную и иную культурную идентичность и способствовать формированию позитивной этнической идентичности у каждого представителя мультикультурного общества. Таким образом, позитивная этническая идентичность включает в себя следующие черты: толерантность в отношении собственной этнической группы и других этнических групп; самостоятельное, стабильное существование этнической группы и мирное межкультурное взаимодействие; предпочтение собственных социокультурных ценностей и в то же время готовность к межэтническим контактам, общность языка, территории и исторической судьбы. К. В. Резникова отмечает, что этническая идентичность – это социальное образование, она обладает свойством процессуальности, не является законченным конструктом, идентичностью утеряно свойство предзаданности, теперь ее характеризует необходимость выбора.

Поскольку формирование этнической идентичности – это социальный процесс, то необходимо обратиться к понятию социальный институт, так как именно эта система регулирует явления общественной жизни.

Под социальными институтами понимают систему культурных образцов, норм, ценностей, символов, определяющих поведение; совокупность учреждений, социальных групп, целью которых является удовлетворение тех или иных потребностей общества. Социальные институты способствуют закреплению и воспроизводству тех или иных особо важных для общества социальных отношений, а также устойчивости системы во всех основных сферах ее жизнедеятельности – экономической, политической, духовной и социальной. К основным социальным институтам традиционно относят семью, государство, образование, церковь, науку, право.

По данным переписи 2010 года, в Красноярском крае насчитывается 11 036 чувашей. Проживают на всей территории края, но главным образом в Красноярске, Норильске, Лесосибирске, Большемуртинском и Казачинском районах. В крае есть населенные пункты компактного проживания чувашей, где сохранились традиции, культура, самобытность чувашского народа: село Покровка, поселок Восток, деревня Малкас Абанского района; деревня Александровка Бирилюсского района; село Покровка, село Козьмо-Демьяновка Большемуртинского района; село Александровка, деревня Казанка, деревня Чистополка, деревня Средняя Шилка Казачинского района; деревня Канаш, деревня Московка Назаровского района.

Многочисленные исторические события прошлого века – революции, войны, национальное движение, государственные реформы – привели к изменениям в национальном самосознании, характере и менталитете чувашей. Также заметно способствовали изменению менталитета технические достижения современной цивилизации, особенно компьютеризация и интернет. И стоит отметить, что одна из главных социальных установок чувашского на-

рода «ваттисем калани» – убеждение в правоте завета предков, жесткого свода правил поведения и законов этнического существования – потеряла актуальность в среде молодежи, не прижилась с поливариантностью новых условий жизни с социальными сетями и т. д.

Но в то же самое время нельзя не сказать, что модернизация бытовых условий и ментальных установок идет на пользу: новое поколение чувашей учится быть смелее, увереннее в себе, коммуникабельнее, постепенно избавляется от комплекса неполноценности, доставшегося по наследству от предков-инородцев.

В 2006 году в Красноярске состоялся I съезд чувашей Красноярского края. Всего в съезде приняли участие 200 человек из различных городов и районов Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского округов. В итоге съезд одобрил предложение о принятии Концепции национально-культурного развития чувашского народа Красноярского края.

Были выделены приоритетные направления деятельности:

- *Национальное образование и родной язык.* Нормой для чувашей становится позитивная идентичность нации. Подтверждение тому – реальная востребованность чувашским населением изучения чувашского языка и культуры на самых разных уровнях: от детей до взрослых. Явного пренебрежения родной культурой, ритуалами и обрядами, ощущения этнической неполноценности, ущемленности не наблюдается.

- *Культурное и духовное развитие.* В настоящее время Красноярская чувашская национально-культурная автономия объединяет две автономии (краевая и Красноярская), 18 представительств в районах и городах компактного проживания чувашей. В крае организованы и действуют 7 ансамблей художественной самодеятельности. Наиболее популярные ансамбли чувашских песен и плясок: «Дубравушка» (художественный руководитель А. А. Силантьева), «Подснежник» (В. Е. Власова), Больше-Муртинского (Е. С. Фурсенко) и Иланского районов, г. Шарыпово. Начиная с 2003 года ежегодно на краевом уровне проводится традиционный национальный праздник чувашей «Акатуй». На праздник съезжаются чуваша со всех районов и городов края, представители Новосибирской, Кемеровской, Томской областей, Чувашской Республики.

- *Развитие общественных форм самоорганизации,* связь с исторической родиной.

- *Расширение информационного пространства и научно-исследовательская работа.* У Красноярской региональной организации работает сайт, где анонсируются и фиксируются события, мероприятия, связанные с жизнедеятельностью чувашской диаспоры. Также постепенно появляются сообщества в социальной сети Вконтакте. А последние исследования социологов показывают, что в настоящее время основу ментальных характеристик чувашского народа составляют базовые ценности общечеловеческого характера, но при этом этнические особенности сохраняются. Не наблюдается осо-

бого различия в ментальности между сельскими и городскими чувашами. Хотя и считается, что в сельской местности традиционная народная культура лучше и дольше сохраняется в первозданном виде, не теряя в целом архаичных элементов и национальной специфики. Несмотря на сильные процессы урбанизации и усилившиеся за последнее время миграционные потоки в города, многие чуваша-горожане сохраняют связь с деревней не только по каналам родственных отношений, но и по духовным стремлениям и представлениям об истоках и корнях своего рода, узах с родной землей. По данным социологических исследований для чувашей характерна положительная установка на межнациональный брак, более того в самосознании чувашей отсутствуют такие предпосылки, которые могли бы в перспективе привести к усилению межнациональной напряженности. Нет национальных конфликтов, в которых принимали бы участие представители чувашской диаспоры. Традиционно чуваша толерантны к представителям иных конфессий, отличаются сдержанным выражением своих религиозных чувств, для них исторически характерно внешнее, поверхностное восприятие православия.

Особенность позитивной идентичности чувашей в Красноярском крае предопределяется социальными институтами, которые ее формируют. В качестве основных систем, определяющих и регулирующих развитие чувашской этнической идентичности, выступают семья и чувашская диаспора. Каждая семья, имеющая чувашское происхождение, определяет для себя сама принадлежность к чувашскому этносу или отрицание его, говорить/учить язык или нет, обращаться к традициям, знать обряды, ритуалы и т. д. Семья является первоначальным звеном на пути человека к осознанию себя как части этнической группы. Главным же социальным институтом в процессе создания этнической идентичности чувашей Красноярского края является социальная группа – чувашская диаспора. Отсутствуют краевая программа по сохранению уникальной культуры чувашей и школы национального образования (такие, как, например, в Чувашской Республике). Таким образом, существование, функционирование, развитие чувашской культуры определяется деятельностью инициативных представителей чувашской этнической группы.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ НА ПРИМЕРЕ МЕСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ПОЛОНИЯ ЖЕЛЕЗНОГОРСКА» (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)¹

Как известно, в формировании населения «закрытых» городов, которые стали появляться в СССР в 1940–1950-е гг., присутствовали некоторые демографические особенности. Их можно увидеть на примере г. Железногорска (Красноярский край). Так, на первом этапе строительства города и комбината при нем (1950–1960-е гг.) основную часть населения составляли заключенные и военные строители. Когда же большая часть строительных работ на комбинате была закончена, эти категории населения города стали заменять вольнонаемными работниками. Заключенным было запрещено оставаться на территории закрытых городов, поселение же здесь военных строителей, наоборот, приветствовалось. На жизнь в городе во многом влиял режим секретности: это не только трудности с въездом/выездом из города, но и присутствие режимных служб, которые проверяли каждого желающего поселиться в городе на благонадежность.

К числу особенностей города следует также отнести специфику его национального состава. На строительство молодого города съехались представители 116 регионов Советского Союза, в том числе из 65 краев и областей России, 21 области Украины, 5 областей Белоруссии, 9 территорий Казахстана. В городе работали специалисты из Узбекистана, Прибалтики, Таджикистана, Туркмении, Грузии, Молдавии, Армении и Азербайджана [1]. При этом режимными органами (в том числе и вербовщиками) проводился отбор кандидатов по национальному признаку: предпочтение отдавалось представителям славянских народов, в то время как выходцев с Кавказа ограничивали во въезде в город; на высококвалифицированные должности предпочитали приглашать евреев. В итоге образовался мононациональный по составу населения город с русской культурой и ментальностью. По данным переписи 1989 г. русские составляли 91,1 %, украинцы – 3,3 %, белорусы – 1,0 % [2, с. 141–142]. Несмотря на это, представители других национальностей и религий со временем не утратили своих традиций и корней. Наоборот, после распада Советского Союза в России на волне дебатов по поводу возрождения идеи на-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009)

ционально-культурной автономии активизируются процессы актуализации этнической идентичности и самоорганизации представителей различных национальных меньшинств, проживающих в городе [3]. В конце 1990-х гг. эти процессы затронули и «закрытый» Железногорск. В нем появилась национально-культурная организация поляков. В данной статье мы рассматриваем историю этой организации, в том числе причины, по которым она была создана, какие направления деятельности развивает. Есть ли какие-то особенности в работе организации в связи с «закрытостью» города? Исследование основано на опубликованных воспоминаниях [4, 5], а также на полуструктурированных интервью с активистами организации «Полония Железногорска».

Теоретическую основу работы составил подход, предложенный В. И. Дятловым [6], согласно которому этничность городского пространства – это не синоним того обстоятельства, что любой город полиэтничен. Проблема лежит в той роли, которую этничность играет в жизни городского общества, а именно: этничность манифестируется или не манифестируется. При таком подходе, этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу [Там же, 212]. Мобилизацию этничности можно рассматривать как некий «товар» на рынке, как средство для достижения разнообразных целей. Национальные (этнические) организации могут выступать посредником между различными структурами и индивидами: диаспорой и местной властью, диаспорой и страной исхода, диаспорой и другой диаспорой и т. д. [7]. С этой точки зрения мы и постараемся рассмотреть деятельность местной общественной организации «Полония Железногорска».

Возникновение железногорской польской организации связано с именем ее идейного вдохновителя и первого руководителя Валентины Петровны Калужской (в дев. – Савранская). Семья Валентины Петровны переехала в Россию после революции, подверглась сталинским репрессиям. Ее отец погиб в 1942 г. под Ленинградом. В 1960-е гг. вместе с мужем, военным строителем, Валентина Петровна переезжает в Железногорск, работает пионервожатой, а затем и учительницей в школе. Еще учась в школе, она тайно собирает документы по истории своей семьи. «Отправной точкой» идеи создания польской организации в Железногорске стала для Валентины Петровны поездка в Санкт-Петербург в 1997 г. на юбилейные торжества, организованные польским сектором «Память» из Смольного, в честь 55-летия боев за Пулковские высоты, где погиб ее отец. После возвращения она рассказывает о своей поездке по местному телевидению, в нескольких публикациях. Это привлекло внимание поляков Железногорска. Идею создания в городе филиала красноярского «Дома Польского» поддерживают директор музейно-выставочного центра Валентина Попова, заместитель главы администрации города Владимир Фомаиди, руководитель Управления культуры Лариса Семипудова. 6 января 1998 г. было получено свидетельство об образовании филиала красноярского «Дома Польского» в Железногорске. Через несколько лет он становится самостоятельной организацией. В 2000 г. происходит юри-

дическое оформление с новым названием – Местная общественная организация «Полония Железногорск» [8].

Новая организация поставила перед собой следующие *цели и задачи*: сохранение культурного наследия, языка, уклада жизни, традиций польского народа; проведение различных культурных мероприятий и общение лиц польского происхождения; содействие восстановлению родственных связей граждан России с поляками за рубежом. Активная деятельность ведется по трем важным *направлениям*: культурно-просветительское, образовательное, социальное. Если рассматривать каждое из них с позиции посредничества, то можно заметить, что культурно-просветительская работа связывает местное население города с польской диаспорой (это, например, организация поляками выставок, выступлений ансамбля народного творчества, участие в городских мероприятиях, таких как День города) и вместе с тем помогает самим полякам поддерживать связь с исторической родиной и ее традициями (как напрямую с Польшей, так и через другие полонийные организации). «Полония Железногорска» регулярно организует поездки в краевой центр: в костел, на мероприятия красноярского Дома Польского, где есть возможность кроме всего прочего познакомиться с литературой на польском языке; традиционно в организации празднуются День независимости Польши (11 ноября), День Конституции Польши (3 мая), католическое Рождество, Пасха, День всех усопших верных (2 ноября). Железногорская организация поддерживает тесные контакты и с местными польскими организациями Абакана, Красноярска, Иркутска, Томска. Абакан – один из основных центров повышения квалификации преподавателей польского языка, местная организация выпускает журнал «Rodacy» («Соотечественники») на польском и русском языках, который освещает деятельность полонийных организаций в Сибири и России.

Актуализация этничности поляков связана и с возможностью установления связей с исторической родиной – Польшей. Особенно этому способствует реализация образовательного направления деятельности организации «Полония Железногорска», которое, как и в других польских организациях, включает изучение польского языка (как в Железногорске, так и в Польше). Одной из причин для вступления в организацию является желание через Полонию получить возможность бесплатно выучить язык, отправить своих детей в Польшу в летний лагерь или на учебу. Не стоит также забывать о программе поддержки переселения поляков на историческую родину, которая реализуется польским правительством (так называемая «Карта поляка» [9]). Эти возможности не раз становились причинами «борьбы за власть» в железногорской организации. Дети практически всех активных членов организации, а тем более ее руководителей, либо закончили обучение в Польше и сейчас остаются там жить, либо обучаются там сейчас. В 2003 г. курсы польского языка посещали 22 взрослых и 9 детей (от 7 до 17 лет) [4, с. 68]. Благодаря курсам изучения польского языка уже около 10 человек смогли

поступить в польские высшие учебные заведения (для того, чтобы иметь возможность учиться бесплатно, необходимо отлично сдать вступительные экзамены по польскому языку, а также по предполагаемой специальности на польском языке).

Социальное направление деятельности организации «Полония Железногорска» включает в себя разного рода поддержку поляков, проживающих в городе, помощь одиноким, больным. Полония выступает как общество взаимопомощи, оказывая моральную и материальную помощь своим членам (ее члены, например, собирают продукты, выращенные в собственных подсобных хозяйствах, для многодетной семьи; оказывают помощь в организации похорон членов организации или их родственников). Администрация города старается поддерживать такие инициативы. В данном случае железногорская полонийная организация выступает посредником между отдельными поляками (они не обязательно должны быть членами организации) и местными властями.

Как можно видеть, Полония ведет достаточно активную деятельность как внутри города, так и за его пределами, сотрудничая с другими полонийными организациями Сибири. Однако она сталкивается с препятствиями, связанными с закрытостью города – достаточно трудно привезти в город гостей. Это удалось сделать всего несколько раз, и то это были один-два человека. Так, в 2001 г. на празднование католического Рождества специально приехали Генеральный викарий, проповедник отец Антоний и проповедник красноярского костела отец Тадеуш. А в мае 2011 г. члены Полонии смогли встретиться во Дворце культуры с вице-консулом Генерального консульства Республики Польша в г. Иркутске Цезары Завадски [10].

В заключение отметим, что общественная организация «Полония Железногорска» может быть отнесена к национально-культурным организациям мигрантов-старожилов [11]. Соответственно, они и реализуют поставленные перед собой задачи – сохранение культуры и языка предков, поиски национального самоопределения, самоидентификации. В отличие от организаций «новых» мигрантов (в основном, трудовых, массовый наплыв которых начался с конца 1990 – начала 2000-х гг.) для них не так актуально выстраивание тесных отношений с местными властями, как с властями страны-исхода, их исторической родиной. Российские полонийные организации (соответственно, и железногорская) активно сотрудничают с польским правительством, которое финансирует достаточное количество различных мероприятий как в России, так и в самой Польше.

И хотя железногорская Полония ведет активную деятельность в рамках заявленных задач, это пока единственный пример подобной официально зарегистрированной организации в Железногорске. Возможно, если город станет более открытым для мигрантов, в том числе из-за рубежа, вопросы этничности и самоорганизации представителей различных национальностей станут более актуальными.

Список литературы

1. Кучин С. П., Просвирин А. А. Биография МО ЗАТО «Железногорск» (Красноярск-26). Красноярск: Изд-во «Буква», 2006. – С. 141–142.
2. Город и горожане. 1994. № 31. 5 авг.
3. Нам И. В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 492–522.
4. Савранская-Калужская В. П. Поляки ЗАТО г. Железногорска: Биографический сборник. Красноярск, 2003. – 244 с.
5. Савранская-Калужская В. П. Польские дети ЗАТО г. Железногорска. Биографический сборник. Ч. 2. Красноярск: Изд-во «Кларетианум». 2005. – 112 с.
6. Дятлов В. И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 211–224.
7. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 353–369.
8. Полония Железногорска. Официальный сайт. URL: <http://rupolonia.org/>
9. Карта поляка – официальная информация. URL: http://www.polska.ru/sprawka/wiza/karta_polaka_oficial.htm
10. Встреча Цезары Завадски с «Полонией Железногорска» 29 мая 2011. URL: <http://rupolonia.org/index.php/ru/poloniannews/132-spotkanie-z-wicekonsulem-2011>
11. Гедвило Г. Национальные объединения в сибирском городе: форма институционализации этничности и/или инструмент политики властей // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / ред.: В. И. Дятлов, С. А. Панарин, М. Я. Рожанский. М., Иркутск: Наталис, 2005. – С. 157–158.